

ЕСЛИ ОГЛЯНУСЬ (моя биография)

Я родилась в начале пятидесятых вторым ребёнком в крепкой немецкой семье на Урале. В связи с незабытыми сталинскими страхами, и поскольку мама говорила «фенштер» вместо «фенстер» на потеху всей многочисленной папиной родне, мои родители обходились русским. Отец построил землянку - засыпной маленький домик, где прошло мое раннее детство. От этих дошкольных лет у меня остались самые отрадные воспоминания, у мамы же – связанные с трудовой армией и со всем, что стоит за ... Место моего рождения замечательно во многих отношениях. Челябинский металлургический завод – один из крупнейших промышленных гигантов в мире - насчитывал в то время немного более шестидесяти тысяч рабочих мест. Ритм жизни в районе ЧМЗ зависел от работы этого завода. В районе было еще несколько небольших предприятий – тысяч по пять-десять. Жителями района были в основном пролетарии и техническая интеллигенция в первом поколении. В нескольких километрах от нас располагался всем известный в городе (и не только в городе) секретный центр под кодовым названием «Челябинск – 65» или «Снежинск» по разработке, развитию и выпуску атомного оружия. В 1957 году там произошла авария по мощности в четыре раза превышающая Чернобыльскую катастрофу. А значит, и её последствия! Но эту подробность можно опустить, так как в те далёкие времена о гласности не слыхали. Да и сейчас далеко не все представляют себе глобальность Челябинской атомной катастрофы.

Итак, обо мне. С детства я любила природу. За забором завода, где выпускался чугун и металл различных плавок, освободившиеся от трудовой армии под надзор, русские немцы заложили сады. На нашем участке в четыре сотки, добираться к которому приходилось больше часа, копая и поливая, мы с сестрёнками проводили своё счастливое детство. Успешно работая, я заодно, развивала в себе чувство прекрасного: любовалась металлическими блёстками на земле, на листьях, на яблоках и помидорах уральских сортов. Особенно красивыми в блестящих крапинках были ягоды клубники сорта «Виктория». О «пользе» их для здоровья и речи не было - считалось нормальным употреблять эти овощи и ягоды в пищу.

Я люблю свой город, в котором родилась и выросла, горжусь его индустриальной мощью. Меня все с ним кровно связывает. Например, поля, что вокруг нашего завода. Раньше на этой земле стояли бараки трудармейцев, а теперь за гористыми, просторными шлакоотвалами – расстилаются поля... Они засажены картошкой и капустой, а под ними - траншеи. В этих траншеях вповалку лежат убитые, замученные, погибшие от холода и голода русские немцы, рабы трудовой армии... Теперь мы знаем, что по статистике, в годы сталинских репрессий был уничтожен каждый второй русский немец. Во время перестройки русско-немецкое общество «Возрождение» установило среди капусты в виде памятника большой валун с надписью и крестом. Сейчас зарастает тропинка к нему - видимо, некому возродиться...

Но, дорогой читатель, мы еще в самом начале.

Мне исполнилось девять лет. Мой отец, умелец на все руки, добрейшая душа, трагически погиб. У мамы нас осталось трое сопливых девчонок. В городском многодетном дворе было все общее, жизнь людей текла открыто. Пионеры объединялись в тимуровские команды, помогали больным и старым. Общественная жизнь кипела, у нас был свой дворовый драматический театр - в те времена самодеятельность поощрялась. За мной на многие годы закрепилось прозвище «Тимуровка». Я с энтузиазмом участвовала во всех массовых и не очень массовых мероприятиях, мечтала стать учительницей, как моя бабушка. Дедушка был репрессирован и убит в далеком 1937 году, а мама не имела возможности стать учительницей – она почти не училась в школе, переживала эвакуацию, голодала, замерзала, выживала во время войны, трудилась в послевоенное время.

Именно тогда, в школьные годы, я узнала и полюбила русскую народную песню с ее открытостью, сердечностью и широтой. Пять лет играла на балалайке в оркестре русских народных инструментов, приобщилась к театру, ходила на концерты. Хорошо помню, как с раннего утра до обеда я стояла в хрущевских очередях за хлебом, как голодно было всем нам, городским. Ещё помню гордость людей за первый космический полет спутника на борту с обаятельным и мужественным парнем Юрием Гагариным. Помню, ещё не формальную обязаловку, а искреннюю радость простого народа во время Первомайских и Октябрьских демонстраций. Со временем всё это видоизменилось, и жизнь стала иной.

В семнадцать прекрасных лет я заразилась туберкулёзом по вине участкового врача-терапевта: толстой, бестолковой тётки Людмилы Шашковой, которая наделала много бед своим невежеством в нашем дворе. Полтора года лечилась я в туберкулёзном диспансере, только после операции на лёгкое выздоровела. Практически самостоятельно освоив программу десятого класса, я поступила в Челябинский педагогический институт на филологический факультет. К этому времени у меня уже был опыт начинающего поэта. Я носила свою тетрадку стихов в районное заводское литературное объединение. Уж эти мне измочаленные талмуды начинающих поэтов! Экспансивные графоманы носятся с ними, как с писаной торбой! Вот и я, впервые, замирая, читала свои стихи перед маститыми поэтами рабочего класса. Литобъединение ЧМЗ было известно в Советском Союзе, авторы печатали свои сборники без промедления. Какие умные глаза были у председателя литобщества Вячеслава Богданова! Пухом ему земля... Приняли меня хорошо, стихи похвалили, а вот поэзия металлургов, с её флаговостью, идеологической заикленностью и относительной простотой, не пришлась мне по душе. Поездила я туда, послушала, да и бросила сочинять стихи! Правда, иногда что-то печаталось, кое-что крапала... Но мечта, без которой нет поэта, мечта о своей собственной, выстраданной, дорогой книжке - мечта эта пропала.

Окончила институт, пошла работать. Общение с детьми приносило много радостей и переживаний. Ставя двойку в журнал здоровому остолопу, я страдала: «Не научила!» Во мне всегда присутствовало чувство вины перед людьми и жизнью. Видимо, поэтому я, словно магнит, притягивала к себе всякого рода прохвостов. В жизни меня очень много обманывали, у меня воровали, мною пользовались, меня не ценили и даже порядочные люди со мною вдруг могли проявить такие качества, которые они сами в себе не подозревали. Наверное, подсознательное оправдание мною любого

человеческого проступка, понимание его как естественного явления, толкало людей на это. Не стану углубляться: все это и печально, и страшно. Просто приведу самый невинный пример. Одна интеллигентная и «во всех отношениях приятная дама» была у нас в гостях как-то по случаю со своим мужем-профессором экономических наук. В то застойное время при закрытых границах, муж почти не бывал в Союзе, читая лекции в дальних университетах. Когда ученая пара отбыла, я обнаружила отсутствие первого тома Василия Шукшина. Впрочем, пример, кажется вовсе не убедительный -ведь тащить книги из личных и публичных библиотек было просто как бы традицией некоторой части нашей любознательной, но нищей интеллигенции.

* * *

Бодрая юность ходила в походы. В семидесятых годах очень популярны были туристические тусовки, говоря сегодняшним языком. Невыразимо прекрасная уральская природа открывала мне свои тайны. С друзьями и старшеклассниками я оглядывала просторы с вершин уральских гор, вдыхала запахи лесов, лазила по скалам, надрывалась под рюкзаком, спала в палатках, слушала песни бардов на фестивалях, купалась в чистейших озерах, любовалась белыми лилиями на воде, пела песни у костров. Природа дарила чувство новизны и свежести жизни, её романтику и поэтичность.

Я ждала любви, а пока с усердием скребла и мыла, нянчилась и всюю старалась в доме старшей сестры, где жили дружно и счастливо, домашнюю работу, однако же, не любили. Я находила глубокий смысл быть полезной другим, но каким-то удивительным образом не осознавала собственной важности для себя. Люди чувствовали это, особенно же – дети. Я работала воспитателем при дворце металлургического комбината, и дома часто бывали чужие дети. У меня пропадали деньги и вещи. Я жила очень скромно, все дети чувствовали себя в квартире свободно, многие были из «трудных» семей, и представляло сложность определить, кто же стащил в конкретном случае. Как-то раз я все же поймала десятилетнего Серёжу, ребята звали его Серым, за руку. И за руку привела его к матери. Мать, не дослушав толком, в чем дело, наотмашь ударила сына по лицу. Из носа и губ брызнула алая кровь... Когда мы с ним скатывались по лестнице, нам вдогонку ещё долго неслись матершина и угрозы заняться и разобраться, не допустить, чтобы ее честное имя позорили... Но Серёжа не перестал воровать. Мои душещипательные беседы о нравственности не приносили результатов. Если я не приглашала мальчишку домой, он воровал деньги на работе, куда бы я их не спрятала. Тогда я вложила в кошелёк записку: «Серёженька, Серенький! Половину денег оставь на суп в столовой!» После этого обычно половина денег оставалась. Голодный обморок случился только однажды, когда я шла мимо пельменной и почувствовала мясной дух. Серёжа был добрым мальчиком, но жилось ему плохо. Он не воровал у других людей, только у меня. Воровство вошло в мою повседневную жизнь, и я принимала его как позорную, но неотъемлемую часть жизни. «Виноват тот, у кого воруют». Верность этой поговорки я чувствовала даже кожей.

Я жалела бедных, несчастных, замученных обстоятельствами людей. Горячо верила, что в жизни всегда есть место подвигам, что подвиг милосердия

– наивысший. Стремясь всеми силами показать преимущества нравственной позиции, свято веря в возможность воспитания и перевоспитания личности, я вышла замуж за вора. Поле для педагогической деятельности было обширным, что вдохновляло. К тому же, как это бывает в старинных романах и в непредсказуемых, уродливых изгибах современной действительности, пришла Большая Любовь. На её алтарь было принесено все: силы, здоровье, годы. Перевоспитываться в замужестве пришлось самой. Муж пьянствовал, не работал, таскался по женщинам и выносил вещи из дома. Я всё понимала и прощала, как и положено исстари всякой русской бабе. Одного сыночка взяла из детского дома, где вела эстетику от дома пионеров – мальчик болел, я жалела его – другого, родненького, родила сама. И любила бы я своего пропащего мужа до сих пор, и прощала бы абсолютно всё, но однажды, вместе с его вечной пьянкой, студёным январским вечером в дом пришла беда.

Не дай Бог тебе, дорогой читатель, испытать потерю своей кровиночки, своей деточки!.. И тут уж мне было не устоять, да в одночасье пришла я к Вере. Глаза мои после несчастья не открывались от слез...

Много дней текли они сами, и сердца не было у меня, и не было памяти. И тогда Бог открылся мне, и обещал, что родится другой ребёнок, и я буду счастлива с ним. Я смирилась и осталась.

* * *

Я решительно не знала, куда употребить себя. Мысль о новом замужестве была мне нестерпима. Пока мои ровесницы наслаждались льготами профсоюзных комитетов под солнышком болгарских пляжей, я мотала сопли на кулак в замужестве. Когда же я очнулась от того кошмара, что зовется браком по любви, в стране гремели другие песни – разворачивалась перестройка. Она требовала энергичных, напористых, деловых людей. Я по гороскопу – рыба, а рыбам рекомендуют мечтать в закрытом помещении, слушать камерную музыку и ни в коем случае не заниматься практической деятельностью. Но я решила заняться именно этим! Я решила разбогатеть! Моё полунищее существование должно было прекратиться. Хватит выкручиваться, шить, вязать, чтобы выглядеть на работе не хуже состоятельных коллег!

С нуля начинала я свои миллионы. Тут главное – найти свою золотую жилу!.. Кажется, здесь я ухватила птицу за хвост! Успех, неудачи, риск, труд без выходных в любую погоду, редкое, но отчаянное веселье! В жизнь вошли преуспевающие дельцы и весёлые торговки. Милые, скромные учительницы-подруги остались за бортом. Я копила и приумножала капиталы, отказывая себе во всем. Приёмный сын подрос, он превратился в симпатичного и смышленного подростка. Пахать ему приходилось на всю катушку. Российские торговые миллионы вертелись в руках, в наличности, в товаре – банкам никто не доверял. Дома в шкафу в полтора метра высотой лежали банковские пачки денег. Резкие скачки инфляции радовали меня. Я была близка к тому, чтобы загордиться успехами. Но тут случилось то, что непременно должно было со мной случиться, и чего я так боялась! Ну да, верная догадка: квартиру «почистили», кто-то навёл, а может, муж решил проведать меня по новому адресу.

Общение с милицией по поводу кражи напоминало об экстравагантном поступке унтер-офицерской вдовы русского сатирика. Кроме того, приходилось

ещё править ошибки в отчетах районных следователей, ибо в словесности у них были только определённые навыки. Тому, кто хоть раз коснулся деятельности правоохранительных органов, знакома эта волокита. Впрочем, после того, что я уже перенесла в жизни, я не очень сокрушалась: значит, не судьба! Теперь не хочу быть богатой!

Замуж не хочу, денег не хочу - все равно опять украдут, а жизнь все продолжается. Что делать? Обычные вопросы на Руси: кто виноват и что делать? Стихи приходили, и невостребованные, сворачивались, как желтые листья, у ног. Бездомные кошки и собаки любили меня по-прежнему, они находили у меня пристанище и еду. Дворовые ребяташки считали своей.

Однажды в трамвае, когда я отрешённо смотрела в окно на раскисшие от дождей грязные улицы, кто-то тронул меня за плечо. Передо мной стоял приятель институтских времен с биологического факультета. Не здороваясь, он удивленно вскинул брови:

-Что ты так подурнела? Ты же была на курсе самая красивая девчонка! И самая смешливая... С тобой случилось что-нибудь плохое?

Забылись медленные струйки дождя на трамвайном стекле.

-Послушай, - обрадовалась я, - сегодня седьмое ноября. Мы всю сознательную жизнь праздновали в этот день. Не почтить ли нам сейчас память о Великой Социалистической революции?

Он оказался прекрасным мужем и отцом нашей славной дочурки. Старательно кипятил воду и шоркал пелёнки, поскольку горячую воду весной и летом отключали. Алёнка гукала тихонько, обещая добро и ласку.

Союз Советских Социалистических республик окончательно распался, в ходу были демократические лозунги. Впереди давно уже не маячил признак коммунизма, а для меня совершенно отчетливо обрисовывались контуры сытой Германии. Папашкин отец – свёкр – бывший офицер, ветеран войны и коммунист, слёг в больницу узнав, что я по национальности немка.

- У тебя есть ребёнок, и у меня есть, - он подвёл итог, сурово глядя мне в глаза. – Оставь мне моего ребёнка!

Волна эмиграции немцев в распадающейся империи вздымалась все выше и выше. Мне пришлось постоять у могил стариков, чьи дети и родственники, бросая близких, друзей, квартиры и вещи заспешили «за бугор». Выросший пасынок был решительно против эмиграции, он жаждал служить отечеству в армии, но я понимала, что значит Чечня для солдата, что значит разлука... Он – пока нет. Но ехать надо, надо... Значит, опять всё сама?

Под мышкой словарь, на руках двухгодовалая дочка, в кулаке зажат цветочек от всего- «золотой ус»– так я переступила трап самолета в аэропорту родного Челябинска. Самолет принадлежал частной фирме, которые расплодились за годы перестройки, как грибы под тёплым дождем. И так, в Германию!

* * *

В Дюссельдорфе, в великолепном, ещё «допожарном» аэропорту, меня встретили родные и знакомые, поспешившие с «антрагами». Они обнимали меня, целовали дочку.

Стоя в лагере для переселенцев в различных очередях, я уяснила, что наряду с обязанностями, Германия предоставляет много прав, которые нужно брать самому - никто в рот кашу не положит! Но ведь и в России никто не догонял, чтобы это сделать! Напротив, ещё и смотреть приходилось, а то ложку отнимут!

После месяца бумажных страданий нас распределили в маленький уютный городок Меттманн, ближе к родне.

В общежитии для «русаков» все было как у русских: вставали поздно, потягивались, переругивались. Соседи пили, иногда дрались, дети плакали. В квартире всегда было полно чужих, подозрительных личностей, гулянки не прекращались. Мне советовали жаловаться на соседей в «социал-амт», но не хотелось с этого начинать новую жизнь, да и не ясно было, как перевести немецким чиновникам крепкий русский мат, которым пользовались соседи. Самой мне приходилось ходить по всяким «амтам», невнятно бормотать что-то и, помогая себе мимикой и жестами, доказывать немцам свою родственность. Вот бумажки, в них указано, что я до десятого колена чистых кровей немка, а вот я сама – вообще не то! Правда, правда - я немка... Но эту правду смогут доказать только мои внуки.

В разгар благодарности за бесплатную пищу и за то, что никто ничего у меня не ворует, а, к неопишуемому удивлению, наоборот, что-то дают, опрятный и приветливый врач в клинике спокойно сказал:

-Ну что же, милая, у вас, похоже, крэпс(рак).

И здесь у меня в мозгу зависла глубокая пауза. Лишь надоедливо вертелась где-то далеко послевоенная, заунывная песня: «Каким ты был, таким ты и остался...»

Опухоль на горле разрасталась, я худела и чернела. Вскоре я уже не могла поворачивать голову. Больная, в грязном, пьяном общежитии, без знания языка, практически одна... Мама жила недалеко, она ухаживала за умирающим от рака мужем – хорошим, но чужим для меня человеком, - они в квартиру не пускали. Обе сестры усиленно интегрировались в новое общество, им было не до меня, не хотели лишней обузы, хлопот, обе жили в разных городах. Я беспомощная, больная, с двухлетним ребёнком на руках ... Вот таким было начало моей германской жизни. И тогда я снова узнала Божью защиту. Вокруг встали братья и сестры: христиане из ближайшего собрания. И мои земляки, и местные. Они помогли и поддержали меня, давали силы жить и надеяться. После операции я стала поправляться. Опасения, что опухоль была смертоносной, не подтвердились, зато еще раз подтвердилась вера в Божие провидение.

Наконец, пришло время спокойному досугу и уютному дому. Застоявшаяся поэзия охватила душу. Как будто последняя улыбка хмурого лета, заторопилась жизнь дать мне счастье позднего материнства, тепло новых друзей и подруг, долгожданное понимание моей матери - низкий поклон ей за любовь к Алёнушке. Найденные строчки оформились в первую тоненькую книжку «Вот мы и стали гостями». В русскоязычных журналах и газетах стало встречаться мое новое имя – литературный псевдоним – Анна Шаф. Композитор Николай Мюллер написал музыку на мои стихи, его дочь Светлана поёт эти песни на концертах в Германии. Хозяйка литобъединения «Радуга» в городе Дюссельдорфе, Нелли Кунина, придумала мелодии на некоторые мои стихи. Меня приглашают на литературные вечера и встречи.

Мой дорогой читатель, не будем гадать, что впереди. Не знаю, во что тебе обходится радость, а мне уж очень накладно. Давай же не вспугнем её...

1997

Это сладкое слово «Работа»

Они ехали почти не останавливаясь: сроки поджимали. Двое суток лежали ровными нитями дорог позади. Досадная задержка на границе с Польшей заставляла упорно жать педаль газа. Старенький «Опель» выручал. В машине сидело пятеро, разговор шел об удаче. Первая красавица Тернополя выходила замуж за немца, родня ехала погулять на свадьбе, и опоздать к такому событию не хотелось никому. Все ревниво наблюдали, как две черные стрелки часов на шкале автомобиля диктуют водителю количество километров в час. И только Василь равнодушно молчал. Его взяли с собой в качестве бесплатного приложения, вернее, за частичную оплату бензина, что было выгодно пассажирам до и после поездки, но во время ее доставляло массу неудобств: Василь был парнем крупного сложения и занимал порядочно места.

Василь планировал заработать денег на стороне по надежной рекомендации соседа по коммуналке. Сосед, выпивши, хвастался многочисленными проектами в России и связями с зарубежьем. У Василя кружилась голова от звучных раскатистых названий. По своей доброте, после долгих упрасиваний, сосед указал место, где гребли деньги его верные сотоварищи и коллеги. Василю посоветовался с Ганкой, та заняла денег у тетки. Тетка, хоть и запричитала по Василю в голос, но деньги дала: Ганку любила навроде дочери, а зятя уважала за самостоятельность. Знала, что Василь не пьянствует, работает сварщиком на заводе, зарплату, хоть и малую, но домой носит. Под ручку молодые ходили, да ходили себе по очередям и кабинетам. А ходить Ганке и женский врач посоветовала: ребенок крепче будет. Выходили визу, договорились насчет поездки...

Вот, наконец, сидит Василь королем позади водителя и взаправду разглядывает страну чаяний, стремлений и радужных надежд. Дорожные знаки успешно оповещают его о пролетающих мимо селениях и городах. Успешно, так как читать по-немецки Василь научился еще в школе, а последние полгода, ясно-понятно, посещал платные языковые курсы.

Великолепные иномарки с неподражаемым шиком пролетали мимо, подставляя восхищенным взорам блестящие бока. Василь, человек практичный, сразу понял: чего сравнивать-то тут? Расхлябаные шоссе Украины с местными автобанами? Так они не сравнимы. Ну кто, примерно, собаку с паяльником сравнивать будет? Это ж из другой оперы... И поток машин не сравнивал Василь: к чему? Опять же другая песня. Но одну, любую, из пролетающих мимо красавиц решил занять непременно. Для себя лично. Для Ганки. Для будущего сына...

1

К вечеру вроде приехали. В сумерках Василь едва разглядел заброшенные постройки среди огромных, качающихся от ветра, деревьев.

-Должно быть где-то здесь, - с сомнением пробурчал водитель, разглядывая карту.

Долго ждать не могли. Василий быстро вышел, достал из багажника синюю дорожную сумку и махнул рукой. Отоезжая, водитель посигналил. На звук из темноты появился долговязый сутулый мужик, протянул ему влажную вялую руку.

-А, приехал... Старшому звонили насчет тебя,- сказал он без выражения.- Ну, заходи в дом.

Мужик открыл маленькую дверцу в железный вагончик типа «Бунгало». От спертого воздуха смешанного с запахами пота, алкоголя и курева Василий споткнулся у порога. Но напрягся и двинулся вперед. В темноте Василий разглядел еще двух мужиков, что лежали на матрасах, с храпом выдыхая пивные пары в плотный воздух каморки. Оказалось, что сутулого звали Мямлей.

-Располагайся, земляк,- уже живее приветствовал Мямля гостя.

Василь так рад был разогнуть спину после долгой поездки, скинуть напряжение тела и сознания, что, тут же растянулся в глухой щели между сопевшим толстячком и железной стенкой отпускного вагончика. Напоследок он успел отметить странно прозрачный, не замутненный сном, взгляд Мямли. Сон был тяжелым и покинул Василя только с наступлением неизбежного утра.

На рассвете Василя растряс Старшой:

-Вставай, приезжий, кончай валяться! Разнежился, как с жинкой на кровати...- Мужики на минуту заржали жеребцами, увидевшими стройную лошадку.- Условия у нас не барские, да и мы не бары, так что простыню тебе крахмалить некому, привыкай, паря. День, ночь – сутки прочь! За сутки, твоя квартплата – пять евро. Не нравится, – он усмехнулся, - можешь идти в гостиницу. Адрес мы дадим, мы не жадные, и дорогу покажем. Вот так, паря...

Василь вытаращился на круглого веселого человечка. Спросенок он не сразу понял, что обращаются именно к нему. Наконец, в мозгу просветлело. Василь оторопел:

-Ребята, да вы что? Откуда же у меня деньги? Я же только приехал, еще и гривны не заработал. Да я же к вам из Тернополя, земляк ваш. Мне сказали, что тут у своих пожить можно.

-Ладно, не напрягайся, паря. Нашелся свой, кого не потеряли. Нам деньги тоже ни одна собака в зубах не приносит. Раз сюда прикатил, баксы за визу нашел, значит, и за крышу найдешь. Давай бабки или катись отсюда!

Василь завозился с курткой, вытащил банкету в двадцать долларов. Старшой, перемигнувшись с напарником, спрятал деньги в потертый кошелек.

Мямля принес из ручья воды, мужики умылись, хлюпаясь и приседая у тазика. Наскоро поели круглую колбасу с черным хлебом и луком. Чай заварили на двухкомфорке, к ней красным боком прижимался газовый баллон. Намазали бутерброды маргарином, уложили их в пакет. Все делалось слаженно и быстро - ну, просто мультики. При бледном свете едва распускающегося утра, Василь разглядел третьего. Это был ладный, кудрявый брюнет лет под тридцать. Василь отметил вызывающую красоту лица и гибкость движений. Отборная похабщина являлась, видимо, основным средством его общения с окружающими. Откуда-то из-под кровати электрической музыкой зазвучал мобильник. Красавец пошарил руками под кроватью, вспомнил несколько раз мать и вытянул телефон.

-Guten Morgen Herr Schwarz, - легко закричал он в телефон. - Keine Sorge, das schaffen wir schon!

Довольный, он умастил мобильник в задний карман рабочих джинсов и широким жестом откинул кудри со лба. Все четверо, толкаясь и теснясь в узком

проходе, вышли на воздух. Старшой навесил замок на железную дверь вагончика.

-Вечером, после восьми, приходи, - прошепелявил Мямля.

У серой стены напротив вагончика стояло три велосипеда. Троица ткнула педали и пропала в весенней зеленоватой дымке.

...Василь зябнул. Хотя солнце уже протянуло свои тонкие лучи сквозь резные листья каштанов, здесь, в углу сада, устоялся ночной сумрак. Василь сидел под дверью на деревянной приступочке, которая служила постояльцам своеобразным крыльцом. Других удобств не было.

Вагончик располагался на небольшой бетонной платформе. Рядом, будто накиданные великаном, валялись старые машины. Ржавые остатки вызывали в сердце смешанное чувство печали и досады, как непогребенные тела. За канавой тянулась крапива, резные листочки ее казались трогательно юными и беззащитными. Лопухи и желтые одуванчики веселили апрель. Посередине поляны громоздился огромный неуклюжий дом, сложенный из желто-коричневых камней, рядом - сараи и пристройки из таких же камней.. В низине за густым кустарником тихо журчал ручей. Архитектура строений вызывала полустертые воспоминания иллюстраций к сказкам Андерсена и братьев Grimm. Все было запущено и покрыто тенью столетних каштанов, сторожащих камни и чьи-то воспоминания. Сразу за дорогой наливались соками пшеница и ячмень, подружками перекликались рощицы. В веселом щебете пернатых слышались нотки скорых свадеб, слух отдыхал на приволье.

Василь обошел все уголки старой усадьбы. Заглянул в высокие проемы окон: внутри дома и сараев росла худая крапива. По косоугору спустился вниз, где маленький ручей, как друг, дал напиться прозрачной воды. Василь отошел на несколько метров по течению, чтоб не портить питьевого места, разделся до пояса, умылся и крепко растерся майкой. Прискакала белка, громко поцокала на гостя, понаблюдала за водными и физкультурными процедурами. Василь шугнул нахалку, белка ускакала искать других приключений.

Соседние участки понравились Василию своей ухоженностью: это были дачи с деревянными домиками, плодовыми деревьями и множеством цветов. Тощая земля была местами вскопана, что-то насажено, но из людей не видно никого. Розовые кусты протягивали ему колючие ветки. Почти все розы сидели в бутонах, и только некоторые из них отваживались выпустить в весеннюю прохладу свои прелестные венчики.

Когда солнце выкатилось на середину неба, Василию захотелось есть. Сумку с вещами и едой он необдуманно оставил в вагончике, а вот кошелек с деньгами находился при нем. Еще при нем были доллары, зашитые Ганкой после долгих колебаний в левое плечо пиджака. Эти деньги предусматривались на непредвиденный и самый крайний случай. Василь несколько раз пересчитал те, что в кошельке. Он чувствовал надежность зеленых хрустящих бумажек, но бешеный голод от этого не утихал. Надо было идти в город. А где он – город? Как разменять там доллары на местную валюту – евро? И, самое главное, как не заблудиться, вернуться сюда, на знакомую приступочку?

До вечера было еще, ой-ей, как далеко, и наш путешественник вышел на дорогу. Налево за дачами – лес и ручей, направо за поворотом – кладбище и железная дорога. Василий пошел направо. Кладбище очаровало Василя цветущим кустарником, жужжащими пчелами, аккуратными липовыми аллеями. Он разглядывал надписи на однообразных низких памятниках, подсчитывал череду лет, прожитых местными обывателями, и внутренне ахал: очень уж

много получалось. «Как хорошо лежать-то здесь, - думал он, тихонько присвистывая. - Мамонька дорогая, мне бы такое...» В центре кладбища стояла высокая, почти вся стеклянная капелла с массивной дверью. «Успею еще посмотреть», подумал Василь, не решаясь зайти.

За железнодорожным переездом начинались городские кварталы. Дома, окруженные свежей зеленью стриженных газонов, стояли плотно, вдоль них катился автомобильный поток. «Авто-мото-шоу!» - пошутил про себя Василь. Пешеходы сновали туда-сюда, они напоминали людей с Родины. Василь долго смотрел в сторону города, в груди сладко ныла и замирала душа. В вагончик он вернулся с твердым решением: завтра влиться в эту жизнь! Он знал, что где-то здесь ожидает его долгожданная работа.

Мужики вернулись около девяти вечера. Бросили яйца и колбасу на сковороду, выставили водку на маленький пластиковый стол. Василь достал домашнего соленья сало и бутылку перцовки.

-Красивая обличовочка, - кивнул Старшой, разглядывая коричневую с золотом этикетку. - «Українська з перцем. Гірка настойка, Тернопільський спиртзавод», - одобрил он, поднеся бутылку к толстому телу свечи.

Четыре пары голодных глаз отражали отсветы огня. Забулькала жидкость. Выпили по первой. Закусывали черным хлебом и репчатым луком, осторожно брали руками душистое сало. Все ели и пили крепко, постепенно отходя от усталости. Вытирая сальный подбородок, Старшой стал подначивать Мямлю:

-Вот скоро кончится твоя работа, накроется твоя лавочка. Будешь кверху пузом валяться вместе со Студентом, пока мы с Ярославом вкалываем,- повернулся он в сторону Василя.

-Я не студент,- встрепенулся тот.- Я квалифицированный сварщик. Я много чего умею: стенку поставить, печь сложить...

-Заткни говорильник, пока старшие не спрашивают, - оборвал его Ярослав. -Сварщик! Вот и варил бы кашу дома, че притащился-то? Своим работы не хватает, - он сочувственно ткнул Мямлю в бок.

-Что ж мне делать тогда? Пропаду я, просто пропаду... - уставился на Старшого своими прозрачными глазами Мямля.

-Че, че, хрен через плечо... Искать будешь. Поедешь по полям, по лугам, седня здесь, завтра там. Я ведь тебе не мамка, а ты не сосунок, с титьки сосать. Сам видел, работы немного осталось. Поедешь по хуторам, что-то и сыщется. Накатаешься! Знай, крути педали, чтоб работу дали! - Старшой засмеялся собственному каламбуру.

Снова выпили. Со дна перцовки в кружку Василю скользнули два горьких перчика.

-Куда ж я без языка? – заныл Мямля.

-А твой что ж, отсох? Не лекции едешь читать - ты руки бауерам показывай.

Ярослав попытался встать из-за столика, бутылки покачнулись.

-При такой жизни не только язык отсохнет,- он сдобрил речь для лучшего скольжения цветистой фразой. - Студент, как я наблюдаю, веселый сидит. Целый день тут на травке кувыркался. Поди, уже попробовал какую-никакую немку?

Василь с ненавистью почувствовал, что заливается краской стыда.

Старшой разлил водки. Разговор завертелся вокруг курящих немецких женщин. Перепрыгнул на ремонт велосипедов, промок под серым германским дождем, и, наконец, заклинил на родной Украине. Перебивая друг друга, яростно спорили о политике, о правительстве, будь оно неладно, горевали о семьях и детях, что ждуют своих кормильцев, разбредшихся по всему белому свету, делились опытом переделки и подделки виз и паспортов, и снова о дорогах и дорогах... Рассказывали о теплицах и скотобойнях Голландии, о стройках в Канаде и Англии, о жаре в Португалии, виноградных и апельсиновых плантациях Испании. И везде они, украинцы, хозяйева солнечной, черноземной страны, как рабы, таскают горячие каштаны из огня для других народов. Специалисты различного профиля, врачи и учителя, офицеры и судьи, научные работники и библиотекари: все одно – копай глубже, бросай дальше. Осваивают новые профессии, учат языки и наречия разных народов и континентов, нелегально, а иногда легально выполняют тяжелую, плохо оплачиваемую работу. Слухи о тех или этих, хорошо или плохо заработавших земляках, передаются из дома к дому, как по глухому телефону, во все концы мира.

Речь катилась речкой.

Старшой, кругленький человечек с хитрыми блестящими глазками и багровыми шариками щек, смеялся много и охотно, а когда сердился, стучал кулаком по пластмассе стола. Ярослав потряхивал темными кольцами чуба и пересыпал истории своих международных приключений ядреными фразеологизмами. Мямля, избегая пауз, высокопарно и невнятно, помогая себе жестами и мимикой, философски обобщал факты.

По крови Василя жарко растекалась радость: вот ведь как здорово получается! Земляки приняли его в свой круг, да и как могло быть иначе! Ведь родные, тернопольские! А что электричества нет и теснота – так это мелочи, можно и потерпеть ради главного, ради дела. Густой воздух уже не сжимал легкие, не вызывал тошноты. Перспектива приблизилась, работа дышала в лицо. Все, о чем с сомнениями, страхом и надеждой переживалось на Украине, рядом – вот оно! Эх, Ганка, Ганка, где ты? Обнять бы тебя сейчас покрепче!..

Старшой, с бутылкой в руке, стараясь удержать равновесие, пытался налить в стакан водки. Покачиваясь на тостых коротких ногах, он упорно тряс пустую бутылку и сладко повторял:

-Выпьем за здоровье, дорогие мои! И ты, паря, обывай, пей, да береги здоровье смолоду. Будет здоровье – будет и работа, а уж работу, ее мы всегда сробим! А, чего там! Молодняк!.. Что б вы понимали в таком тонком деле, как здоровье... У вас ничего не болит, счастливые вы люди... Так выпьем же за здоровье, ребятишки! – при этом он так стукнул кулаком о стол, что четыре опорожненные бутылки, окурки, закуска и залитая воском свеча раскатились по всем углам домика.

Мямля вытаращил свои прозрачные глаза на Старшого. Ярослав прекратил демонстрацию знаний польского и немецкого и сжал, ставшие горячими, кулаки:

-Ты что, бля, пожар тут устроить хочешь? Эта консервная банка в минуту сгорит и мы вместе с нею!

Глаза Старшого превратились в щелочки:

-Ты с кем разговариваешь, щенок? – он крепче уцепил пустую бутылку за горлышко.

Возникла многообещающая пауза. Но Василя ничего не могло отвлечь от подсчитывания пока не заработанных денег. Поджимая ноги и уворачиваясь от

двух накрепко сцепленных в потасовке тел, Василь, в который уже раз, распределял евро по своему невеликому хозяйству. Он самодовольно вспоминал, сколько банок консервировала Ганка на зиму, как, хозяйничая, она домовито и быстро двигалась по дому, как легко носила свой ставший упругим и круглым живот. А сало, посоленное Ганкиными ловкими руками, так и тает само во рту, ну просто медовое! Все хвалят!.. Василь задумчиво поднял потухшую на мокром полу свечу, снова зажег ее живой огонек. По стенам и потолку разлетелись оранжевые блики, стало уютно. Василь чувствовал, как маленький домик защищает его, «очарованного странника», среди бушующего моря жизни.

Старшой и Ярослав устали тузить друг друга кулаками в бока. Крепкий толстячок рухнул на матрац рядом с мирно посапывающим Мямлей и уснул, не успев прикоснуться головой к подушке. Ярослав умащивался рядом, приговаривая сквозь зубы:

-Так-то... Ты хоть и Старшой, а со мной поостерегись! Себе б дороже не вышло... Я тебе покажу, кто тут настоящий хозяин...

Он расшнуровал ботинки, снял носки, закинул их под кровать и вытянулся рядом со спящими, тут же приняв одинаковое с ними выражение отторженности от всего суетного. Василь обратил внимание, что интереснейшую историю первой встречи с Ганкой оценить некому, но не обиделся, хоть и прекратил с трудом дающийся рассказ. Он поднялся с лавки, поскользываясь, однако, удерживаясь за подвернувшиеся под руки предметы, добрался до маленькой двери и выпал из ограниченного пространства.

Стояла чудесная весенняя ночь. Звезды были не крупными, как дома, но чистыми и почти говорящими. Каштаны темнели в высоком небе мощными кронами. Глубокая тишина обволакивала помутненное сознание Василя. И он, не сопротивляясь томной силе ночи, аккуратно, как ему показалось, лег на бетон.

3

Едва забрезжило, когда работники быстро собрались, закрыли вагончик, крутанули педали и были таковы.

Василь с трудом поднял голову. Гудело и звенело. Снаружи или внутри?

До полудня Василь сидел на приступочке, изредка поливая голову водой из тазика. Есть не хотелось, думать тем более. Вторая половина дня прошла в дреме. Вечером все повторилось, как говорится, «по накатанному сценарию». Ужин, выпивка, беседа, потасовка, на этот раз с изменением состава участвующих: Ярослав поучил вежливому разговору Мямлю. Ночью Василь спал плохо – днем выспался. Ворочаться было невозможно: тесно, один бок немел, другой мерз. Ночью пошел дождь, промозглая сырость корбила конечности, холодила сердце.

Утром Василь вскочил вместе с работниками, так же наскоро поел, намазал ровные куски хлеба маргарином, сложил в пакет и уложил его на сиденье одной из ржавых машин. Когда три велосипедиста развернулись в сторону города и скрылись из виду, Василь уже стоял на дороге. Миновав кладбище и железнодорожные пути, Василь вышел на знакомый перекресток.

Недалеко виднелся автомобильный магазин. На небольшой площадке возле магазина были выставлены на продажу ряды машин. Василь двинулся по пешеходному переходу к пестрой приманке. Медленно ходил Василий среди

глазастых гладких корпусов, оценивал силу мотора, пробег, дизайн и временами ощущал, как дрожат руки, стремясь обхватить круг руля.

С одной стороны к магазину примыкала ремонтная мастерская. Большие железные ворота были раскрыты настежь, и Василь мог свободно наблюдать за работой трех немцев в одинаковых фирменных комбинезонах. Один здоровяк стоял недалеко от входа и копался в моторе серебристого «Кадетта». Машина побывала в небольшой аварии: одна фара была разбита, на капоте виднелись царапины. «Опелек» имел автоматическое управление, сложное переплетение проводов были хорошо видны Василю. Сначала немец только улыбался ему, потом сказал что-то и засмеялся. Василь решил отойти.

Идти можно было на все четыре стороны. Страна осуществленной демократии! Одно слово – свобода!.. Идти, собственно, было некуда.

Василий пошел прямо. В любой ситуации иди напрямую, не прогадаешь, - не без оснований думал он. Он разлядывал все, что попадалось ему на пути. Заходил в магазины, приценивался к товарам, научился быстро переводить с гривней на евро. Он вслушивался в чужую речь, впитывал черты лиц и жесты, искал ключ к пониманию незнакомой жизни.

Солнце едва карабкалось по серым облакам серого же неба. Пасмурный полдень застал Василя сидящим на железном стульчике возле католического костела. На соседнем стульчике сидела опрятная старушка. Она сидела без движения уже с полчаса, и Василь стал сомневаться, жива ли она. Может, просто застыла в спокойной позе? Но, хорошо приглядевшись, он заметил, что старушка изредка мигает. Успокоенный, он стал обдумывать следующую проблему: где бы найти туалет. Раз здесь центр города, да еще у такой предусмотрительной ко всем мелочам нации, то это заведение обязательно должно быть обнаружено недалеко. Однако же найти не смог и позорно спрятавшись за группу деревьев в парке.

Теперь думалось уже только о пакете с бутербродами, оставленными внутри ржавой машины. Василь в который раз прошелся по площади рядом с костелом, повернул на широкую улицу, прошелся вдоль нее, пока не нашел среди многочисленных вывесок нужную: «Deutsche Bank». Стеклопанельная дверь раскрылась сама, и он оказался в просторном чистом зале. Служащие ждали у стоек, внимательно улыбались клиентам. Василий получил положенную ему порцию улыбки и протянул приготовленные доллары.

-«Евро» – сказал он громко.

В ответ получил новую порцию улыбки и желанные деньги. С новыми силами и такой же улыбкой, как у кассира, он пересчитал деньги и вложил их в нагрудный карман пиджака. Василь вспомнил, что недавно проходил мимо магазина со странным названием «ALDI», там былолюдно, а в подземную стоянку постоянно въезжали новые машины. Голод помог Василю сразу найти знакомую вывеску. Из кучи сыров он выбрал пакетик с десятью отдельными пластинками, из кучи колбас – круглую, какую ели земляки на ужин. Еще взял красивую коробку с соком, хлеба, пару банок огурцов, соленой рыбы и водки. Кассирша подала ему красный пластиковый пакет, что было очень кстати. Выйдя из магазина с покупками, Василь почувствовал себя почти коренным немцем. Теперь - назад, к старушке, узнать, как ее здоровье? И точно, старушка сидела на прежнем месте совершенно в другой позе, опираясь на спинку железного стульчика, устпемив глаза в пространство перед собой.

Василь наелся колбасы с хлебом. Сок не стал открывать зубами, постеснялся старушки: пакет воценой бумаги был плотным. Затем легкой походкой направился к столикам возле маленького кафе, выбрал крайний и

раскрыл меню. Он собрался покутить по-немецки: купить чашку кофе. Полосатый зонтик над столиками предназначались, видимо, не столько для защиты посетителей от солнца, сколько от дождя. Мелкие сыпучие капельки застучали в натянутое полотно. Цены оказались столь сногшибательными, что лучше бы Василь обошелся без иностранного кутежа. Он собрался встать и уйти, но перед ним уже стояла молодая официантка. Полные ноги ее были ослепительно белыми, а лица он не запомнил. В горле встал комок, Василь мотнул головой и быстро зашагал прочь.

Вторую половину дня Василь безуспешно искал магазин велосипедов и в домик вернулся, когда мужики уже садились вечерять. На столе стояла залитая воском свеча и кастрюля с вареной картошкой. Мямля ушел за водой к ручью.

-Здорово, отпускник! – Ярослав дружески стукнул Василя на плечу. - Ты, я гляжу, хорошо прижился.

Василь с напускным равнодушием поделился:

-Бабки поменял.

-Ого, да ты мужик с головой. Я в первый же день заметил, что ты не промах. Молодец! А сколько поменял?

У Старшего одобрительно заблестели глазки.

-Пора и за еду платить, паря. Сидишь на нашей шее уже три дня. Такого бугая прокормить - легче сразу задушить, - добродушно пошутил он.

Василь достал деньги, отсчитал названную сумму. Потом разложил продукты, поставил водку. Старшой внимательно оглядел снесь и повернулся к Ярославу.

-Поставишь его на молоток, - решение пристукнул кулаком по столу.

Ярослав понимающе кивнул.

-Завтра поедешь с нами, возьмешь Мямлин велосипед.

Василь вышел на улицу закурить. Пальцы слегка дрожали. Прохладный ветерок смешивал сигаретный дым с запахами поля и леса. Из-под косогора, наклонившись вперед, возвращался с водой Мямля.

-Приехал, а мы уж гадали, куда ты делся, - издали закричал он.

Василий отвернулся, чтоб не встретить взгляд земляка.

-Куда ж мне деться? – ответил он, равнодушно затягиваясь сигаретой с Родины.

Ели молча. Когда главная усталость спала и водка разогнала тяжелую кровь, работники принялись травить анекдоты. За дурость, за политику, за национальность, за секс и просто так. Василь рассказал самый безобидный:

-Вызывает хозяйка мастера: «Вот у шкафа дверцы дрожат, когда трамвай мимо проходит. Нельзя ли укрепить?» «Можно, почему нельзя», – отвечает мастер. Залез в шкаф, чтоб проверить, каков зазор между дверцами. Как раз муж заходит. Дверь у шкафа открывает: «Ты кто такой, что тут делаешь?!» «Гадом буду, не поверишь - трамвай жду». Мужики дружно захохотали. Старшой от удовольствия махал руками и взвизгивал.

- Старье, - насмеявшись, констатировал Ярослав. И загнул такой крутой анекдот, что слушатели сползли с лавки на закиданный окурками пол. У Василя от смеха заболели мышцы живота. Он смеялся звонко, уверенно: работа, вот она – блестит влагой в глазах Старшого, сквозит в одобрительных взглядах Ярослава.

Допили четвертую бутылку. Саршой уснул мгновенно, по обыкновению рухнув всей тяжестью усталого тела на матрац. Ярослав перед сном дал исчерпывающую информацию о завтрашней работе:

-Мне чтоб!.. Тут тебе не Тернопольская деревня, а середина Европы... Понимай ответственность. Работа не сложная, не дрейфь, знай, жми на молоток, он тебе сам все отстукает.

Работа... Василь не мог спать обутым, он вышел, налил в тазик воды и освежил вспотевшие в ботинках ноги. В ночных сумерках было не ясно, где начинается небо, все смешалось в вязкой массе то ли сырости, то ли дождя.

Работа... Василь ворочался, не давая заснуть остальным. Все четверо спали впрытык, и малейшее изменение положения тела одного человека, вызывало необходимость поворота других. При этом круглое туловище Старшего лежало колодой, вызывая тяжелые мысли о бренности земного существования и мешая сделать малейшее движение. Работа... По стенке прямо перед носом Василя проползла разбуженная им мокрица. Василь содрогнулся от отвращения. Работа... Слово сладкое, как мед, острое, как нож. Слово это царит над другими словами, оно – смысл пребывания их здесь, в чужой далекой стороне, с другими обычаями и резкой речью. Какой ты будешь, первая работа на неметчине? Как управляться с тобой, какие деньги сулишь? Будешь поддатливой, как грудастая девка, или капризной и неблагодарной как тощая красавица?

4

Утром собрались быстро, без шума. Мямлю не будили. Перед тем, как оседлать велосипеды, Ярослав протянул Василю руку:

-Давай баксы.

-Какие баксы? Я ж вчера отдал, - удивился Василь.

-Такие, какие! За предоставляемую работу. А ты что, рабочее место бесплатно получить хочешь?

Василь скрипнул зубами:

-Сколько?

-По тарифу двести баксов. Чего, испугался? Работать будешь по двенадцать часов в сутки, за четыре дня, считай, вернешь свое. Мы тебе дело говорим, не грабители какие-нибудь, земляку всегда помочь рады. Потом еще благодарить будешь.

-Двести евро?- уточнил Василий.

-Не перерекайся со старшими, - улыбнулся Ярослав. – Евро оставь себе, они тебе здесь пригодятся, а баксы отдай нам.

Ярослав взял скрученный пиджак с багажника бывшего мямлиного велосипеда и бросил его в руки Василя. Тому ничего не оставалось, как на глазах товарищей отсчитать двести баксов. Остальные деньги он нелепо сунул в карман.

-Не потеряй, - озабоченно посоветовал Старшой.

-Угу, - Василь засунул деньги глубже.

Все трое одновременно крутанули педали, и ветер засвистел в ушах ездоков.

Минут через сорок были на месте. На звонок вышла хозяйка. Переговорила о чем-то с Ярославом, пропустила работников в дом, новенького оставила стоять на крыльце. Вскоре она вышла к Василю, провела его к пристрою. «Не деревенская», – отметил он, шагая за круглыми розовыми пяточками. Растянутый полувер и широкие короткие брюки скрывали фигуру, домашние шлепки завершали несуразный наряд хозяйки. На полу в пристрое

лежал отбойный молоток, разные инструменты кучами размещались на полках. Трудно было не догадаться, что именно нужно делать: развороченная часть садовой дорожки и горки старого асфальта по краям говорили сами за себя.

-Danke, ich arbeite, - выдавил из себя Василий.

Хозяйка посмотрела, как Василь включил молоток и стал отбивать первые куски асфальта, и ушла в дом. А Василь, немного помучившись в поисках лучшего положения молотка - все-таки в первый раз взял такой в руки – стал упорно, метр за метром, уничтожать дорожку, пока к полудню не придвинулся к просторной площадке у дома. «Тра-та-та» – само отбивалось у него в ушах, руках, ногах и во всем теле, когда земляки вышли пообедать. Расположились под навесом, недалеко от конюшни. Василь посчитал лошадей: их было восемь, каждая в своем довольно просторном стойле. Ярослав расстелил газету на крепко сколоченном столе, распаковал снесь. Дрожащими руками Василь брал кусочки колбасы и бутерброды с маргарином и, ему казалось, челюсти его соблюдают заданный ритм: „Тра-та-та“.

-Ну, что, пошло дело? Вот сколько наворотил! Это не матрасы пролеживать, тут поднапрячься надо, работа не для судентов, - шутили земляки, запивая еду водой из пластиковых бутылок.

К вечеру прошел холодный дождь. Вода с неба смешивалась с горячим потом молотобойца и щекотала тело, отвлекая и веселя. Откуда-то приехал на автомобиле хозяин, вежливо поздоровался и перестал замечать работника, сам работая в доме и гараже. Хозяйка выходила еще раза два, указывала, где нужно отстучать асфальт. Несмотря на непогоду, она была одета в те же короткие штаны и широкий полувер, что и утром, только шлепки на ногах стали мокрыми.

После восьми выехали из хутора. Назад ехали почти час, дорога казалась нескончаемой.

-Совсем издох, паря... Шевели ногами-то, - сердились земляки.

Василь с утрайки дорогу не заметил, потому боялся отстать, но быстрее ехать не мог – болела и тряслась каждая жилочка утомленного тела. Наконец-то, показался знакомый лесок! Василь тяжело сошел с велосипеда, прислонил его к бетонной стене. Сдерживая голодные спазмы, все трое поспешили к вагончику. Толкаясь и вспоминая всех святых, зашли и усталились на пустой стол. Мямля приподнялся с матраса и радостно сообщил:

-А я ничего не сварил. Я вам не слуга. Сами работаете, вот сами и варите. А то привыкли: Мямля за водой, Мямля за продуктами, Мямля стирай носки. А теперь все!.. Как вы мне – так и я вам!

Василь лег рядом с Мямлей на мягкий пружинистый матрац и полетел в дремучий сон, сопровождаемый мерным постукиванием отбойного молотка. На завтра он не мог вспомнить, как ругались земляки, как поужинали, как уснули.

Утром казалось, что не отдышал. Дорога туда и назад была уже только передышкой в работе.

На четвертый день, вроде стало легче, мышцы привычно ныли, но голова не болела. Василь выбил уже почти весь асфальт на дорожках и площадке возле дома. Под навесом, уложенные ровными четырехугольниками рядами высились плитки, приготовленные для укладки на выровненные Василем участки. На вид эти плитки казались тяжелыми, но Василь радовался предстоящей перемене: долбежка опротивела ему до невозможности.

Оставался небольшой кусочек асфальта за яблонями. «Сегодня добыю», – удовлетворенно подумал трудяга.

Вечер уже густел в весенних кронах деревьев, когда неожиданно Василь почувствовал острую боль в пояснице. Надо было разогнуться, а разогнуться он не мог. Тогда осторожно выпустил молоток из рук и потер больное место. Снова, словно по расписанию, зачастил мелкий дождик. Рубашка, липко прилегающая к телу, сразу же высыхала на плечах и спине. Тишина странно давила на уши. Василь усталился на дорожку перед собой, боясь шевельнуться. Тут он увидел, как с газона выполз черный жук с явным намерением пересечь препятствие. У небольшой лужи жук остановился, потом быстро-быстро заработал лапками. Ничего не добившись, двинулся в обход. Постепенно красные круги в глазах Василя проходили, и он уже ясно видел: жук уверенно выползает на противоположную сторону газона.

В неровной поверхности лужи отразилось собственное лицо украинца. Глаза смотрели в упор, скулы заострились – он себя не сразу и признал. Рядом с отражением появились знакомые мокрые шлепки. Василий исподлобья посмотрел на хозяйку. Она сердито указывала Василию на отбойный молоток. «И зачем только ее черт приволок!», – расстроено подумал Василь и с трудом разогнулся. Поднял пудовую дуру и продолжил долбежку. К восьми вечера все же закончил последний участок. Убранные широкой лопатой куски асфальта, лежали аккуратными горками по сторонам.

Подошли Старшой с Ярославом. Несмотря на абсолютную разность, они приносили впечатление близнецов-братьев: усталость одинаково отпечаталась на их облике. Транспорт бедняков и спортсменов принял натруженные тела и благополучно доставил груз к месту назначения. Вечером Старшой разбил губу Мямле: тот был несносен, приставал отдать назад работу или найти что-нибудь новое, потом стал грозиться выдать полиции всех и заодно хозяев, рискующих принимать нелегальных работников. Мямля шмыгал носом и бубнил, словно запрограммированный. Пришлось Старшому вмешаться и прекратить это безобразие результативным способом.

На следующий день, набирая обороты, Василь поглядывал вокруг с чувством странной тревоги, как бывает, когда предчувствуешь что-то недоброе. Спина, к удивлению, не болела, тело было послушным и незаметным, как у очень здоровых людей. Черета дорог и поворотов была узнаваема, серая лента асфальта будто сама катилась под тонкие колеса спортивного велосипеда. Возле хозяйских ворот трое молодцов спешили, повесили шлемы на рули стальных коней и прошли к крыльцу дома.

Вся площадка и пространство сада чернела грязными развороченными кучами асфальта и земли. «Моя работа», – удовлетворенно подумал Василь.

Хозяйка рассчитала нового работника тут же у двери, подав ему листочек и деньги. На листке твердым почерком было выведено: пять евро в час умножить на двенадцать часов в день равно шестидесяти евро. За четыре дня уплачено двести сорок евро. Полчаса в день на обед в счет хозяев. Василь прочитал листок, немного потоптался у перил – понял, что пора уходить. Он тоскливо обвел взглядом дом, сад и штабеля наготовленной плитки. Медленно повернулся к работе спиной, сел на ставший неуклюжим велосипед и двинулся назад, в противоположную от нее сторону.

«Что ж это за женщина такая? Ничего не объяснила... Неужто за вчерашнюю передышку рассчитала? Не может быть, я ведь ей чуть ли всю усадьбу не

расконопатил. Или не так посмотрел вчера? Кто же будет робить?» - рассредоточенно думал Василь.

Возле раскидистого старого дуба он остановился, достал бутерброд и стал неизвестно зачем жевать, ощущая лишь горечь во рту. Вокруг вовсю кипела деятельность: птицы перекликались, шмели жужжали, травка трудолюбиво тянулась к бледному ласковому солнышку, муравьи создавали и строили. Каждое создание было значительным и, как в симфонии, имело свое отведенное ему время для выражения собственной природы, для осуществления той необходимости, ради которой, собственно, и обитало оно на земле. А человек, наивысшая субстанция творения, образец и совершенство созданной великим Творцом природы, не осуществлял этой очевидной необходимости, не имел возможности выразить себя в соответствующей характерной ему деятельности, а стоял, тупо уставившись в пространство, и слезы, горькие слезы, неосознаваемые им самим, катились по загрубелой коже щек.

Мимо на малой скорости проехал подъемник. Белобрысый водитель улыбнулся и кивнул Василю, как знакомому. Вскоре Василь увидел: подъемник въехал в усадьбу и, ловко манипулируя, стал укладывать плитку за плиткой на землю. Выравнивать плитки помогал сам хозяин, а хозяйка стояла на крыльце, и подавала комментарии, которые в таких ситуациях, как известно, усиливают рабочий азарт.

«Автоматика вытесняет ручной труд,» – лозунгом констатировал непреложный факт Василь. Без проволочек добрался он до дому, где сиротливо бродил среди кочек и крапивы Мямля, лег на матрац и проспал до вечера.

5

Работники вернулись, как всегда, злые и голодные. Остатки консервов доели вчера, водка кончилась. Оставалось два яйца и присохшая полбуханка хлеба. Магазины закрывались рано, а на бензоколонку в город ехать не высказал желаний никто. Накипятили чаю и, упражняясь в непечатных выражениях, поужинали. Легли, прижавшись друг к другу, роднее родных. Весенние вечера долгие, в приоткрытое окно крыши вливались сумеречный свет и прохлада.

-Курорт, ну просто курорт, - мечтательно вздохнул Ярослав.

-Ты почему, падла, деньги брал? Знал ведь, что работы мало! – выдал накипевший вопрос Василий.

-Тю-ю, - присвистнул поворачиваясь Ярослав. - Смотрите, и этот начал права качать! - Карие глаза его лукаво заблестели. – А за науку платить кто станет? За поглядку оплатил, а сердится. Деньги свои, считай, почти все назад взял. А опыт для жизни всегда пригодится, – назидательно посоветовал он.

-Учись, паря, жизни... Правильно Ярослав говорит. – Поддержал Старшой. – Всему учиться надо и за всякую науку платить. Оплата, конечно, разная. Вот ребенок учится ходить – шишками да царапинами за свой опыт платит. На меня посмотри, мне ничего бесплатно не давалось, за все платил работой, деньгами, здоровьем. Почему же ты хочешь, чтоб тебе все легко доставалось? На чужих спинах собрался в рай въезжать? Не выйдет! Тут для тебя слуг нету, запомни раз - навсегда.

-Такова суровая действительность, - юродиво подытожил Мямля.

Дискуссия исчерпала себя, и мужики захрапели. Василь тихо лежал в темноте и перебирал события своей удавшейся, как ему раньше казалось, счастливой, жизни.

Отец работал на заводе механиком, с детства приставлял сынишку к моторам. Мать на том же заводе сидела в кабинете бухгалтерии. Две сестренки помогали по хозяйству. Выходные семья проводила у родителей матери в деревне, недалеко от города. С ранней весны ухаживали за саженцами, укрывали самодельные теплицы, поливали, копали, высаживали рассаду. Потом снимали урожай: его мариновали, солили, укладывали по погребам. Дети подрастали, родители старились, а цикл работ оставался неизменным. Работа составляла основу самого существования, главной составляющей частью целостности семьи, ее нравственности и жизнеспособности. В школе Василь учился основательно, хоть первым и не был, но и в отстающих не ходил. Увлекался футболом, был членом школьной сборной. После пятого класса начал читать все, что попадалось под руку, читал обычно по ночам - днем не хватало времени. Потом привык заходить в библиотеку, стал разбираться в литературе. Идти в училище на сварщика посоветовал отец. В группе были одни парни, но знакомых девчат у Василя было полно, сами липли, как осы на сладкое. После училища полагалось три года отработать по специальности. Устроили его разъездным сварщиком при филиале завода. В бригаду брали, в основном, неженатый народ - приходилось много ездить по деревням. За несколько лет набрался опыта, возмужал.

Однажды неделю варили трубы в поселке Озоряны. Вот тут-то Василь и увидел свою Ганку в первый раз. Крепкая, ладная... Радость несказанная, счастье неразменное! Василь, хоть и был не из трусливых, но Ганке пришлось самой его на дискотеку приглашать. Ну, а там он уж инициативу на себя, конечно, взял: спросил разрешения до дому довести. Вот и допроважался!.. Ганка тоже была хваткой в работе: отец спился и рано умер, мать поднимала детей одна. Свадьбу сыграли скромную, зато подарок получили почти царский: отдельную комнату в коммунальной квартире - осталась от одинокой Ганкиной тетки. Родне они помогали на две стороны, и с двух же сторон шла им ответная помощь. То, что они повстречались они с Ганкой, обоим казалось чудом, к которому ни он, ни она, видимо, не смогут привыкнуть никогда, как никогда нельзя привыкнуть к солнцу или ветру. Повстречаться - вот что важно было, а уж потерять друг друга после такого события просто невозможно. Василь перешел к отцу на завод, Ганка устроилась продавщицей в супермаркете. Маркет-то был, а вот супера не много. Зарплата низкая, не стоит тех нервов. На что уж молодые жили скромно, но денег все равно не хватало.

Когда Ганка забеременела, Василь совсем себе место потерял: как обеспечить нормальный уровень жизни для ребенка? Заводские рабочие и специалисты разбегались по разным сторонам, по закордонным фирмам, кому как повезет. Зарплату то давали, то не давали, а водку люди хотели пить регулярно. На водку всегда находились деньги и у состоятельной, и у беднейшей части населения. Начались повальные кражи, обманы. Народ нищал, железной границы с капитализмом не стало. С запада катилась волна новых потребностей при отсутствии на месте новых возможностей. «Демократическое» правительство перекрывало дыхательные пути слепоперестроенной экономике. Василь мальчишкой рос еще при Союзе, помнил, что и тогда жили не богато, зато теперь на его глазах страна вообще разваливалась и разворовывалась по кускам. Оставаться на Родине и продолжать зарабатывать себе хлеб без масла на Родине стало не

перспективно и не престижно. Попытки левых сил практически ни к чему не приводили. Василь не принадлежал к бывшим членам партии, не состоял в организованной коррумпированной верхушке власти имущих, не был криминальным элементом разветвленной системы мафии – поэтому рассчитывать на какие-либо доходы, кроме заводской зарплаты, не приходилось. А сосед по коммуналке хвалился за границей...

Василь вновь проживал события и решения, раздумывал. Он искал – когда и где совершил ошибку: почему он сейчас не лежит с любимой, не Ганка закидывает на него свою полную ногу, а вонючий чужой коротыжка; почему он не копает огород своим бабушке с дедушкой? Ведь они стали совсем старыми, в город переезжать не хотят, да и некуда, а с хозяйством справиться уже не могут; почему не встречает каждое утро у ворот завода отца - тот улыбается, здороваётся и, Василь чувствует всем сердцем, как отец гордится взрослым сыном; почему, почему... Почему он стеснялся говорить Ганке, как он любит ее? Теперь ему хотелось долго-долго смотреть в ее ласковые глаза и описывать ей, как горячо и сложно его чувство, как он дорожит каждым мгновением с ней, обещать, что никогда не обидит ее ни словом, ни делом, целовать, целовать ее свежие губы. Ему двадцать пять, ей двадцать четыре, а впереди у них счастливая долгая жизнь. У них и у их детей...

6

Весь следующий день Василь пытался наняться батрачить у бауэров. Подальше от густонаселенных поселков, среди полей и роиц он присматривал хутор, заезжал прямо во двор, искал хозяев, если не находил – звонил в двери, протягивал крупные тяжелые ладони и твердил одно: « Arbeit! ».

Собаки в хозяйствах служили не для охраны нажитого добра, а, видимо, для создания сельского колорита, гавкали не агрессивно и нападать не собирались; кое-где по лужайкам гагакали гуси - традиционное блюдо к Рождеству; лошади в стойлах обмахивали мощные крупы чесаными хвостами. Кто выполняет тут разнообразное множество работ? Одной семье не под силу содержать в образцовом порядке большое хозяйство!

И все-таки отказывали все. Сначала внимательно выслушивали то небольшое, что мог Василь ответить на вопросы хозяев, но когда понимали, что приехал он в страну в качестве гостя, и разрешения на работу у него нет, то отрицательно качали головами.

«Schwarz Arbeit – nein, – доходчиво объясняли они. – Strafe».

Однако работники были, были и украинцы. Однажды он даже поговорил со своими земляками. В полуподвальном помещении слышался ритмичный стук и разговор, из открытых дверей клубами валил запах вареной свинины. Василь вошел в пристрой и остановился у входа. В огромном нержавеющей чане крутилась густая ароматная масса. Один рабочий половником ловко вливал содержимое в металлические банки, другой подхватывал, ставил на станок, и крутящийся диск замуровывал банки крышками. Дальше банки сами слетали с небольшого конвейера в ящики. Среди шума станка Василий безошибочно уловил украинскую речь. Он обрадованно поздоровался. Земляки жили и работали у бауэра по хозяйству уже два месяца, были довольны, но помочь Василию не могли, да и говорить особо за жизнь не получалось: варево перемешивалось, и банки готового свиного паштета катились непрерывно.

Василь поехал дальше: необходимость и надежда слились вместе и заставляли его упорно крутить педали, переносить недовольство, презрение или сочувствие немцев, искать и искать свою работу. Вторая неделя вагонной жизни заканчивалась, округа была объезжена, желанных итогов не было.

Мучило, что до сих пор не дозвонился до дому. Телефонную карточку в киоске Василь купил, но линия на Украину была занята, и он никак не мог услышать родной голос. А что и рассказывать-то? Ганка ждет не жалобы неудачника, а того положительного результата, который дает сплав трудолюбия, умения и желания работать. Василь часами обдумывал в седле велосипеда, его верного спутника путешествий, что и как он сообщит Ганке, а потом он уже ничего не хотел говорить - только услышать ее беспокойство, тревогу, ее дыхание. Днем ей некогда: супер-маркет, домашние дела, подруги – ночью лежит одна и думает о нем. А он думает о ней непрерывно, целыми сутками, часто забывая, что ее нет рядом.

Обстановка в вагончике накалялась. Мямля ныл, требовал и угрожал, сам же целыми днями пролеживал на матрасах, ездить с Василем не хотел, не веря в удачу, так что покупать еще один велосипед не было необходимости. С велосипедами, вообще, дела обстояли хорошо: несколько полуразобранных валялось рядом с домиком среди остовов машин, из них можно было собрать один целый, и можно было купить в спецмагазине с поломкой за десять евро. Ведь руки не две левые, кое-какой инструмент был, так что проблемы с транспортом решались легко. Поэтому все три действующих велосипеда были качественными, красивыми, спортивными.

Прошло несколько дней. Работы не было.

7

Однажды, собираясь в очередную поездку по хуторам, Василий почувствовал головокружение, есть не хотелось, какое-то томление разливалось по всему телу. Он смотрел в непрозрачное молочное небо, и общая сырость в природе укрепляла его желание лечь на матрац, отвернуться и не видеть, не слышать, не знать ничего. Один матрац был занят Мямлей, а другой дружественно подтавливал свое кое-где распоротое нутро под грузное от бездеятельности тело Василя. И Василь лег. Так лежали они молча несколько часов. Мямля временами зевал и всхрапывал, ворочался, но належенного места не покидал. Медленно и плавно протекало время. Каждая отдельная минута длилась долго, нужно было перемочь ее, растянутую, но когда Василь, наконец, встал, чтоб заглушить голод уже в четыре часа дня, то никак не мог вспомнить, на что же ушли прожитые часы, казалось - не было их. Поел хлеба с водой и вышел на воздух.

Пасмурный день так и не распогодился, вид канав и крапивы был уныл и до тошноты привычен. И только где-то между сарайками и чужими, странными линиями заброшенного каменного дома мелькало широкое платье Ганки. Василь отмахнулся от светлого видения и оглянулся по сторонам.

На соседней даче вскапывал грядку плешивый немец. Василию было хорошо видно, как поворачиваются темные пласты под лопатой. Весь участок был уже засажен фасолью, капустой и клубникой, часть земли занимал постриженный лужок, а возле малины и смородины еще оставались невскопанными две продолговатые грядки. Василь с трудом преодолел грань смущения к незнакомцу, застойной матрацной лени и традиционных предубеждений – хрипло крикнул: „Guten Tag!“ и помахал рукой. Немец

приветливо закивал. Видя, что Василий не двигается, он прокричал что-то и указал на лопату. Василь засмеялся шутке... Минутку, какой шутке-то?!.. Тотчас выскочил на дорогу, впрыгнул в цветущие розами ворота и подхватил лопату из рук обрадованного немца.

Пока Василий вскапывал грядки, плешивый вытирал лоб платком, разминал длинные пальцы и заодно жаловался, что жена вспахивает и убирает дачный участок руками мужа, апеллируя к пользе его здоровья. Василий же со скоростью обдумывал выученные фразы о возможности заработать, «Могу ли я Вам завтра снова помочь?», «Не нуждается ли Ваша квартира в ремонте? Сделаю качественно и недорого», «Нужны ли вашим знакомым или родственникам рабочий, совсем дешево выполняющий массу хозяйственных работ?», «Не отказываюсь от любых предложений быстро и квалифицированно отремонтировать, построить, раскопать, закопать, залудить, собрать, разобрать и так далее...». Фразы путались, слова никак не вставали в определенный ряд.

Грядку он разборонил почти невесомыми граблями. Немец похвалил, протянул красную десятку и крепко пожал Василию руку. Василий мысленно плюнул на совершенно перепутавшиеся слова, сказал с нажимом главное: «Arbeit! Arbeit!». Немец задумался и покачал головой. Объяснил что-то вроде: жена ругаться будет, если узнает, что не занимаюсь физическим трудом на даче, много приходится сидеть в кабинете, за столом, мол, что полезно иногда на свежем воздухе работать. Глядя на искреннее разочарование Василя, почесал затылок, как настоящий украинец, и огорчился сам. Умный, понимающий взгляд немца с симпатией и жалостью скользил по широким трудовым рукам Василя, крепкой фигуре, пока не засветился пришедшей идеей. Он спросил с сомнением, может ли Василь его библиотеку отремонтировать. Или перестроить?.. Или разложить? Как разложить?.. Или рассортировать? Как, по темам что-ли? Это без знания языка? Может, по цвету тогда? Ах, ладно... Главное, что-то там надо сделать! И это «что-то» выполнит именно Василь, в чем, горячо жестикулируя, и заверил наш герой хозяина. Утром немец обещал заехать за ним на машине, договорились встретиться на дороге в восемь часов. Расстались почти друзьями. Стало скучно от мысли, что надо вернуться и лечь рядом с Мямлей на матрац. Кстати, о Мямле... Вот ведь целыми днями неприкаянно шляется по крапиве, а сосед не позвал его помочь, почему? Понравился ему Василь сразу или решило дело собственная инициатива украинца? Размышляя так, Василь отправился в город за продуктами.

На ужин Василь накрыл стол почти как в ресторане. Нарезал салат, потушил курицу, к гарниру слегка отварил брокколи. А на десерт приготовил никогда прежде не виданный шоколадный пудинг на молоке. Рецепт вычитал с упаковки, а остужать, за неимением холодильника, вынес на улицу. Мямля, под предлогом попробовать соли и сахару, пытался съесть половину наготовленных блюд, что было пресечено решительной рукой Василя. Отполировав до беска поверхность столика, Василь расставил имеющиеся приборы, но чего-то явно не хватало для общей атмосферы торжества. Василь достал с полки новую свечу. Уже лучше.

-Ты еще цветов у соседа нарви и баб по телефону закажи, - посоветовал Мямля.

Василь обмотал тряпкой руку и нарвал высокие стебли крапивы, поставил их в зеленую бутылку и этим последним штрихом создал-таки законченную картину изысканного праздничного ужина.

До приезда земляков Василь немного полежал в счастливом ожидании. Ему хотелось не пропустить выражения удивления заблестевших глаз, оценивающие одобрительные возгласы Старшого и Ярослава - людей, разделяющих с ним кров, ставших ему близкими на том участке пути, который преодолевает сейчас он.

Василь вышел, сел на приступочку и закурил. В безмолвных легких сумерках летала мечта на своих безгрешных крыльях, запутываясь в ветре с полей, играя резными листьями старых каштанов...

Подъехали усталые работники. Василь шагнул обнять их и споткнулся в неловкости, почесал глаза, стер, незаметные даже для себя, вдруг набежавшие слезы.

Мужики зашли в вагончик и обомлели! Какое пиршество! Василь наслаждался похлопыванием по плечам и громкими похвалами, переплетенными с лестью. Но особый восторг вызвал пудинг. Чашки вымакали хлебом, чтоб ничего не осталось по краям. Потом вспомнили, что не пили спиртного.

-Вот так да! Основного продукта и не было! – удивленно констатировал Ярослав.

-Сегодня мы просто паиньки, - с чувством проговорил Старшой, откидываясь на лавку. – Ты, паря, нас совсем забалуешь. Домой приедем, свои не узнают. Начнем ресторанные блюда требовать: а подать нам шоколаду горячего в постелю, а несите нам креветок под майонезом и запеченой грудинки! Ха-ха... - хитрые блестящие глазки сладко прижмурились.

-А твоя-то Оксана сразу и расшибется тебе все подавать! - ехидно засмеялся Ярослав, откидывая кудри со лба. – Смотри, как бы они с любовником тебя из дома не вышибли. Я когда уезжал, зашел попрощаться, она как раз олады пекла для твоего лучшего дружка.

И без того красное лицо Старшого стало бурячного цвета.

Ярослав сбавил тон.

-Прости, дурака, Вань. Не хотел рассказывать, само с языка сорвалось.

Прошла тяжелая минута. Старшой не заматерился, не полез в драку и даже не возразил обидчику.

-Четверть века вместе, надоели уже друг другу, видно, – медленно подбирая слова заговорил Старшой, пытаясь улыбнуться.

Он поерзал на лавке. Мямля уставился на него, открыв рот.

-Ну, что ж, пусть живут. Я и так, можно сказать, даже знал... - продолжал Старшой примирительно. – Мы с Богданкой с малства росли, в одном классе учились. Ему всю жизнь счастья не было, его баба все по врачам и больницам, пока вовсе не загнулась. Ни дома не нажили, ни детей. Одно и было у него, что за моей Оксаной стрелял. Пока я рядом был, меня любила, на сторону не бегала. Знаю точно. А вот теперь, значит, дострелялся Богдан. Его очередь подошла... А я что? Я старый уже, мне ведь, ребята пятьдесят скоро. Я и так обойдусь. Мне главное дочек, близняшек моих, выучить. - Напряженное лицо его опять разгладилось, мышцы распустились. – А баба, она и есть баба. Как кошка, учуяла мясо, стянула и ест его. - Старшой засмеялся.

Василь налил свежего чаю.

-Се ля мур,- глубокомысленно прокомментировал Мямля, громко прихлебывая обжигающий ароматный напиток.

-А что дочки еще в школе учатся? - осторожно спросил Василь

-Да нет, они уже большие у меня, - с понятной гордостью ответил отец. - Умницы обе. В институт пошли, а учеба платная там. Старательные обе, учатся

отлично: знают, как папке деньги для них достаются. – Он вздохнул. - Жизнь моя в них, пусть растут счастливыми. А что до оладушек... - Он оторвал взгляд от золотистого пламени свечи, - так Оксана меня ими всегда накормит. Ничего, что женке с любовником подвинуться придется. Дом ведь мой: своими руками стены ставил, крышу крыл, штукатурил, белил, окна подгонял, мебель привозил. Так что и оладушкам меня накормят,- заключил он уже веселее. - А уж близняшки меня на старости одного не покинут, на чужой земле помереть не дадут. Девочки мои ласковые! – совсем рассиропился Старшой.

-Что да, то да! Близняшки у тебя смачные, что персики в июле. Их только облизывать, сладких... - Ярослав добавил непечатного.

Тут Старшой вскочил, как разъяренный зверь. Громадные кулаки уже были готовы стереть кривую улыбку похабника. Ярослав принял стойку бойца.

-Нет, мужики, сегодня мой день, не дам ругаться, - вскричал Василий и тут же встал между друзьями-противниками. – Водки не было, не пили, чего ругаться-то? А вы из одного места что ли, откуда друг друга знаете? – перевел он на другое.

-Да, он дядька мой двоюродный, по матери родня, – пояснил Ярослав, усаживаясь на место.

-А что, и Мямля вашего роду? – продолжил Василий успешную тактику.

-Нет, такого добра и в десятом колене нет, - уже насмешливо переглянулись родственники. – Этот заблудший с соседней улицы.

-Не кисни, Мямля, - тряхнул его Старшой, и для тебя когда-нибудь работа найдется! Не всегда же тебе матрасцы задом протирать.

И разговор снова потек о доме, об оставленных друзьях и заботах, о вождях, что не могут создать нормальных условий для жизни собственных граждан страны, о богатстве одних и бедности других, о забастовках и попытках изменить ситуацию, о дурных законах дурного правительства.

Перед сном все четверо вышли во двор, вернее в то подобие, что заменяло им родные украинские дворы, поочередно вымыли ноги в холодной воде, плеча в единственном тазике. Как-то по-новому довольные, все четверо улеглись спать в надежде на лучшее время и лучшую долю.

8

Василь проснулся раньше всех, но лежал, не шевелясь, чтобы не будить товарищей. Он прислушивался к току крови, что равномерно и сильно бухала в его сердце. Сегодня он начнет работу у немца в библиотеке. Он сделает ему все, даже если надо будет эту библиотеку срыть вместе с фундаментом. Василь нашарил под подушкой словарь. В утреннем полусвете выучил несколько глаголов, которые, как он считал, могут стать несущей конструкцией его будущих фраз в разговоре с немцем.

...Серебряный «Мерседес» подкатил ровно в восемь. Василь с пластиковым пакетом со старой одеждой и бутербродами быстро сел на сиденье рядом с водителем. По дороге немец приветливо расспрашивал его о доме, о прежней специальности. Потом попросил показать паспорт и визу. Остановились минут через десять. Немец внимательно осмотрел документы, остался доволен: виза была открыта на три месяца, а прожил Василь в Германии пока не полные три недели

Дом располагался в черте города, был довольно новым, интересно спланированным. Зеленый газон, несколько кустов роз и клумбы были окружены ровно постриженным кустарником. На табличке у двери Василий

прочел, что здесь находится бюро профессора юридических наук Штайнхагена, пониже, мелким – время приема клиентов.

Библиотека показалась Василию темной от заставленных стеллажей и набросанных на столах книг. Задача Василя состояла в том, чтобы расширить помещение за счет прилегающей комнаты, обклеить все новыми обоями и на пол вместо линолиума уложить плитку. Время выполнения не ограничивалось, оплата почасовая, по договоренности. Профессор у себя в бюро будет в любое время готов к консультации по возникающим вопросам. Пока таковых не было.

Василь переоделся в рабочую майку и трико в туалетной комнате с зеркальными стенами. Краны казались подозрительно желтого цвета. Василь внимательно осмотрел их: позолочены, не веря глазам, догадался он. Весь день таскал и складывал книги в нижнем этаже дома. На обед немец пригласил работника в столовую. Но Василь наотрез отказался, смущаясь веселых глаз молодой супруги профессора. Объяснил, что у него есть свои бутерброды, и он не будет заходить в столовую хозяев. На это профессор сам принес ему бокал кофе, а во второй половине дня - большой кусок пирога, присыпаного сладкими натирушками и зеленый чай. В углу библиотеки он поставил ящик с минеральной водой специально для Василя, подробно объяснив, почему человеку полезно употреблять много жидкости. Василий был рад поддержать беседу заученными вчера фразами. Немец горячо откликнулся на желание работника изъясняться кривыми от напряжения словами чужого языка, похвалил, стал поправлять произношение и даже подарил «Дуден» - словарь с картинками, объясняющий значения слов. Подарок весил несколько килограммов и подавлял своей основательностью.

Василь складывал и таскал книги, спускался с ними по лестнице вниз несчетное количество раз. В семь вечера, несмотря на протесы Василя, профессор увез его на машине домой, предварительно заплатив пятьдесят овро за десять часов работы.

Так пошли дни за днями. Теперь Василий ездил с работы и на работу сам, привычно крутя педали. Трудился старательно, хотя никто его не подгонял. В обед приходил неизменно приветливый профессор, давал советы, обычно никчемные, так как Василий и сам видел необходимость следующего этапа, без спешки беседовал с симпатичным ему работником. Иногда приносил сладкие со сливами или яблоками пироги. Уважительно поправлял акцент и грамматику. Душа украинца радовалась в покое, но немного беспокоило одно обстоятельство: жена профессора целыми днями бездельничая, по вечерам приходила, якобы осмотреть проделанную работу, сама же осматривала его самого, замкнутого и сурового.

По дороге назад Василь заезжал в магазин, покупал что-либо по мелочам. Магазины здесь работали до восьми вечера, и Василий успевал прочитывать названия на банках и упаковках. Купил шампунь, присмотрел крем для Ганки и детские вещи для подарков на будущее, закупал продукты. До прихода работников успевал отварить макароны или картошку в мундире.

Мямля пожелтел, стал совсем вялым, сутулая спина его раздражала всех тощими крыльями лопаток. Несколько раз уже Ярослав выкидывал его на улицу, Старшой грозился за свой счет купить билет на автобус и отправить неумеху на Украину. Денег за жилье и питание Мямля не платил, а только пялился своими водянистыми глазами на земляков и ныл, чтобы нашли ему работу.

-Кому ты придурок такой нужен? – вопрошал Старшой наевшись и откидываясь назад на спинку лавки. – Ну, на что ты годишься? Какую работу ты можешь быстро и правильно сработать? Какая баба тебя любить станет?

Василь, зная наперед печальный исход подобных душещипательных наставлений, выходил на приступочку курить. Дни стояли самые долгие в году, при вечерних сумерках вполне можно было разобрать мелкий текст словаря, и Василий удивлялся про себя, как быстро и прочно входят новые слова в его обиход.

В выходные дни иногда наезжали гости: два знакомых украинца с далекого хутора. Привозили пива и водки, хозяева вагончика доставали из-под кровати, заранее припасенные бутылки, и пир шел горой. Вспыхивающие ссоры, а иногда даже драки, заканчивались миром и очередным тостом, на которые Старшой был большой мастер. Звали и Василя, но тот упорно отказывался, уходил в старый, заброшенный дом, садился на широкий подоконник и часами сосредоточенно учил немецкие слова и обороты речи.

-Я же говорил, что это студент, а вы мне не верили. Вот теперь полюбуйтесь – зубрит, как к экзаменам, – насмешничал Ярослав, обращаясь к развеселым землякам.

В очередной их приезд Василь попросил одного гостя показать, как укладывать кафельную плитку: в прилегающем к библиотеке туалете можно было обновить цветной кафель. Лицо и руки гостя были коричневыми от загара, а глаза черные с задорной искрой. «Чернявый», - подумал Василь. Гость тут же с охотой все объяснил, орудуя на приступочке двумя камешками для наглядности.

В этот день Василий из вежливости сел вместе со всеми, пил осторожно, стараясь не захмелеть. Приезжие мужики завидовали Старшому: тот застолбил бесплатное, надежное место, любопытствовали, как это ему удалось так здорово устроиться да еще прихватить с собой родных и знакомых, сетовали на дороговизну своего жилья.

-У меня планида такая. Планида эта всю жизнь со мной. Куда ни пойду – удача! – похвалился Старшой, поочередно внимательно глядя каждому слушателю в глаза, приготовливаясь к долгому повествованию.

И Старшой поведал, как два года назад, гонимый необходимостью, без адреса, почти не владея языком, вышел из автобуса на Hauptbahnhofe большого не известного ему города. Оглянулся по сторонам, да и пошел искать своего рабочего счастья, надеясь на планиду и Бога. Долго бродил по незнакомым улицам, любовался широкой рекой. Погулял по дорожкам на берегу, поглядел на многочисленные рестораны и кафе. Был выходной день, разноцветная толпа валила по центральным пешеходным улочкам и площадям. Беззаботные, веселые лица людей по-особенному поразили Старшого. Что ж, у них никто не умер? Никто не развелся, не разругался? Все здоровые и даже никакая мозоль не болит? Народ культурно уступал дорогу, когда он шел вразвалочку с потертым рюкзаком за плечами, а часть дружелюбных улыбок, так просто и открыто существовавших в атмосфере чужестранного города, предназначалась именно ему. Через несколько дней скитаний по пригородам и ночевкам на странном кладбище, на котором не было отдельных оградок, а только вокруг одна общая, Старшой, будучи тогда просто Иваном, наткнулся на эту заброшенную усадьбу. Приглядел вагончик, отбил замок с двери и заночевал в первый раз на полу. Постепенно прижился, нашел работу – конюхом при лошадях. Хозяйка оказалась добрая: дала постель, подушку. Сам

натаскал вещей со шперы - вечерних свалок старой мебели, шикарных, по украинским меркам. Обставил домик: матрасы, плитку, тумбочки, стол и лавку, навесные полки – все устроил постепенно и капитально, планируя жить несколько лет, пока близняшки не окончат медицинский институт.

Потом познакомился с соседкой-дачницей, поинтересовался, куда исчез настоящий хозяин заброшенной усадьбы. Пожилая немка, стараясь выговаривать слова четко, объяснила, что хозяин очень богатый человек: вся территория вокруг вместе с полями, лесами и арендованными дачами принадлежит ему, но, к сожалению, слаб головой и псих ненормальный, по этой причине он находится в стационарной клинике, и когда вернется – и вернется ли вообще – никому не известно. Старшой помогал соседке в садовых работах на участке, причем денег не брал: дорожил хорошими отношениями, немка могла в любое время сдать самозванца, пользуясь чужим имуществом, в полицию. Постепенно установил хорошие отношения с другими соседями, но на глаза никому лишней раз старался не попадаться - с огнем не шутят: виза была просрочена, Старшой стал нелегалом. И все равно попался – нашел друзей-украинцев, работающих на одном из хуторов, пригласил в гости. Как-то в очередную пьянку их всех трех забрали полицаи, случайно забредшие на машине для общего контроля в тихий дачный уголок и поразившиеся свободой и красочности русского мата. Подержали немного в тюрьме, да и выслали назад на Украину без права возвращения в страну на пять лет. Дома Старшой срочно сделал новые документы, уплатив смехотворную сумму, и уже через месяц снова был в „своем“ вагончике. Благодарение богу, работу конюха не потерял. Деньги он более-менее регулярно передавал семье при оказиях. Знакомых земляков становилось все больше, веселые встречи не прекратились, а немецкий обиходный быстро совершенствовался.

Сейчас, вспоминая, как нелегко ему пришлось укорениться на новом месте, Старшой всплакнул. Круглые слезы катились по румяным щекам толстячка, он шмыгал носом и ловил их в кулак. Мужики из сочувствия притащили кругляк туалетной бумаги:

-Вытирайся, Вань, - переживая вместе с ним душераздирающую историю, подвинул круг Ярослав. – Мягкая бумажка, сам купил, – и добавил внушительно, -чтобы жить, как люди!

-Здесь жжет, проклятая. - Старшой почесал левый сосок.

Чернявый и его товарищ в ответ стали рассказывать не менее захватывающие приключения, где смешное и страшное спутывалось в один плотный комок, бывший и прошлым и настоящим одновременно.

В компании курили, беспрестанно выскакивали на воздух, в тесноте все что-то падало, ломалось, и все это: мельтешащие тени на стенах и потолке железного домика-коробки, рассказы бывалых, битых жизнью мужиков, тоска по нормальной жизни, по женщинам – все это заливалось огромным количеством водки.

Заснули к утру, кто где умастился, на лавке и под столом. Василь, взяв одеяло, ушел в запретную зону – в каменный хозяйский дом. Лег на пол и стал ждать, когда утомленный переживаниями дух введет его в беспамятство. Но сон не шел. Твердые камни давили бока, а одеяло не спасало от сырости июньской ночи. Где-то в лесу ухал филин. В узкие проемы окон заглядывали искристые звезды. Из темных углов широкого зала то смутно, то явно, как взаправдашняя, смотрела на Василя Штайнхагенша, ласково подмигивая ему и облизывая розовые губы. Едва засыпая, бедняга вскакивал от неприятного ощущения, что пропустит момент, не успеет увернуться от хозяйки, и та полной

грудью навалится и придушит его. В дреме колени сами собой подтягивались к животу, и он мучительно стонал. Чтобы вконец прекратить такую катавасию, Василь встряхнул несколько раз головой и вышел во двор. Из открытого вагончика раздавались раскаты молодецкого храпа. Лес густел не шелохнувшись. Темная ночь стыла.

Василь закурил, легкий дымок грел и успокаивал. Спустился к ручью, напился пахнувшей тиной воды. Проходя назад мимо сарая, отметил аккуратность уложенных в нем поленьев. Ровные ряды дров занимали все пространство деревянной постройки. „Когда-то топили печку этими дровами“, - мелькнула мысль, и дыхание жизни незнакомых людей, поколениями росших на этом самом месте, щемяще коснулось души пришельца.

-Ну, что ж... Теперь дровишки мои, – вслух подвел итог Василь выродившемуся роду бауэров.

Он выбрал несколько полешек, надрал коры, сложил возле входа в дом пирамидку и разжег костерок. Веселое пламя спалило мрачные мысли и унесло их искорками в ставшее близким небо. Василь просидел у костра до восхода солнца, временами подбрасывая сухие крепкие полешки. Он немного боялся полиции: вариант с тюрьмой не вдохновлял будущего перспективного нелегала, но справедливая уверенность в то, что по грунтовой дороге в укромный уголок доверчивым немецким служителям порядка ехать не охота, и радость от живого друга-костра, оставляли его на месте. Ведь костер - не только средство к существованию, но развлечение еще пещерных жителей планеты, и современный Homo Sapiens приобщался к таинству возникновения тепла и энергии. Конечно, огонь можно было увидеть с дежурного вертолета, но об этом уже совсем не хотелось думать...

Под утро приснились сестренки, огород и родители в нем, почему-то собирающие смородину. А его не было с ними, и мать звала его из дому, махала рукой, приглашая присоединиться к работе, сердилась его медлительности. Он хотел побежать к ним, обнять мать, прижаться к ее грубым, изработанным рукам, но какая-то сетка путалась в ногах и не давала шагнуть и шагу.

В чистом прозрачном воздухе зазвенели церковные колокола, Василь очнулся. Костер погас, мягкие лучи по-утреннему лимонного солнца гладили старую кладку стен. Итак, надо жить дальше, ничего еще не окончено, и вся прожитая жизнь, явившаяся ночью - только прошлое, а в прошлом уже ничего не будет таким, каким покинул его Василь. Да и сам он не может вернуться ни в детство, ни в юность: туда нет дороги живущим на земле, а можно только помнить. Помнить и иногда посещать во сне.

9

В воскресенье вечером гости уехали восвояси, увозя похмельные головы и хорошее настроение. Оба мечтали заработать на чужбине денег. Купить маленькие автобусики и уже никогда не покидать своих семей, добывая деньги транспортными перевозками. Старшой не вышел их проводить. Он пролежал весь день на матрасе, почесывая левую сторону и жалуясь на духоту. Сначала вдруг вздумал бузить: стал жалобно стонать и требовать врача. На что все четверо дружно отвечали:

-Ты больной, но не на голову. Должен соображать!.. Какого тебе врача? Где твоя виза? Где медицинская страховка? Хочешь, чтоб тебя полиция к

украинским врачам выслали? Стыдись, ты ж нас всех подставляешь! А может, ты по тюрьме соскучился? Там кормят, одевают, лечат. Опыт у тебя есть, посетишь прежние места, может, знакомых тюремщиков встретишь.

Ярослав, дурачься, протяжно запел: «По пыльной дороге, закованный в цепи, закованный в цепи, преступник шагал...» Старшой прислушался к словам старой народной песни и перестал стонать. Потом он согласился принять стопку для поддержания упавшего зорovia. Но сидеть за столом долго не мог - томился и посиневшими губами отпускал шуточки:

-Похоже, Мямля, замена тебе есть. Давай, складывай монетки, езжай домой, я буду теперь матрасы давить. Два бездельника они не выдюжат.

Уснули рано, утомившись от выходного дня сильнее, чем от рабочего.

Назавтра профессор дома не появился. Василь штукатурил стены и поглядывал на часы. Обеденное время давно прошло, а во всем доме стояла странная тишина. Утром библиотеку Василь открывал сам: у него был входной ключ со стороны сада. Но где же хозяйка? Работать одному было скучно, и украинец пожалел, что не попросил радио у профессора. Вдруг он услышал шум мотора: «Мерседес» остановился у крыльца, хлопнула дверца. Уже через минуту белобрысая хозяйка стояла в проеме двери. Без проволочек она бросила ключи на пол, быстро подошла к Василю и прижалась всем своим упругим телом к грязному, забрызганному штукатуркой, комбинезону. Сильные, полные руки обвили тело обмершего Василя, а губы впились в губы, казалось, доставая нутро. От такого напора Василь не удержал равновесия и влип спиной в раствор штукатурки, за минуту до этого намазанную на стену.

-Jtzt bist du mein Schatz, - задыхаясь, властно шептала профессорша. – Mein Mann – Weg, Weg!.. –Она помахала на дорогу рукой. –Nach Brüssel, Justizseminar! –односложно, чтобы быть понятой, объясняла она.

-Понятно, уехал на семинар юристов, - соображая, повторил Василь.

Темно-красными, длинными ногтями Штайнхагенша стала расстегивать пуговицы на рубашке Василя. Он дернул головой и нечаянно коснулся светлой пушистой пряжи, Запах дорогих терпких духов и женской страсти вошел в него гремучей смесью. Сознание затуманилось, из рук выпала щетка, которой он затирал штукатурку, и он с силой сжал тонкую талию немки. Кости хрустнули.

-А-а –а...- вскрикнула женщина.

От испуга Василь уронил ставшее мягким тело.

-Alles in Ordnung, alles ist gut! Keine Panik... - морщась от боли, засмеялась немка, садясь и поправляя длинные волосы. –Welcher Bär!.. Welches Temperament!.. – и снова засмеялась нежно и призывно. Она опять протянула к нему свои холеные хищные руки.

-Нет, нет, - заикаясь, пролепетал Василий.

Повернулся, и, чувствуя в горле непроглоченный голодный ком, выбежал во двор. Сел на велосипед - уехал без оглядки.

Придя в себя, остановился и пошел пешком. Сердце колотилось, подпирало ключицы, а в душе стояла неприятная пустота. Не то, чтобы он не мог по всем статьям обслужить хозяйку, нет, женщины у него до Ганки были, и силу свою он знал, но ему было горько за профессора – умного и доброго человека, любившего свою жену слепо и безнадежно, А еще было обидно: женщина не спрашивала его согласия, была уверена, что он принадлежит ей, как купленная вещь. Кто он ей? Раб бессловесный? Батрак на все случаи жизни? Кто?!..

О Ганке не думалось - было стыдно.

Василю нужно было зайти в магазин, купить чего-нибудь к ужину, но он вспомнил, что кошелек с деньгами и документами остался в пакете пресловутой библиотеки, да и в грязном комбинезоне нельзя появляться в магазине: он вызывал внимание любопытствующих прохожих. Представив, каким его видят люди со стороны, встревоженного и измазанного штукатуркой, украинец занервничал, заторопился и наехал на бордюр. Он покрепче дернул велосипед за руль, чтобы переднее колесо приподнялось, и сшиб коляску старичка, с умильным неведением толкавшим ее впереди себя. Старичок мягко выпустил ручки коляски, и все с тем же умильным видом, повалился на асфальт. Василь бросил велосипед и попытался уловить неудачного прохожего, пока тот не достиг хрупким старческим телом опасной поверхности асфальта. Подбежали люди, стали помогать, подняли старичка, отряхнули, приставили снова к коляске. От дороги из потока машин выделилась зеленая полицейская и притормозила рядом. Голубоглазый молодой полицейский вежливо попросил виновника происшествия предъявить документы.

Василь оглянулся: стоял теплый, длинный день. Народ гулял по площади, ряды столиков у кафе были заняты отдыхающими. Никто никуда не спешил, никде не высняли отношений скандальные женщины, не валялись пьяные, ничего не происходило. На фоне этой идиллии падение старичка стало заметным явлением, и несколько праздных зевак ожидали продолжения действия.

В критической ситуации украинцу необходимо было найти немедленное и оригинальное решение, но, как назло, ничего не приходило в голову. Конечно, можно было поехать с патрулем назад, к дому Штайнхагенов, показать бумаги: паспортная виза была еще действительной, оставалась пара дней. Он не собирался уезжать от профессора, а думал повторить путь друзей-земляков – остаться здесь нелегалом. Раскрывать свои планы полицейским Василь, понятно, не собирался. Назвать адрес профессора - означало подставить хозяина под удар, ведь тот взял незарегистрированную рабочую силу, а кроме того, ответить на вопрос, где проживает сам нарушитель, все равно было немисливо, да и просто невозможно. Это – конец! Василь просчитывал варианты, интуитивно искал неординарного выхода.

Водитель выглянул из окна машины и поторопил вежливо ожидающего коллегу, показывая на часы.

И тогда украинец ухмыльнулся.

-Nein, Ausweis habe ich zu Hause vergessen, -(Я забыл свой паспорт дома) - сказал он, нагло глядя в голубые глаза полицейского.

-Also, Sie haben kein Ausweis. Sie sind ein Schwarzarbeiter! – (У вас нет гражданского паспорта. Вы - нелегальный рабочий.) – Полицейский указал на комбинезон Василя. –Setzen Sie sich!(Садитесь!)

-Nein, nicht schwarze Arbeit, (Нет, не нелегальная работа), - коротко мотнул головой украинец.

-Doch, -ткнул тот в отваливающийся от штанов раствор штукатурки.

-Nein, -твердо ответил Василь. –Das ist mein Hobby. Sie malen auf die Wende - ich male auf mich selbst. – (У меня такое Хобби. Вы рисуете на стенах, я рисую на себе самом.) –Василий повел плечами, и со спины слетел кусок отсыхающего раствора.

Старичок, между тем, придя в себя, заступился за Василя, мотивируя тем, что толчок произошел случайно, вцепился в ручки коляски и, улыбаясь почти также умильно, как и прежде, пошел своей дорогой.

Голубоглазый полицейский заулыбался нахальству симпатичного приезжего, явно нарушающего закон о трудовых отношениях.

-Las ihn - закричал водитель из окна. –Sicher hat er keine Arbeitserlaubnis, aber Humor hat er. Was kannst du jetzt machen? Komm schon, es ist Zeit! –(Оставь его! Конечно, у него нет разрешения на работу, зато есть юмор. Что с ним поделаешь? Идем, время не ждет!)

Голубоглазый сказал несколько предупреждающих фраз, из которых Василий понял, что тучу пронесло. Нарушитель спокойствия отдышался: ясное дело, больше не попадусь вам на глаза в таком виде, хорошо, не буду сшибать допропорядочных немецких граждан, яволь!

Полицейская легковушка развернулась и, набирая скорость, исчезла из виду. Праздничный народ разошелся.

«Здорово, что я успел подхватить старичка. Поломал бы кости, худющий ведь, как скелет. Тогда бы уж мне никак не выпутаться, – думал Василь, торопясь покинуть место происшествия. – Однако же при полной концентрации я могу неплохо изъясняться по-немецки, они ведь все поняли», – с некоторой гордостью отметил он.

Вечер Василь провел в расстройстве. Дневные события не то, чтобы совсем выбили его из колеи, но вызвали в нем подавленность и апатию. Чем уж никогда не страдал молодой организм, так это отсутствием аппетита, но на ужин Василь не мог проглотить ни куска. Попил чаю, посочувствовал Старшому, мучившемуся от жжения в груди, и лег спать. «Утро вечера мудренее, завтра решу, что делать дальше»,- теребя тонкую подушку и засыпая, подумал он.

В полночь на мобильник Ярославу позвонил Чернявый: его друг купил подержанный микроавтобус и теперь срочно выезжал на Родину. Нельзя было медлить, чтобы не задержать страховку и не выплачивать без того большие суммы. С утра земляк мог бы заехать, забрать вещи: деньги и сумки с подарками, передать их семьям на Украине. Не безвозмездно, но с гарантией.

Сна как не бывало! Жильцы вагончика повскакивали, засуетились, доставая давно приготовленные на подобный случай гостинцы. Мямля отчаянно вертелся у всех под ногами, как будто у него было больше всех забот.

-Я родителям электический чайник передаю. Вот обрадуются подарку: ведь они чай пьют по несколько раз в день – такие чаевники! А этот чайник кипятит в момент! Новинка техники!- сам радовался за родителей Мямля, впихивая электический чайник в небольшой мешок.

Старшой спросонья никак не мог застегнуть молнию на большущей сумке типа «А,ля, коробейники», придуманных для послеперестроечных купцов, таскающих товары из разных стран света на собственном горбу и толкающих их на рынках по месту прописки втридорого.

Пламя свечи колебалось от вихрей воздуха, поднимаемых взбудораженными телами. Как назло, замок заело. Старшой дергал его, разворачивал сумку то одной стороной, то другой, пытаясь разглядеть, в чем причина.

-Ты мне еще тут!..- цыкнул на Мямлю Старшой.

Тот присел, чтобы не мешаться, на край лавки.

-Да, вот еще что, - справившись с замком, повернулся Старшой к Мямле – ты, Мямля, собирайся домой. Сам дорогим подарком родителям явишься. А здесь тебе делать нечего. Работы у тебя нет, что без нее тут делать? Мы тебя

содержали втроем, а ты ведь не содержантка. Скажи спасибо добрым дядям и отчаливай.

В тусклом свете глаза Мямли казались совершенно прозрачными.

-Ну, нет! - затравленно осклабился Мямля. - Вот это уж нет! – Он злобно пнул сумку Старшого. -Вы будете здесь деньги заколачивать, а мне там и хлеба купить не на что. Не выйдет!

-Тебе и сейчас не на что купить хлеба - наш ешь, – не обращая внимания на пинок, ответил Старшой. – На бензин водителю денег дать надо, сам знаешь - бесплатно не повезут.

-Что ж мне делать-то? – знакомо занудил Мямля, хватаясь за голову.

-Чай пить с родителями из нового чайника, так его, - съязвил Ярослав.

-А ты, - Старшой обернулся к острорылому красавцу, -давай-ка, позвони ребятам, скажи, чтоб одно место для нашего несчастья держали свободным. Да узнай, кто еще из знакомых домой едет.

Пока в почти полной темноте и тесноте трясли и укладывали шмотки и деньги, сон прошел. Вышли покурить, посмотрели на рассыпанные звезды, летящие темные облака, послушали шум листвы каштанов. Легли, тесно прижавшись друг к другу усталыми телами.

-Вот и места больше будет, - отметил Старшой, ворочаясь туда-сюда, как колобок, и мешая другим.

-Совести у вас нету – выкидываете, как собаку, - слабо вздохнул Мямля.

-Это у тебя совести нету – жрешь за троих, а денег не платишь. И куда только лезет, и ведь ни жирилки на костях не остается – жердина и есть жердина! А собак ты не вспоминай, сравнение неудачное. Тут у каждой собаки свой дом есть и своя кормежка, и заметь, получше, чем у нас, – с сожалением вздохнул Старшой.

-О, мужики! За собак анекдот вспомнил, - повеселел Ярослав. – Слушайте. Приходит клиент в парикмахерскую, мол, так и так, постригите меня. Парикмахерша ему наплечник навешивает и спашивает: «Отчего вы, клиент, нервничаете?» «Да, так, ничего. Только вот ваша собака почему-то на меня уставилась». А парикмахерша спокойно отвечает: « Это она ждет, если случайно ухо отстригу - она его проглотит.»

-Ха-ха-ха-.. -заливисто раскатился смех Старшого, матрац от смеха закачался. –А вот слушайте-ка мой анекдот: «Приходит женщина к доктору...» Приколослся и снова раскатился смехом, тонко повизгивая и подрыгивая ногами.

Ну, и пошло!... Рассказчики-то бывалые, знающие себе цену! Василий тоже стряхнул странное томление духа и тела, напрягавшего его весь сегодняшний неладный день, и насмеялся, да еще сам кое-что вспомнил. Мямля смеялся вместе со всеми, и ему стало казаться, что до утра еще также далеко, как до неба, которое ровным светом освещало земное пространство и затерявшийся среди полей и роцц одинокий вагончик и четырьмя беженцами.

Земляк заехал в предрассветный, свежий час, когда первые певчие птицы пробовали на слух голосовые связки. Наскоро попрощались, столкнули сумки в, забитый вещами, подержанными электроприборами и стиральными машинками, автобусик и помахали вслед растерянному Мямле.

-Баба с возу – кобыле легче, – провел подозрительную параллель с бабами Старшой.

Толстяк слегка наклонился вперед, словно от боли, вытер испарину со лба. Позавтракали, приготовили бутерброды. Времени до работы оставалось еще много. Голова болела от недосыпу, каждый думал о своем, но всем явно не хватало непутевого жильца.

Василь не подавал виду, что на сердце беспокойно. «Что сегодня случится? Как идти на работу? Как все по-хорошему уладить с профессоршей? Приду и сделаю вид, что ничего не случилось, буду свою работу делать и не обращать внимания на эту вертихвотку», - прикидывал он, тяжело вздыхая и вспоминая пылкую атаку хозяйки. Полные женские руки, казалось, обнимали его - это были не Ганкины руки. На губах Василь ощущал горечь жадных губ - это были не Ганкины губы. Василий гнал запретные мысли, а сам снова и снова задышался от острого запаха дорогих духов.

«Нет, не поеду никуда, - прислушиваясь к самому себе разумно рассудил он. –Профессорша меня в покое не оставит... Через неделю придет хозяин, тогда и приду, а документы никуда не денутся. Кстати, Мямли на матрасах нет, так что поучу в тишине язык. Немец придет, а у меня скачок в знаниях!»

-Профессор велел через неделю приходиться, уехал в Брюссель на какое-то совещание юристов, - сказал он вслух.

-Только сейчас вспомнил? – иронично скривил губы Ярослав. –А как же жена? Она одна дома, и, как я предполагаю, скучает, бедняжка. Старшой, скажи нашей хозяйке, сегодня я не приду – приболел. А ты, Студент, возьмишь меня с собой. Хозяйке скажешь, что я тебе помогать буду. Бесплатно! – в глазах Ярослава разгорелись охотничьи огоньки.

Старшой противно засмеялся тоненьким двусмысленным смехом. Ярослав стал расчесывать кудрявый чуб, заглядывая в маленькое зеркало на стене.

-Ну, нет, - вспыхнул Василь, не успев удивиться собственной горячности. Он в упор уставился в пронзительные глаза красавчика.

-Ага, что-то, значит есть! –тут же ухватился современный Казанова. –Так, значит, вот какую библиотеку ты там обрабатываешь оказывается! Гляди, Старшой, куда нашего Студента потянуло! Мы тут сидим на голодном пайке, - он зло выругался, - а этот сопливый говнюк не землячку-прислугу, а местную немку уделывает... Да не простую, а профессоршу! Я твоему профессору все про вас объясню! Про твою добросовестную работу. – Глаза Ярослава беспощадно сощурились.

Тяжелый кулак, описав дугу, попал точно в солнечное сплетие. Василь не отпрянул. От неожиданного удара воздух в легких застопорилось, он повалился на пол. Попинав лежачего, драчун немного успокоился.

-И дается же некоторым все, - Ярослав сплюнул, - и жена путевая, и любовница!.. Ну, у меня же... – он присвистнул, - только деньги давай! Давай, давай! А сама давать не хочет.

-Поехали, - смурно глядя себе под ноги, чтобы не зацепить раскинувшегося на полу Василя, заторопил Старшой напарника. – Разошелся, вояка!

Оба вышли, крепко хлопнув дверью.

Василь медленно поднялся. Что же это он рассусолился? Дома борьбой занимался, в мальчишеских драках во дворе никому не уступал, а тут вдруг... Голова закружилась, и ему снова стало казаться, что полные руки обнимают его, а крепкие губы впиваются до зубов...

Безделье никого не красит. Безделье растормаживает и разлагает внутренний порядок человека. Правила грамматики в голову не лезли, варить не хотелось. Василь сутками пролеживал в сладкой дреме, смешанной из женских призывов и абстрактных цветных картинок. Питался бутербродами и чаем. Чай заваривал из листов смородины, росшей неподалеку от вагончика. Листочки срывал по вечерам, пока усталые работники ужинали, чтоб не присутствовать при вечерней трапезе. Заходил в домик только спать. С Ярославом, вообще, не разговаривал, Старшему отвечал односложно.

-Ты что-то, паря, закисаешь у нас, словно Мямля. Ну, чего ты сердишься? Ни к чему хорошему это не приведет, – предупреждал Старшой, пытаясь изменить его настроение.

-Ладно тебе, Студент, не держи зла, погорячился слегка, – совестился Ярослав. –Хочешь – стукни меня, я стерплю. Ну, стукни, стукни! – приставал он к Василию, подпрыгивая и вставая в боевую стойку.

Василь отмалчивался.

Днем он ходил к желтой телефонной будке: тратил деньги на переговоры по карточке. Ганка дохаживала последние недели, родители работали и слали приветы. Денег Василию жалко не было - заедала тоска.

На исходе недели Василь решил-таки встряхнуться. Одел чистую рубашку, предварительно разгладил ее руками. Помылся - побрился, душевно взбодрился. Прикатил на велике к остановке, приколот на замок свой транспорт, подождал автобус, сел – и вперед!

Ехать было порядочно, украинец смотрел в окно. Голоса соседей сливались в один поток чужих, непривычных уху звуков. Соседи – чернобровые турки – горячо обсуждали возможности футбольных команд. Шел финал, команда Турции стремилась к выигрышу, все несведущие становились любителями футбола, все любители –фанатиками. «Языка не знаю, а основной смысл улавливаю, как это?» - слегка удивился наш герой. Постепенно от отключился от происходящего, задумался о своем.

«Вот уже и августовский, желтый налет на листьях деревьев, я приехал в апреле, а ведь до сих пор не осмотрел большой город. Да и соседние города расположены притык друг к другу, можно бы тоже съездить. Есть планетарий, есть дельфинарий, есть зоопарк и ботанический сад. Можно ведь карту купить на бензоколонке, план изучить. Есть прогулочные катера по Рейну, старинные замки, многочисленные церкви с их органными концертами, телевизионная башня, музеи разнообразнейших направлений, да мало ли еще чего... – текли мысли. - Приеду домой, что буду рассказывать, о чем вспоминать? О библиотеке и профессорше? Или о вонючем вагончике и заброшенной усадьбе? А время идет... Нет, надо торопиться, использовать время с толком. Надо становиться бывалым, битым жизнью мужиком».

Сосед справа нечаянно задел Василя рукой, не рассчитав жеста, разгоряченный, он как бы послал мяч в ворота противника. «А что, вполне возможно, что турки займут первое место в мире - вышли же в финал. Хотя бразильцы и немцы не уступят... Фортуна улыбнулась туркам, вот сколько радости турецкому народу! Мне бы их заботы, и я бы футбольным фаном стал! А ведь как турки-то прижились в Германии! Обычаи свои соблюдают, мечетей понастроили! Немцы привыкли к чужой речи – глобализация! А что делать нам, украинцам? Мы что, хуже турок, почему нас сюда не берут? Сегодня дай разрешение - завтра вся Украина поднимется и переедет в середину Европы, чтоб быть подальше от президента Кучмы и его клики».

И мысли Василя снова свернули на свое: как распорядится им жизнь дальше? Не он хозяин своей судьбы – она его хозяйка! Она, проклятая, выгнала его из дома, от семьи - в неметчину. Она заставит его и в дальнейшем зарабатывать на жизнь в чужой земле. Он вздрогнул, от такой мысли. Родина-кукушка, зачем подкидываешь детей в чужое гнездо? Почему невозможно, пусть не хорошо или нормально, но хотя бы сносно зарабатывать собственным трудом на собственной земле? Зачем раскидала свой народ по зарубежью, оторвала кормильцев от семей, матерей от детей?

За окном перестало зеленеть. Новые районы высились небоскребами, красовались глянцеви́то отсвечивающими небо огромными окнами. Василь проехал их без особого сожаления. Зато когда начались относительно старая планировка, сердце радостно заби́лось. Вереницами пошли дома и узкие улицы, с обеих сторон заставленные машинами. В альтиштадте Василь вышел из автобуса.

Вместе с неторопливой толпой прошел между столиками многочисленных кафе и ресторанов к широкой реке. Простор: небо, вода и пологий противоположный берег взолновали его. В обед он купил булочку с зажаренной колбаской, с аппетитом съел вместе со стоящими рядом случайными людьми. Они не были чужды ему: улыбались, принимая его как полноправного члена одной большой семьи называемой человечеством.

В толпе Василь отмечал множество языков: арабские, славянские, африканские. Кого только нет! На Украине тоже множество всяких наций живет. Разные народы - разные традиции, представления о моральных ценностях, культура. Но, впрочем, многие предпочитают говорить на русском, русская культура и связывает народы бывшего Союза. Но тут столько разнообразнейших народов дружно уживаются на маленьком клочке земли! И как уживаются! Не только не развязывают споров и драк, но и улыбаются друг другу. На улицах тишина и порядок. На асфальте нет куч мусора, не валяются по лавкам пьяные, наркоманы мирно обнимают своих ласковых собак и выпрашивают у прохожих подаяния спокойно, без нервотрепки, не разыгрывая сцен, не строя из себя инвалидов первой степени, несчастных погорельцев или обворованных наивных приезжих.

Прогуливаясь по широкой набережной, Василь, среди идущих навстречу людей, интуитивно высчитывал русских. Их было много, они так же неспешно предавались отдыху, как и другие, но печать русскости неистребимо отличала их лица и походку. На небольшой площади Василь встретил уличного музыканта. Вернее сначала услышал его гармонику. Весело звучала знакомая мелодия «Калинки». Народ стоял полукругом, хлопал в ладоши и присвистывал. Кое-кто подпевал со смешным акцентом: «Калинка, калинка, калинка моя! В саду ягода малинка, малинка моя!» Василий с удовольствием постоял рядом. Вдруг понял, как соскучился по музыке, как давно не пел сам. После каждой песни люди кидали мелочь в открытый футляр инструмента. Некоторые покупали дискеты с песнями. Одни слушатели уходили, другие подходили, поэтому музыкант периодически повторял «Калинку». Василь отметил, что репертуар уличного артиста не был разнообразным. Музыкант сделал паузу, опустил гармонику с колен. Народ разбрелся, ища других развлечений.

Василь подошел:

-Здорово живешь, - протянул он руку.

Музыкант твердо пожал ее

-Здорово, земляк.

Разговорились. Один был из Санк-Петербурга, другой – из Тернополя, но оба объединились в общем чувстве людей на чужбине. Музыкант приезжал по трехмесячной визе к знакомым, был доволен небольшим, но стабильным заработком, но очень ругал конкурента – пожилого элегантного шарманщика, что неподалеку бросал злые взгляды на русского гармониста. Музыкант был рад передохнуть полчаса от однообразного ежедневного пиления надоевших ему мотивов.

На короткие полчаса он стал другом незнакомому украинскому парню, другом, которому можно доверить свое сердце. Почему так бывает: в вагоне поезда случайному попутчику можно рассказать то, что никогда не решишься рассказать родителям или супружеской половинке? С ним теряешь границу собственной личности, напрягаясь постичь встреченную душу. Теряешь чувство меры и опасности, потому что их и нет в эти минуты: мера не меряна - ей нет необходимости быть; опасности нет - скоро ты расстанешься с чужим человеком, ставшим тебе близким на короткий промежуток времени, и будущее вряд ли сведет вас. Поэтому ценность в настоящую минуту имеет только искренность и правдивость - то чистое и открытое, что живет в каждом человеке, загнанное в глубину приличиями, нормами и осторожностью, то, что в ежедневной жизни проявляется крайне редко. А жаль... Сколько доброты, милости и благородства узнал бы мир, будь мы все искренни и открыты! Но и то сказать – опасно! Опасно, потому что добро беззащитно. А если активно противостоять злу, постепенно превращается в свою противоположность Добро и зло, в своем конечном виде можно узнать только по краям огромной палитры, красками которой рисует жизнь узоры судеб. Белое и черное... Переходных же тонов огромное количество, не уразуметь простым умом, сколько смешанных красок и полутонов существует в отношениях людей! В минуты общения с чужим, исчезающим в конвейерной ленте времени попутчиком, ясно проступет стремление к чистоте, стремление вывернуться наизнанку в попытках оправдать свои поступки ситуацией и необходимостью, и покаяться в совершенных ошибках, как в разговоре с собственной совестью, даже и без особенных попыток быть понятым этим другим. Вот почему мы все так дорожим случайными попутчиками в дороге.

И только некоторые из нас находят путь к Богу, который требует чистоты, искренности и правдивости на протяжении всей нашей земной жизни, в ответ же дает понимание, радость и покой.

10

Вечером в вагончике пировали. Земляк с дальнего хутора, с легкой руки Ярослава названный Чернявым, привез нового знакомого, молодого и неопытного в заграничной жизни парня. Когда Василь вернулся из города, веселье было в разгаре. Пьяные крики и маты разносились по глухой округе, отдаваясь эхом от бетонной стены, скатываясь в расщелину ручья. Темная строгость старой усадьбы не соответствовала настроению непрощенных гостей. Угрюмо шумели каштаны огромными разлапистыми листьями, как бы осуждая людскую суету вообще, и данную попойку, в частности.

Василю нестерпимо захотелось прочь... Прочь от этого ненавистного места, прочь от Ярослава и Старшого, от пустых, никому не нужных слов и

действий. Куда? Да хоть куда, только бы не видеть этих лиц, не слышать этих голосов! Но куда ж все-таки пойти вечером в чужой стране?

Василь поставил свой велосипед у стены рядом с четырьмя другими, поднял брошенное у тазика полотенце и прошел по крапиве к старому дому. Натаскал дров из сарайки, разложил на прежнем кострище возле входа костер. Там подстелил полотенце под себя и сел у разгорающегося желтого пламени. «Только бы черт не принес полицаев», – вслушиваясь в тишину на дороге, думал Василь. Ноги гудели от долгой прогулки, хотелось есть. А еще – втянуться, расправить тело в летней ночи и уснуть, чтоб под боками не давили камни своею безжалостной твердостью.

Выскочил Ярослав на минутку по нужде в лесок. Возвращаясь, докопался к Василю:

-Опять ты, Студент, за свое взялся! Зря ты нарываешься: заявятся блюстители – нам всем не сдобровать. Знаешь ведь, что нельзя этого делать. Детям дома спички не дают, а ты тут разложился!..

Василь смолчал.

-Ну, чего ты, Судент дуешься? – сменил тон Ярослав. - Идем за стол! Чего нам с тобой из-за гнилой коровы ругаться? Подумаешь, профессоршу потягиваешь! Да у меня таких баб два мешка и третьего половина. Не трону я твою б., не бойся.

Василь медленно отвел взгляд на костер.

-Презираешь, падла, - затрясся Ярослав. – Я научу тебя со старшими разговаривать, чтобы не кривится. Нет, ты будешь меня уважать! – он с яростью сжал кулаки и шагнул навстречу.

Василь тяжело поднялся, боясь, что сердце разорвется от подступающей к горлу ненависти, и он не донесет, ставший железным молотом, кулак до пульсирующей желваком левой щеки подонка. Сейчас он сомнет этотдвигающийся ярко-красный рот, эти резные дергающиеся губы. Его глаза пронзили черные точки зрачков врага и увязли в глубине, застряв в выемке под кадыком.

-Ну, че ты, я ж пошутил, – отступил в крапиву Ярослав.

Возвращаясь в вагончик, он удивленно ворчал себе под нос:

-Во, дает, Студент... Уж и пошутить нельзя... На мозолину ему наступили!

Василь расслабился. Становилось прохладнее. Вечерние, скромные звезды посылали ему с высоких небес свой привет. В кустах тихо присвистнула задремывающая птица.

Временами из домика выскакивали гости, кричали Василю что-нибудь смешное или значительное, по их мнению, - но к костру не лезли. Василь смежил веки. Хлопчатобумажная рубашка не грела, временами по телу пробежала дрожь, Василь жался к костру. Ночью будет совсем холодно, ладно, если еще не пойдет дождь; впрочем, уснуть на камнях все равно не удастся. Что же делать? В вагончике ему места нет – там и так четверо на двух матрасах впритык. Если только на заплеванной, заброшенной окурками пол?

«Ночью не выплусь, - покашливая, прикидывал Василь. – Завтра воскресенье, еще раз съезжу в город, погуляю. А в понедельник утром – на работу, профессор приедет. Наконец-то, снова за дело - белить и красить в библиотеке. Да...» – работать надо, и он хочет работать, но как он теперь будет беседовать с хозяином, он представлял себе слабо. Мысли кружились, как искры над пламенем, и сгорали, пропадая во тьме.

В вагончике угомонились, постепенно все затихло. От двери отделилась короткая фигура. Старшой, покачиваясь на нетвердых ногах, направился к

Василю. Костер осветил багровое, припухшее лицо, а початая бутылка в руке дополняла классический портрет выпивохи.

-Ха-ха-ха! Мать твою...- потрясая бутылкой, восторженно закричал Старшой, –Смотри, что я тебе несусь! Слабый народец пошел, по бутылке и спать! Разве это молодежь! Вот в наше время пили, так пили! Пока у всех деньги не кончатся! Потом ходили добывать!

-Что: деньги или водку? – уточнил Василий сонно.

-А это ведь одно и то же, – залился тонким смехом Старшой.

Он уселся прямо на камни рядом и уставился на огонь. Игра пламени зачаровала его. Желто-оранжевые языки изображали им одним известную свистопляску и, казалась, музыка огня звучит в ушах.

-Хорошо тут у тебя, паря, – подкладывая полешек под озябший зад, проговорил толстячок.

Помолчали. Из соседнего сада вылетела ночная птица, прикрывая широкими крыльями звезды, и без того проигрывающие соревнование с искрами, пронеслась над головами. Запахи августовской ночи покрывали землю романтическим флером. Кашель запершил горло и сотряс тело Василя.

-Заболеешь ты, паря, – мягко сказал Старшой. - На, выпей немного водки, к утру здоров будешь. Иди, на матрац ляг, а я и на лавке умещусь, – потцовски заботливо заблестели глаза; он протянул бутылку.

Василь почувствовал: перехватила горло подступившая нежность. Как не хватало ему этого тепла – человеческого, не древесного. Он взял водку, хлебнул из горлышка.

-Хорошо пошла, - одобрил Старшой.

Живой огонь лизал ровные поленья, пламя было игривым и сильным, привлекало взгяд, и пьяная развязность отступила от Старшого; размышления о жизни, а, возможно, даже и о смысле ее, коснулись измененного выпивкой сознания, разбудили духовную сферу мышления.

-А ты чего не лег спать со всеми? – прищурился на огонь Василий.

-Да вот, тут, в груди жжет, проклятая, - Старшой почесал за пазухой. –Я уж привык к этой боли... Я ко всему уже привык... Вот и бабу уже, считай, два года не щупал. Ни телевизора, ни музыки, ни бани – живу, как заброшенный пес. Ладно, что конуру нашел, приткнулся, а то бы сдох уже где-нибудь тут, на дороге. А так, слава Богу, деньги идут, контора пишет, девчата учатся. Все по уму. Не что, что у Ярослава. –Старшой хихикнул. – Не по-людски у него в семье... Ты на него в обиде.

Василь мотнул головой:

-Причем тут обида?

Старшой, как не слышал:

-И правильно обижаешься! – он сплюнул в крапивную темь. - Но и его, как мужик мужика, пойми. Нервный он. Сам подумай, паря, прикинь, для кого он тут, в этой норе, ошивается?

-Так он же такие деньги зашибает! – напрягся Василь

-Деньги, деньги... А в какую трубу эти деньги улетают? Жена его, Иванка, это... –он не смог подобрать подходящего слова, - ну ты понял. Та еще сучка. Я ее еще на свадьбе, как первый раз увидел, сразу определил. Так и пошло. Ребенка родила. Хороший парнишка, крепкий. Она его молоком кормить не хотела, то одной бабке на руки кинет, то другой. А сама хвостом вертеть по магазинам и подружкам. Только тряпки в голове. Теперь вот что натворила, дрянь такая! А, ты и не знаешь... Старшой уселся поудобнее на полешек,

пошуровывая палкой костер. В ответ искры вспыхивали с новой силой.- Да, вот и работай тут после этого, – он задумался.

-Так что же натворила эта Иванка? – подтолкнул разговор Василь, видя, что мысли Старшого ускользают в другом направлении.

-А?.. Что случилось? Ага, - встряхнулся тот. – Иванка мужнину машину продала.

Василь опешил.

-Какую машину? Как продала?

-Да так и продала. За гроши. Деньги-то ей Ярослав сначала все присылал. А потом понял, что почему, решил в имущество вкладывать. Перво-наперво машину купить. Пригнал на Украину синего Форда, растормозил – опять куча денег все оплатить, поставил в гараж к знакомому. Жене, как положено, дал на расходы. Снова из дому подался, опять деньги нужны. Он уже четвертый год выезжает: то в одной стране, то в другой. Теперь вот я его в Германию позвал, жалко, родственник же. А толку нет. Сколько домой ни пошлет – Иванка все на помаду истратит. Домой отдохнуть приедет, заработок – полные карманы, а через две недели супруга снова гонит, все ей мало! Ярослав ей каналы перекрыл, не стал деньги посылать. Здесь копит, ведь руки золотые, думает дом поставить. Да разве ж с такой женой что дельное сробишь? – Старшой захихикал. –Только в одном и способная. По ночам звонит ей, никогда дома нет, потом говорит: спит крепко. Ха- ха-ха... Да... – он опять задумался.

Помолчали. Василь был весь внимание: Ярослав открывался ему с совершенно другой стороны.

-А вот вчера позвонил, - продолжил Старшой, - а она ему по телефону и бухнула: так и так, мол, продала твою машину, не было на пропитание. И как она к знакомому подкралась, как все это провернула?.. Хорошая машина была. Вот она любовь слепая! Расстоился Ярослав, а мне виду не дает: выгораживает свою Иванку. Работает, как вол, а гол, как сокол! – Старшой засмеялся нечаянно пришедшей рифме. – Пей, не жалея водочки!

Василь снова отхлебнул и немного захмелел.

-А я от Ярослава другого ожидал, - с сочувствием сказал он. - Не, у меня не так. Моя Ганка хозяйственная, каждая гривна свое место знает. Мы квартиру себе купим при первой возможности. Представь, Старшой: кухню с соседями не делить, ванна своя. Ребенка выкупать – в очереди стоять не надо, не говоря уж о туалете. И разборок не будет: чья очередь убирать. А обстановку - что сам сделаю, что отец поможет. Главное, хоть маленький уголок, да свой. Но это потом. А сейчас калорийное питание Ганке надо, чтобы молоко хорошее было. Уже через две недели ребенок родится, а меня и нету рядом, – разоткровенничался он, и на глазах закипели непрошенные слезы. Замолчал, чтоб не задрожал голос.

-Это верно, у каждого душа болит за своих. Ничего, паря, бабы - они живучие, все обойдется, еще какой герой народится! - Старшой похлопал будущего папашу по плечу.

Обоим стало хорошо на сердце от дружеского прикосновения.

- Вот разбежались мы, мужики украинские, за работой, куда Макар телят не гонял. Мужуку, если он не инвалид или священник, стыдно по улице пройти: бездельник, значит. А бабы наши теперь себе сами хозяйки стали: сами рожают, сами с детьми управляют, – по- деревенски «дителями», сказал он. – Везде сами. Матери-одиночки все стали через дядю Кучьму. Он, считай, на Украине один мужик и остался, что в рабочих летах, да еще друзья-приятели

его, министры-эгоисты. Компания эта живет припеваючи, а тут сиди-горюй в темном лесе, – Старшой вслушался в глухую ночь.

Где-то высоко пророкотал самолет. Старшой всмотрелся в небо. Цветные огоньки чертили траекторию полета.

-Летают. У них деньги есть.

И снова тишина, ни листок не дрогнет, ни ежик не прошелистит в траве.

-А вот, ответь ты мне, Василь, на такой вопрос: почему у них тут звезды не падают? У нас дома - то над головой упадет, то - по краям неба. А тут нет. Висят себе, заразы, - Старшой засмеялся. – Не знаешь! А я вот скажу тебе: потому что у немцев везде порядок. Ordnung ist Ordnung! Да. Порядок есть порядок. Ха-ха... – он повернулся к Василию. – Э, паря, да ты совсем сомлел. Давай, иди-ка спать, а я посижу уже. Может, все ж упадет для меня одна звезда, - мечтательно произнес Старшой.

Василь с трудом разлепил веки, но все же принес еще дров, подкинул в угасающий костер. Благодарно взглянул на Старшого и ушел спать на матрац.

Что человеку надо от этой жизни вообще? Хлеба и зрелищ? Радостей и раздумий? Всего надо человеку: и того, и этого. Однако же верно, что не замечающий звездного неба над своей головой, многое теряет из духовной сферы, оскудевает душа его. А, может быть, вся жизнь – только дополнение к минуте счастья слияния со звездами?

11

Истошный крик разбудил Василя. Надо было открыть глаза, тотчас узнать, в чем дело. Но Василь никак не мог выплыть из моря сновидений, вынырнуть в новое утро и вдохнуть в себя реальную жизнь. Чернявый потряс его за плечо:

-Вставай, друг, беда случилась.

Василь заморгал, слово «беда» выволокло его из вечного в трехмерное пространство.

-Что такое? Что произошло? – быстро натянул ботинки и выскочил на улицу. В раннем свете едва расцветающего утра казалось странным высокое пламя костра, противно воняло паленым. Огонь исходил из бесформенной массы. Рядом стоял новенький в позе ужаса и орал басом. Ярослав, торопясь, застегивался на ходу. Нога подвернулась на кочке, но Василь, не обратив внимания, подбежал к костру. Волосы его встали дыбом. Горело тело Старшого. Голова обгорела совсем, верхняя половина туловища представляла одну сплошную головешку, и только ноги оставались целыми. Целую вечность простоял Василь, разведя руками, глаза впитали в себя страшную картину, сердце содрогнулось, память запомнила каждую мелочь до собственного исчезновения. Так стояли они втроем: новенький, Ярослав и Василь возле пылающего челвеческого тела, а запах горелого мяса щекотал им ноздри.

Приблизился Чернявый:

-Я тут в гостях, я ничего не знаю, - визгливым голосом начал он. – Не бойтесь: ничего никому не расскажу. Но я уезжаю! И ты идем, Любомир, - он крепко обхватил новенького. – Пошли, я сказал! Уходим! – и, как бы извиняясь, к остальным: - У нас работа есть, нам продержаться тут надо.

-А нам не надо, да?! – Ярослав заматерился и пришел в себя.

-Полицию вызывать нужно, - новенький достал из кармана мобильный телефон «Хенди», - я его всегда с собой ношу и сплю даже с ним... Пошел в

туалет, а тут вот... – он недоуменно обвел всех глазами и стал набирать самый легкий в мире телефон.

-Стой, не звони, - вырвал телефон из рук Любомира Чернявый. – Мы тут не при чем. Пусть сами со своими делами разбираются! Уедем, тогда пусть звонят!

Ярослав поднял полешек с земли и стал краем выталкивать тело Старшого из костра.

-Водой надо. Я принесу из ручья, - на молодом лице новенького стали видны ранние морщинки. – Он побежал к вагончику за ведром.

-Надо обкатать в траве, а еще лучше – накрыть чем либо-плотным, - практично заметил Ярослав.

-Лучше не трогать. Пусть все будет, как есть. Полиция придут, чтоб нигде наших отпечатков не было. Разбежимся, и ищи-свищи ветра в поле... Главное - хвостов не оставить. Тут криминал, тюрьмой пахнет, - суетился Чернявый.

В мозгу Василя билось: «Я видел Старшого в последние минуты его жизни, слышал его последние слова. Вот и все: нет человека. Где же он теперь? Эта страшная обугленная глыба с ногами – только это и осталось от мечты о звездах?»

Василь потянул ноги в изношенных туфлях со сбитыми каблуками. От того, что было раньше головой Старшого, отвалился обугленный кусок.

-Нет, не пойдет, - вскричал он.

-Стой! – Ярослав сбегал за одеялом, накинул его на несчастное тело и стал хлопать по нему, несмотря на ожоги.

-Помогай, что стоишь? – крикнул он Василю. – Не дай Бог, принесет черт кого из соседей пораньше! – собрал всех святых Ярослав.

Василь взял одеяло вместе с содержимым, и вдвоем они перенесли ЭТО на траву, положили на кочки.

Любомир, между тем, залил остатки костра водой. Пнул подвернувшуюся под ноги пустую бутылку.

-Бутылку не трожь! На ней отпечатки останутся. Что?! Могут обвинить в преднамеренном убийстве: мол, напоил, а потом в огонь бросил. Может, ты не поладил с мертвым или еще что, – зацокал Чернявый.

Любомир шарахнулся от бутылки.

«А ведь на ней мои отпечатки, заподозрят меня», - соображал Василь, хлопая с Ярославом по одеялу и чихая от противного дыма.

Чернявый в вагончике судорожно собирал со стола продукты, пустые бутылки – все бросал в пластиковый мешок, его прицепил к багажнику своего велосипеда - выбросить по дороге в чужой контейнер, чтоб не осталось следов вчерашней попойки.

-Сейчас водочки бы хлебнуть самый раз, для разрядки нервов, – с сожалением выразил он общую мысль. – Вчерашний-то хмель вылетел!

-Давай, поехали! – Чернявый подошел к стоящему в растерянности Любомиру. –Полицейские машины тут редко ходят, да зато метко. Как раз и явятся – возьмут нас горяченькими, – не осознавая сложной ассоциации сказанного, психовал он.

Огонь задохнулся без кислорода, одеяло скинули, легкий дымок поднимался в пасмурное небо.

Ярослав встал над телом, покачнулся от горя.

-Как Оксане скажу об этом? Как девчатам? Что ж, ты, Вань, не уберегся? Сердце подвело? Ты ж давно жаловался, вот и хватило тебя, – он ухватил чуб

пятерней и с силой потянул его вверх, чтобы физическая боль отвлекла от душевной.

-А я вчера и не понял про сердце... И как раз костер... Про звезды говорили... - Василь развел руками.

Подтянулись Чернявый с Любомиром. Встали рядом, смотрели и молчали вместе. Они, люди одной страны, бросившие свою землю, пришедшие искать работы на чужой стороне, теряют в разлуке с родными свои лучшие годы, силы, здоровье и даже саму жизнь. Они не могут нормально умереть в больничной палате или в кругу близких дома, они не имеют права лечиться, быть по-человечески похороненными. Они – нелегалы. Никто. Невидимая рабочая сила, без прав, без языка, только с горячей любовью к своей, опороченной своими же сынами – предателями, Родине.

В рассветном мареве всюду заливались утренние птицы, предвещая восход солнца.

Василь и Ярослав смотрели друг другу в глаза: в них стояла одинаковая боль.

-Надо закопать его здесь... Чтоб никто не видел, – предложил Чернявый. Помолчали, обдумывая, поникнув головами.

-Сходи за лопатой к профессору на участок, - повернул Ярослав заплаканное лицо к Василию. - У него в домике левое окошко выставляется, можно достать лопаты. Нет, ты не знаешь, сам схожу, - он направился на соседний участок.

-Надо бы в лесок унести, под деревце какое-нибудь, в укромное местечко, - уже по-хозяйски распорядился Чернявый. – Да поглубже яму копать, чтобы соседские собаки не учуяли. Тут у немцев собак больше, чем детей. Начнет такая образина землю рыть, хозяева заинтересуются - им до всего дело есть - тут и донесут, -многословно хлопотал он, видимо, не имея мочи молчать над огоревшим трупом.

Вернулся Ярослав с двумя лопатами.

-Здесь и схороним, – воткнул одну в землю.

-Нет, надо бы туда, к ручью, - забегал Чернявый.

Все согласились. Но снова перетаскивать рассыпающееся тлеющей головешкой тело не захотел никто. Стали копать тут же, рядом, чтобы не двигать его.

Чернявый отмерил место: два метра на один. По углам навтыкал прутьи. Ярослав поплевал на руки и перевернул первую кочку. Василь начал с другого конца. Рыли быстро, хотя земля была слежанная; торопились, не разговаривали. Солнце уже протянуло первые лучи вдоль поверхности земли. Холмик рос, лопаты ритмично выкидывали наверх сначала черные, а затем оранжевые комья. Менялись каждые двадцать минут, уставшие курили.

Чернявый работал быстро, хватко, изредка сплевывая себе под ноги.

-Вот влипли - так влипли, - тихо приговаривал он себе под нос.

Туманное утро мучительно боролось с сумраком, и хотя наверху серые тучи старательно теснились и утрамбовывались, пытаясь спрятать бледный, выкатывающийся из-за горизонта шар, утро неизбежно побеждало.

По дороге проехала заблудшая машина.

-Хорошо, что каштаны защищают, с дороги не видно ничего, - запсиховал Чернявый и закрыл одиноко лежащее тело одеялом с дырками.

Когда яма показалась, по общему мнению, достаточно глубокой, останки завернули в то же одеяло и осторожно опустили на дно. Как положено, бросили сначала по гости земли.

-Пусть земля тебе будет пухом, - сказал слышанную когда-то фразу Ярослав.

Закопали. Сверху набросали травы и крапивы, но все равно свежая земля резко бросалась в глаза. Притащили дверцу от одной из ржавых машин и положили наверх небольшого холмика. Зеленая краска дверцы не составляла контраста ровной поверхности.

-Похоронили по-людски и благополучно, - констатировал Чернявый. – Слава Богу, никто из ближних соседей не появился. Воскресенье, народ до обеда в церкви, улицы, и те пустые, а работать на даче, да еще с утра, и вовсе никто не пойдет.

Выглянуло солнце, но на душе у всех четырех было пасмурно. Зашли в вагончик, тупо уставились на пиджак Старшого, висящий на гвозде над местом для спанья, вернее, над импровизированной кроватью.

-Куда теперь с этим пиджаком? – спросил Чернявый пространство.

-Домой Оксане вышлю, - хрипло ответил Ярослав. – Через наших, если кто поедет, а нет – рейсовым автобусом. Все вещи сложу и передам жене и детям.

Чернявый осмотрел добротную ткань, подвернул вышарканные рукава, тонкие сильные пальцы вывернули карманы, внутри оказалась лохматая дыра.

-На что той Оксане старье? – логично возразил он. – А мне как раз на работу ходить. Давай, заберу, чего уж... Не выбрасывать же.

-Тебе не подойдет, - слабо заспорил Ярослав. – Ты высокий и тонкий, а Ваня вовсе другой был, –он содрогнулся от этого «был».

-Все о, кэй! Пиджак есть пиджак. Он на всякого подойдет. Мне ж не в концерт в ем.

Ярослав стал скидывать с гвоздей другие вещи Старшого.

-Ладно, бери уж все, - махнул он рукой на грудку тряпья.

-Нет, брюки не нужны, эти уж точно не подойдут. Но, вообще-то, можно кому из наших предложить. Вот буду подыскивать человека конюхом заместо Старшого, вот и предложу его вещи, - сказал Чернявый, встряхивая широкие короткие брюки закопанного. – Нет, не возьму. Где я найду еще такого коротышку? – с сожалением несторговавшейся на базаре бабы, решил он

Василь не мог слушать дальше, его тошнило.

-Я пойду на воздух, погуляю, - тихо упредил он свой уход.

Любомир зачем-то крепко пожал ему руку.

Стоял спокойный августовский полдень. Пшеница на полях потрескивала спелым колосом. У дороги цвели маки, перемешанные с мелкой ромашкой. Эти красные-прекрасные сорняки цвели с весной и летом, они придавали полю, лесу и всей округе нарядный, яркий вид. Птицы разливали громкие песни, прославляя солнце - желтый расплавленный шар на склоне неба, столь желанный в сыром климате центра Европы. Как все живое тянется к солнцу, несущему тепло и радость - повелителю природы!

Как и в первый день прибывания здесь, дорога привела Василя на кладбище. Вокруг устойчиво сохранялась тишина: здесь даже птицы пели умиротворенно, уважая здешних обитателей. Шаги впечатывались в мелкий гравий на дорожках. Василю захотелось даже встать на цыпочки, чтоб не скрипеть, а быть бесшумным, как порхающие здесь и там бабочки. Медленно шел он среди диковинных растений, свезенных сюда со свех концов планеты, среди композиций из цветов немислимых расцветок, читая надгробные надписи на однообразных в своей дорогой простоте камнях. Надписи

сообщали о долгих, а иногда и очень долгих годах жизни пришедших в этот мир раньше нас, но с теми же чувствами, с тем же разнообразием темпераментов и настроений людей. И у них были такое же желание счастья и вспыхивали любовь и страсть, ненависть и гнев, и они тоже работали и работали!

Какое большое кладбище! Сколько поколений лежит здесь! А сколько еще по всей Германии, по Украине, по России, по другим странам! Сколько мертвых лежит в известных и неизвестных могилах по всей Земле! А кто знает их? Кто из них оставил после себя имя? Единицы! Так не все ли одно: умереть сейчас или потом? Что значит одна смерть по сравнению с множеством миллиардов смертей? Почему люди так хватаются за время, утекающее водой неудержимой. Не потому ли, что хотят оставить след от прожитой жизни для идущих за ними? Идущие потом – потомки. Но почему так устроено, что рождаясь, человек не получает автоматически эмоциональный заряд и житейскую мудрость тех, кто уже прошел тяжкий путь познания сожительства людей в обществе, зачем нужно снова страдать, набирая этот опыт, а набрав – умереть? Что кроется за однообразным повторением ошибок, из которых в основном и состоит жизнь человека, из ошибок личности, как единицы и коллектива, то есть человечества в целом. Разве коллективный разум поколений и народов не может выработать разумной концепции для достижения счастья каждого индивидуума? Или мало страдали, мало горя вынесли в войнах, разрухе и вечной борьбе? Или мало думали, мало ломали головы над проблемами? Ведь сколько гениев и просто умных людей жило и живет! Да, экономика, цивилизация – это бесспорные достижения поколений. Машины, бомбы, компьютеры, клонирование – это впечатляющий итог тысячелетней деятельности мыслящего существа. Но где же успехи в умении ладить друг с другом: не раздражать ближнего, соседа, чужого и совсем далекого? Почему достижения тут столь ничтожны? Как жить, не разжигая отрицательных эмоций в других и наслаждаясь жизнью самому? Где эта, главная, наука? И почему эти, эти... что лежат тут так тихо в своих ухоженных могилах ничего не сделали для улучшения социального сожительства для других людей, идущих за ними?.. Что сделали все мертвые всех веков и народов, кроме того, разумеется, что оставили своим потомкам тонкий слой черноземной земли?

Что могу я? Что я оставлю в наследие своему сыну?.. Он будет так же стоять на каком-то кладбище и так же думать? И не будет ответа...

Василий застонал от бессилия и прислонился к огромной березе, которая оказалась рядом. Прямо под ногами проскочила белка. Крупными прыжками пересекла пространство и вспрыгнула на высокую липу. Редкие посетители брали зеленые леечки и поливали своих родных и знакомых или то, что он них осталось. Сладко пахли белые грозди какого-то цветущего кустарника. Впереди виднелись четкие очертания высокой, уже знакомой украинцу, капеллы.

Тяжелая стеклянная дверь поддавалась усилию. Внутри было как-то сумрачно, хотя цветная мозаика, выполненная в современной технике, неплохо пропускала дневной свет. На противоположной входу стене, почти во всю ее величину, висел железный крест. Высокий потолок был готов акустически верно принять звуки органа, располагающегося справа. Ряды темных добротных лавок заполняли почти все помещение капеллы. Василь вспомнил, как в раннем детстве ходил с бабушкой в церковь, как Бог строго смотрел на него, маленького, с иконы, и как красиво, заунывно пел хор. Вспомнил, что боялся он наказывающего Бога и тянул бабку за подол, стремился скорее уйти из церкви и больше не видеть его пронзительного взгляда. Теперь Василию хотелось

поговорить с Богом, он чувствовал, что какая-то правда в движении человечества по кругу есть, и этой правдой владеет Бог. Еще хотелось поговорить с ним о вине человечества перед потомками и перед ним, строгим, но столь терпеливым Богом, глядящим до поры на все людские безобразия. И надо было обязательно рассказать об обгорелой страшной головешке с ногами в стоптанных туфлях, в дырявом прожженном одеяле, что лежит сейчас в оранжевой земле и называется Старшим. Нет - Иваном.

Василь встал на колени рядом с крайней деревянной лавкой и стал молиться, как учила давно-давно его бабушка. Он молился, как мог, как получалось.

12

Профессор Штайнхаген искренне обрадовался Василию, тряс его руку, блестя глазами из-под очков. Стал расспрашивать, как тот провел свободную неделю, пожалел, что Василь не стал работать без него, пропустил дни. Вроде бы он дал достаточные указания, что именно надо делать? Как будто бы Василь не знал! Пока работник снова замешивал раствор и заканчивал штукатурить стену, профессор делился впечатлением от поездки в Брюссель, стараясь быть достаточно понятным. Василь, рассказал о прогулке по городу, делая явные успехи в немецком.

Дружескую беседу прервал визит хозяйки. В нарядном платье, со светлыми волосами по плечам и опущенным долу взором она была, как вынутая только что из цветка Дюймовочка... Разумеется постарше - эдак лет под тридцать. Тонкая кожа блондинок чувствительна к морщинкам: у глаз и у рта легкой сеточкой пролегли первые несмелые штрихи. Василь вдохнул немислимо обольстительный аромат духов. Когда женщина подняла глаза, сходство с прекрасной Дюймовочкой мгновенно исчезло. На чистое лицо легла печать опытности и порока.

-Mein Schatz! Hat dir Wasil schon erzählt, warum... (Мой дорогой! Василь уже рассказал тебе, почему...) – обратилась она к мужу, бросая скептические взгляды в сторону на Василя.

Что-то в тоне супруги не понравилось профессору. Он мягко взял ее под локоток:

-Комм, Liebling, wir sollen nicht stören. Nicht wahr? (Идем, любимая, мы не должны мешать. Не правда ли?)

Они вышли из гулкового помещения библиотеки.

Сердце у Василя стучало, как барабан на побудке. Он взялся работать, словно ему необходимо было выполнить полный ремонт библиотеки прямо сегодня. При скорой работе некогда растекаться по древу мыслями, успевай только обдумывать следующее действие. Василь побелил потолок густой, качественной известкой и взялся за обои. Нарезал несколько плотных, с блесками, полос, развел специальный клей, внимательно выполняя инструкцию на упоковке. В обед поел бутерброды. Хозяева так и не появлялись... Первая полоса обоев легла на стену неровно - пришлось помучиться, зато потом пошло, как по маслу.

К вечеру Василь успокоился: одумалась, видно Штайнхагенша. Не враг же она сама себе, даже если думки Василя и вовсе не в счет. Все уладится, главное – работа, ради нее вытерпишь все!

Профессорша вызывала в Василе чувство раздражения, страха потерять работу и страстное желание. Василию казалось, что запах терпких духов прелестницы не выверился и к вечеру, хотя он давно уже дышал известкой и сыростью свеженаклеенных обоев. Вчерашние события Василь как бы отключил от сознания. Мысль, эмоция, наталкиваясь на границу запретной зоны, получали болевой заряд, подобный электрическому, касаясь краем произошедшего. А на свободном пространстве размышлений изящной бабочкой порхала профессорша, рассыпала блестящие волосы по плечам и по спине, манила его своим холеным пальчиком.

Вечером в домике навалилась тоска. Ярослав сменил газовый баллон на полный, вышаркал щеткой неровный пол. Уже когда легли, зазвонил телефон.

-Ладно, чего там, отдавай, - ответил на скороговорку в «Хенди» Ярослав. Он пристально посмотрел на Василя.

-Чернявый работу Ванину отдает. Говорит, бесплатно. Кто его знает, может, правда, – он грустно крутанул кудрявый чуб.

Подумал, уставясь на маленький волшебный аппарат, несущий в себе голоса родных, друзей и любимых, радостные, а чаще печальные новости.

Ярослав хотел набрать номер, но понимающий взгляд друга, готового прийти на помощь в любой ситуации, разделить ношу пополам, а может быть, понести большую ее часть, спугнул его намерения.

Он встал, неторопливо вышел.

Василь помедлил, засунул сигареты в карман и вышел вслед. Ярослав стоял за вагончиком и напряженно вопрошал:

-Мамо, скажите же правду. Правду, я говорю. Скоро картка кончится, а вы, мамо, так и не сказали. Где она?.. Иванка, кто же?! Что вы не понимаете. Мамо? –раздраженно втолковывал он. – Я слышу: ребенок у вас, а Иванка? Она жива? Она в больнице? – голос Ярослава сорвался. – Ага, живая, уже хорошо, - тише и спокойнее заговорил он.- Так, где ж она? Говорите, мамо! Я не могу дозвониться ни днем, ни ночью, – продолжал допрос сын.

Луна выплыла из-за рваного облака и осветила старую усадьбу, каменный дом с пристройками. Белые лучи ее скользнули и отразились от брошенной среди крапивы дверцы машины.

-Какие еще канарейкины острова? Какая канарейка улетела? Через бюро путешествий?

Василий на приступке со злости скрипнул зубами.

-Когда вернется? Никогда не вернется? Так и сказала? Да не ревите вы, мамо... Картка закончилась! – отборный мат оглушил спокойную зеленую округу, привыкшую только к переливам птиц. Затем за домиком послышались странные звуки, напоминающие сдавленные рыдания.

Василь зашел внурь, тихонько прикрыл за собой двери.

-Во, дает!.. – только и мог сказать он.

Ночь тянулась нескончаемо. В дремном мареве выплывала к Василию его Ганка, круглый пульсирующий живот приближался к лицу, вдавливался в него...Василь переворачивался, благо места на матрасах было много. Потом перед глазами стояли туфли со стертymi каблуками, их надо было непременно снять с болтающихся, как у чучела ног, от этого зависила его жизнь, но руки потели от нетерпения, не слушались и соскальзывали с туфель.

-Ммм...- замычал Василий.

Вдруг заулыбалась Штайнхагенша, взяла его за грудки и прильнула душистым телом, целуя врасос. Василь боролся изо всех сил, но Штайнхагенша оказалась боксершей и молотила его со страшной ударной силой.

Ярослав растолкал Василя:

-Че орешь, как будто тебя режут?

-Да лезет тут всякое...

Под утро во сне пришла незнакомая молодуха и стала усиленно толкать ему в руки желтую маленькую птичку:

-Это канарейка. Она поет чудесно. Я поменяла ее на мужнину машину... - молодуха сдувала со лба распатлавшиеся волосы и наивно пялила на Василя нарисованные глаза.

Проснулся Василь с такой головной болью, которую не ощущал и после глубокой пьянки в первый день приезда. Ярослав курил лежа, выщелкивая окурки на пол. Василь заставил себя побежать к ручью. Разделся до гола (а кто видит-то?), облил себя несколько раз холодной водой из тазика, оделся, поприседал и уже бодрым вернулся назад.

-Ты вот что, это... – Как будто смущаясь, хрипло заговорил Ярослав. – Хочешь, съезди перед работой к моей хозяйке, скажи, что не приду больше. Она там за вчерашнее не рассчиталась и еще два дня должна была с прошлой недели. Что отдаст – заberi себе. Я уезжаю, – он бросил последний окурочек к куче других.

Василь не стал задавать глупых вопросов :«А как же документы? Виза просрочена, ты получишь запрет на въезд». Или: «Когда и откуда отходит автобус на Украину? Он ведь идет по расписанию, а не по заказу» Раз сказал – значит, знает. Василь стал помогать складывать вещи.

-Лишнего не возьму, ни к чему мне... Только на дорогу что, - скидывал Ярослав футболки с гвоздя.

Под глазами круги, а сами глаза, как мутное стекло. Кудрявый лихач казался постаревшим лет на десять. Совершенная красота его приобрела оттенок осеннего тления.

-Велосипед брошу на вокзале, у тебя и так два остается. Работу мою Чернявому не отдавай, закончишь библиотеку - пойдешь туда. Хозяйка тебя помнит. – Да, вот еще что: без связи тут туго. Оставлю тебе «Хенди», пригодится, мне на родине на немецком языке ни к чему.

Василь хотел обнять земляка на прощанье, но тот сурово подал ему руку. Крепко пожал ладонь, глядя прямым, но уже далеким взглядом, прикрыл за собой железную дверь.

Матрац послушно принял огрузшее тело Василя. Шум велосипедных колес по гравию скоро затих... Нет, надо вставать и надо работать! Работа не ждет – ее ждут! Таково жесткое правило, а кто играет не по правилам – вылетает из игры.

К знакомой усадьбе, где еще недавно Василь отбивал молотком асфальтовые дорожки, Василь прошел по новой аккуратно уложенной плитке. На звонок вышла хозяйка все в том же безразмерном полувере, выслушала путаную историю про Канарские острова, из которой поняла только, что сегодня работник не придет. И не придет вообще. Предложила Василю остаться и выполнять его работу.

-Nein, nein. Ich habe Arbeit! –возразил Василь, представляя, как огорчился бы профессор, начавший перестройку дома фактически ради него, Василя.

Денег хозяйка не дала потому, что заработавший их уехал навсегда, и на этом точка!

...В библиотеку Василь приехал с опозданием на два часа. Извинился перед обеспокоенным профессором и раскатал рулон обоев и стал их клеить, стремясь к безукоризненной прямоте.

После обеда зашла профессорша. Простой домашний халатик подчеркивал пропорциональные формы, босоножки открывали маленькие ровные пальцы ног. Ветер, влетающий в раскрытое окно, нисколько не освежал лицо Василя. Вдруг он увидел себя глазами профессорши, упаренного жарой и работой, с красным напряженным лицом, в испачканном известкой комбинезоне, себя, неуклюже стоящего рядом с красивой, свежей женщиной. Она не торопила его, протянула поднос с кофе и кухэнем – традиционным сладким пирогом. Василий замешкался. Штайнхагенша не рассматривала его, как обычно, съедая глазами, а просто и с симпатией улыбалась. Василию пришло в голову, что профессорша расстроена. Может, поругалась с мужем? Да нет, не должно быть, ссор между супругами он не слышал ни разу: профессор уступал всегда и сразу. Может, заказанное платье не понравилось? Или гости не смогли приехать по каким-то причинам? Гостей в доме любили: обычно они приезжали на машинах после обеда, развлекались сами, веселили хозяйку.

Женщина все улыбалась, ожидая, когда украинец возьмет поднос. Надо было сореентироваться в действиях, а не мечтать о постороннем! Василь сделал, наконец, движение навстречу - руки их встретились, мгновенная электрическая искра проскочила между пальцев, покачнула поднос, и его содержимое вдруг соскользнуло на пол. Долгую минуту они смотрели друг другу прямо в глаза.

-Zum Glück! (К счастью!) – легко засмеялась профессорша и опустила на корточки, собирая фарфоровые осколки из горячей ароматной жидкости.

Из выреза халатика выступали два упругих загорелых полушария. Василь с трудом отвел взгляд от заманчивого зрелища, опустился рядом и стал помогать, ощущая профессоршу всем телом, как знойное солнце за окном. Солнце приблизилось к губам и коснулось их края. Лучи тихонечко обошли рант рта. В открытое окно из сада влетела пчела. И как пчела собирает мед, обсасывая пестики и тычинки седцевины цветка, так собирала сладость прелестница с открытых губ Василя. С неба прилетел далекий гул самолета, из леса – кукование кукушки. Затем все звуки умолкли, внешнее исчезло. Исчезло солнце, библиотека, пчела, бьющаяся в окне - в глазах потемнело. Шумела и набухала волна страсти, готовая обрушиться на цепляющиеся за свет остатки сознания и разрушить последние преграды из морали, принципов и подобных вещей, о которых в такие минуты ох, как трудно думать! Василь хотел оттолкнуть прильнувшее тело, а вместо этого почему-то напряженно замер, боясь пошевелиться, чтобы горячая волна не унесла его в безбрежную даль.

Громкая чужая речь прервала плавание их чувств в безвременном пространстве. Невозможно было разлепить плотно слившиеся губы, говорящие на одном языке срасти. Но голос был холодным и властным, и этот голос приказывал... Электрическая цепь разомкнулась, и оба несостоявшихся любовника выпали из жаркого юга на северный полюс.

Перед ними стоял разгневанный профессор. Ноздри его внушительно раздувались, глаза горели бешенством. Каким маленьким и плюгавеньким показался он Василию в своем неистовстве! С плечиной чуть не во всю голову, в очках, кругло сидящих на остром и красном кончике носа, с сжимающимися худыми кулачками! Нет, ну, просто смешной какой-то!.. Но ощущение, что попался, попался на постыдном и совершил недопустимое, властно вытесняло все остальное. Василь опустил руки, а профессорша продолжала цепко держать его за плечи, она не отводила взгляда от Василя, в светлых глазах ее стояло знание последствий.

-Вот это да! – только и смог выдохнуть Василь.

Да, женские причуды не признают никаких границ: ни моральных, ни национальных. На ком же преимущественно держится мораль в цивилизованном обществе? В пещерное время женщина была хранительницей очага, мужчина – добытчиком средств существования. Адам был создан для общения с Богом и наблюдением за Раем, женщина – его помощницей. Такое распределение ролей, в принципе, сохранилось до сего дня. И если женщина не хочет быть носительницей отведенной ей Богом и природой ролью, если она не хочет содержать дом, рожать и воспитывать детей, быть верной и заботливой женой и матерью – то это атниобщественный акт. Это беда не только для мужчины, но и для общества. Откуда же проистекают истоки такого поведения женщин? Все везде взаимосвязано, одно явление порождает другое. Мужчина не создал необходимых условий жизни для женщины, вот она и мучается, не в силах осуществить свое назначение, вот она пытается собственными силами уравновесить потерянное, утраченное изначальное состояние.

И вот стоит представитель мужского рода, хиленький и страшенький, рядом о своей красавицей женой и злобно орет. Нет, не ударит: у него не хватит сил, да и принципы не позволяют, разве может он последовать действием за своим чувством, подсказывающим решение проблемы? Твоей жене нужна любовь такая, какой она ее понимает. Так дай же ей такую любовь! Не можешь, не в состоянии – пойми и оставь ее! Не изощрай коварство женщины, не впадай в отчаяние от собственного бессилия. Не мучай... И не мучайся сам.

Так размышляя, Василь крутил педали друга-велосипеда посреди полей. Позади остался дом, где супружеская неверность расцветает красными маками, то есть неисребима. Вот и пусть супруги разбираются сами. А он туда – ни ногой! У него есть свой дом, где тепло и не пахнет гнилью.

Он стал внимательно смотреть на дорогу под колесо. Ведь всякое бывает! А вдруг он сейчас найдет что-нибудь? Может, кошелек, полный денег, может, золотое колечко... Не должен же от только терять. Вон у Старшого была счастливая «планида», у него всегда был повод порадоваться. И все что-нибудь, да находил. В ушах зазвучал ехидный голос Старшого: «Ну и вахлак ты, паря!.. Такую возможность просрал! Да эта профессорша тебя бы одевала и обувала, не только бы услаждала! Твоя Ганка за ней платья бы носила, первая модница в Озорянах была! Кому было нужно, что ты дверями хлопнул? Кто пострадал, кто тут выиграл? И кошелек потерянного тебе б искать не захотелось. Дурак ты, паря, вот что я тебе скажу!»

-Глупости! Что за глупости! Вон твоя «планида»: без креста лежишь!– вслух подсадовал Василь.

Под колесом звякнуло. Точно, монетка! Кругляшка в одно евро сама наскочила на желающего. Василий поднял грязную монетку с дороги, мысли сменили направление.

«Бог напоминает, что он здесь, со мною. Бог и профессора прислал в нужную минуту, охранил меня от греха. Бог дает мне любоваться этими лесами и полями, силу, чтоб крутить велосипед, разум, чтобы исполнять все необходимое для жизни, заботиться о покое моей души».

Василь ничего не желал, ничего больше не хотел. Дом профессорской четы удалялся, удалялся и превратился в прошлое. Птицы радовались своим песням, теплый ветерок обдувал тело, залетая в ворот рубашки и пузыря ее. Вдалеке тарахтел нарядный желтенький трактор, убирая потрескивающую от зрелости пшеницу. Потом навстречу велосипедисту выплыл город с его вереницей магазинов и муравьиной давкой машин.

Там толпа чужих людей, жизнь, разноцветная от страстей, не имеющих к нему никакого отношения. Нет, он хочет домой, к любимой Ганке, к родителям, к своим старикам в деревню, к брызгающей белым огнем сварке, к товарищам по работе... Даже и сосед, с его придурочными шутками и хвастовством, показался сейчас Василию родным и понятным, окруженным ореолом Родины. От невозможности достичь желаемого, а что есть желаемое: здоровье, любовь, мир, покой, гармония социальных условий с законами природы, в душе поднялись горечь и сожаление. Захотелось поесть чего-нибудь сладкого, чтобы хоть как-то отбить горький вкус борьбы за собственное существование.

Недалеко от вагончика дорогу Василию пересек солидный ежик. «Их тут много, ежей», - отметил украинец задумчиво. Общие рассуждения обрели конкретную форму: да, люди – те же ежики. Они стремятся согреться теплом друг друга, но укалываются, причиняя боль себе и другим. Иголки защита, без них нельзя – съест лисица, и заготовки на зиму делать нужно: иголками удобно грибок на острие подцепить. Зато приласкать, погладить не получается, а вот этого-то как раз и хочется! Разделить свою ношу, и взять часть чужого груза на себя – вот извечное желание каждого человека, вот где необходимо искать первопричину счастья и смысла жизни!

На этом пункте размышлений дорожка из гравия закончилась, и Василь свернул под каштаны.

14

Перед домом стоял здоровенный мужик в синем комбинезоне. Незнакомец повернул голову в сторону велосипедиста, и лицо его исказилось детским удивлением.

-Entschuldigung, wer sind Sie? –с интересом спросил он.

Наш герой растерялся: на территорию усадьбы не заходили чужие, украинцы считали ее своей, с соседями отношения были более-менее урегулированы.

Василь поставил велосипед у бетонной стены и с нарочитым спокойствием подошел к чужаку.

-Willi, –протянул немец навречу широкую ладонь.

-Василь, - пожал ее украинец.

Они посмотрели друг другу в глаза, и оба почему-то обрадовались.

-Ты - тезка мой, - улыбнулся Василь.

Здоровяк в ответ стал махать руками и, брызгая слюной, объяснять, как он здесь оказался. Сначала стало только понятным, что он местный, и, похоже,

уходить отсюда не собирается. Широким жестом гостеприимного хозяина Василь пригласил немца в вагончик. Тот с готовностью закивал.

-Э... Надо было бы подмести, - неловко потопался у входа украинец.

Темное жилище носило следы катастроф и потрясений. Из окошек на рваные матрасы падал рассеянный молочный свет, газовая плита корчилась в прижаренных коричневых пятнах, полки зияли рваными пакетами, на полу – грязь.

Стыд сделал щеки Василя горячими. Но немец, казалось, не заметил царящего беспорядка и тесноты. Он продолжал говорить с прежней радостью, и все ударял на слово «Limonade».

-Есть хочешь? - спросил Василь, ставя чайник на плиту: газ еще не кончился.

Вилли радостно закивал, достал портмоне и показал синюю пластиковую карточку, похоже, не телефонную.

Поели скромно, но сытно. Немец уминал колбасу с хлебом с отменным аппетитом, приговаривая слова признательности и благодарности хозяину вагончика. Потом вдвоем залегли на матрасы.

Василь не особенно любопытствовал, почему новое знакомство упало ему прямо с неба на голову: мысли и чувства, после пережитого, еще не уравнились. Но слово «Besitzer» в потоке незнакомых слов звучало отчаянно знакомо и казалось значительным. Василь сунул руку под подушку. Словарь послушно вложился в ладонь. Найдя букву «В» украинец присвистнул от удивления. «Хозяин!» Так вот кто лежит сейчас рядом с ним, крепко придавив огромным телом матрац и мечтая о сладком лимонаде! Василь припомнил то небольшое, что слышал о хозяине усадьбы от Старшого. «Псих ненормальный», «Миллионер», «Идиот»... Ему стало срашновато: вон сколько энергии у здоровяка! Машет руками, как мельница, кто его знает, на что он способен! А ведь ему ничего и не будет, если кого придушит, просто опять в психбольницу отправят, а там ему хорошо, там он свой...

Монолог немца носил явно дружелюбный характер, а глаза светились весельем и интересом. «Может, и идиот, но не полный», – решил Василь и прервал его излишняя вполне конкретным вопросом:

-Что делать будем, хозяин, как жить дальше?

Немец заморгал.

-Доставай свои миллионы, купим тебе лимонаду. - На столь простую и доходчивую фразу знаний немецкого вполне хватило.

Здоровяк вскочил, задрожав от нетерпения. Снова вытащил пластиковую карточку и стал тыкать ее под нос Василю.

-Ага, это и есть твои деньги. Идет! На велосипеде ездить умеешь? – они вышли на улицу.

Один крякнул и уселся на широкошинный, другой вскочил на легкий, спортивный, и оба тесно дружно закрутили педалями. Ранний вечер путался в широких кронах каштанов, тихонько нашептывал путникам о нежности и скороспелости сумерек. Закатное солнце освещало снятые поля и легкие, как первая седина, просветы в нарядах роц.

Немец ехал первым, потешно задирая колени, иногда оглядываясь и что-то покрикивая от избытка чувств. В городе он ориентировался четко, всем улыбался, как знакомым. В магазине взяли два ящика лимонада, несмотря на резонные уговоры Василя взять пару бутылок. Вилли рассчитался карточкой, на кассе заруднений не было. Ящики закрепили к багажникам капитальными веревками, которые тоже пришлось купить, стоили они больше, чем лимонад.

Свежее утро принесло новые сюрпризы. Вилли оказался подвижным и предприимчивым человеком. Вместе с Василем помылся до пояса в холодном ручье, сделал зарядку. Русые, прямые волосы расчесал, заглядывая в зеркало на манер Ярослава. Побрились, позавтракали, сели на велосипеды – и вперед!

Площадь-выставка у автомагазина, где бродил Василий в свой первый день в Германии, встретила теперь не праздного приезжего, а делового покупателя. Правда, не для себя. Пока...

От ряда новеньких машин Вилли отшатнулся сразу:

-Ich muss sparen!-объяснил он.

-Чего экономить, когда ты – миллионер? – развел руками Василь.

-Nein, sparen! –подтвердил Вилли.

Выбрали потрепанный автобусик темно-вишневого цвета. Оформление документов заняло не более получаса. Водительское удостоверение Вилли переложил из партмоне в карман комбинезона. В „ALDI“ поехали уже на „VW“ Велосипеды мирно прижимались друг к другу в салоне. Набрали кучу продуктов, учитывая сложность приотвращения, а не цены. Дополнительно, на всякий случай, взяли еще два ящика лимонаду. На обратном пути заехали в «Телеком»: Вилли приобрел мобильник „Simens“. Нет, на звание идиота он явно не тянул.

Оживленные и довольные, вернулись домой. Убрали в вагончике, как могут убрать двое одиноких мужчин свое жилище. Разложили продукты по полкам, поели и стали строить планы на будущее.

-Василь, ты мне друг, – Вилли положил тяжелую руку на плечо украинца.- Поможешь мне восстановить усадьбу? Закатим грандиозное переустройство! Проведем электричество, закупим технику: комбайны, косилки, трактора. Земля на сотни гектаров моя. Все сдается внаем чужим людям. Эх, Василь, знал бы ты, как жили тут раньше мои предки! Сколько живности в сараях, сколько на дворе! Лошади, коровы, козы... Одних только гусей тысячи штук! Все бело, когда на лужайку глядишь! А шуму от них! Гагочут, как только завидят кого. За километры слышно! Да, крепкое хозяйство было у деда...

Теперь Василь вслушивался в речь внимательно, многое не понимал, но улавливал смысл сказанного. Имя его звучало в устах немца так своеобразно, что Василь сначала не признавал за свое. Это произношение, как и все, что говорил и делал Вилли, носило позитивный заряд, и принималось украинцем безоговорочно. Очень нравилось ему и то, что Вилли перемежал речь вежливыми оборотами. Например, дает ящик с продуктами: «Возьми, пожалуйста», поел: «Спасибо большое», задел в тесноте: «Извини, дурака», или что-то в этом роде.

-Сколько тебе лет, Вилли? – поинтересовался Василь.

-Под сорок уже. Но еще могу детей делать, - засмеялся немец. –Женюсь, -продолжал он плавно, -наследник появится, все угодья –ему. Опять поднимется наша фамилия. Женщину в жены возьму хорошую, экономную. Она поможет мне деньги, в кассе замороженные, получить, хозяйство поднять, – глаза немца сладко затумилились. - А не выпить ли нам лимонаду, мой новый друг?

Против лимонаду друг не имел ничего. Лимонад, так лимонад.

-А где твои родители? – вникал он.

Вилли промолчал, будто не расслышал. Василий повторил вопрос погромче.

-Мать умерла давно, болела одной болезнью. А отца она и сама не знает, - с трудом ответил Вилли. – Ну, да ладно, семья приемных родителей хорошая была, Самостоятельно до всего доходил, они придерживались в воспитании теории «Монтессори».

Потом Василь учил новые слова, а Вилли гулял по усадьбе, сбивая крапиву палкой, лазил по дому, сарайкам, лесу... Он выглядел счастливым, как вернувшийся в дом отца блудный сын. В сумерках куда-то засобирался:

-По делам, скоро приеду, - промычал, не глядя в глаза, сел в автобусик и пропал.

Вернулся Вилли через двое суток, измочаленный, как половая тряпка. Приехал как-то сам, а зайти в вагончик уже не смог: упал на приступочке. С трудом Василь затянул расслабленное тело внутрь, уложил на пол, подsunул одеяло. Оттянул веко, проверил зрачки – пьяный? Перегаром не несет. В чем дело, болен? Не похоже. Шепелявит какую-то чушь, мычит, неопрятная пена вокруг губ... Василь проверил карманы, не обчистили ли немца. В комбинезоне затерялась только смятая белая бумажка – вот и все. Что бы это могло быть? Василь расправил чистый листок. Ноздри уловили незнакомый запах, мучная пыль припудрила брюки. Он стряхнул ее на пол, похлопал немца по щекам. Никакой реакции... Время напряженного ожидания давало себя знать. Василь лег и уснул белым днем, как говорится, до выяснения обстоятельств дела.

Проснулся он от резких встряхиваний и не сразу сообразил, где находится.

Вилли продолжал грубо трясти за плечи.

-Gehe, gehe! –орал немец, неприятно выкатывая на него глаза.

В темноте ранней ночи, в маленьком «Бунгало» здоровяк казался несоразмерной глыбой, неуклюжим потусторонним существом. Стряхнув сон, Василь принялся утихомиривать рассерженного немца.

-Я понимаю, что ты расстроен, почистили тебя крепко. Не надо было пить. Видно, нашел прежних дружков, они и порадовались тебе, простачку, что ты с деньгами явился. Карточку-то беречь надо!

Немец, вроде бы понял, но еще сильнее принялся орать.

-Нет, не подумай, я не брал! Честное слово, вот клянусь, не видел твоей картки!

Тот не прекращал сердиться и толкать Василя. Ситуация становилась не просто неприятной, а даже опасной.

Надо было сконцентрироваться и разобраться, что же требует от него разозленный сумасшедший.

И точно: поднапрягшись, Василь стал понимать грозные выкрики. Он с удивлением уловил, что волшебную карточку псих выбросил сам, поскольку денег, лимитированных клинически больному человеку на месяц, на счету больше не было: он их потратил. А требовал этот идиот от него ни много, ни мало, а немедленно пойти по какому-то адресу и принести наркотики. Причем, взять их у знакомых в долг. Слово «Drogen» было известно Василю по цветным плакатам, развешенным на автобусных остановках: на них во весь рот улыбались жизнерадостные подростки в кроссовках, а надписи призывали предпочитать наркотикам физкультуру и спорт.

Пока все это соображалось и состыковывалось с образом премилого друга-миллионера, Василя просто взяли за шиворот и выбросили на бетонную плиту у домика; вслед полетели его туфли и единственный складной стул. Стулу-то за что досталось? В домике раздавался шум падения и других

предметов, чтобы, значит, по справедливости. «Разбой, покраше наших, украинских», - подумал Василь.

Ночью, на улице – ну, тут это Василю не впервой! Украинец потер ушибленный бок и пошел в старую усадьбу. Проходя мимо холмика свежей земли, укрытого ржавой зеленой дверцей автомобиля, остановился, постоял с четверть часа, пока не замерз. Хоть и стояло бабье лето, а ночи все же были по-осеннему прохладными.

Василь намеривался зайти в дышащий каменным холодом дом, но не успел: из вагончика вылетел Вилли, как будто он получил в задницу заряд соли. Теперь наркоман звал тезку ласково, видимо, сменив гнев на милость. Не мешкая ни минуты, Василь сиганул в сарай, спрятался за поленницей дров. Бедный больной, который днем от слабости не мог шевельнуть пальцем, рысцой оббежал всю усадьбу, призывно подвывая при этом: «Василь, комм!». В родовом доме проверил все, даже чердак, затем стал обшаривать кусты в лесу у ручья. Несколько раз он возвращался в вагончик, пока, наконец, не споткнулся о ржавую дверцу машины посреди поляны и с размаху повалился на землю. Так и лежали эти двое: один внизу, под оранжевой тощей землей, обгорелый, пропитанный алкоголем работник, а другой наверху, покрытый свинцовым небом наркоман-трутень, расплывший громадное состояние предков.

15

Василю надоело сидеть в сарае: холодно было, да и скучно. Пахло сухой древесиной, корой, прелой стружкой. Он вышел во двор. Все было просто и ясно, как не падающие звезды над головой. Надо было делать дело, а не терять времени на философствования о сложности человеческих судеб.

Он решительно двинулся мимо Вилли и Старшого, поскидывал с гвоздя футболки, упаковал сумку, повторив почти в точности жесты Ярослава, печально оглянулся на усадьбу, как оглянулся на нее в последний раз Мямля, легко вскочил в седло трудяги-велосипеда и умчался на станцию, осуществлять последующий этап своей недолгой жизни. Ведь работа – она и есть работа, на чужбине ли, дома ли - она ждет, зовет и обязывает ее выполнять.

ГОСТЬЯ

Красива была она необычайно. Не то, чтобы славянской гордо-сладкой красотой, а странным сочетанием природной стати, вольности движений и строгой пытливости взгляда. Улыбалась она охотно, и улыбка была пленительно хороша. Руки и ноги были вроде слишком длинны и тощи, но без единого изъяна. Грудь по-юношески упруго отвечала каждому шагу, а развитые бедра были, кажется, способны снести любую нагрузку.

-Наталья, ласточка! Кофе пить! – зазвучало с утра в маленькой квартире у бабушки.

Красавица приоткрыла один глаз:

-Я буду спать до обеда! Могу я, наконец, выспаться? Я же на каникулах...

Бабушкины шаги шорохом тапок о ковер заглохли в прихожей. Дверь тихонько скрипнула и плотно закрылась.

Радость приезда дорогой гостью плескалась кипятком в чашке, кофейным ароматом стелилась в струях кухонного пространства.

-Чашечка чаю мне, чашечка кофе - ей. Ну что ж, подождем!

Бабушка села у окна, заботы оформились в привычный ручей мыслей. Сегодня этот ручеек был быстрым, журчал радостно. Наезды родственников редки в семье: из России почти все выехали, остался младший брат. Причина обычная: русская жена не хотела покидать своих, а дочь мучилась с вечно пьяным мужем, который и слышать не хотел о загранице. В семье подрастала единственная внучка. Зато уж и картинка: в школе всегда лучшая, в институте везде первая - отрада и гордость всей семьи!. Теперь, наконец-то, скопили денег... Бабушка вздохнула. Она, конечно, помогла деньгами, ведь получала немецкую пенсию, надо ж девочке посмотреть заграницу!.. На Урале сейчас начинают листья с деревьев облетать, и никто не знает точно, почему так рано пожелтела зелень -то ли ночные выбросы с завода, темным слоем покрывающие район, виноваты, то ли август - рабочий парень поспешил с севера, из-за хребтов гор. Россия, Родина, прошлое... Бабушка напряженно вслушивалась в порывы уральского ветра, хозяйничающего в душе, ее остановившийся взгляд отражался в оконном стекле...

-Чу, пошевелилась гостьюшка! Надо встретить ласковым словом, ведь девочка всякого в своей жизни насмотрелась, хорошего мало было. При отце-то пьянице! Недаром вчера только на порог – сразу: «Бабушка, ищите мне жениха, я назад не поеду!» Верный настрой! Надо с дочками своими переговорить, все возможное сделать, чтобы осталась она в Германии. А брату с женой куда деваться без своей кровиночки – вот и решат переехать. Брата обниму,- сладко мечтала бабушка,- рядом будем жить, в гости ходить каждый день. Зять, может, горькую бросит пить, дружков своих оставит в России, работать устроится, некогда будет проклятую традицию держать...

Наталья вышла встрепанная, румяная и довольная:

-Ой, бабуля, что есть будем?

Бабушка засуетилась. Сняла чистое полотенце со стола, под ним теснились тарелки с колбасой и сыром, желтело масло, румянился хлеб и выпеченные с вечера булочки.

-Садись, угощайся, ласточка!

«Ласточка» быстро осмотрела свежую снедь.

-Пойду умываться. А булочки и колбасу уберите. Первое,- я вегетарианка, а второе, - не ем мучного – противопоказано для фигуры. Да и вы, бабуля, не ешьте этой дряни. Смотрите: уже и ног не видите, а все выпечкой увлекаетесь. Давно пора перейти на здоровое питание, живете ведь в центре Европы.

Плечики прямые, фигурка стройненькая, голосок звонкий. Повернулась и вышла. Брякнул ключ в скважине ванной комнаты, сама-то бабушка им никогда и не пользовалась за ненадобностью.

Бабушка вздохнула, но булочки убирать не стала – вот сядет внучка за стол, понюхает ароматный запах сдобного теста да, может, и передумает. Ах, какая корочка у булочек хрустящая, желто-коричневая, сверху сахарной пудрой присыпана! У старой слюнки побежали на свою же стряпню, что у хозяек не часто бывает.

«Что-то застряла Наталья в ванной. Сначала плескалась – душ принимала, а то затихла - видно, красится. И что это тут туалеты совмещенные? Прямо чудно, как понастроили! Дом новый, капитальный, для

пенсионеров все удобства: лифт, лестницы мраморные, а туалет - как в захудалой хрущевке! Бараки уральские прямо – совмещенный туалет!»

Бабушка подождала еще полчаса и постучалась в двери ванной. Ответа не было, только хлюпала вода, да раздавался мотив веселенькой песенки.

«Может, хоть позавтракать самой, что ж так сидеть, ведь в животе-то война? Нет, потерплю. Одна-то я всегда поем, а вот с гостьюшкой...

Она придвинулась к окну, стала привычно наблюдать медленно текущий к светофору нескончаемый ряд машин...

К трем часам сели за стол. То ли завтрак, то ли обед, то ли полдник?

-Садись, внученька, ешь, что Бог послал. А я помолюсь за нас.

Бабушка молилась, а Наталья закусила сыром. Чай разбавила себе кипятком. Потянулась – достала пару орешков, что лежали на верхней полке в шкафу рядом со сладостями.

-Отличненько!- от молодой девушки пахло свежестью, душистым мылом. Вся она была как бы создана из однородного розового кристалла: сияли глазки, блестели зубки и, казалось, тронешь кожу – закрепит от чистоты.

-Ну, до свидания, бабуля, я пошла, -деловито одергивая костюмчик и надевая босоножки сообщила Наталья.

-Куда же ты? –закудахтала как курица бабушка. –Одна... В чужом городе, на чужой стороне? Что это ты такое надумала? Пойдем вместе. Я живу в центре, покажу тебе нашу площадь, старый город... Если тебе по магазинам интересно – пройдемся, я ж разве против?

Наталья взялась за ручку двери.

-Что вы, бабуля? Не стану же я в самом деле с вами по городу ходить? Скука-то какая... Сама все узнаю.

-Нет, не пойдешь одна! –бабушка решительно загородила собою выход. –Не хочешь со мною, сейчас дочкам позвоню, приедут и погуляют с тобой. Не ровен час, что случится с такой красавицей! А ты ведь и говорить по-немецки не умеешь и одета не по-нашему. –она указала на высоченные тонкие каблукки.- Тебя тут сразу определяют, приезжую. Что я тогда брату скажу, чем оправдуюсь за такое вот золото? Мы тебе вызов сделали, на нас и вся ответственность!

-Ну, ладно, -тряхнула светлыми локонами девушка, - хватит время-то терять!

Она чуть пододвинулась вперед и вправо, приоткрыла двери и выскользнула в узкий проем. Каблукки часто застучали по мраморному полу.

-Не забудь сегодня к шести к Эльзе, вся семья будет ждать! – успела крикнуть вслед бабушка. Потом она еще долго стояла у открытой двери, недоуменно глядя в пустой провал лестницы.

- 2 -

Эльза не торопилась. Дома чисто, угощение на ужин приготовлено, план Натальиных поездок ровным почерком записан в тетрадке, на столе августовский букет: подсолнухи радостно глядят черными глазами в желтых широких орбитах.

Мать все не звонила. Эльза снова прошла по комнатам – все в порядке! Это правильно, что семейную встречу назначили проводить у них, Лапиных. Сестра, Лида, наготовит, как на свадьбу, потом все останется, съесть некому, ведь она одинокая, да и мать пусть отдохнет - только из больницы выкарабкалась, а она, Эльза, хорошо к приезду племянницы подготовилась – взяла пару выходных на работе. Эльза заранее радовалась, что дочка и

племянница родниться будут, ведь Ольга Наталью не знает совсем. Уезжали – маленькие были, не помнят. Да и Эльза, встречая с мужем гостью в аэропорту, не сразу смогла узнать в самоуверенной красавице прежнюю застенчивую нескладную провинциалку. Вот повозит она ее на собственной машине, (муж пусть на работу в автобусе покатается, ничего не делается, пораньше на часок встанет), похвалится широким Рейном с кораблями и баржами, красотой большого европейского города, расположенного недалеко, уютом и порядком старого маленького городка с цветами и зеленью, где прижилась ее семья... А еще удивит ее панорамой с телевизионной вышки, беззаботными лицами праздничной толпы, белым прогулочным пароходом! Конечно, три недели – срок небольшой, всего не покажешь, ведь половина дней принадлежит кузинам, которые живут в соседнем городе. Так что всего дней десять примерно. Немного у сестры, немного у них, слава Богу, места хватит! А прокормить одного едока здесь, в Германии, и вовсе не в нагрузку! А двоюродные сестры из казахстанкой глубинки - те как уж захотят! У них своя компания, свои планы на Наталью. Одного нельзя передоверить: организацию постоянного места жительства здесь, в Германии. Из гостыи надо непременно сделать местную жительницу! Ведь не зря же ее, Эльзу, на фабрике в бухгалтерии выдвигали организатором по культурной работе! Есть еще порох в порховницах! Это щекотливое дело провернет она сама и с блеском! Не пройдет вариант замужества сразу, так в запасе возможность работы в доме при детях или стариках на год. Она сама уж сколько лет при стариках – поделится опытом. А уж за год, тут и речи нет, такой красавице женихи найдутся! А за Натальей и остальная родня с Урала притянется!

-Что же мать-то не звонит?

Эльза подошла к тумбочке, вопросительно уставилась на черный телефонный аппарат. И, как по волшебству, раздалась звонкая трель. Женщина даже засмеялась от удовольствия. В трубке молчали, но по легкому дыханию определила – нет, не мать, дочка Оленька!

-Кто говорит?- шутливо спросила она.

-Слон, – пропищал тоненький голосок с немецким акцентом.

-Что вам надо?

-Шоколада. Пудов эдак пять или шесть, больше мне не съесть!

Обычное приветствие. Значит, все хорошо.

-Мама, я задержусь у подружки. В шесть, не беспокойся, буду дома,- уже серьезно сказала дочь.

-Нет, Оля, приходи пораньше, поможешь стол сервировать.

-О, кей!

Итак, на чем это мы остановились? Ага, жених для Натальи! Где его взять? Жених нужен надежный! Выйти замуж – не напасть, как бы замужем не пропасть, как говорится.

С утра Эльза уже помозговала над местными газетами: солидная стопочка вырезок лежала на столе.

-Нечего им тут лежать, претендентам, гостей смущать, надо бы их в определенное место...

Эльза достала скоросшиватель, аккуратно рассортировала объявления по возрасту мужчин: постарше - наверх, помоложе - вниз, на крайний случай. Так вернее будет: старшие уже набегались, ума набрались, и с документами больших проблем не возникнет - западут на красоту и пойдут по бюро да кабинетам. А молодые, разве про визу и регистрацию разговор начнут? Они - сходу глазки строить да за пряжки на брюках... Жаль, Наталья в школе

английский учила, утратила дедовские корни! Но ничего, способная, не зря ведь первый курс института международных отношений закончила, язык выучит, в здешний университет переведется – все у нее впереди! Да, впереди у нее прекрасное обеспеченное будущее в Германии, а жизнь с пьяным папашей забудется, как страшный сон!

Телефонный звонок. Наконец-то!

-Где вы? Что делаете?

-Наталья одна ушла знакомиться с городом. Самостоятельная девочка.

-Оно и правильно,- подхватила Эльза, уловив с голоса матери недовольство, и стараясь успокоить старую.-Ей самой нужно прочувствовать атмосферу зарубежья. Очень важно не наслаивать чужого мнения на первые впечатления.

-Ну, какая я ей чужая? –Эльза представила, как обидчиво у матери сложились морщинки возле губ.

-Любознательность поощряема, не препятствуй, дорогая. Раз ей так хочется – пусть! Наталье должно быть хорошо у нас, она должна знать, что мы ее любим. Порадуется самостоятельности, оценит ситуацию – на все нужно время. Приходи к нам без нее, скоро ужин, Володя с работы вернется, ему поесть надо. А Наталья не потеряется, твой адрес она знает, наш дом – через дорогу, у нее адрес записан в телефонной книжке.

Две хозяйки, пожилая и совсем юная, слаженно накрыли на стол. Вернулся с работы хозяин, пошел плескаться под струи живительной воды, снимать усталость рабочего дня. Явились приглашенные: мать и сестра Лида с давней подругой Ларисой. Кошка Люська обнюхивала гостей старательно, видимо, переняв привычку добросовестного отношения к делу от жильцов квартиры. Полосатая шерстка блестела, а белое пятно, словно воротничок под горлышком, ненавязчиво пояснял: мы хоть и беспородные, но интеллигентные. Кроме того, кошка гнула спину на поглаживания и очаровательно мурлыкала, чем и завоевала свое членство в семье по праву. Трехкомнатная квартира наполнилась приветствиями, восклицаниями, обычными при таких встречах вопросами, топотней и смехом.

В шесть часов компания сама собой очутилась вокруг стола. Рассматривали этикетки бутылок, обменивались рецептами салатов, рассказывали легкие анекдоты. Полчаса вилок-ложек в руки не брали – оглядывались на входные двери. Люська заняла боевую позицию на стуле, вблизи от тарелки с рыбой в маринаде.

-Этот стул предназначен гостье, а не тебе, проказница! –прогнала ее Эльза.

Муж глубокомысленно воззрился на куски остывающего мяса.

-Семеро одного не ждут! За дело, друзья! –и раскупорил шампанское. – За здоровье, как завещал великий Бахус! Или - на выбор: за прекрасных дам, как говорил знаток застолий артист Басов!

Эльза поморщилась каламбуру. Лариса, полная, симпатичная женщина, поощрительно засмеялась. Пили советское полусладкое из русского магазина. С аппетитом ели немецкий ягершнитцель в ананасах, не забывали подкладывать в тарелки винегрет, засоленные грибы и квашеную капусту. Русская закусочка своими руками наготовлена! Оно, конечно, купить-то проще, да разве ж тот смак?

О Наталье терпеливо молчали. Разговор вертелся вокруг последней новости: сын Ларисы переходил на самостоятельное харчевание, переезжал от

матери в двухкомнатную квартиру на горе, город лежал на холмах. Конечно, велосипедистам плохо, зато красота какая, глаз не оторвать!

-На горе хорошо, -одобрил хозяин, - ветер дурь выдувает!

-Ну, Владимир, ты и сказал,- вспыхнула подруга. - Какая же у Игоря дурь?

-И то верно - парень с умом. На фирме мастером по компьютерам дураков не держат. Это не железки на конвейере собирать! – засмеялся хозяин. Сам он работал на сборке радиоаппаратуры, выполнял однообразную работу много лет, и эти «железки» у него во где сидели!

-А я тоже потом должна уехать от вас? –спросила дочка, встревоженно переводя взгляд на родителей.

-Живи, милая, пока не надоест, сколько захочется! –Эльза с тарелкой в руке наклонилась и поцеловала ровный ряд темных волос, пахнущих шампунем и детством . - Лишь бы не сбежала в семнадцать лет замуж. Вон уже сейчас один долговязый уроки приходит спрашивать! Вроде он не одно и то же с тобою в классе слушает! – Эльза собралась развить тему. Отец и дочь переглянулись.

-Дорогая, пирог-то подгорает! –басисто воскликнул хозяин.

Эльза рванулась на кухню. Какой пирог? Да вот же торт - разрезан, украшен и на столе стоит! Под хохот всей компании выпили за переезд Игоря. Потом смотрели фотографии, привезенные из Турции. Море, песок, радостные улыбки отпускников... Лариса приласкала Люську и сама как кошка, тихонько мурлыкала ей в ушко. Стрелки часов спешили по кругу, в отличие от долгожданной гостьи.

Володя принес гитару. «Шаланды, полные кефали в Одессу Костя привозил...» Да почему петь за Одессу, а не скажем, за тот же Урал? Да вот просто за Одессу, и точка! Такой, видно, удалец этот Костя из приморского славного города, что ни одна посиделка компании без него не обходится. Подпевала только младшая сестра Эльзы –Лида, миловидная брюнетка с короткой стрижкой и ясным взглядом. Голос у нее был не сильным, но правильным, и поэтому все песни выходили настоящими, выдавая искренний, бесхитростный характер поющей. Окуджаву здесь уважали, бардовские песни любили и помнили наизусть. Чуткие пальцы вызывали щемящие звуки гитары, и два голоса, мужской и женский, околдовали комнату и сидящих в ней нежностью так не по-русски звучащего слова «ностальгия», что обозначает именно - тоску по Родине, по родной стороне, хотя на трезвую голову вернуться на прежнюю Родину не входило в планы никого из здесь сидящих.

В дверь позвонили. Голоса враз замолкли. Гости быстро поднялись и все вместе скупились в узкой прихожей.

Наконец-то! Она, гостья! Глаза блестят, красные губы в улыбочке:

-Привет родне!

-Ну, здравствуй, Наташенька! –обняла ее первой Эльза.- Где же ты пропадала сегодня?

-Я ведь не приехала по вечеринкам сидеть. Это вам делать нечего, у вас все схвачено, а мне надо крепко повертеться, чтобы тут остаться, - посмеиваясь и потряхивая плечиками скороговоркой поясняла Наталья, светлыми голубыми глазами поглядывая вокруг. –Правда, Володя? – обратилась она за поддержкой к дядьке.

-Верно понимаешь, умница! –сразу подхватил тот. Упреки за томительное ожидание, раздражение на неуважительность гостьи мгновенно испарились под ласковым взглядом красавицы. Владимир распустил улыбку, взялся снять с Натальи пиджак – ну истинный джентельмен!

Эльза остолбенела. Сестра с подружкой хмыкнули. Бабушка заохала:

-Что, что, где была? Повторите, не слышу!

Ольга вертелась рядом, пытаясь обратить на себя внимание гости.

-Не Володя, а Владимир Алексеевич, –одернула племянницу Эльза. –Ну, дядя Володя, -покраснела она за свой резкий тон.

-Ну, что вы, Эльза! В Германии ко всем без отчества обращаются. Думаете, я не знаю? За кого вы меня считаете? –она помедлила. –А дядей тоже называть не стоит. Верно, Володя? – опять глаза играют, прямо плавятся в нежной голубизне. –Ну, какой он дядя? Вон еще какой силач! Меня запросто поднимет и понесет... –она приподняла подол юбки, поставила ногу на приступочку гардероба и сняла босоножек. – Разуться нужно, чисто у вас.

-Так что же с тобой случилось, внученька, где ж ты пропадала? – потянулась к ней бабушка.

-Гуляла. По магазинам ходила. Какие проблемы, бабуля?

Гости медленно потянулись в зал, рассаживаясь на прежние места за столом. Лида снова расположилась на диване. Глаза ее спокойно переходили с предмета на предмет, скользя по поверхности. Она неосознанно теребила нитку бус, и общий облик ее уже не выражал ни приподнятости духа, ни заинтересованности. Ее подруга села рядом, молча сложила руки на коленях. Ольга хмуро ковырялась в куске шоколадного торта.

Пока в прихожей продолжался монолог Натальи о специфике мужского характера, в комнате пропало что-то важное – то ли радость приятного досуга и вкусной еды и питья, то ли сердечность понимания и признания места каждого в маленьком сплоченном кругу, а может, и нечто большее – радость общности душ и судеб в огромном мире - мире людей Земли.

-Домой пора, - поднялась Лариса. –Сын квартиру свою хотел побелить после работы. Посмотрю, как он там.

-И я пойду, -тряхнула короткой стрижкой Лида. –Успеем наговориться с Натальей – она у меня всю следующую неделю жить будет.

-И то верно, -решила мать. –И я заодно домой. Ночью спала плохо, лягу пораньше.

И только Ольга все дожидалась своей звездной минутки, чтоб заговорить с умной гостьей, ей-то ведь до студентки еще вон сколько жить надо!

- 3 -

Праздник немцы праздновали по-немецки, это ясно. Для Лиды обычно, а для Натальи – впервой. Беззаботная полуденная толпа пришвартовалась к набережной и глазела на реку, блестящую на солнце чешуйчатой поверхностью. Величественно проплывали мимо баржи, белыми голубями проскальзывали прогулочные кораблики, посредине на стремнине межевался полицейский катер.

-Красиво, - прищурилась Наталья.

-Я люблю здесь бывать иногда, - улыбнулась в ответ Лида.

Вдоль широкой набережной тянулась аллея молодых лип, уставленная лавочками. На лавочках сидели старики со старушками, мирно поглядывая по сторонам, за аллеей теснились прибрежные здания, нижние этажи которых были обустроены под рестораны и кафе, фирменные магазинчики и парикмахерские. Справа располагалась небольшая площадь, а за ней - остатки старинного замка и острые шпили церквей. Погода соответствовала

праздничному настроению: солнце красовалось на пестрых бумажных попугаях в мороженном, которое стояло на многочисленных столиках кафе. Русский музыкант был в ударе, баян заливался напропалую -еще бы, ведь в выходные можно было заработать в несколько раз больше, чем в будни. Собаки радостно вынюхивали друг друга на расстоянии ремешков. Старый военный корабль, стоящий на приколе у набережной, блестел новыми красками после ремонта. Всю эту красоту покрывал несмолкаемый гул толпы.

-Золота вовсе не носят, -заметила Наталья. –Ни сережек, ни цепочек.

Лида покосилась на свое тоненькое колечко с цирконием, промолчала.

Передвигаться в толпе с Натальей оказалось не просто: небольшой, но постоянный людской коридор сопутствовал им везде. Народ расступался, мужчины прямо немели, завидя красавицу, женщины заинтересованно исподтишка, а иногда открыто всматривались в ее лицо, фигуру, ноги. Ощущение у Лиды было такое, словно она на сцене, только не на бардовском фестивале, где она своя и сама, а в театральной массовке рядом с блистательной актрисой. Наталья в светлых брюках и легкой маечке на одно плечо, в плоских босоножках, что купили вчера, отлично вписывалась в простой и несколько небрежный стиль аборигенов. Впрочем, местных было возможно не большинство: чернявые, узкоглазые, темнокожие, люди со всех концов света с одинаковым обожанием провожали взглядами высокую блондинку.

Чувство гордости за родство охватило тетку. Как ни говори, своя кровь! Не в каждой грозди генерационного дерева есть вот такое чудо изящества и утонченности! А Достоевский? Его «красота спасет мир»? Действительно ли можно ставить природную красоту на столь почетный пьедестал? Размышляя так, Лида скользила вслед за племянницей, и чувство собственной незаметности, своей фоновой принадлежности вовсе не приходило к ней, так как подобная эмоция, а именно – зависть, была ей в принципе не свойственна.

Подошли к площади. Справа слышалась оркестровая музыка и многоголосый шум.

-Подождем здесь. Скоро начнется праздник немецких защитников города.-многообещающе улыбнулась Лида. -Называется «Schutzfest».

-От кого они защищаться собрались? Кто им угрожает? Сами первые напали!

-Да это старинный праздник, еще с междоусобицы, со средневековья. Никто никакими сложными историческими вопросами не интересуется. Пройдут, вроде как на демонстрации, и отправятся пиво пить. Им на работе дни выделяют на всякие конкурсы, типа «кто кого перепьет.»

Через несколько минут из неширокой улицы выдвинулась колонна всадников с тяжелыми развевающимися знаменами. На площадь входили немцы в военных мундирах, украшенных живыми цветами и значками. Толпа сплотилась, отдыхающие повставали с лавочек и поспешили навстречу действию - празднику, пришедшему из глубины веков к нынешнему мирному времени. Духовые оркестры наполняли воздух резкой музыкой и буханьем барабанов. Букеты и причудливые орнаменты, составленные из ярких цветов украшали колонну . Изысканные стрелиции, разноцветные лилии, королевские амариллисы и розы, розы, розы... До площади демонстранты прошли по всему центру города, поэтому нарядные, упитанные всадники улыбались здешней толпе уже несколько устало, но взгляды блистали и перья на шляпах грациозно покачивались. Крупы лошадей лоснились, гривы и хвосты были украшены разноцветными лентами, глаза лошадей прикрыты шорами, чтобы не шарахались от толпы – эти ряды проходили мимо российской гостьи, поражая

ее щедростью красок уличного представления. Названия клубов и годы их создания были вышиты на бархатных знаменах, они выказывали основательность традиций военного дела, ведь многие клубы насчитывали два-три века. Колонны всадников сменяли пешие полки, разряженные в пух и прах, готовые к бою с сотнями бочек лучшего баварского пива, а также пива местного производства, ведь немцы истинные патриоты.

Время катилось по небу золотым шаром, и никто не замечал его, как нечто само собой разумеющееся на этом празднике жизни.

-Мундиры все с иголочки, цветов наверное, миллион, -это сколько же денег потрачено на такую вот прогулку ради удовольствия? - Лида оторвала замороженный взгляд от процессии.

-Вот где женихи-то! –оценивая оглядывая статных самодовольных всадников ответила Наталья, следуя ходу собственных мыслей. –Отсюда я одна не уйду. Самый богатый –будет моим! Это – судьба!

-Ой, осторожнее, Наталья, мне на ногу встала! – вскрикнула Лида, оттолкнув племянницу.

-Этот хорош, - ни обращая внимания, прокомментировала Наталья, указывая на доброго молодца в зеленом сюртуке с огромными эполетами, обвешенного значками по широкой груди, чуть не брежневского размаха.

-Этот еще лучше! –воскликнула она навстречу статному красавцу в белых перчатках верхом на иссиня- черном жеребце.

-А этот просто великолепен!..

-А этот, этот...

Лида перестала прислушиваться к восторженным вскрикам, просто смотрела, как полыхает охотничий блеск в глазах красавицы. Потом ей пришло в голову, что хорошо было бы, если бы... Если бы Игорь заболел, например, или по каким-то срочным делам был вынужден уехать к товарищу-студенту... Или в конце-концов, просто бы забыл, что его пригласили сегодня на кофе, вернее, на смотрины Натальи.

Среди оркестрантов и пешей братии встречались девушки и женщины, одетые в те же военные мундиры клубов и с теми же лучезарными улыбками, что и у мужчин. Они приветственно махали руками толпе, радовались самим себе и этому веселому празднику.

-Уродки... Везет же дурам, каких мужей себе поотрывали! – ругалась Наталья. –Куда они залезли, это же мужской праздник! Хоть бы в зеркало посмотрели! Уродки...

Вдруг она двинулась вперед, бесцеремонно отодвигая стоящих впереди себя людей, помахала всадникам рукой... Один из них, высокий блондин, снял шляпу, открепил с нее гвоздичку и бросил в руки Наталье. Та ловко поймала цветок, послала воздушный поцелуй назад. Всадники в ряду сняли шляпы и приветливо замахали девушке. Она прижмурилась так, что глаза ее стали узкими. Мимо проходили все новые и новые колонны демонстрантов. Пошли пешие; один –кудрявый с яркой улыбкой и букетом цветов в руке – отметив Наталью среди толпы, шутливо закричал ей: «Komm mit!»

Два раза не пришлось приглашать. Минута – и Наталья уже шагала рядом с ним в ногу. Свой букет он тут же отдал новой знакомой.

-Наталья! – закричала Лида высоким голосом, стараясь перекричать оркестр, шум шагов и гомон толпы.

Та услышала, повернулась и что-то прокричала в ответ.

«Не ищите, сама приду!» –поняла по губам ошарашенная Лида.

Стало тихо, солнце погасло, только покачивался тоненький ствол дерева, за который уцепилась неразворотливая тетка.

- 4 -

Наталья вернулась через три дня. Зашла навестить родню перед новым броском в будущее, как она выразилась. Она широко улыбалась ярко накрашенным ртом, все ее существо излучало радость. Лида была дома, отгуливала переработку: в бюро часто приходилось оставаться по вечерам, к приезду племянницы это оказалось кстати. Она тотчас же позвонила матери домой и сестре на работу. Бабушка приехала на такси, по лестнице поднималась настолько возбужденная, что едва справлялась с рвущимися от нетерпения вопросами. Эльза пообещала зайти после смены, она работала медсестрой в доме престарелых.

На упреки родни Наталья слегка хмурилась, и внимательно следила, чтобы по горячке не наговорили грубостей. Объясняться, где была да что делала, посчитала скучным. Сказала только, что через час ее новый знакомый Фрэд заедет за ней на машине и отвезет назад домой. Так и сказала – «домой».

-А у нас, это тебе не дом что ли? – бушевала бабушка. – У нас тебе что - гостиница? В гостинице и то постояльцы сообщают портье, когда уходят и насколько. Ты о нас всех подумала? Ну хоть о ком-нибудь подумала? Сообщать в полицию? Какими глазами на полицейских смотреть – не уберегли гостью! Мы никакого понятия не имели, где тебя искать! Лида клуб не запомнила даже, в котором этот лихой разбойник состоит. Конечно, ей было не до названия! Да и не могла она подумать, что ты пропадешь на три дня и три ночи. Она виновата, ей и досталось! Выпустила птичку, чтобы кошки съели!

-Ах, мама, перестань, пожалуйста, -с досадой вмешалась Лида. –Что ты, не понимаешь? – Мы для нее только перевалочная база!

Пока бабушка пыталась узнать у внучки подробности произошедшего, та подпиливала и лакировала ногти. Лида пожарила котлеты, отварила картошку и накрыла на стол.

-Садитесь за стол, обедать пора, -позвала она из кухни.

-Давай, бегунья, поешь, – поднялась с дивана бабушка. –Чем тебя твой Фриц кормил? Хорошо, что хоть тощую, зато живую назад привез! Ну, ладно, ладно, пошли уж! Были бы кости, а мясо нарастет!

-Не Фриц, а Фрэд! Большая разница! – заулыбалась Наталья, голубизна глаз почти скрылась за пушистыми ресницами.

-Да все одно - разбойник! За три дня ни весточки ни дал послать! Заимел кралю! –Бабушка снова нахмурилась. - Разве ж так делают! Хоть бы Игорю сообщила, чтоб не ждал тебя, раз родственников за людей не считаешь. Ведь парень весь вечер тут проторчал, все надеялся, что ты появишься!

-У меня нет его номера телефона. И я лично ничего ему не обещала – парировала Наталья.

Она полюбовалась на розовые, аккуратно подпиленные ногти, поправила широкоую челку перед зеркалом и повернулась с Лиде.

-Я не стану жареное есть. Концирогены ухудшают цвет лица. У вас есть обезжиренный йогурт? Тетя Лида, вы же прогрессивная женщина, почему не переходите на здоровый образ питания?

Это переполнило чашу терпения женщины.

-При чем тут здоровый образ! Какое питание! Одумайся, что ты говоришь! Мы три дня и три ночи спать не могли... жить не могли, переживали! Что с тобой

могло случиться! Как ты могла... Нет, как ты могла! И никакого раскаяния, никакой вины за собой... Ну, если б гулящая девка, другое дело, а ты ведь наша... И с первым встречным! Нет, с первым попавшимся, мимо проходящим!... Вот так порядочная девушка с периферии!.. Какой пример для твоей двоюродной сестры! Ты ж для нее образец для подражания!

-Мне только и было, что думать о нравственном воспитании подрастающего поколения! Мне там больше делать было нечего! Ну, вы рассуждаете, тетя Лида! Мне свою судьбу устраивать надо было! Мне надеяться не на кого и оглядываться некогда! Молодость одна и шансы упускать нельзя! Думаете, что если вы одна сидите, от одиночества на стены лезете, так и я также должна свою жизнь профукать?..

В комнате возникло недоумение. Июльский светлый день расцветал желтым цветком в прозрачном небе, гудел нескончаемой вереницей машин за окнами.

-Прости, девочка, дорогая. Мы просто очень боялись за тебя. –Лида опустила голову.

-Другое дело, –удовлетворенно хмыкнула племянница.

Бабушка напряженно налаживала слуховой аппарат, постукивая по нему, как будто современную электронику можно наладить этим старинным народным способом!

-Да, родителям твоим мы не сообщили, - тихо заговорила Лида. -Что-то першит в горле... Слава Богу, они не позвонили за эти дни, не пришлось врать, да я бы и не смогла... А чем бы они помогли?.. А расстройства сколько?.. Вот так инфаркты и случаются..

Наталья присела на краешек стула с тем расчетом, чтобы при необходимости можно было несколькими шагами пересечь комнату и в мгновение ока очутиться перед дверью.

-Да, я слушаю... Спасибо, тетя Лида, -Наталья усмехнулась и прищурилась. –Да уж папаня бы дал жару, если б узнал! А мать только реветь и может, дельного совета никогда не даст! –Она тряхнула головой, прогоняя наваждение. – А, впрочем, -слегка покачалась на стуле, -я к родителям не вернусь. Так что мне все равно.

Зависла напряженная пауза. У Лиды открылось второе дыхание.

-Ты должна вернуться! Обязана... Мы ведь сделали тебе гостевой вызов! Дядя Володя оформлял на свое имя. Ты даже представить не можешь... У него будут большие неприятности, если ты не вернешься вовремя... А потом, конечно, можно оформить документы с твоим другом и вернуться сюда навсегда.

-Я никому и ничего не должна. Это при вашем хваленном социализме все были всем должны: с детства Родине, которая счастливое детство отняла у ребят, потом - долг армии. А кому нужен был фальшивый интернационализм? И всю жизнь - работа, которую никто не оплачивал, почти за спасибо. Мои бабушка и дедушка тоже ничего не знают, кроме как «должна и обязана», и живут в хрущевке. Я строю свою жизнь по нормальным понятиям, так не мешайте мне! Если поддержать не можете... Скорее бы Фред приехал, с вами полчаса трудно выдержать! –Она оглянулась на входную дверь.

-Ну-ка, что вы тут спорите, сейчас я вас послушаю, -удовлетворенно поправляя на ухе аппарат, вмешалась в разговор бабушка.

-Вот только тебя, бабулька, тут и не хватало, -тихонько прошипела Наталья.

Кошка принюхивалась к чужому запаху дорогого табака и терпких духов, распространяющихся от гостя по комнате. Выгнула спинку, фыркнула и отошла прочь.

-Табачищем от тебя прет. Он курящий, твой, кто он тебе... друг ли? Жених ли? Этот твой Фриц... – полюбопытствовала бабушка.

-Фрэд! Сколько раз повторять! –Наталья подошла к зеркалу, поправила волосы, одернула кофточку. Ярко оранжевая ткань делала оживленное, подвижное лицо девушки еще привлекательнее. –Да, курит! И пусть курит, я не против. Кстати, у его папаши целая коллекция курительных трубок. Лежат за стеклянной витриной, как в магазине... –улыбнулась она.

-А что еще ты о нем узнала: профессия какая? Кто его родители? – бабушка попыталась все же вывести Наталью на разговор о социальном статусе предполагаемого родственника.

-Да больше ничего пока... –Было видно, что Наталье хочется похвастаться своей радостью. –Зато знаю, что мы будем жить в доме у его родителей, дом большой в три этажа. А в отпуск ездить к морю. Я, конечно, не собираюсь сидеть дома, переведусь в институт сюда.

-Какая же учеба у замужней женщины! Ребенка ему надо! Немки не хотят рожать, вот немчата на русских девок и заглядываются!

-Пусть и не надеется, что дурочку нашел! Пока диплом не защищу, работу хорошую не найду, нечего и о пеленках думать! –уверенно отвечала Наталья.

-Да, что ты, детка! –ужаснулась старуха. –Без ребеночка нельзя! А пеленки он тебе и сам постирает. Или памперсы купит. Они, немецкие мужчины, здесь все делают, домашней работы не боятся, а детей любят. Только их бабы им все больше собак покупают для создания семьи.

-Мам, какой ребенок! Ты о чем? Идем обедать! – позвала Лида из кухни.

-Пойду, покушаю, а то живот заболит с голода А ты сиди, не жравши, раз худеть надо! Но гляди - тощая ты и своему Фрицу не нужна будешь! –тяжело поднялась бабушка, заковыляла ближе к тарелкам.

Наталья на Фрица не прореагировала, села за компьютер, по-хозяйски включила интернет, и тот стремглав понес ее в страну «ру».

Привычные предметы и привычные действия приводили Лиду в состояние уравновешенности и успокоения. Удары судьбы и душевные потрясения она перерабатывала с тряпкой в руках: мыла, терла, скоблила со всей силы – очень помогало. В настоящий момент в квартире все блестело и пахло чистотой. Не сказать чтоб Натальино бегство с праздника она рассматривала как удар по моральным представлениям и по самолюбию, но тревога трех последних дней за жизнь и здоровье племянницы давала себя знать. Хотелось нормально поесть и выспаться. Вот она «забота наша» сидит в комнате, склонилась за тастатурой, шлет приветики подружкам, хвалится, что отхватила себе заграничного жениха...Главное она жива-здоровая, а остальное – как-нибудь расхлебаем!

-Не кручинься, доченька! Видишь, как все хорошо закончилось, Наталья наша молодец, а мы-то думали... – мать положила на тарелку дымящуюся картошку, поджаренные котлеты. – Пахнут-то как! –она принялась с аппетитом есть.

-Ой, а огурчики забыла!... – достала из холодильника баночку Лида.

-Давай, давай... –подхватила бабушка, цепляя вилкой маленький, скользкий с пупырышками огурец.

-Что за котлетки вкусные! - большое тело ее мягко покачивалось на стуле. –Ты, вообще, всегда отлично готовила! Помню, еще маленькая была, все на кухне вертелась, помогать норовила. –Черты лица матери смягчились от внутреннего тепла, голос звучал тихо

Переглянулись, думая об одном и том же. Мать задумчиво сдвинула брови:

–Знаешь, никогда ведь не приходилось вам, дочерям, говорить, чтоб сообщали, куда пошли и когда вернетесь. Беспокоились вы за нас с отцом... Сами знали, что надо отчитываться за время перед родителями и старшими. А ведь тоже обе по танцуйкам молодость пробегали...

Зависшее напряжение медленно рассасывалось. Маленькая кухня с ее аппетитными запахами свежеприготовленного обеда заполнялась светлыми призраками прошедших дней, когда время летело незаметно, грузное до отказа делами и переживаниями, сильными и важными.

Поели, убрали посуду, а Фрэд все не приезжал. Было бы неразумно уговаривать мать пойти домой, все равно она не угомонится, пока не увидит будущего родственника, поэтому, когда она сладко зазевала и склонилась на спинку стула, пришлось уложить ее в спальне. Вскоре она, слегка похрапывая, уплыла в послеобеденный благополучный сон.

Наталья все мучила интернет, а солнце уже закатилось за крышу соседнего дома. Первые признаки нетерпения появились у Натальи уже давно, но сама мысль о том, что Фред больше никогда не появится, казалась ей такой чудовищной, что она с удвоенным восторгом перечисляла его достоинства подружкам-студенткам, бросая в их виртуальные почтовые ящики виртуальные же письма, полные неподдельных чувств и надежд. Но жених не появился, ни в этот день, ни на следующий.

- 5 -

На выходные был запланирован Париж. Трехдневная русская экскурсия из джентельменского набора поездок, включающих в себя посещение, помимо центра Франции, несколько крупных голландских и бельгийских городов, таких как Брюссель, Гаага, Амстердам, Антверпен, Койкенхоф, а также столицу маленького Люксембурга – Люксембург. Имелась и купленная в Париже пару лет назад иллюстрированная книга-путеводитель с яркими фотографиями на мелованной бумаге. Хотели, чтоб гостья поехала с Ольгой, рассчитывали на долгосрочные дружественные перспективы. Но не вышло! У Натальи разболелась голова, она почти не вставала с постели, таблеток не принимала, так как считала, что все таблетки приносят вред здоровью. Срочно искали в путешествии замену. Взрослые ехать не хотели: все уже бывали в Париже, и не по раз, а отпускать Ольгу с подружкой побоялись - молоды еще!

Выручил Игорь. Он заглянул, что называется, на огонек: занес вечером детектив - одалживал иногда у Лиды литературу и русские фильмы.

-Как твой ремонт? – встретила та.

-Кого интересует? –отмахнулся парень. -А как ваша гостья?

-Все по-прежнему. Лежит – молчит.

-Плохо...

Никто ничего не добавил, стараясь не усугублять ситуацию.

Игорь был рослым, спортивным парнем, крупная фигура его, казалась, заполнила всю прихожую. Ясные, слегка навывкате, серые глаза излучали дружелюбие и понимание, яркие губы были чуть великоваты по отношению к

овалу лица, но не портили его, лишь подчеркивали природное добродушие, темный ежик обрамлял высокий лоб. Весь облик его выдавал человека умного и надежного, чтобы не сказать - капитального.

-Заходи, пообедай с нами. У меня сегодня голубцы, -пригласила Лида.

-Спасибо большое, не хочу. Я как раз из-за стола: заходил к маме. Вам – большой привет. –парень улыбнулся и заговорил громче.- Да, а насчет ремонта, так я закончил вчера. Очередь за новой мебелью, надо покупать, но нет навыка и терпения по магазинам ходить. Главное - вкус нужен, чтоб все одно к одному! Впрочем, помощь и совет совершенно необходимы, - так, чтобы услышали в спальне, говорил Игорь.

Наталья не отозвалась. Зато из зала выпорхнула длинноногая девочка-подросток.

-Игорь! У нас поездка в Париж срывается! Diese blöde Ziege!.. (Эта противная коза)- Ольга махнула рукой в сторону спальни. – На такой ни один дурак не женится! Представляешь, что она мне сказала? Что я бестолковая, и чтоб к ней не лезла! А я и не лезла вовсе! Я просто спрашивала, почему ее жених к ней не едет, если он такой хороший и богатый. А по «хенди» он не отвечает! Она поэтому в Париж не хочет, все ждет его! А я так мечтала! Я еще никогда не была в Париже! Поехали со мной, ты же взрослый! А я надену высокие каблуки, на лицо –макияж высшей пробы из маминой косметики – никто и не дагадается, что мне четырнадцать! А мы по Елисейским полям! А мы на Эйфелеву башню! В Версаль! В Лувр к Моне Лизе! На кораблике по Сене! И слушаться я тебя буду всегда! ...Ну, соглашайся же, ну пожалуйста ! –от нетерпения она слегка подпрыгивала и дергала Игоря за руку.

Тот, улыгнувшись, перевел взгляд на тетку.

-А что, Игореша, -поддержала Лида. –Может, вправду поедешь? Экскурсия русская, значит, посмотрите многое, навпечатляешься. А Ольга ведь девочка послушная, сам знаешь, так что много беспокойства тебе не доставит. Родители всегда разрешат ей с тобой поехать! Ты когда в Париже в последний раз был?

Парень смутился.

-Да мне некогда ездить по экскурсиям было. Я же учился, потом - практика, много работал, выходные захватывал, чтобы на фирме оставили, а сейчас вот – квартирой занят...Да вы же сами знаете, тетя Лида...

-Да, да, конечно, мы ведь с твоей мамой по Европе покуролесили, а ты все за уроками сидел.

-Так едем же? Едем, ну?.. –по выражению его лица Ольга пыталась понять ответ.

-А что, гостя не раздумает? Может, пожалеет потом, что пролежит дома?-повернулся к закрытой двери Игорь.

Минуту терпеливо подождали. Затем Лида подошла к спальне, из которой не слышалось ни звука, и тихонько постучала.

-Ну, что еще? –раздалось в ответ. Голос сонный, недовольный. –Никуда я не поеду! Продавайте мою путевку, деньги себе вернете, вам же лучше – на меня не надо тратить!

Лида сглотнула комок в горле, спрятала досаду, как привыкла это делать с тех пор, как приехала долгожданная гостя.

-Ну что ж, - нарочито спокойно пробасил Игорь, -собирайся, напарница!

Ольза завизжала от радости.

-Только на каблуках далеко не уйдешь, нам ведь целыми днями ходить придется, и про макияж - забудь.Что, я по Парижу с накрашенной куклой ходить

буду? У девушки все должно быть натуральным. Так что форма одежды – походная. Фотоаппарат не забудь, а я как раз видеокамеру дигитальную купил, там и опробуем ее.

-Согласна! Я согласна на эти драконовские условия! Спасибо, Игоречек, миленький! –Увидишь, как здорово там будет! -запрыгала девчушка.

-Ты уж там повнимательней с ней, – вздохнула тетка.

-Да, не бойтесь вы, тетя Лида.- Не потеряется Ольга нигде, и вообще, ничего плохого с нами не случится.

Ольга кинулась звонить родителям, а Лида внимательно посмотрела в глаза молодого человека - та же радость, что у ребенка, только выплескиваться ей не положено.

-У тебя с квартирой расхоты. Как ты еще поездку осилишь? –она потянулась к кошельку с деньгами.

-Осилью, не беспокойтесь, я ведь хорошо зарабатываю, что мне трехдневная экскурсия? Я отдохну, заодно и развеюсь, может парижанку какую встречу! Ведь вашу гостью я так и не увидел! Хоть бы показалась, посмотреть на нее, -опять нарочито громко заговорил Игорь.

-Нет, не увидишь, похоже... На следующей неделе она переедет жить к двоюродным. – Лида пошла на кухню. - Ну и слава богу, -добавила она про себя, заваривая чай.

-Игорь, возьми трубку, моя мама поговорить с тобой хочет, –крикнула из комнаты Ольга.

Лида достала из шкафчика сладкий пирог, разрешила на три части - Наталья не в счет, все равно есть не станет, -приготовила чайный сервиз и занесла в комнату.

-Деньги за отдельные номера доплачу я сам, -услышала она баритон Игоря. –Ну, ладно, как хотите, каждый за себя заплатит. Да, звонить каждый день, это ясно... Хорошо, прослежу.

Белый сливочник по-хозяйски встал посреди чашек, серебряные ложечки-вилочки на салфетках с веселым солнцем – середина лета ведь, заварные пакетики чая на выбор пяти сортов, печенье и сладости в хрустальных вазочках, высокий пирог, как король посреди свиты, в центре стола.

Чаевничали, смеялись, обсуждали предстоящую поездку. Потом Игорь и Ольга ушли по домам, а хозяйка села за стол разбирать почту. Из спальни по прежнему ни раздавалось ни звука.

- 6 -

-Ну, и тяжел же ты, бугай булочный, -слегка побряхывая от усилия поднимала Эльза старого деда. Белый халат ее примялся, прядка волос упала на лоб. –Теперь легко перемещаем вес вправо, -заученным движением она отправила бессильную тушу в кровать, – и проверяем подгузник подопечного.

-Что это вы все по-русски разговариваете, фрау Лапин? –шепелявя из-под подушки. полюбопытсвовал дед.

-А вы бы, Herr Becker, сами переводили, раз хвалитесь, что русский знаете, -исполняя не самые приятные обязанности сестры-сиделки отвечала Эльза.

Это странное определение - «сестра-сиделка» -ни разу за семь лет работы в доме престарелых не пришло ей в голову. Что значит «сиделка», когда всю смену бегаешь-носишься от одного пациента к другому и едва

успеваешь внести отчет в компьютер? Хорошо, если попадаются на твоём участке старики с покладистым характером, как этот например, а то еще и настроение испортят.

-Я раньше мог, –дед самостоятельно высвободился от подушки, взглянул на Эльзу, как первый раз увидел, –немного, правда, но мог! Я же молодой был, красивый, умный. Теперь вот только умный остался. Такие девушки, как вы, меня любили, когда я в плену был, – он самодовольно крикнул. –Вот и приходилось учить язык, чтобы отвечать им взаимностью.

-Ну, конечно, любили они тебя, фрица проклятого! Они и близко не подходили к пленным фашистам, –по русски пробурчала Эльза.

-А вы вот сомневаетесь, как я понимаю, Frau Larin. Я угадал? –старик нахмурился и его плутоватые глазки почти спрятались за тяжелыми темными веками. –Вы думаете меня не любили русские женщины? Напрасно! Еще как любили!

Эльза накрыла его одеялом, подоткнула углы и с интересом уставилась на деда.

-Я «Катюшу» знал всю наизусть. Увижу, что подходит какая-нибудь женщина к забору, а в руках у нее хлеб, как запою, запою... – Он закашлялся. – Они мне кусочки через проволоку и бросят. Это рискованно было. Раз хлеб давали, значит, любили. Вот живым и остался. А сколько моих товарищей от голоду померло! Так выходит, мою жизнь спас великий могучий, как писал Тургенев.

-Историю вашу я знаю, и «Катюшу» который год вы мне поете, но вот откуда вы Иван Сергеевича Тургенева знаете? –вскинула брови Эльза.

-Я дворянина этого из всей литературы давно выделил. Я ведь в плен под Москвой попал в первый год войны, а на Урале до сорок восьмого года в трудармии работал. Знаю, что такое тоска по Родине, он тоже тосковал... Как тянуло меня к родному хутору! - Старик закричал, повернулся к бутылке минеральной воды. –Эдакое отцово дворянское гнездо! И роща и ручей... А на поляне –дуб, лет двести ему. Стоит, красавец, до сих пор.

-Вы ведь наш теперь, общественный, так что забудьте свой дуб! –Эльза налила воды, поднесла стакан к губам старика, улыбнулась, приглашая закончить дискуссию.

-Дуб – традиционно символ крепости Германии.-Продолжил дед. - А дуб тот стоит до сих пор на прежнем месте в хуторе. Это правда. –Старик посмотрел в окно, где густая зелень боролась с солнечными лучами, пытаясь не пропустить их в палату.

-Дуб есть, а силы нет, -парировала медсестра, наводя порядок на тумбочке.

-И сила есть, но она иначе перераспределяется на данный момент. И это закономерно, учитывая ошибки прошлого.

Видно было, что беседа дается ему нелегко: лицо и шея покраснели, жилы вздулись, на лбу выступил пот.

-Да уж, наошибались деды крепко! –подвела итог спору медсестричка. -Чего только не наслушаешься тут, - одернула белую курточку.

На руке Эльзы был пристегнут специальный браслет, контролирующий телефонные приставки в каждой палате, что были закреплены за ней на дежурстве, и пациенты могли по необходимости или желанию вызывать ее к себе. Раздался мелодичный звонок, медсестра заторопилась.

-Я ухожу, Herr Becker, а вы отдохните. Мы с вами еще поговорим на эту тему, - она многозначительно улыбнулась и поспешила к другому старому человеку, не способному обойтись без ее силы и энергии.

Когда расторопные медсестры накормили всех стариков в отделении, сели обедать сами. В служебной комнате висела доска объявлений, стоял большой стол и тумбочка с телефоном. За столом расселись шестеро женщин разных возрастов и национальностей и долговязый студент-практикант. Делясь последними новостями, достали пластиковые пакеты с продуктами, разлили кофе по чашкам.

-У меня бабушка из тринадцатой ни в какую не соглашалась сегодня без прически на террасу выходить, как будто не все равно! – поделилась Ивонка. Полька недавно пришла в их маленький коллектив и сразу завоевала авторитет среди коллег и пациентов трудолюбием и отзывчивостью. Эльзе она была приятна еще и потому, что жила по-соседски, и дети их были ровесниками.

-А у меня Herr Becker совсем слабый стал. Тяжело бывшим фашистам умирать с их воспоминаниями юности! – взглянула на нее Эльза.

-Frau Becker такая маленькая! Вчера приходила, пыталась посадить его в кресло, да где там! Мы вдвоем едва справились! Супруги гуляли по саду, и в окно слышно было, как он поет. Двигаться не может, а голосище какой!

Эльза задумчиво наклонила голову.

-Скоро ляжет в землю это поколение, и некому записать их воспоминания. С советской-то стороны я много читала о войне, много фильмов видела, а вот как трагедию поражения и разочарования немецкого народа – не знаю, хоть живу здесь уже десяток лет. Замалчивается все это. Историю свою немцы терпеть не могут, не выносят просто. А ведь умрет мой дед и его товарищи прежние – могут повториться страшные ошибки, за которыми кровь миллионов.

-А тебе зачем голову ломать! – отозвалась полька.- Ошибки истории были и будут. Новые поколения найдут себе игрушки нисколько не лучше. История тянется к страшным играм, а кто думает о результатах? Кто оглядывается на прошлое?

-Так ты фаталистка, Ивонка? От тебя не ожидала!

-Чего, чего? Какая еще фаталистка? Просто смотрю фактам в лицо!

Дверь в служебку резко открылась – на пороге появилась крупная бровастая медсестра соседнего отделения.

-Шефиня велела график дежурства переделать, одного человека из штата сокращают.

Все мгновенно прекратили жевать и выставились на гонца неприятной новости. ..Кого? И как можно сокращать работников, не сокращая самой работы? Ведь это означает, что у медперсонала отнимают малейшую возможность перемолвиться словом со стариками во время работы. Если и сейчас для пациентов отпускаются движения и жесты автоматически и скупно, то потом поговорить с ними будет вовсе некогда. Все зашумели, громко, недовольно заговорили. «Встретили плохую новость прямо как у нас в Союзе в бухгалтерии», - подумала Эльза.

-Недаром я жду подвохов от жизни, - подошла к ней расстроенная Ивонка. –У вас я новенькая, меня и сократят!

-Да не спеши ты - ничего пока неизвестно, -с сочувствием отозвалась та, прекрасно понимая, что полька права, а потеря работы равна катастрофе: на улице полно безработных, где найдешь свободное место даже имея квалификацию и опыт работы?

Двадцать коротких минут обеда пролетели, а Эльза еще не позвонила своим. Сегодня понедельник, надо собраться всей семьей, послушать экскурсантов из Парижа, они приехали вчера поздним вечером, и нужно посоветоваться со своими, как вывести гостью из состояния заторможенности.

Взглянула на часы и, всплеснув руками, бросилась к телефону. Лида, очень кстати, оказалась дома.

-Дорогая, приходи в семь вечера – все обсудим.-Эльза не хотела вдаваться в подробности.

-Да, да, конечно, -заторопилась сестра. –Представь, Наталья встала! Сходила уже в магазин и спросила даже, как в соседний город съездить. Ее знакомая завербовалась работать с детьми на год в немецкую семью, так наша хочет к ней в гости.

-Это отлично,- обрадовалась Эльза, -пусть едет, отдохнешь денек, а то она тебя крепко достала! Насчет проездного я могу похлопотать: попрошу Ивонку, может, даст - она завтра выходная, а у нее есть, я знаю. До встречи! Чюс! (Пока).

Эльза положила трубку и огляделась: в служебке ни оставалось никого, все разбежались по палатам. На ручном браслете зазвенел звонок, ожидая от нее готовности выполнять хлопотливую работу по уходу за ослабленными временем и болезнями людьми, и медсестра поспешила навстречу этой необходимости, не противясь и не рассуждая, какие поступки и грехи совершали на протяжении своей жизни нуждающиеся в ее сиюминутной помощи эти люди - скорлупки старости.

- 7 -

Вечером у Лапиных было шумно. Париж – праздник, который всегда с тобой! Париж – всегда Париж! Парижские тайны! Вообще, Париж -се ля мур! Ольга, ясно, была в центре внимания. Настроение гостей и хозяев прекрасно вписывалось в атмосферу детской комнаты с ее круглым аляповатым абажуром и огромными фотографиями певцов по стенам и дверцам шкафов. Почему-то все сгрудились именно здесь: расположились на диван-кровати, стулья перетасили из гостиной, а на столе, обычно заложенном книгами, теперь красовались сувениры и открытки из любимой всяким русским человеком столицы – мировой законодательницы мод, с ее историей, уходящей в глубину веков. Сувениры, чтобы без обид, тянули по жребию, а командовала жеребьевкой опять же Ольга. Маленькие безделушки, брелки в виде Эйфелевой башни, гипсовые фигурки Венеры Милосской, рисунки уличных художников, тарелки с видами площадей, наборы открыток – все вызывало в присутствующих воодушевление и легкую грусть по утекающим мимо событиям – ни догнать, ни пережить. Время - время, тебя можно только изредка запечатлеть!

-А у нас есть фотографии первой поездки в Париж. Мы тогда только переселились в Германию, практически открывали для себя Европу . - Эльза принесла темный, с золотыми узорами на обложке фотоальбом . –Дочка тогда маленькая была, оставляли с бабушкой, -она улыбнулась матери. –Спасибо, родная, мы пользовалась твоей добротой, Бог даст, оплатим тем же!

-Моя внученька, никакое спасибо мне не нужно, сколько раз говорить! – Мать поджала губы, а в глазах-то радость!

Альбом переходил из рук в руки. У Эльзы в альбомах –порядок, прямо как в архиве: десять лет со дня переезда, десять альбомов оформлено. Каждый начинается с января месяца, с его темным небом и жидким снегом, и заканчивается праздниками Рождества и Нового года, когда многочисленная родня и гости располагаются то за столом, то под елкой у бабушки. В альбомы, помимо фотографий, вклеены билеты на большие концерты, на поезда и самолеты, квитанции по обмену валюты в той или иной стране, копии табелей успеваемости дочери - все это имеет надписи и пояснения.

-Скоро хана твоим картинкам, жинка, -хмыкнул Володя. –Дигиталь в компьютер вводить буду. –А ты что отмалчиваешься? –повернулся он к Наталье. –Думаешь, тебя каждый день в Париж приглашать станут? Пропустила такую экскурсию, теперь вот картинки смотришь!

-Володя! –одернула бестактного мужа Эльза.

-Я болела, -надула губки Наталья.

-Болела! Знаем мы эти болезни! –в прежнем тоне продолжил тот. – Игорек! Идем в шахматы сразимся, я этих альбомов во как нагяделся! Ты как, не против?

-С удовольствием! –поднялся со стула парень.

Наталья проводила их глазами. Она была в простом розовом костюме, который плотно облегал ее тонкую, сильную фигуру, подчеркивал свежесть кожи, на шее висела нитка с металлическим сердечком, украшенным камешками циркония – подарок родни к приезду. Весь вечер Наталья скептически поглядывала на Игоря, и он, чувствуя себя по этими взглядами не в своей тарелке, помалкивал, во всем соглашаясь с Ольгой. Теперь, облегченно вздохнув, поспешил за Володей в большую комнату.

Лариса ткнула холеным пальчиком в фото.

-Смотрите, мой Игорек во дворе рядом с малышкой. Ой, да это же Ольга! Общага наша для переселенцев какая мрачная здесь, а жили-то весело! Ольга-то – детсадиковский желторотик! А Игореша мой –мужичок, какой серьезный - всегда себя защитником мамы чувствовал! -Улыбка ее стала нежной и открытой.

Кошка, гибко покачиваясь на мягких лапах, прошла по коленям сидящих и встала прямо на страницу альбома, требуя внимания и ласки.

-Вот кого тут балуют без меры! –Лариса потрепала кошку по гладкой шерстке, тихонько опустила на пол, перелистнула страницу. – А это у Миллеров в комнате, соседней наших, помните их? –обратилась она к бабушке.

-Конечно, как не помнить, -тотчас откликнулась та. –Мы с ней вчера полчаса простояли, встретились, когда я из ALDI возвращалась. – Бабушка огляделась, все ли внимают последним новостям с улицы.- Живут хорошо, дом построили, работают: муж на конвейере, а сама Миллерша уборщицей у людей, пока здоровье позволяет. Родни полно, вместе держатся. Дети при деле, внуки учатся - вот так и живут, -победно закончила она сообщение.

-Молодцы! –откликнулась Лида. –Вот увидите, внуки вырастут, на наших же и переженятся, а потом себе тоже дома понастроят!

-Это точно, наш народ такой, домостроители.- Лариса встряхнула головой, и волосы ровно легли по округлым плечам. –Одного не понимаю, – повернулась она к хозяйке, - почему вы до сих пор квартиру не выкупили? Сколько денег уходит на квартплату! За эти годы уже бы с кредитом расплатились, а что? Ну, ладно я, мать-одиночка, мне простительно, а был бы мужичок, хоть какой-нибудь, купила б непременно!

-Сомневаюсь, ты ведь тоже путешествовать любишь. А мы каждый отпуск - на море, и машину нам - только BMW подавай. В Россию помогаем и деньгами и посылками. И на мелочах не экономим, что тоже важно, муж на рыбалку по выходным – расход вместо дохода, а я все по концертам –опять же не дешево, -оправдываясь, порозовела Эльза.

-Деньги, деньги... – Лида медленно листала разноцветные страницы альбома, наполненные знакомыми и незнакомыми лицами русских немцев, неплохо устроившимися на их новой Родине. -Говорят, доволен не тот, у кого денег много, а тот, у кого их хватает.-заклЮчила она.

Наталья в продолжение разговора рассматривала журналы мод, где белозубо улыбались ухоженные, гордые, худющие модельерши. Перед ней стояла ваза с фруктами и бутылка минералки.

-Что с Натальей-то делать? –понирила голос Лида. –Пора ей к двоюродным. Они уже звонили, спрашивали, когда приедет. Половина срока прошла, их очередь.

Наталья подняла голову, посмотрела в сторону сгруппировавшихся в кружок женщин.

-Я к двоюродным не поеду, –громко промолвила она.

Все повернулись и молча уставились на нее. Из комнаты заглянули шахматисты, удивившись необычной тишине в детской. Голос у Натальи был спокойным, ровным, прическа аккуратная, улыбка, словно с журнала, что лежал раскрытым на коленях. –О чем я с ними разговаривать буду? Они неграмотные, тупые, что я у них забыла? –убежденно добавила она.

-Картина Репина «Приплыли», -констатировал Володя. В руке у него был крепко зажат шахматный конь. –Твоя племянница, ты и разбирайся, –хмыкнул он на умоляющий взгляд жены.

-Как хочешь, тебе жить, Наталья, -взяла себя в руки Эльза. –Это верно, они простые, деревенские, восьмилетку заканчивали, куда им до институтов! Они международные отношения на соседях практикуют...

Наталья снова склонилась над журналом, не испытывая интереса к продолжению разговора.

-Пусть у меня несколько дней поживет, раз вам уже так тяжело, -великодушно предложила Лариса.

-Да нет, ничего, спасибо, подруга, –пожала ей руку Лида. –Наталья завтра в соседний город съездит к знакомой. Эльза уже проездной приготовила: попросила у коллеги на работе. А потом что-нибудь придумаем.

Повставали, засобирались, вышли в прихожую. Обуваясь, Игорь постарался поймать взгляд красавицы.

-Если что нужно, я в вашем распоряжении в любое время, - краснея, как мальчишка, шепнул он ей на ушко.

-Вешайте лапшу малолеткам, это у вас хорошо получается, - ответила та резко, видимо, уже ожидая подобного предложения.

Лариса побледнела. Повернула сына к себе лицом.

-Пойдем, сынок, сегодня ко мне ночевать, у тебя в квартире краской пахнет.

Игорь послушно кивнул. Они вышли. Бабушка поцеловала горячую щечку Ольги, погладила ей плечики:

-Самостоятельная стала, француженка мая сладкая! Смотри только, не превратись в спесивую кошку, - она обула мякие туфли. –Вот наслушалась я про Париж, а самой-то побывать уж не доведется! Да Бог с ним, с Парижем, по мне - было бы здоровье! -Она вышла вслед за остальными на лестничную

площадку. Старались не шуметь: соседка-немка писала жалобы по любому случаю.

Светлый июльский вечер встретил всех смешанными запахами выхлопных газов и свежескошенной газонной травы. Клубящиеся облака закрывали звезды, и небо казалось близким и теплым. Окна домов уютно горели, сообщая улицам: домашние в сборе. И наши знакомые поспешили, чтобы зажечь свои огни, отдаться однообразным и монотонным приготовлениям ко сну, которые каждого успокаивают и уведат от дневных забот к самому себе.

- 8 -

На следующий день Наталья, как обычно, плескалась под душем и до обеда красилась. Вдруг из окна она увидела студию для загара. Сходила туда, вернулась довольная, к обеду съела тарелку крошки с ломтиком черного хлеба, затем собрала небольшую сумку в дорогу.

-Я ухожу, тетя Лида, -крикнула она в глубину комнаты уже стоя на пороге.

-Ты, извини, но я хочу еще раз напомнить, что проездной надо вернуть через сутки, -вышла проводить ее Лида. – Завтра, ровно в два часа, он должен быть на месте. Тетя Эльза переживает. Не забудь - ее коллега работает во вторую смену.

-Все ясно, нет проблем, завтра к обеду здесь! –Заверила, поправляя непослушный завиток Наталья.

-Если что-то непредвиденное –неприменно звони, предупреди, -точно заведенная кукушка, в который раз повторила тетка.

-Да уж сообщу, не беспокойтесь, наученная, - красавица повертелась у зеркала, проверяя ровно ли лежит тушь на веках, верен ли колорит кожи, достаточно ли тонок рисунок карандаша вокруг губ. Для критики не было зацепок, и она, усмехнувшись прежней своей задорной улыбкой, выпорхнула в дверь

-До свидания, –крикнула вслед Лида.

-Пока, -откликнулось снизу.

Вскоре, как и было обговорено, к Лиде заехала Лариса. Подруги, напившись кофе с печеньем, уселись в синий с металликом «Форд» и поехали на концерт в соседний город, куда приезжала российская звезда первой величины, пропустить такую возможность было бы просто непростительно. Лида вела машину уверенно, скорости не боялась, а Лариса, разложив карту, поглядывала на пролетающие дорожные объезды.

-Ну, Сусанин, когда будем на месте? –подмигнула в зеркало Лида.

-Не каждый день принудительное гуляние на колесах, -ответила толстушка. –Сегодня обещаю точность, как у «Навигатора». Солнце играло с тенями на карте, белый палец с аккуратным маникюром медленно бродил среди тонких линий, выискивая цель.

-Слышишь, Лариса, если Наташка вовремя завтра не приедет, Эльза пропала! Или Володе придется возить Ивонку с работы и на работу, а у него своих дел полно, или месячный проездной покупать, хоть он сотню евро стоит, да и месяц на исходе... Нельзя же чужого человека подставлять! И что коллеги в доме престарелых скажут! Эльза мне вчера вечером звонила, расстраивалась заранее, предчувствует нехорошее, –сосредоточенно следя за бампером идущего впереди «опелька», проговорила Лида.

-Зачем вы снова доверились этой вертихвостке? Пусть бы сама заплатила за проезд, дорожке показались бы ваши подарки, –раздраженно заметила подруга. –Принимает все как само собой разумеющееся! А вы и расшибаетесь со своими услугами! – Она решительно тряхнула головой, темные волосы рассыпались по воротнику блузки.

-Да она ж неплатежеспособная, откуда ж... –машина плавно выкатила на крайнюю правую линию автобана. – Значит, опять матери раскошелиться...

-Да, -глубоко вздохнула Лариса, - не хотела бы я себе такую невестку. Столько напереживалась, пока своего парня вырастила, и отдай его потом такой пагубе! Она ведь из него веревки вить станет, сама будет жить, как захочется, ни с кем не советуясь, а свекровь на порог дома не пустит - прощай сынок, дорогой... Вот такой вариант супружества. А признайся честно, Лида, вы хотели мне такую невестку подсунуть?

Лида усмехнулась, и темные глаза ее сузились.

-А ты-то чего испугалась? Тебе ничего не грозит! Как я понимаю, вас с Игорем отвергли по нулям, без надежд на соискание. –Лида вернулась на среднюю линию дороги. –Или я ошибаюсь?

-Ни язвы, пожалуйста, тебе этого не понять, у тебя своих детей не было, – с досадой проговорила Лариса.

В машине зависла напряженная тишина. Лида внимательно следила за дорогой: время пик, машин море, расстояние между ними все уменьшалось - значит, приближалась дорожная пробка.

Но Лариса не смогла удержаться, сердце очерствело обидой.

-Вцепилась в племянницу, нашла объект для надежд – думаешь, она тебе тут утешением станет до конца жизни. Обрадовалась! Отгулы взяла на фирме! Позаботиться она о тебе как же, не будешь знать, куда деваться!

-А это не твое дело, подруга, -разжала губы Лида. – в глазах блеснули слезы. -Ты своего сына воспитала – и отлично, а ко мне в сердце не лезь с калошами. Не понимаешь, что ли - это зона запретная,- речь ее стала грубой, обрывистой.

Серебряный «Мерседес», некоторое время маячивший впереди, резко затормозил. Машина, в которой сидели подруги, влипла носом в блестящий на солнце багажник. Раздался страшный треск... Лидины глаза стали круглыми от ужаса, она с силой жала на тормоз... Поздно - секунда, та необходимая секунда, что так дорого стоит, была упущена! Лариса сжалась в комок и зажмурилась. Удар смягчили ремни безопасности, руль ударил водителю в грудь. Темная волна прилила к голове, Лида на несколько секунд перестала видеть и слышать окружающий ее мир.

Когда сознание вернулось, она с удивлением обнаружила, что солнце все еще светит и, притом, ярко, а облака медленно, степенно движутся по светло-голубому небу. Потом она услышала шум машин, плавно проплывающих мимо – дорожная пробка еще не рассосалась. Взгляд направо – круглые глаза и трясущиеся полные губы подруги. «Слава Богу, живы!» – мелкнула мысль, и на сердце стало спокойно. Где-то зазвучали сирены – полицейская и «скорая» пробивалась к ним в потоке автомобилей, видимо, водитель «Мерседеса» вызвал по мобильному телефону. Лида встряхнулась, расстегнула ремень. Плотнo прижимаясь к боку автомобиля, подошел бледный хозяин «Мерса». Лида успокоила его и подругу, рукой резко потерла солнечное сплетение и подумала, что одна красота, пожалуй, не спасет мир, незачем об этом было спорить, и что багажник соседа и капот ее маленького «Форда», похоже, разбит

капитально... Время снова приобрело нормальную протяженность и происшествие встало на полагающееся ему место с событиями жизни.

Эльза была дома, гладила белье, изредка поглядывая на экран телевизора. Руки двигались споро, а в голове крутилась последняя новость: Лида в больнице. Ладно, что все хорошо обошлось, деньги деньгами, а здоровье не купишь. Полежит, отдохнет от шока... Кости проверили – не сломаны, значит, скоро выйдет... Если что – деньгами поможем... Мысли бежали вереницей. В душе еще не остыл испуг: позвонили из городской клиники, сообщили - Лида попала в дорожную аварию. Эльза собралась в мгновение ока, Володя был на работе, пришлось вызвать такси, и через несколько минут она была уже у постели бледной, живой и почти здоровой сестры. Подождала пока ей сделают рентген, съездила к ней домой, привезла необходимые вещи и, сонной от успокоительного, долго гладила ей ладонь. Теперь по русской программе повторяли старый, но всеми любимый фильм довоенного времени, Эльза старалась отключиться от переживаний за сестру и племянницу, которая до сих пор не подавала о себе вести.

Ивонка зашла в два часа, перед сменой за проездным билетом. Она была расстроена: попала-таки под сокращение штатов. Узнав об аварии на автобане, посочувствовала, минут через пять ушла. Эльза была вне себя от досады: от предложенных на автобусные билеты денег полячка отказалась, но так хорошо начинавшаяся дружба с ней явно дала трещину. Наталья не оставила номера телефона знакомой, к которой она уехала, сама же до сих пор не позвонила. Бездумно уставясь в телевизор, и автоматически выполняя домашнюю нескончаемую работу, Эльза проводила время в ожидании, а ждать и догонять, как известно, не самые приятные занятия.

Когда, наконец, раздался звонок в дверь, пришла Наталья. Эльза постаралась сразу не выдать своего душевного состояния. Она поздоровалась с Натальей, поставила на стол салат и кефир, дождалась, пока та умоется и поест с дороги, спокойно объяснила, почему Лиды не оказалось дома, и что случилось. Потом осторожно осведомилась у племянницы, как могла она не вернуться вовремя.

-Я звонила вчера тете Лиде, хотела предупредить, что останусь ночевать. Я не виновата, что она не оказалась дома.

-У нее были билеты на концерт, ты могла бы позвонить нам, –ответила Эльза глухо.

-Конечно, у нее напряженная культурная программа, – ухмыльнулась Наталья. –У меня тоже. Я ведь не должна отдавать вам отчет за каждую минуту, не так ли, тетя Эльза? –Она вскинула голову и посмотрела своими прекрасными светлыми глазами прямо в искривленное негодованием лицо тетки.

-Верно, это твое дело. Но со своей стороны, я прошу тебя перебраться жить в другое место. Ведь с кем мне делить свой дом и свое время – это мое дело! И пожалуйста, сейчас же! –Эльза поставила дорожную сумку девушки к входной двери. –Прошу! –указала она на выход.

-Я не виновата, и не уйду отсюда, -вдруг захныкала Наталья, пытаюсь вызвать к себе сочувствие.-Ведь звонила, просто никого не было дома... У меня болела нога, я не могла идти. Болела, поэтому и не могла! –повторила она, ухватив сумку и двигаясь к спальне.

-Нет, ты уйдешь!-решительно встала перед ней Эльза. –А про ногу расскажи бабушке, она поверит. Может быть.

-Но это правда! – В голосе красавицы зазвучали слезы.

Эльза непреклонно загораживала спальню спиной.

-Я все расскажу маме и папе как вы тут со мной обходитесь! –крикнула Наталья, вытирая глаза.

Эльза легонько подтолкнула Наталью в плечо, открыла дверь и выбросила сумку в коридор.

-Счастливой дороги домой!

Наталья шагнула за порог. Дверь с шумом захлопнулась.

-9-

К бабушке Наталья явилась зареванная. Старушка, как могла, утешала внучку, но дочери звонить не стала, так как историю с проездным билетом она слушала уже сутки. Наталья приняла горячий душ и села расчесывать у зеркала волосы.

-Идем, Наташенька, кино интересное начинается - сериал, -позвала бабушка. - Смотрю его уже лет шесть. Артисты влюбляются, расходятся, то у них одно, то другое – родными почти стали. Мне не так важно, что происходит у них, а хочется просто увидеть их, как членов семьи – они ведь каждый будний день у меня в доме. В выходные и праздники даже скучаю по ним. – Бабушка удобно устроилась на диване. – Вижу, как они становятся старше, знаю их привычки – интересно с ними. Идем, да и язык немецкий тебе в пользу...

-На что мне ваша мыльная опера? И как можно такую дурь смотреть? Вот уж действительно, нечего больше делать... –отозвалась Наталья.

-Что же ты будешь делать? Тебе ведь скучно у меня, –обиделась бабушка.

-Пойду по магазинам, по городу похожу, может, встречу кого, -промурлыкала Наталья.

-Ну,и развлекай себя сама, что ж взаперти-то сидеть!

-Вот именно!

Наталья оделась, прихорошилась, взяла модную сумочку на длинном ремешке, достала кошелек и просчитала оставшиеся в нем деньги.

-Бабуля, нужна подпитка. Денег почти не осталось, купить ничего не смогу, -подошла она к дивану, где неотрывно глядя на экран телевизора, мешковато угнездилась старушка.

Телевизор, как обычно, работал громко: бабушка плохо слышала. Сначала она не смогла понять, чего хочет Наталья, пришлось повторить просьбу второй раз. Наконец, до нее дошло, в чем дело.

-Так ведь конец месяца, деньги вышли, –заоправдывалась старая. Получим первого числа, тогда и в дорогу продуктов купим, и на подарки родным будет. Девочки тоже кое-что приготовили тебе в поездку домой: маме, папе, подружкам – душа у них тоже болит за оставленных там. Конечно, много нельзя с тобой передавать, вес на границе контролируют, мы ж понимаем, но кое-какие подарочки, деньги и конфеты ведь возьмешь с собой, внученька?

-Я еще не уезжаю, очнись, бабуля. –Наталья надула губы. -Ну, тогда нечего и ходить по магазинам, впустую ноги бить. -Разулась и легла с книжкой на постель, плотно притворив за собою дверь...

Последнюю неделю Наталья прожила у бабушки. Каждый день она все-таки ходила гулять по городу: чистенький, дремлющий под неярким солнцем городок вызывал у нее ненависть однотонностью и скукой. Должно было что-то

случиться, что-то огромное, счастливое, прекраснее мечты и солнца, такая встреча, что перевернет ее жизнь, сделает неприятности мелкими, несущественными, ничтожными. Сменится ее окружение, ее одежда, ее жилье, и только она останется такую же прекрасной, как сейчас. Такою же прекрасной будет она жить много-много лет с богатым и умным мужем, понимающим ее с полувзгляда, с полужеста, будет выполнять все ее желания. Он оценит ее красоту и оригинальность, ее духовные и материальные запросы будут ему законом, он обеспечит возможность раскрыться потенциалу энергии, бьющему из нее в пустое пространство невесомости, окружающее ее сейчас. И эта важная, необходимая встреча должна состояться именно здесь, она чувствует это и напряженно ждет всем существом!

Но ничего не происходит!... Только однообразные беленые домики с черными балками, почему-то выставленные на обозрение проходим, и крыши, покрытые черепицей. Только неширокие, уставленные столиками кафе и ресторанов площади, выложенные брусчаткой. Только аккуратно подстриженные деревья и кустарники, клумбы, полные пестрых цветов. Только витрины всевозможных магазинов, на которые лучше вовсе не смотреть, чтобы не поднималась из сердца горечь от недоступности товаров, там разложенных... И скучные, постные физиономии проходящих мимо людей. Мимо, мимо...

Однажды в полдень она позвонила Лиде:

-Тетя Лида, как ваше здоровье?

-Спасибо, поправилась, -отозвалась холодно та.

-Заберите меня к себе, тут тоска, делать нечего! Денег нет, никуда не выйдешь! Бабушка целыми днями телевизор на всю громкость включит, а сама спит перед экраном. Компьютера нет, даже читать нечего! Скоро уезжать, а я нигде не была, ничего не видела!

Тетка отговорила занятостью.

-Тогда позвоните тете Эльзе, пусть хоть Ольга ко мне придет, съездим куда-нибудь.

-Да куда же она с тобой пойдет? Ее одноклассник в покое не оставляет: целыми днями вместе – то там, то здесь. Первая любовь, да такая хорошая, пусть радуются! Мне кажется, что они и внешне похожи, -голос тетки был наполнен улыбкой.-У обоих глаза карие.

-Ха, да разве по цвету глаз счастье определяется? –вскинулась Наталья.

-Ну, не знаю, не знаю, -отозвалась Лида.- Ты у нас девушка самостоятельная, тебе виднее, по каким критериям счастье высчитывать. Будь здорова, –она положила трубку.

Почему так больно в душе от короткого телефонного разговора? Подумаешь, в аварию попала, теперь покоя хочет! С ней все ясно: привыкла быть одной, не выдерживает больше недели любое общество, ей хоть ангела-мужа дай – выгонит ради собственного покоя. Поэтому и племянницу не хочет... А та, другая тетка - бухгалтерша неуклюжая! А вот хорошо ей: семья дружная, муж ее любит, дочка слушается! А Наталье туда нельзя... Просто не приглашают - и все. А она пойдет сама, тут недалеко. Пойдет и скажет. Что скажет? «Вот пришла, -как ни в чем не бывало, скажет, -делайте же что-нибудь, ведь скоро мне уезжать, а решающей встречи нет!»

Наталья прошла в спальню, закрыла дверь, чтобы не слышать опостылевший телевизор, уткнулась в подушку. «Что за напасти!- тяжело вертелись мысли. - Дома родители не понимают моей тонкой натуры, надоели с поучениями: то нельзя, это не так сделала! Кое-как вырвалась из дома, думала

- навсегда, ведь и оглянуться не на что, отец – пьяница, мать бестолковая дура. Неужели нужно снова вернуться к прошлой жизни с зубрежкой и нищетой. Какие перспективы? Работа, дом на периферии и так до старости? Где же блеск жизни, где истинное поклонение, признание моей незаурядности?”

Так пролежала она некоторое время, уставясь в стену. Потом встала, снова подошла к телефону. Поискала и нашла в бабушкиной записной книжке номер Ларисы и Игоря. Видимо, телефон был записан давно, немного затерт, значит, номер из новой квартиры Игоря еще не внесен в книжку, а может быть, бабушка просто не захотела его записать: зачем ей, старой, номер молодого парня, да возможно, еще мобильный! Придется звонить его матери, этой румяной тостухе с пышными волосами.

Наталья поправила на тумбочке салфетку и стоящие на ней безделушки, вздохнула и набрала цифры.

-Здравствуйте.

-Здравствуй, Наташа, -сразу узнала ее голос Лариса.

-Игорь у вас? Позовите его пожалуйста, мне надо с ним поговорить, -ровным тоном промолвила девушка.

-Зачем и о чем ? –На другом конце провода помолчали.-Да, он тут, но я не позову его. –Опять пауза. –И считаю, что так будет лучше.

-Тогда дайте номер его мобильного. Он сам разберется, что для него лучше.

-Счастливо тебе, девочка, доехать до дома. До свидания. –Из трубки раздались гудки.

Наталья бросилась на кровать, схватила подушку, изо всей силы примяла ее. Из прекрасных глаз потекли на яркую полосатую ткань горячие слезы, слезы непонимания и досады, слезы жалости к себе и обиды на других. Они оставляли мокрый след на наволочке и жгли душу. Наталья хлюпала носом все громче, но вот беда – утешить некому было, одна бабушка, да и та глуховата.

...Так и уехала красавица домой в Россию, к своим родным, знакомым, к учебе в институте и вечерним скандалам родителей, а мечта о щедром немецком богаче осталась в Германии выплаканной в полосатую ткань наволочки.

10 апреля 2005

МУЗЫКАНТША

Большой Дом встречал Домработницу приветливо, а розы у крыльца осыпали ей под ноги свои лепестки. В Доме было просторно и тепло, множество книг и картины создавали определенную атмосферу. На высоких подставках красовались букеты живых цветов. Изящная маленькая арфа стояла над камином среди заморских сувениров. Сквозь стеклянную стену на террасу был виден сад в зеленых зарослях и пруд.

Посредине залы стоял рояль. Он был так неподражаемо значителен, что Домработница приближалась к нему с трепетом. Стирая пыль с гладких поверхностей Его Величества, она вспоминала свое советское детство. У нее, третьего ребенка в семье без отца, не было возможности учиться играть на таких инструментах, да и сама мысль вот сейчас извлечь из рояля живой,

трепетный звук не приходила ей на ум. Домработница была старательной, она тщательно перетирала мебель, столы, полки. А вот заманчиво зеленеют шахматные фигурки из полупрозрачного камня.

— И никто вами, красавицами, не занимается, и стоите вы пыльными. А мне вот некогда. Уж я бы обучила вас быть смелыми и хитрыми. У меня простенькие шахматешки, а какие рискованные!.. — приговаривала она, стирая пыль. В ответ шахматные фигурки шумели ей морем, рассказывая о покинутой Родине. Рядом на стеклянной столешнице лежали стеклянные же медузы и ракушки. Среди них высились разных форм свечи. Домработница ощущала их тонкий аромат и представляла себе вечер в этой гостиной.

...Хозяйка мягко улыбается. Она полулежит на синей софе под приглушенным светом торшера и от этого кажется моложе и красивее. Она наблюдает за выражением лица сухопарого брюнета, своего мужа, который, отложив газету, рассуждает о последних автошоу и ценах на бензин. Потом он вспоминает о раскопках Карфагена, которые они осматривали в отпуске последним летом. Постепенно речь его становится замедленной и нежней.

Домработница знала, что рядом с Хозяйкой лежал полосатый котище, тяжелый, как поросенок-сосунок. Домработница пылесосила софу, собирая все до единой кошачьи волосинки. Протерев паркет, она перешла в ванную комнату. Ванна с компьютерным управлением — сказка! Перебирая до полусотни разных флаконов, Домработница видела себя в зеркале всю: короткая стрижка, выразительные зеленые глаза, стройная фигура. Ну а морщинки? Что ж, они только придают облику завершенность.

Тряпка так и летает у Домработницы в руках, все движения рассчитаны, все вещи знают свое место. А как же иначе? Ведь она работает здесь уже полгода. В понедельник убирает верхний этаж, спальни и кабинеты Хозяина и Хозяйки. В среду — гостиную и прихожую с белой мраморной лестницей. В пятницу — очередь нижнего этажа, здесь живет Дочь. В комнатах набросано и накурено, и перед тем, как начать мыть, надо долго раскладывать обувь, платья и кассеты по шкафам.

— Все хорошо, прекрасная маркиза, и хороши у нас дела, — утешала себя женщина. — Зато прилично платят и недалеко добираться. А, главное — Хозяйка — милая, чудесная женщина. Работой довольна, ни к чему не придирается и угощает кофе и булочками. Домработница припомнила, как она впервые пришла в Дом.

— Необходимо заполнить бумаги. Нам не нужны проблемы от финансовых ведомств, — сухо сказал Хозяин.

— Здравствуйте, фрау SIDOROFF. Проходите, пожалуйста, выпьем с вами по чашечке кофе, — ласково пропела Хозяйка, мягко пожимая ей руку. Они прошли на кухню. Домработница напряженно вытянулась на высоком круглом стульчике. Хозяйка быстро поставила на стол чашки, сахарницу, берлинские булочки, обычную белую сливочницу. «Чашки простые поставила, по-домашнему, — обрадовалась Домработница. — Значит, приняла!»

— Ну, не хотите официально оформляться, так нам ведь все равно, — улыбнулась Хозяйка понимающе.

Хозяйка оказалась певицей, давала концерты и как раз подыскивала себе нового аккомпаниатора. Все это она рассказала Домработнице доверительно и сердечно. «Господи, как мне повезло! — ахала про себя Домработница, прикидывая, как пополнится теперь семейный бюджет, и как хорошо будет ей здесь работать.

Теперь, сверяясь со своим первым впечатлением, она гордилась, что не ошиблась: работа в Доме приносила не только дополнительный доход, но и удовлетворение. Это не то, что возить грязь в собственной квартире за подвыпившим мужем и двумя долговязыми сыновьями. Успевала и семью сестры обиходить: сестра терпеть не могла уборки, а работы там было больше, чем у Домохозяйки, хоть муж сестры в рот спиртного не брал. Вот так и вертелась: работа, уборка. И никто и спасибо не скажет, само собой разумеется. Да что и

ГОВОРИТЬ, РАЗВЕ В УЧИТЕЛЬСКОЙ ПИЛИ ТАКОЙ ДУШИСТЫЙ КОФЕ! И ВОобще, кто бы там так СПОКОЙНО И РАССУДИТЕЛЬНО БЕСЕДОВАЛ, ГЛЯДЯ ТЕБЕ ПРЯМО В ГЛАЗА? Вечная нервотрепка с ДВОЕЧНИКАМИ, СУЕТА НА ПЕРЕМЕНАХ, СПЕШКА ПОСЛЕ УРОКОВ! НА СЕбя ПОСМОТРЕТЬ НЕКОГДА БЫЛО! Домработнице хотелось тоже что-то сделать для Хозяйки за ее доброту, приветливость и ДОВЕРИЕ. Ведь в ПЕРВЫЙ ЖЕ ДЕНЬ Хозяйка отдала ей ключ от Дома. Утром, когда приходила, в Доме обычно никого не было. Хозяйка приезжала к окончанию уборки и, напевая, шла НАВЕРХ. Ей было абсолютно безразлично насколько чисто в Доме, но Домработница все РАВНО СТАРАЛАСЬ ИЗО ВСЕХ СИЛ.

— Нет, не сейчас, — говорила Хозяйка в телефонную трубку, — сейчас у меня убирают.

Наконец, Домработница выносила мокрые тряпки на террасу для просушки и занимала «свое» место на высоком стуле в кухне. Хозяйка уже ждала ее.

— Вы все прекрасно сделали, — улыбалась она, наливая горячий кофе. — Сколько забот у вас с семьей, как вы все успеваете, фрау Sidoroff, — начинала разговор Хозяйка. — У меня одна Дочь, а хлопот сколько...— Домработница понятиливо кивала.

— Конечно, она у меня несомненный талант. Сейчас ее приглашают на прослушивание в Кёльнскую консерваторию. Надо заниматься с девочкой, а мне совершенно некогда... Да вы берите еще булочку. — Пододвигала она румяную, посыпанную сахарной пудрой пышку. — Мой аккомпаниатор выехал жить в Канаду, прекрасно там устраивается, — продолжала Хозяйка, — а я вот ищу приличного концертмейстера. Я профессионал, не могу же я с постыдственностью выступать.

Домработница кивала, тцась помочь Хозяйке.

— А как ваши дети? Как успехи в школе? — интересовалась Хозяйка.

— Да у нас что, — краснела Домработница. — Младший вот опять двойку, тьфу, пятерку принес. Не дается язык, пишет с ошибками. А я как ему помогу? Сама-то кое-как объясняюсь, никуда на работу не берут, хоть и немка по паспорту. А сам-то и вовсе два слова не свяжет. Слава Богу, хоть на конвейер взяли. Пашет теперь без проходных.

— Ну, что вы, фрау Sidoroff, вы вполне прилично говорите, — уверяла Хозяйка, — я вас хорошо понимаю.

Домработница принимала этот комплимент и радовалась, что находила время ежедневно хоть понемножку учить язык.

...Однажды Домработница не вошла — влетела в Дом. Хозяйка оказалась в гостинной Она распевалась под музыку Дворжака.

— Вы знаете Дворжака? Конечно, вы знаете Дворжака. Он принадлежит, в первую очередь, славянской культуре, а вы такая культурная женщина, фрау Sidoroff, — приветствовала ее Хозяйка.

— Ах, дорогая Хозяйка! — зашепила Домработница восторженно. — Вчера я была в нотвонунге, ну, в русском общежитии. Там я встретила Музыкантшу. Они новенькие, уже неделю здесь. Я заходила навестить больную, кое-что сделать, помочь с бумагами, вообще, обычное дело. А у нее соседи въехали! Музыкантша с дочкой-первоклашкой и слепым дядей. Евреи они. Играют все трое. И как играют! Дядя играл на гитаре «Варяга». Красиво и страстно. И пел. Музыкантша тоже играла. Пела она романс «Не жалею, не зову, не плачу» Я плакала. Есть у нас такой поэт — Есенин. Он давно уже погиб. Как погибают у нас поэты? Жизнь такая, вот и гибнут на корню. Да вы не думайте, Музыкантша сказала, что она и на пианино играть умеет. Она Гнессиных закончила. Слушать когда будете?

Хозяйка стояла в прихожей в синем дымчатом платье, которое очень шло ей.

— Фрау Sidoroff, что с вами сегодня? Вы такая возбужденная! Все надо обсудить, обдумать... Так, значит_ там есть маленькая девочка. Это славно! Из маленьких девочек потом вырастают большие музыканты. Вот и мою девочку приняли в консерваторию. Да, спасибо, спасибо. — Она кивнула. — Я и сама так рада! И рада, и не рада. Теперь она

ПОКИНЕТ РОДНОЙ ДОМ, БУДЕТ ЖИТЬ И УЧИТЬСЯ В КЕЛЬНЕ. И НЕ ПРИДЕТСЯ ВАМ, ФРАУ SIDOROFF, УБИРАТЬ ВНИЗУ. НУ, НИЧЕГО, НЕ ОГОРЧАЙТЕСЬ, МЫ ВАМ ДРУГУЮ РАБОТУ НАЙДЕМ НА ЭТО ВРЕМЯ. В САДУ СМОЖЕТЕ НАВЕСТИ ПОРЯДОК? А ТЕПЕРЬ ПОДОЖДИТЕ НЕМНОГО, Я ПОСМОТРУ, КОГДА У МЕНЯ НАЙДЕТСЯ ВРЕМЯ ДЛЯ ВАШЕЙ ПРОТЕЖЕ.

ДОМРАБОТНИЦА ОСТАЛАСЬ В ПРИХОЖЕЙ. ОНА УВИДЕЛА СЛЕДЫ ОТ БОТИНОК НА БЕЛОМ, В ПРОЖИЛКАХ, МРАМОРЕ. «ДОЧКИН ДРУГ СНОВА БЫЛ, — ДОГАДАЛАСЬ ОНА. — ТОЛЬКО ОН ГРЯЗЬ НОСИТ. И ГДЕ ОН ТОЛЬКО ЕЕ ТУТ, В ГЕРМАНИИ, БЕРЕТ?» И ТОЧНО: СКВОЗЬ СТЕКЛЯННУЮ ДВЕРЬ ПРИХОЖЕЙ ВИДНЕЛАСЬ ТЕМНО-СИНЯЯ БЭЭМВУШКА ДОЧКИНОГО ДРУГА.

- Вышла Хозяйка.

- — ИТАК, ТЕРМИН ВАШЕЙ МУЗЫКАНТШЕ: НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ ВО ВТОРНИК В ТРИ ЧАСА, — УЛЫБАЯСЬ, ОНА ПОДАЛА ЛИСТОЧЕК. — А ВАМ, МОЯ МИЛАЯ, Я ОБЕЩАЮ КОНТРОМАРОЧКУ НА МОЙ КОНЦЕРТ. СПАСИБО ЗА ХЛОПОТЫ.

В ПОНЕДЕЛЬНИК ДОМРАБОТНИЦА УБИРАЛА ДОМ С ДРУГИМ ЧУВСТВОМ. С ЧУВСТВОМ СОПРИЧАСТНОСТИ К БОЛЬШИМ СОБЫТИЯМ. ХОЗЯЙКИ, КАК ОБЫЧНО, НЕ БЫЛО ДОМА. ДОМРАБОТНИЦА ВЗЯЛА ВЕДРО С ВОДОЙ, ДОБАВИЛА МОЮЩЕЕ СРЕДСТВО. ВДРУГ ВЗГЛЯД ЕЕ УПАЛ НА РОЯЛЬ. ОНА ПОДОШЛА К НЕМУ, СЕЛА НА ЧЕРНУЮ МЯГКУЮ ТАБУРЕТКУ. КЛАВИШИ СМОТРЕЛИ НА НЕЕ РОВНЫМИ ХОЛОДНЫМИ РЯДАМИ. ТИХОНЬКО НАЖАЛА ОДНУ КЛАВИШУ. ТА НЕ ПОДДАЛАСЬ, А ТОЛЬКО ВСХЛИПНУЛА. ДОМРАБОТНИЦА ПРЕДСТАВИЛА, ЧТО ОНА — МУЗЫКАНТША. ПОЛУКРУГЛЫМИ НАПРЯЖЕННЫМИ ПАЛЬЦАМИ ОНА СТАЛА С СИЛОЙ УДАРЯТЬ ПО ВСЕМ ОКТАВАМ. ЦЕЛАЯ СТАЯ ЗВУКОВ ЗАМЕТАЛАСЬ ПО ЗАЛЕ, УНОСЯСЬ ЧЕРЕЗ ОТКРЫТУЮ ДВЕРЬ НА ТЕРРАСУ И ДАЛЬШЕ — В САД, НА ЗЕЛЕНУЮ ЛУЖАЙКУ, ПАДАЛА В ПРУД К ЗОЛОТЫМ РЫБКАМ, ПОВИСАЛА СРЕДИ ВЕТОК ВЫСОЧЕННЫХ ЕЛЕЙ И БЕРЕЗ. А БЕРЕЗЫ-ТО ТОЛСТЫЕ, СТВОЛЫ ПОКРЫТЫ ЗЕЛЕНЬЮ. КАПИТАЛЬНЫЕ БЕРЕЗЫ, НЕМЕЦКИЕ, ХОЗЯЙСКИЕ!

ДОМРАБОТНИЦА ПЕРЕСТАЛА БИТЬ ПО КЛАВИШАМ. ВОТ ТО-ТО! И МЫ ТУТ НЕ ЛЫКОМ ШИТЫ! ОНА ВЫШЛА НА СЕРЕДИНУ ЗАЛЫ И НА ПРЕКРАСНО НАТЕРТОМ ПАРКЕТЕ ОТБИЛА ТАКУЮ «БАРЫНЮ»! — БА!..

ПОТОМ ДОМРАБОТНИЦА СНОВА ВЗЯЛА ВЕДРО, ПОДНЯЛАСЬ ПО ЛЕСТНИЦЕ И ПРИНЯЛАСЬ УСЕРДНО ТЕРЕТЬ.

НАКОНЕЦ, ПРИШЕЛ ВТОРНИК.

— О, ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОХОДИТЕ, — КАК ВСЕГДА РАДУШНО ПРОПЕЛА ХОЗЯЙКА. — БУДЕМ ЗНАКОМЫ, — ОНА ПРОТЯНУЛА РУКУ МУЗЫКАНТШЕ. ТА РЕШИТЕЛЬНО ВСТРЯХНУЛА ЕЕ, НАЗЫВАЯ, ПО НЕМЕЦКОМУ ОБЫЧАЮ, ТОЛЬКО ФАМИЛИЮ.

— ФРАУ SIDOROFF СКАЗАЛА, ЧТО ВЫ УМЕЕТЕ ИГРАТЬ НА РОЯЛЕ? ЭТО ХОРОШО, МНЕ КАК РАЗ НУЖНО СОПРОВОЖДЕНИЕ.

МУЗЫКАНТША БЫЛА ЗНАЧИТЕЛЬНО ВЫШЕ ХОЗЯЙКИ, К ТОМУ ЖЕ ЕЕ ГОЛОВУ УКРАШАЛА РОСКОШНАЯ КОПНА ЧЕРНЫХ ВЫЮЩИХСЯ ВОЛОС. СМУГЛАЯ, ЧЕРНОГЛАЗАЯ, С ТОНКИМ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ЛИЦОМ — ОНА БЫЛА ОЧЕНЬ ХОРОША.

- — Вы понимаете по-немецки? — СПРОСИЛА ХОЗЯЙКА ВСТРЕВОЖЕННО.

- — Да, и по-английски говорю. Мне приходилось выезжать иногда с гастролями за рубеж, — БЫСТРО ОТВЕТИЛА МУЗЫКАНТША, ОГЛЯДЫВАЯ ХРУПКУЮ ФИГУРКУ ХОЗЯЙКИ. КРЕПКИЙ ЗАПАХ КОФЕ ТЯНУЛСЯ ИЗ КУХНИ. «ОПРЕДЕЛЕННО УЖЕ БЕРЛИНСКИЕ БУЛОЧКИ ПРИГОТОВЛЕННЫ», ОДОБРИТЕЛЬНО ПОДУМАЛА ДОМРАБОТНИЦА.

- — Так, где же рояль? — МУЗЫКАНТША НЕТЕРПЕЛИВО ПОТЕРЛА ПАЛЬЦЫ.

— Ах, да, вот сюда, пожалуйста. Прошу вас, — СКАЗАЛА ХОЗЯЙКА, УСТАНАВЛИВАЯ СБОКУ КРЕСЛО ТАК, ЧТОБЫ ВИДНЫ БЫЛИ РУКИ ИГРАЮЩЕЙ.

— Мне нужен хороший аккомпониатор. Правда, я выступаю не часто, раза два в месяц, но это всегда волнительно, не так ли? Всегда как в первый раз. Все должно быть на уровне, поэтому я подолгу готовлюсь к выступлению.

«А я думала, что Хозяйка поет, как заводная, целыми днями. Она всегда так занята», — ОТВЛЕЧЕННО ОТМЕТИЛА ДОМРАБОТНИЦА.

Музыкантша, нервничая, потирала руки. Вдруг она стала уговаривать Хозяйку переложить слушание на следующую неделю, так как вот уже три месяца ни разу не садилась за инструмент.

— Этот переезд, столько нервов, столько бумаг... Надо было собрать вещи, попрощаться со всеми и всем, — она передернула плечами. — Я поговорю с директором школы, куда я теперь оформляю дочку, возможно, мне разрешат воспользоваться школьным роялем. А сегодня мы только познакомимся, — отчаянным голосом говорила Музыкантша. — Вы же профессионал, вы представляете, что такое три месяца без инструмента! А здесь! Здесь столько беготни по амтам. Дома маленький ребенок и слепой дядя. Варить, искать в куче вещей нужную — вот куда уходит время. Живем ведь в контейнере, везде грязь. Нет, нет, сегодня не могу, и не просите!

Но Хозяйка и не просила. Сидела и напряженно ждала, когда же, наконец, Музыкантша сядет за рояль. Домработница наблюдала за обеими. Что-то происходило. Но что? Она силсилась понять.

Быстрыми движениями доставая ноты и подкручивая табуретку, постоянно оглядываясь на кресло, где сидела Хозяйка, Музыкантша распространяла вокруг молодую энергию и свежесть. Вот она прекратила голодными глазами оглядывать клавиши, что-то поправлять и тарыхтеть скороговоркой.

Положила руки на рояль, откинулась. Спина четко выпрямилась, взгляд сосредоточился. — «Песня прях». Вагнер — Лист. Из оперы «Летучий голландец», — чужим голосом громко проговорила Музыкантша. Она ударила по клавишам.

Домработница не уследила, как сердце в ней вдруг опрокинулось. Звуки грозной толпой накинудись на нее и завладели всем ее существом. Звуки освобождались из черного гроба и, взволнованные собственной свободой, толкаясь, носились рядами и поодиночке во всем многообразии этой свободы. Звуки были так здорово молоды и здоровы, что Домработница, забыв, кто она и что, неслась в их бешеном потоке. С упоительно-восторженной улыбкой Музыкантша своею волей вырывала все новые звуки из рояля и пускала их жить собственной жизнью.

«Песня прях» оказалась сложнейшей музыкальной вещью. Пальцы не просто мелькали над клавиатурой, они летали, создавая впечатление их нереальности... В какую-то минуту взгляд Домработницы скользнул к креслу, где сидела Хозяйка. Та подалась вперед, милостивое личико ее потемнело, на нем ясно проступали скулы. А музыка лилась сильно и вольно и также прекрасно закончилась. Стало слышно, как в саду присвистнула птица. День в полном расцвете смотрелся в открытые окна террасы.

Музыкантша, опустив голову и руки, томительно ждала. Струдом поднявшись с кресла, Хозяйка подошла к роялю. Взяла нотную тетрадь. Стала медленно перебирать листы. На лице ее лежало растерянное и какое-то доверчивое выражение.

— Вы знаете, а ведь я просто любительница, — потрясенно сама себе повторяла она.

Домработница тоже встала, поправила салфетку на тумбочке и, как ей казалось, незаметно сбросила с нее дохлую муху на пол.

— А какой тембр голоса у вас? — встряхнулась Музыкантша. — У меня — сопрано.

— А у меня меццо-сопрано, — тихо и как будто неуверенно ответила Хозяйка.

— О, здорово! Споем вместе? Что будем петь? Может быть, «Ave Maria»?

— Нет, нет, я сегодня не распевалась, в лицо Хозяйки вернулись краски. — И вообще, я сегодня страшно занята. Скоро у меня встреча. Я специально выбрала немного времени для вас, а сейчас — прошу... — Она широко повела рукой в сторону проема двери.

— Но ведь мы же будем теперь часто встречаться? — утвердительно кивнула Музыкантша.

— Я непременно позвоню. Да, сегодня же вечером я сообщу о моем решении. — Хозяйка поднялась по лестнице вверх.

ДОМРАБОТНИЦА ВОСХИЩЕННО НАБЛЮДАЛА, КАК МУЗЫКАНТША СОБРАЛА НОТЫ, СЛОЖИЛА ИХ В ПАКЕТ, НАДЕЛА КУРТКУ. ОНА ПРИСЛОНИЛАСЬ К ШИРОКИМ ПЕРИЛАМ ЛЕСТНИЦЫ. «ВОТ ЭТО ЖИЗНЬ! С ТАКИМ ТАЛАНТОМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ, ОБЫЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ТОЛЬКО ПРИЕХАЛА В ГЕРМАНИЮ И ВОТ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЕЗДКИ, ЛЮБИМАЯ РАБОТА» — ДОМРАБОТНИЦА С БОЛЬЮ ВСПОМНИЛА ПОЛНЫЕ ОБОЖАНИЯ ГЛАЗА УЧЕНИКОВ. СЕРДЦЕ РВАНУЛО В ПРОШЛОЕ, А РАЗУМ СКАЗАЛ: «НЕЛЬЗЯ!» ДОМРАБОТНИЦА ПОДЖАЛА ГУБЫ.

СПУСТИЛАСЬ ХОЗЯЙКА.

— ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО, — ПРИВЕТЛИВО УЛЫБНУЛАСЬ ОНА. ПО ЛИЦУ ЕЕ ГУЛЯЛИ ТЕНИ. ДВЕ ЖЕНЩИНЫ ВЫШЛИ НА ВОЗДУХ. ЛУЖАЙКА БЫЛА НЕДАВНО ПОДСТРИЖЕНА, РЕЗКО ПАХЛО ТРАВой. РОЗЫ, КАК ВСЕГДА, ОСЫПАЛИ СВОИ ЛЕПЕСТКИ НА КРЫЛЬЦО.

— НУ, ЧТО, ПО МАШИНАМ? — ВЕСЕЛО ЗАСМЕЯЛИСЬ ОНИ И ПОБЕЖАЛИ К АВТОБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ.

3

ВЕЧЕРОМ ДОМРАБОТНИЦА РЕШИЛА ПОБАЛОВАТЬ ДОМАШНИХ ПЕЛЬМЕНЯМИ. ТЕЛЕФОН ОНА ПРИНЕСЛА НА КУХНЮ И ПОСТАВИЛА НА МИКРОВОЛНОВКУ, ЧТОБЫ НЕ ПРОПУСТИТЬ ЗВОНОК. ОНА ЛЕПИЛА ПЕЛЬМЕНИ, ПРИВЫЧНО ДУМАЯ О СВОЕМ. МЫСЛИ БЕЖАЛИ ПО КРУГУ. ОНА СЕРДИЛАСЬ НА ЭМИГРАНТОВ, КОТОРЫЕ НЕ ХОТЕЛИ ПЛАТИТЬ ДАЖЕ МИНИМУМА ЗА ЧАСТНЫЕ УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ. ДЕТИ ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ РУСАКОВ УЖЕ НЕ ГОВОРЯТ, А ТОЛЬКО ПОНИМАЮТ ЯЗЫК И ТО ОГРАНИЧЕННО, НА БЫТОВОМ УРОВНЕ. О ТОМ, ЧТОБЫ ПИСАТЬ, НЕТ И РЕЧИ. А ВЕДЬ МНОГИЕ НАПОЛОВИНУ РУССКИЕ! КАК БЫСТРО ИДЕТ ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ! ИЛИ АССИМИЛЯЦИИ? ДРУГОЕ ДЕЛО, ЕЕ ПОКОЛЕНИЕ. ЭТИ НЕ МОГУТ ВЖИТЬСЯ... ДА И МОЛОДЕЖЬ С ТРУДОМ ИЩЕТ СЕБЯ В НОВОМ ОБЩЕСТВЕ. У НИХ ПОИСК ИДЕТ В ДВУХ НАПРАВЛЕНИЯХ: ГРУБО ГОВОРЯ, ВНУТРИ И СНАРУЖИ. ВЕДЬ НАДО НАЙТИ СЕБЯ, КАК ТАКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ, И ЗАТЕМ УТВЕРДИТЬ СВОЕ МЕСТО В ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ. ЕЕ СЫНОВЬЯ ВРОДЕ РАСТУТ СЛАВНЫМИ РЕБЯТАМИ, НО ГЛАЗ ДА ГЛАЗ НУЖЕН, ЧТОБЫ НЕ СЛОМАЛИСЬ В ЭТОМ ВОЗРАСТЕ. А КАК ПОПУЛЯРНЫ НАРКОТИКИ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ!

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК ПЕРЕБИЛ ЕЕ МЫСЛИ. ДОМРАБОТНИЦА СХВАТИЛА ТРУБКУ.

— ФРАУ SIDOROFF? — ГОЛОС ХОЗЯЙКИ ОТЛИВАЛ МЕТАЛЛОМ. — В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧТО МОЯ ДОЧЬ ВЫЕЗЖАЕТ УЧИТЬСЯ В КЕЛЬН, Я СМОГУ СПРАВЛЯТЬСЯ С УБОРКОЙ САМА. ЭТО НЕ ТАК УЖ СЛОЖНО, ДА И НАС ТЕПЕРЬ БУДЕТ ТОЛЬКО ДВОЕ. МНЕ НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ ИМЕТЬ ДОМРАБОТНИЦУ. ЗАВТРА УТРОМ МОЖЕТЕ НЕ ПРИХОДИТЬ.

— ТО ЕСТЬ КАК?! — ГЛУПО СПРОСИЛА ДОМРАБОТНИЦА.

— А ВАШЕЙ ПРИЯТЕЛЬНИЦЕ ПЕРЕДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЧТО МНЕ ПРЕДЛОЖИЛИ ДРУГОГО АККОМПАНИАТОРА.

— МИНУТОЧКУ, — УЛОВИВ ПО ТОНУ, ЧТО СЕЙЧАС ТРУБКУ ПОЛОЖАТ, ЗАКРИЧАЛА ДОМРАБОТНИЦА. — А КАК ЖЕ КЛЮЧ? КЛЮЧ ОТ ДОМА? Я ДОЛЖНА ПРИНЕСТИ ЕГО И ТОГДА МЫ ВСЕ СПОКОЙНО ОБСУДИМ.

— СПАСИБО НЕ НАДО, МОЖЕТЕ ЕГО ВЫБРОСИТЬ. СЕГОДНЯ МАСТЕР ПОМЕНИЛ ЗАМОК. НЕ ПОТОМУ, ЧТО ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ. ПРОСТО ЭТОТ КЛЮЧ ИМЕЮТ ЕЩЕ НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ. ПОЭТОМУ МЫ С МУЖЕМ РЕШИЛИ, ЧТО ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ. ИТАК, ВСЕГО! — ТЕЛЕФОН ЩЕЛКНУЛ И ЗАШИПЕЛ.

СЫН ЗАШЕЛ В КУХНЮ И ПРИПОДНЯЛ КРЫШКУ КАСТРЮЛИ, В КОТОРОЙ ВАРИЛАСЬ ПЕРВАЯ ПОРЦИЯ ПЕЛЬМЕНЕЙ.

— ОБЪЕДЕНИЕ! МА, ХОЧЕШЬ НОВЫЙ АНЕКДОТ? СЛУШАЙ: «ВРАЧ ГОВОРИТ ПАЦИЕНТУ, ОЧНУВШЕМУСЯ ОТ НАРКОЗА: «ВЫ ХОРОШО ПЕРЕНЕСЛИ ОПЕРАЦИЮ, А ВОТ ПЕРЕД НЕЙ ВЕЛИ СЕБЯ ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО: ВЫРЫВАЛИСЬ, КРИЧАЛИ... А ВАШ ЗНАКОМЫЙ С СОСЕДНЕЙ КОЙКИ ВЕЛ СЕБЯ ЕЩЕ ХУЖЕ!» ПАЦИЕНТ ОТВЕЧАЕТ: «ЕЩЕ БЫ, ВЕДЬ НАС В КЛИНИКУ ПОСЛАЛИ ОКНА МЫТЬ». НУ, КАК, МА? НУ, ЧЕГО ТЫ НЕ СМЕЕШЬСЯ? НАПОМИНАЕТ ТЕБЕ, ЧТО В ДЮССЕЛЬДОРФЕ В КЛИНИКЕ ПРООПЕРИРОВАЛИ ТРИСТА ЖЕНЩИН, КОТОРЫЕ ВОВСЕ НЕ БОЛЕЛИ РАКОМ? ИЛИ НЕ В ЖИЛУ?»

— ПРЕКРАТИ ЭТИ ВЫРАЖЕНИЯ, И ЧТОБ Я ИХ БОЛЬШЕ НЕ СЛЫШАЛА!

— А КАК ТЕБЕ АНЕКДОТ? — НЕ УНИМАЛСЯ СЫН.

– СТАРЬЕ!

– ХОРОШО, СЛУШАЙ ДРУГОЙ: «ЖУРНАЛИСТ БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ У ВРАЧА-ПСИХИАТОРА...»

– ТАК, ВСЕ! ИДИ ОТСЮДА, А ТО ПРИДЕТСЯ ЭТОГО ПСИХИАТОРА МНЕ ВЫЗЫВАТЬ. БУДЕТ ГОТОВО, ПОЗОВУ ВСЕХ.

ДОМРАБОТНИЦА ОПУСТИЛАСЬ НА СТУЛ, УСТАВИЛАСЬ НА ПУСТУЮ ТАРЕЛКУ И НАДОЛГО ЗАТИХЛА.

...ПРОШЛА НЕДЕЛЯ. ДОМРАБОТНИЦА ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ В МЕСТНОЙ ГАЗЕТЕ НАШЛА ДРУГОЙ ДОМ. БОЛЬШОЙ И СПОКОЙНЫЙ. КОНЕЧНО, ПО СРАВНЕНИЮ С ДОМОМ, ОН БЫЛ ПРОСТОВАТЫМ И ДАЖЕ АСКЕТИЧНЫМ. В НЕМ ЖИЛА ПОЖИЛАЯ ПАРА, ОБОИМ БЫЛО ПО ВОСЕМЬДЕСЯТ. НОВАЯ ХОЗЯЙКА ПРИНЯЛА ДОМРАБОТНИЦУ В ГОСТИННОЙ. ОНА ВНИМАТЕЛЬНО РАССПРАШИВАЛА ЕЕ О ЗДОРОВЬЕ, О СЕМЬЕ.

– НАША ПРЕЖНЯЯ ДОМРАБОТНИЦА УБИРАЛА У НАС ПОЧТИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, – СООБЩИЛА НОВАЯ ХОЗЯЙКА. – ПРИШЕЛ УЖЕ ВОЗРАСТ, КОГДА ОНА НЕ МОЖЕТ УБИРАТЬ ТАКОЙ БОЛЬШОЙ ДОМ. МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ИСКАТЬ ДРУГУЮ ДОМРАБОТНИЦУ. ФРАУ SIDOROFF, МЫ ХОТЕЛИ БЫ ТОЧНО ЗНАТЬ, СМОЖЕТЕ ЛИ ВЫ РАБОТАТЬ У НАС ДОЛГИЕ ГОДЫ. НАМ НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ИМЕТЬ В ДОМЕ ЧУЖИХ ЛЮДЕЙ, – ВЗДОХНУЛА ОНА.

ДОМРАБОТНИЦА НЕ ХОТЕЛА И НЕ УМЕЛА БЫТЬ ЧУЖОЙ. НО КАК ЖЕ ПЕРСПЕКТИВЫ, БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ? ВСЕГДА БЫТЬ ТОЛЬКО ДОМРАБОТНИЦЕЙ? А НА ЧТО ЕЩЕ МОЖНО ЕЙ ТУТ РАСЧИТЫВАТЬ?

– Я ПОСТАРАЮСЬ СОДЕРЖАТЬ ВАШ ДОМ В ПОРЯДКЕ, – ТИХО ОТВЕТИЛА ОНА.

– ВОТ И ОТЛИЧНО, – НОВАЯ ХОЗЯЙКА ПРИКРЫЛА ГЛАЗА, – ТОЛЬКО НЕ SICH ANSTRENGEN, А MICH ANSTRENGEN, В ДАННОМ СЛУЧАЕ, – ПОПРАВИЛА ОНА. – ТЕПЕРЬ ВЫ ЖИВЕТЕ В ГЕРМАНИИ, НАДО ГОВОРИТЬ ПРАВИЛЬНО ПО-НЕМЕЦКИ.

– ХОРОШО, – СОГЛАСИЛАСЬ ДОМРАБОТНИЦА.

ДОРОГА ДОМОЙ БЫЛА ДОЛГОЙ, ПРОХОДИЛА СРЕДИ УХОЖЕННЫХ ОСОБНЯКОВ, ОКРУЖЕННЫХ ЗЕЛЕНЬЮ, ЛУЖАЙКАМИ, ЦВЕТАМИ И КИПАРИСАМИ. ДОМРАБОТНИЦА НЕ РАЗГЛЯДЫВАЛА ЧУЖОЕ ЖИТЬЕ, ОНА НАПРЯЖЕННО ВСПОМИНАЛА, ЧЕМ ТОН СТАРУШКИ ТАК НАПОМНИЛ ЕЙ ТОН ПРЕЖНЕЙ ХОЗЯЙКИ.

НЕВЕЗУХА

Роман потянулся. Еще одно серое утро. Свет едва коснулся противоположной окошку стенке вагончика, где на полках стояла разнокалиберная, собранная по случаю, посуда.

“Все одно и то же, – подумал он мрачно.

Почти неделю лежал Роман в постели – болело колено. Нога распухла, и он со страхом смотрел на опухоль, жадно опоясовшую красным кольцом коленную чашечку.

– Теперь встать! – сказал он себе громко. Густой холодный воздух вздрогнул. – Выпрямиться! Еще чуток... Нехай она сгниет, эта болячка! – Роман встал с мятой грязной простыни, доковылял, подтягивая рукой ногу, до двери вагончика, потянулся за курткой, благо все под рукой, откинул самодельный крючок, тяжело вывалился из узкой двери.

Снег сверкал нетронутой белизной. Первые лучи солнца золотом блистели на кристально чистой поверхности земли. Широкий двор заброшенного замка роскошным белым убором прикрыл неухоженность.

Роман крикнул: предстояло пройти хотя бы шагов пять-шесть, чтобы в стороне от вагончика справить нужду. Проклятая нога страшно болела. Оставив попытки дойти до забора, подтягивая ногу по скользкому насту, Роман присел у двери. “ Все равно никто не придет, – решил сокрушенно. Один он тут,

одинешенек среди этих полей, холмов и рощиц, между безбрежным небом и безлюдной землей. Теперь надо назад – на железную ступеньку и в дом. Да, в дом, вернее, в выставшее к утру нутро железно-пластикового вагончика, в котором в былые времена хозяин возил семью по всей Германии и соседние, гостеприимные страны. Теперь же поломанный вагончик стоял брошенный у высокого каменного забора, под сенью каштанов во дворе забытого богом и людьми старинного замка. Какие-то наследники у этой горы древних камней и прилегающих к ним земель, конечно, имелись, но наследством своим не занимались. Городские власти арендовали и использовали уголья по собственному усмотрению, а старые развалины никого не интересовали. Этот кусок земли и облюбовали “гастарбайтеры” – временные работники с Украины.

Роман, тридцатитрёхлетний высокий брюнет, с крупными чертами лица, прямым взглядом, спокойный и уверенный в себе человек, приглядел вагончик летом, когда работал в поле неподалеку. “Чего жаться, как сельди в банке, в одной комнате в центре города? Можно тут на природе бесплатно пожить! – подумал он, вспоминая свой просторный дом и сад на Украине. Вечером в душевой, прокуренной комнате, где шесть усталых земляков отдыхали после тяжелой работы, он бросил эту прекрасную идею, как пикового короля, на стол. Идея всем пришлась по душе: народ-то был деревенский, привыкший к природе. Конечно, далеко, но расстояния особо не пугали, ведь были велосипеды – верные кони, доставляющие седоков в любые пункты города. Не кататься же в самом деле на городском транспорте – дорого!

Жить в вагончике хотели все шестеро, быстро позабывшие ту радость, что охватила их, когда удалось приткнуться в городе. Кое-как нашли маленькую грязную комнатку, которая едва вмещала в себя шесть матрасов и кривоногий стол. Правда, была еще кухонька и удобства, что скрашивало бедный быт украинцев. Работники нанимались к богатым хозяевам, находились в постоянном поиске новой работы. Каждый приобрел „Hendy“, мобильник, в котором хранили номера телефонов настоящих и потенциальных работодателей. Тема работы была основной у земляков, ведь именно работа была смыслом пребывания их на чужой земле, с ее чужим языком и обычаями.

...“А теперь еще немножко! – Роман застонал и повалился на пол в маленький проход между плитой и лавкой, не дойдя двух шагов до желанного матраса. Матрасы, постель и посуду утащили с собой из комнаты. Переехало сюда четверо: больше не поместилось, за место бросали жребий. Двое оставшихся должны были платить за жилье больше денег. Покрутившись несколько недель, не имея стабильного дохода, сдали комнатку и укатили назад, в Украину. А четверка зажила на новом месте, дружно складывая цент к центру и радуясь каждому новому грошику.

...Роман закопошился на полу: снизу продирало ледяным холодом. Приподнял свое тренированное молодое тело на руках и из последних сил бросил на матрас. Утер пот со лба, укрылся бугристой периной и забылся в дреме.

Жили тесно, но не плохо, хотя всякое бывало. По пьянке и разругаются, и раздерутся, а бежать некуда, так и замирятся, а утром, как ни в чем не бывало, опять разговаривают.

Осень в этом году выдалась на удивление теплая и сухая. Мужики работали без выходных, каждый за двоих. Домой приезжали усталые, вымотанные, падали на жесткие матрасы, забывались тяжелым сном, а утром, ни свет, ни заря - опять в упряжку. На руках у Романа образовалась твердая корка, да и у других мужиков руки были в непроходящих мозолях. Работу

выполняли всякую: убрали урожай, строили подсобные помещения, ухаживали за лошадьми, готовили консервы, ремонтировали сараи – хозяева готовились к зиме. В декабре, когда выпал снег, работы резко убавилось, и мужики засобирались домой. Роман, с младшим из земляков, Любомиром – румяным парнем со светлыми, навывкате, глазами решил остаться. Оба работали конюхами в большом хозяйстве, обоим было жаль бросать прибыльное дело. Роман прикинул, сколько месяцев нужно было еще продержаться на чужбине, чтобы хватило денег протянуть газовую трубу к дому, доставшемуся ему по наследству от бабки. А деньги нужны были еще и на обновление полов, окон и другие перестройки в старом, давно неремонтированном доме. В мае надо ехать, раньше не получится, высчитал он приблизительную сумму. Жена с дочкой ждали его, и тоска по ним часто не давала ему спать, зато заветная пачка денег становилась все толще.

...Спазмы желудка не давали Роману спокойно лежать под периной - он сберегал драгоценное тепло. Пришлось опять подняться. На полке был еще хлеб, зачерствевший, но вполне хороший, не заплесневевший, еще были банки с тexasким супом, которые за время болезни Роман возненавидел. Острый, перченый суп вышибал слезу из глаз, но за неимением лучшего приходилось хлебать эту бурду. Взяли ее за дешевизну еще в начале декабря, когда двое земляков уехали домой, а Роман с Любомиром остались зимовать на свой страх и риск в железном вагончике, который они называли консервной банкой. Вокруг расстилались широкие поля, темнели рощи. Хозяева не знали, где живут работники, их больше интересовало, насколько выносливы и прилежны в деле украинцы. А те не подводили - работали на совесть!

Первая неделя прошла хорошо, казалось, ничто не предвещало беды. Друзья купили новый баллон газа и поочередно готовили на плите еду, экономя на отоплении, сколько было возможно. Оба старательно учили язык по учебнику, купленному в русском магазине в центре города. Учили утром, при слабом свете первых лучей, вставали за час до работы, вечером берегли свечи. На родину звонить старались реже. Но не очень-то получалось: душа тянулась к дорогим людям, к заветному месту на земле, что зовется так коротко и значит так много – дом...

Однажды вечером Л.любомир приехал встревоженный, с красными от слез глазами.

– Мама умерла, – сказал он, и губы его мелко задрожали. – После операции уже. Задрипанный аппендицит вырезали. А сердце не выдержало. Зачем было нужно соглашаться на операцию, знали же, что сердце слабое! – Он брякнул огромным кулаком по столу.

А груди у Романа похолодело. Он помолчал, глядя в страдальческие глаза друга, осмысливая новость, прикидывая ее последствия.

– Надеялись, наверное, на лучшее... Аппендицит разорвется – кранты! – сочувственно проговорил он, касаясь плеча Любомира.

– Да! Надеялись! И что из этого вышло?!

Остаток вечера ушел на сборы и телефонные звонки: надо было узнать расписание автобусов, уходящих на Украину.

– Работу нашу придется тебе одному выполнять, пока хозяева нового конюха не найдут. Я сказал хозяину, что уезжаю. Не знаю, как ты потянешь все, – с сожалением проговорил Любомир, когда оба улеглись в холодную влажную постель и вертелись, стараясь скорее согреться.

– Справлюсь как-нибудь, не беспокойся, лишь бы тебе благополучно добраться до дома, виза ведь просрочена. Надо на похороны успеть, ты про это

думай. А весной приезжай, я домой поеду, вся работа твоя будет. Ребятам в деревне привет передавай. Деньги мои и твои в соханности доведи. В целости жене передай, не даром же она столько времени меня дожидается. И еще зиму целую ей ждать, бедной.

Каждый задумался о своем, и постепенно, сморенные усталостью, они уснули.

Ранним утром Любомир крепко пожал руку Роману, попрощался.

– Не дрейфь, друган! Привыкнешь один тут. Еще лучше – спокойнее язык учить. Никто не мешает, да и никто не будет все подряд без разбора съедать. Что ты приготовишь – то и твое. Счастливо оставаться!

Любомир еще раз проверил зашитые в подклад пальто пакеты с деньгами, взял дорожную сумку и крепко закрыл за собой дверь. Сердце друга защемило от недоброго предчувствия.

...Роман всем телом грохнулся на лавку, отдышался. Теперь надо было подтянуться и достать консервную банку. С этим справился... Потихоньку, стараясь не будить старшего зверя – боль, сидящую в колене – отрезал хлеб и открыл банку. Разогрел суп на плите, медленно поел. “Хлеба хватит еще на два дня, а что потом? – нехотя подумал он. Ему было все равно, и это равнодушие к собственной судьбе не пугало его, он даже не осознавал его. Все время хотелось спать и ни о чем не думать. И было очень холодно, парня знобило. Он открыл газ на полную мощность, но и это не помогало, мелкая дрожь била его всегда здоровое сильное тело, не переставая. Взгляд уставился в одну точку... Прошло с четверть часа, пока Роман понял, что перед ним на столике лежит его телефон. Неделю назад он бросил его в сердцах сюда, так и валяется. Этот ненавистный телефон! Единственная ниточка, которая соединяла его с внешним миром, она могла бы стать тут спасением, если бы Роман вовремя зарядил свой хендик. Делал он это на работе. В тот последний свой рабочий день было особенно много дел, и Роман решил подзарядить его на следующий день, благо, телефон еще работал. Когда уже изрядно потемнело, и Роман заспешил, ему понадобилось укрепить чурку в сарае. Обычно ловкий и быстрый в работе, торопясь скорее закончить день, он взял топор и обратной стороной топорика ударил в торец со всей силы. Топор сорвался с гладкой деревяшки и угодил прямо в коленную чашечку. Резкая боль пронзила тело. “Ничего, переживу, ведь не острием попало, – подумал он сгоряча, бросил топор, сел на велосипед и поехал домой. Пока крутил педали, казалось, боль отступила. Приехал в полном изнеможении. “Отосплюсь, а утром колено как новое будет, – не поверил он несчастью. Но встать уже не смог. За ночь колено распухло, покраснело и болело с такой силой, что нечего было и думать двинуться с места. Роман проснулся, осмотрел его и хотел тут же позвонить хозяину, сообщить о беде, попросить помощи, но телефон предательски молчал, просил зарядки.

“Игрушка, бесполезная игрушка! – застонал он. Теперь, на четвертый день со злополучного момента, Роман потянулся к маленькому черному аппарату, и вдруг тот ожил у него в руках, запел-заиграл модную мелодию.

– Да, я слушаю, – Роман приложил телефон к уху.

– Это Любомир. Роман ты слышишь? – заклокотал взволнованный голос в трубке.

– Что случилось? Говори скорей, батарейки на исходе!

– Сижу на границе. Позвонить дал один знакомый, такой же, как я, с просроченной визой. Тут нас несколько таких задержанных. Ночью спим в

коптерке у погранцов. Сегодня какая-то гнида из наших у меня спящего подкладку пальто разрезала. Удавлю гада, если найду, у кого деньги!

– Деньги украли! – ошалело закричал Роман.

Телефон предательски запикал, дисплей погас. Несколько минут Роман стоял, не чувствуя боли, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Потом вздрогнул, оглянулся и завалился назад, в постель. Так пролежал он, почти не двигаясь, до вечера.

Солнце опускалось в белое покрывало полей, куталось в сырой туман. Облака стояли над землей, казалось, несокруσιμο. Прекрасен ландшафт в вечерний час, когда день уже побежден, а ночь еще не наступила! Природа готовится к отдохновению, она вечно в обновлении, и какое дело ей до рождения и смерти людей, до судьбы одинокого больного человека, пропадающего среди земли в одном из самых густонаселенных государств мира!

П О В Е С Е Л И М С Я

Настя сидит у окна, смотрит задумчиво через стекло.

-Скука, вот скука-то где! -Говорит она вслух сама себе. -Такой скучищи раньше я и представить себе не могла, а теперь ее переживать приходится!

Снег падает и падает. Снежинки беспорядочно движутся, и видно ветер: струи воздуха то вносят оживление в царство белого хаоса, то значительное успокоение.

-Делать совершенно нечего, вот проклятье! -Настя снова следит за танцем снежинок.

Прошло уже два года, как они с семьей приехали жить в Германию. Они - это отец с матерью и она с дочкой. Здесь всем сразу очень понравилось, особенно же - веселые праздники в общегитии русаков, где радостное сообщество единомышленников чуть не ежедневно отмечало дни рождения жильцов разных комнат. Поражало изобилие товаров и продуктов в бесчисленных магазинах, безделье после изнурительных лет борьбы за относительное благополучие. И какое же относительное! Настя вздыхает... Завалюха-дом в небольшой казахской деревне, отец, уже с утра пропустивший пару рюмок, мать, ничего в жизни не видевшая, кроме корыта для свиней, ни о чем не умевшая разумно судить и только стонущая от ранних болезней, дочь, вечно сопливая девочка с испуганными глазами, и над всем этим - работа и бедность.

Конечно, были у Насти ухажеры и веселые попойки, не без этого, так все живут, - размышляла женщина. Только тут и развернешься во всей красе, пусть любят, пока в цвету! Настя любит песню про калину: вот ведь прижилась в чужом краю, хоть и была брошена „любимым“, конечно, сволочью, как они все, мужики, однако же за землю ухватилась, встала на ноги свои. Так и она, Настя, - куда ни брось, все на ноги приземляется. Да и ладно, что ворошить, брошенка - она и есть брошенка, везде сама управляется, ни от кого не зависит. Да и было ли счастье-то? Раскусить не успела, зато забот с дитем нахлебалась по уши, ладно что родители рядом были. Хотя тоже еще те подарочки! Все детство пьянками да ссорами засрано. Хорошо еще, был старший брат. С ним хоть и дралась Настюшка отчаянно, зато когда подросли, отбоя от парней не

было: все друзья братовы любовь с ней крутили. Так и завертелась она до тридцати, для деревни срок безнадежный, но ее, перестарка, Володька замуж взял. Такой тухляй-растухляй, а все же законный муж появился. Жили с ее родителями, Володька сиротой был. Свадьбу-то справили, да не пожилось. Непутевым оказался муж- ни выпить с отцом да свояком, ни компанию поддержать. К ребенку никакого интереса не проявлял, мальчика ждал, а родилась девочка, расстроился, а с Настей все молчал, на все вопросы - ну да ну! Убежал с заезжей учительницей, что на практику в сельскую школу послали. Допрактиковалась! Танька тогда еще совсем малышкой была. Приходит однажды Настя с работы, а мужика-то и нет! Даже рубашки запасной не взял. В чем был ушел. И как он на это решился, подкаблучник проклятый! Учителка эта, змея подколодная! Умыкнула такого мужика, и концы в воду, алиментов взять не с кого! До сих пор не объявлялся, сколько раз в розыск подавали, сама в город ездила, все без толку. Не нашли его. Исчез человек, только записка осталась: “Прости меня, не могу больше так жить, прощай!” Сволочи они, мужики, даже такие пентюхи, как этот Володька, что уж о других-то говорить! Как пришли, так и ушли, одни раньше, другие позже, но все по одной дорожке. А девчонка вся в отца пошла, всем бы соломки подстелила, только и знает, что нюнить!

Настя смотрит в окно - там февраль празднует метелицей. Не настоящей, конечно, а такой ленивой, как и все тут, в Германии.

„Дрыгайся зима напоследок, скоро времечко твое выйдет,“ - думает женщина и смотрит на часы. Дочь придет из школы, надо, чтоб обед готов был. „Рано еще, посижу пока. Вот скука-то где!“ - И мысли снова побежали, словно ручейки.

На новой родине семья обживаться стала. Настя с письмами из социала в бюро ходила к русской переводчице, потом на шестимесячные курсы немецкого языка послали, там хорошие подружки нашлись. Мать все стонала от новых и старых болезней, а отец радовался, что вино дешевое. Он выпивал, ругался, но дело знал: каждое утро без выходных и проходных, брал добровольно метелку и выметал весь большой участок у общаги вместо хаусмайстера - так душа просила, не мог без работы. А потом целыми днями стоял у входа, курил, разговаривал с жильцами. Все про всех знал, и все его знали, за словом в карман не лез, когда за стол в компанию звали, никому не отказывал. Широкий был человек, нараспашку жил!

Потом Настя с помощью добрых людей нашла две квартиры, расположенные недалеко, за три дома только. Помощники были. Натаскали все вместе вещей со шперы, с помойки то есть. Ковер, например, отличный взяли, темно-красный в цветочек, проветрили и в большой комнате бросили, как тут и был. Из социального лагеря для мебели шкафов навезли, диванов кожаных, в Казахстане такие и во сне не снились! Базар тут чудно – марктом называется, съездили с друзьями-товарищами туда, телевизоры купили большущие. А как же! Здесь что и делать, как ни фильмы смотреть через сателитку, это главнейшее занятие на новой родине, других-то дел нет! Обставились, картины развесили и пригласили народ на новоселье: два дома обмывать. Тогда отец возьми и умри!

„Эх, отец, отец,-пригорюнилась Настя, -лежишь сейчас под снегом, под холодной землей... Ничего тебе не надо, и не скучно тебе...“

От окна легонько холодило. Настя достала шаль - из Казахстана еще, пуховая с широкой каймой, соседка вязала. Шаль потертая, но теплая, и женщина укуталась в нее.

И как это глупо с отцом получилось! Как мог здоровый крепкий старик хлебной крошкой подавиться? После стаканчика с водочкой вдохнул запах краюшки хлебной и затыкнул в нос крошку, она попала в легкие и старик умер в одночасье! И где это было слышано за такую смерть? Глупость одна, а человека нет и все тут!.. Настя поджала пухлые губы и пригорюнилась.

Мать осталась одна в двухкомнатной квартире, понемногу привыкла, ведь внучка Танька целыми днями у бабушки, а частенько и заночует. И правильно: зачем ее, Настю караулить? Обедали всегда у матери. Настин холодильник пустует, только кое-что на перекус придерживается. Готовили вместе, продукты из магазина тоже в нижнюю квартиру носили. Улица-то под горку, вот материна квартира нижней у них и называется. Настя прислушалась: в подъезде громко разговаривали по-немецки. И снова стало тихо.

„Думать-то не о чем... Вот такая жизнь поганая,“ -сокрушается Настя у окна.- Позвоню кому-нибудь“, решает она, разворачивает русскую газету и набирает номер телефона из рубрики „Знакомства“. Полчаса флиртует с незнакомыми мужчинами, потом ей надоедает пустой разговор. Мужчины живут далеко, приехать не могут или не хотят, ну и что с ними базарить? Деньги переводить? Правда, Настя всегда благоразумно предупреждает мужчин, что разговаривать будет за их счет, дает телефон и ей перезванивают. И все равно скучно, так как ни к чему ни приводит такая беседа, так только, чтоб развеяться немного. Настя при знакомстве убавляет себе годков пять, ей ведь уже, подумать страшно, сороковник стукнул! Да и на килограммов десять тоже надо умалить свой вес, по телефону все равно не видно. Покушать Настя любит, готовит вкусно: булочки, печеные – просто загляденье, какие румяные и ароматные, беляши, блинчики, бишбармак, манты – все умеет! Внешностью своей Настя хвастается, она довольна: глаза большие, да еще хорошенько карандашом подведет, губы яркой помадой покрасит – вообще красавица! Чего еще надо! Ну, полновата, так это все Германия делает, все тут полнеют, никак нельзя иначе, продукты такие, считает она.

„Вот скука-то!..“ -Настя снимает платок, ложится на софу. До любимого сериала еще пара часов, до прихода дочери - тоже. День тянется, как жевательная резинка. Хоть бы уж на бесплатную работу послали! Государство придумало работу за одно евро в час. Конечно, копейки, зато среди людей! Но не посылают, видно, и такой работы нет. Надо бы немецкий учебник полистать, да уж как неохота! На курсах немецкого учиться Насте надоело страшно, чуть голову себе на артиклях и глаголах не сломала. Ладно, и так прожить можно! Главное – продукты по этикеткам разбирает. Да и это ни к чему, так как в магазин обычно русский ходит. К врачу тоже удобно: там русачка Эмма в помощницах работает, все переводит старательно и с улыбкой. А куда еще язык нужен? В бассейн иногда с подружкой ходят, так там деньги, знай, в автомат кидай, он билет сам выплевывает. Так что язык аборигенов не в цене у Насти. Ну, куда ей рваться-то, не молоденькая ведь карьеру делать. Деньги социальные идут, и спасибо.

„Эх, хорошо было в деревне!- мечтает Настя.- Пройдешься по улице, все тебе „Салям амалейкум Анастасия Вильгельмовна!“ И то верно: всего две продавщицы в сельпо были - она да Верка Халявкина, как же их не уважать! А достать, а добыть? Тут же - кому нужна? Бесплезная жизнь, бесцветная, безвкусная... А годочки-то уходят, летят, как голуби, и молодость уходит, красота осыпается. Стать, конечно, всегда при ней останется. Крепость во всех Настенкиных членах чувствуется нешуточная, да и выходка купеческая, солидная. А где ж мужики? Кидаться-то некому: с немцами не поговоришь, да и

по слухам, жадные они очень, лучше не связываться, а наши русаки на все готовенькое норовят. Вот Настя две квартиры отремонтировала и обставила с помощью отца и залетных женихов. Женихи вроде немного пошевелиятся под чутким ее руководством, а потом то им готовь, это и то сделай...А у самих ни рожи, ни денег... Прогнала, и жалеть не о чем - нахлебники!

Глаза Насти затуманились, потускнели, она зевнула и прилегла вздремнуть. Маленький круглый будильничек громко отстукивал минуты. Снег не переставал, легко кружил за оконным стеклом. Во дворе не бегали ребята, не лаяли собаки, так, изредка проедет машина и опять тишина. Только голые деревья качают ветками.

2

Возбуждающе затрезвонил телефон. Настя поднялась, заспешила к аппарату.

-Але! -протяжно пропела она в трубку.

-Это Наташа. Ты дома? Я могу зайти сейчас? -спросила приятельница из соседнего подъезда.

-Давай! -обрадовалась Настя.

Соседка хоть и странная женщина, со своими причудами, но все же, как ни крути, человек, да и одинокая опять же. Совсем одинокая, ни ребенка, ни котенка. Ее литературных увлечений Настя не разделяла, во-первых, потому что ничего в этом не понимала, а во-вторых, потому что считала - писать стихи дело бесполезное: заработать невозможно, хоть напиши целый воз стихов. Кроме того, Наташка ничего порядочного не надевала, носила все какие-то потертые штаны с балахонистыми пуловерами. Зато у Наташки была машина, поэтому Настя считала приличным поддерживать с ней отношения, тем более, что соседка никогда не отказывала довести-привезти что-либо на своем синем фордике.

„А чего это она ко мне зайти собралась? Может, ей чего от меня надо? -испугалась вдруг Настя. - Ну, да ладно... На мне далеко не уедешь, пусть высказывает свои пожелания,“ -справедливо рассудила Настя.

Она прошла на кухню, включила электрический чайник. „Привечать, так привечать,“- она заглянула в шкафчик, достала конфеты, расставила перламутровые бокалы.

В передней раздался звонок. Наташа зашла запыхавшаяся, на волосах у нее таяли легкие снежинки. Простоватая улыбка ее вызвала ответное доброе чувство.

-Я не помешала? -спросила она с порога.

-Нет. Заходи чай пить, -радушно повела рукой в сторону кухни Настя.

Наташа скинула куртку, села за стол.

-Спасибо, я позавтракала, -она качнулась на стуле, -но все же горячего выпью.

Настя разлила кипяток. Пододвинула пакетики с заваркой.

-Рассказывай, какая беда тебя привела.

-Да никакая, -чуть прищурилась Наташа. - Мы в нашем литературном объединении на праздник восьмого марта решили вечер собрать. Гостей пориглашаем. Может быть, ты хочешь со мной пойти? Концерт будет, потом – танцы. Все в основном парами приходят, вот я и подумала, что может мы вдвоем... -она замялась.

Настя весело блеснула глазами.

-Это, конечно, картина знакомая: „Все парами, все парами, только я верчу шарами! -В слове“парами“ она сделала ударение на втором слоге.- Значит, выручай, Настюша? Конечно, выручу, ты же мне тоже помогаешь! А кто на этот вечер придет? Наверное, одни старики? -подозрительно усмехнулась она. - Знаю я эти вечера, была уже. Однажды знакомая затащила, посмотрела я там, как народ веселится – по ним панихиду пора справлять, а они танцы отплясывают, песок растрясает.

-Зачем же так, Настя? Народ разный будет. В основном пишущие, но и гости придут. Я думаю ты там себя хорошо чувствовать будешь.

-Ну, это какие музыканты будут. Какая музыка, такие и танцы. Когда, во сколько?- Она принесла бумагу и ручку, сделала запись, старательно закрепила на доске, которую называла Незабывайкой. -Что ж, повеселимся, -удовлетворенно хмыкнула она.

С началом марта погода резко изменилась. Засветило яркое солнышко, из земли полезли острые стебельки нарциссов, нежные головки фиолетовых крокусов. В русском магазине газеты запестрили заголовками, посвященными женскому празднику. По первому русскому каналу сплошь пошли весенние концерты. Подошла и желанная дата – Восьмое марта. Ближу к вечеру за Настей зашла Наташа. В темной юбке с разрезом, в блузке с модным косым вырезом, в туфлях на каблуках она выглядела прелестной маленькой дамой.

-Во, даешь! -встретила засмущавшуюся соседку Настя. - Как ты вырядилась! А что, и правильно! Там в кампании, может и мужики незанятые будут. В каком гешефте кофточку приобрела? -она пощупала тонкую ткань.

-В „Karstadt“. Специально ездила, никак не могла подходящую выбрать. Нравится? -вопросительно улыбнулась Наташа. -Мне не внимание мужское надо, мне на сцену выходить надо со стихами.

-Пойдет! Третий сорт не брак! -откликнулась Настя. -Шутка...

Время подошло незаметно. Синий „Ford“ послушно доставил нарядных женщин к месту назначения. На входе они раскланялись с хозяевами клуба и знакомыми Наташи. Настя с удовлетворением отметила, что публика была разновозрастная, и встречали их приветливо. Знакомые жали руки и с любопытством расспрашивали, с кем пришла сегодня Наташа. Чувствуя себя в центре внимания, Настя улыбалась направо и налево.

В большом зале обычно собирались национальные объединения, регулярно проходили встречи пенсионеров, коллекционеров, проводились русские свадьбы, разнообразные праздники, поэтому со столами, стульями, а также посудой проблем не было. Приглашенные приносили с собой салаты, закуски, пироги, разнообразные варенья-печенья, выставляли легкое вино. Столы были украшены ветками с распустившимися листьями и желтыми цветами. Женщины выносили чашки и тарелки из кухни и расставляли по столам.

Расселись, подняли первый тост за женщин. Красивых слов было сказано много, но выпивающих оказалось меньшинство: одни приехали на машинах, рисковать правами желающих не было, другие увлекались здоровым образом жизни, отказывались от алкогольных напитков, но веселье набирало обороты, публика пришла отдохнуть и повеселиться. Пробовали всевозможные салаты, запеченную рыбу, котлеты, пирожки и вареники.

На сцену вышел подвижный сухощавый конферансье. Из-за столов не вставали, концерт смотрели за тарелками-чашками, что создавало уютную дружескую атмосферу. Пока на сцене Наташа воодушевленно читала стихи, Настя успела обдумать, что сварить на завтра на обед. Вечная проблема, что приготовить: дочка-то съест хоть что, пусть только начнет ковыряться в еде, а вот мать всегда привередничает, хоть не цаца какая-нибудь, в казахстанской деревне жила, а не в столицах!.. Потом вперед вышел кругленький мужичок со стопкой листков в руках. Он хотел перед выступлением сказать всего несколько слов из своей биографии, да не вышло, понесло его напропалую: и как всю жизнь в колхозной МТС проработал, и как в Казахстане простой народ бедствует, и как переехал, и как прижился с семьей в Германии, как вдруг прорвало его стихами. Потом, энергично помогая себе жестами, поздравлял присутствующих женщин с праздником и долго читал по листочкам. Принимали его хорошо. От простых, нескладных строчек несло прежней жизнью, деревней, казахскими степями, до боли знакомыми крестьянскими заботами. Когда он закончил выступление, Настя так хлопала, что ладони отбила. Она повернула раздумянное лицо к сидящей рядом Наташе.

-Вот это стихи, так стихи, не то что у тебя! Заумные, не разберешь про что! -И она снова с обожанием взглянула на новоиспеченного сельского поэта.

Остоумный ведущий весь вечер сыпал шутками-прибаутками. Выступил какой-то фокусник, он раззадорил любопытство, выискивая у сидящих в зале свои вещи, потом какой-то оперный певец, из бывших, завел арии и, наконец, неказистый мужичонка с баяном полностью завладел залом. Народ, соскучившись по русским песням, прокисая в немецком прогматичном обществе, запевал охотно, и через пару минут уже сложился многоголосый хор. Тут были и „Подмосковные вечера“, и „Поникли лютики“, и любимая Настина „Калина красная“ и многое другое. Пели долго и с удовольствием, ощущая единство и сплоченность, то, к чему так привыкли в своей прежней жизни, и чего так не хватало всем в этой.

Наконец, ведущий слегка подпригивающей походкой подошел к музыкальному центру и поставил диск. Веселая танцевальная музыка вынесла всех из-за столов. Сразу образовались круги, в центре которых отплясывали самые разудалые. Напротив наших подруг танцевал симпатичный плотный мужчина с серыми глазами, с пышной светлой шевелюрой. Одет он был в темный костюм с искрой и голубую рубашку без галстука. Мужчина улыбался обеим одинаково приветливо.

-Ты его знаешь?- слегка запыхавшись процедила сквозь зубы Настя.

-Нет, в первый раз вижу, наверное, новенький, -слегка отвернувшись ответила та.

И все равно незнакомец понял, что говорят о нем, и смутился, но из круга не ушел, а когда полилась медленная музыка, и народ стал делиться на пары, решительно подошел к стоящим в стороне приглянувшимся женщинам.

-Разрешите разбить ваш крепкий союз. Кто хочет потанцевать со мной? -шутливо спросил он с обезоруживающей улыбкой.

Обе одновременно сделали шаг вперед и все трое засмеялись.

-Что же будем делать? - не решаясь обидеть одну из двоих снова смутился мужчина.

-А давайте выйдем в хол, познакомимся, - первой нашлась Настя.

По оценивающему взгляду она сразу определила в нем холостяка и решила, что этот симпатяга не уйдет от нее так просто. Подхватив его под ручку, Настя направилась к выходу. В холле было прохладно, все время кто-то

выходил на улицу покурить, двери громко хлопали, впуская холодный уличный воздух.

-Хорошо-то как! -обмахивая разгоряченное танцами лицо проговорила Настя. Наташа молчала, бросая боковые взгляды на нового знакомого.

-Меня Миша пригласил, он ведущий вечера, -улыбнулся Наташе мужчина. -И кажется, я не пожалею об этом, -добавил он многозначительно, взгляды их пересеклись. Наташа вспыхнула, но глаз не отвела.

-Меня зовут Настей, а это Наталья – писательница наша, -решительно прервала эти взгляды соперница. -Я сегодня здесь тоже в первый раз, мне очень нравится! - Она прикоснулась к рукаву пиджака, приглашая мужчину к продолжению знакомства.

-А я Сергей. Мне очень приятно, что я вас тут встретил.-Он продолжал смотреть в глаза Натальи. -Какие красивые русские имена: Настя и Наталья!

-Мы и сами красивые! -бодренько отозвалась Настя. -А откуда вы, Сережа, приехали? Мы, например, из соседнего городка.- Она произнесла название. -Вроде не очень далеко. Но пешком не добежишь, машина нужна. Сюда от нас автобусы раз в час идут, а в позднее время вообще не ходят. У меня машины нет, Наташа привезла.

Наташа с любопытством наклонила голову.

-А я из этого города, да вот почему-то никогда не ходил на такие вечера. -Он запнулся. -Занят был. А с машиной проблем нет, за такими женщинами можно в любую даль поехать, -подмигнул Сергей.

-Вот это по-нашему, по-казахстански!- обрадованно засмеялась Настя. -Люблю напористых, настырных!

-А я не настырный, -возразил мужчина, поправив рукой шапку волос. Похоже, это был его обычный жест.

-Зато одинокий, -не далась уязвить себя Настя.

-Это точно, разведенный, -согласился тот.

Наташа молча улыбалась тонкой затаенной улыбкой.

Музыка кончилась. Народ высыпал в хол, потянулся на кухню за чашками. Выпечка стояла на столах, и разгоряченные танцами люди с удовольствием пили чай, кучно и в одиночку присаживаясь на расставленные в беспорядке стулья. Стали поглядывать на часы: за окном стояла плотная ночная темнота. На кухне женщины мыли посуду и раздавали принесенные из дома салатницы их хозяевам.

Настя тоже пошла на кухню за чаем, а Наташа и Сергей остались сидеть за столом напротив друг друга.

-Я ни за что не хотел бы обижать вашу лучшую подругу... -начал Сергей. -Но хотелось бы обменяться с вами телефонами пока ее нет. Если Вы, конечно, не против, -все так же заглядывая в глаза Наташе попросил он.

-Она не подруга, она – хорошая знакомая, -уклончиво ответила Наташа.

-Не важно, это все не важно...-Мужчина легко провел рукой по голове, затем побарабанил пальцами по столу и нерешительно положил свою руку рядом с Наташиной тонкой ручкой. Наташа понимающе и радостно улыбнулась в ответ.

-У меня нечем записать телефон, -сказала она с сожалением.

-И у меня тоже. -И они замолчали.

Им казалось, что затихла музыка, исчезли шум и разговоры проходящих мимо людей, скрип отодвигаемых стульев... В мире стало так тихо, что было слышно, как в унисон дышат эти двое. Редкие минуты случайного и такого

неслучайного взаимопонимания немолодых, уже поживших и повидавших свет людей!

-Алло! Голубки, очнитесь, вы не в постели! -крикнула под ухом Настя, подходя с чашкой чая. -На минутку нельзя одних оставить! -Она с досадой поставила чай на стол.-Это тебе, Сережа! -Ярко покрашенные, чувственные губы ее обиженно изогнулись. Она повернулась к Наталье. -А с тобой, моя милая, мы не договаривались женихов отбивать!

-Ну, ну, -Сергей резко отодвинул чашку. -Я ведь не подарок, чтоб меня паковать. Давайте не будем ссориться! Идемте еще танцевать!

Как раз заиграла быстрая танцевальная музыка, и усталые гости снова пошли плясать. Наташа теперь танцевала с трудом, все члены ее тела как будто налились свинцом. Хотелось повторить, задержать только что улетевшие минуты душевной близости с новым знакомым. Настя же крутилась без остановки в своем бежевом платье с ассиметричным вырезом, которое очень шло ей и несколько скрывало ее полноту. Вся она, такая крупная, со свободными, размашистыми движениями, с густыми черными волосами и большими темными глазами была выражением исконной крестьянской красоты. Наталья же со своей точеной изящной фигуркой выглядела ее полной противоположностью. Сергей, выросший в деревне, но всю жизнь проживший в городе, любовался обеими и в обеих находил только им свойственную красоту.

Гости постепенно расходились. Сережа помог расставить столы и стулья в прежнем порядке. Довольные люди подходили к хозяйке литературного клуба, к ведущему и сердечно благодарили за прекрасно проведенный вечер, прощались.

-Не пора ли нам пора, что мы делали вчера, -проговорила Настя. -Пошли домой! - И женщины пошли одеваться.

Подошел Сергей, подал пальто обеим, надел куртку, вытащил из кармана ключи от машины.

-Меня дочка заждалась, пора домой! -нарочито проговорила Настя. -Это вас никто не ждет, вам делать нечего, а у меня забот полон рот. Задержалась тут. Кто же думал, что литературный клуб так весело праздники отмечает!

-Так ведь дочь у твоей мамы.- Возразила Наташа. -С чего тебе волноваться?

-Это тебе нечего волноваться, а у меня все одно - расстройство. Это тебе не стихи крапать!

Сережа взглянул на Наташу. Та казалась легкой, как пушинка, так бы и поднял ее, и нес бы всю жизнь, не опуская, чтоб не касались ее ножки человеческой грязи, зависти и глупости. Он сглотнул комок в горле, улыбнулся.

-Ну, пойдёмте, девочки, -он шутливо подтолкнул Настю в широкую спину.

Улица встретила их холодным ветром, желтым светом фонарей, затмевавшим сияние далеких звезд. Редкие машины проносились мимо, спеша в этот поздний час на родную стоянку.

Сережа подошел к темно-зеленой „AUDI“ открыл дверцу.

-Телефонами-то не обменялись, -вспомнил он вдруг. -Надо назад вернуться, взять ручку у кого-нибудь.-На всякий случай он пошарил у себя в кармане.- Вот у меня входной билет есть, -показал он клочок бумаги.-Можно на нем записать.

-У меня как раз ничего пишущего нет, -проговорила Наташа, обращаясь к Насте.-Надо было раньше про это подумать, мы хотели, но забыли, вот досада какая! А может быть, у тебя в сумочке ручка есть?

Та отрицательно мотнула головой. Глаза ее странно блеснули в свете стоявшего рядом фонаря.

-Сейчас поищу ручку в бардачке, -Сергей сел в машину и принялся искать что-либо пишущее.

-Да без проблем, запомним так, верно? Я такой важный телефон не забуду-предложила Наташа, наклонившись к окну.

-Не надо тебе память портить ненужными телефонами,-грубо ответила Настя.

Она быстро повернулась и кинула уже через плечо:

-Прощай, подружка, счастливо доехать до дома! Спокойного сна!-Настя запахнула поплотнее воротник и направилась к „AUDI“. Открыла переднюю дверцу машины и села на кресло рядом с водителем.

-Поехали, Сергей, что тут раздумывать долго? Такие мужики, как ты, да в наше напряженное время так просто на дорогах не валяются. Раз случай такой выпал, нельзя упускать!

Сергей моментально все понял, набычился:

-А Наташа?-Он посмотрел в боковое зеркало.

Тонкая фигурки Наташи, казалось, застыла на месте.

-А что Наташа? Сказала мне только что, мол, ты очень симпатичный, так как похож на ее друга. Она сейчас к нему поедет, рада, что я не помешаю...- Настя отвела глаза, минутку помолчала в раздумье.- А я тебя сразу же заметила, как в зал вошли. Ты на углу сидел, примета плохая - семь лет не женишься. Но мы ведь в приметы не верим, да? Я сразу тогда подумала: вот он - настоящий мужик! И точно! Я с тобой не прогадаю, -она легко коснулась его правой ноги. Шершавая ткань темных брюк привела ее в возбужденное состояние. Сергей все молчал, уставясь в одну точку перед собой.

-Поехали, что стоять! Видишь сам, что отступились от тебя некоторые. А некоторые здесь рядом и тебя ценят! -Она уже крепче провела рукой по его ноге.

Сергей глубоко вздохнул:

-Неужели правда: нет на свете счастья? Ну что ж, раз так, поехали!

Мотор взревел, машина подалась назад, развернулась и тень от фигурки в заднем стекле быстро растаяла.

А звезды тянули к земле свои искрящиеся лучи вне зависимости от того, что происходило на ней в эту черную весеннюю ночь, какие страсти снесли сердца людей и сколько горечи может вместить в себя обычное слово „повеселимся“.

18.03.06

Т Е Р Ь Е Р

Лёва медленно подходил к своему подъезду. Опять день уходит в никуда, ненужный и пустой. Сходил в магазин, приготовил еду, поел, погулял – это он делал обязательно, так как боялся опуститься без ежедневных далеких прогулок – вот и все, опять наступает вечер у телевизора. За весь день слова никому не скажешь! Сколько их, однообразных телевизорных вечеров, за плечами? Лёва точно знает: сто пятьдесят девять, а сколько их впереди – не знает и не пытается загадывать. Это будущее плотной стеной наваливается на

него, и ему становится тесно и душно, он стремится спрятаться за мысль, что все как-нибудь наладится, но другая, суровая, жестокая мысль, что все лучшее прошло, не оставляет надежды.

Лёве пятьдесят пять лет, он высокий худой еврей, с печальными темными глазами, крупным носом, красными губами на изрытом оспой лице, остатки шикарной шевелюры венчают его голову, как лавровый венец.

Лёва открыл дверь и увидел, как по лестнице поднимается семья новых соседей. Все четверо: муж, жена, сын и маленькая собачка обернулись на стук входной двери и радостно приветствовали Лёву.

– Хэр Миллер, – протянул руку приятный мужчина средних лет.

– Лев Альтерштайн, – пожал ее Лёва.

– Мы вчера шумели, носили мебель, извините за беспокойство, – громким голосом на весь подъезд пророкотал немец.

– Да ничего, – пробурчал Лёва в ответ. –Никакого покою до ночи не было...

– Теперь будем часто встречаться, –приветливо улыбнулась Миллерша, и надо отметить, даже эта ласковая улыбка не украсила ее угловатого бледного лица. – Ваша жена работает?

– У меня нет жены, – корчась, как от боли, прошептал Лёва.

– Извините пожалуйста, я не знала, я просто хотела познакомиться, – чуть порозовела женщина.

Мальчик лет двенадцати большими ясными глазами посмотрел на Лёву – прямо в душу заглянул.

–А это наш Джеки. Он очень умный, всё понимает. Это порода Jack Russel Terrier.

Лёва посмотрел на собаку: белая с коричневыми пятнами на гладкой шерсти с выпуклыми чёрными глазками на острой мордочке, маленьким подвижным хвостом – собака, как собака, обыкновенный терьер. «Теперь будет гавкать целыми днями ... Сплошное безобразие!–раздосадованно подумал Лёва. Вот уже полгода, как он остался один: жена умерла, тяжело проболев последний год. Фирма, где он благополучно проработал много лет, обанкротилась, он остался безработным. Его раздражало все, что мешало ему пребывать в состоянии апатичного равнодушия, к которому он приспособился и привык. Звонки бывших друзей и знакомых выводили его из равновесия, ведь у них оставались жены, семьи, работы, их интересы радикально изменились, и он постарался сократить эти звонки и визиты. Сочувствия он не мог терпеть, оно казалось ему напускным, а в их помощи он не нуждался: сам вполне здоровый человек, так проживет!

Со временем желающих помочь ему практически не осталось, чему он был рад – покой стал ему очень дорог. Теперь же эта проклятая дворняжка будет отрывать его от тягучих мыслей о ничтожности событий истории, о неважности человеческого существования, о недолговечности духовных и материальных ценностей, о бессмысленности всего сущего.

Лёва вынул ключ из кармана пальто и вставил его в замочную скважину. Мальчик с ясными глазами серьезно и внимательно смотрел на Лёву. Лёве пришлось натужно улыбнуться в ответ. Мальчик обрадовался, порывисто и быстро заговорил.

– У нас в школе скоро начинаются осенние каникулы. Папа мог бы взять отпуск на десять дней. Мы полетели бы отдыхать в Турцию. Нам не с кем оставить Джеки. В прежнем доме мы оставляли собачку с соседом напротив. Это был очень добрый дедушка. Джеки не может жить в доме для животных,

ему там будет плохо. Мы его очень любим... Может, возьмете его себе? – Мальчик умоляюще смотрел Лёве прямо в глаза. – Только на десять дней, а потом мы его снова заберем.

– Марсель, оставь дядю в покое, вероятно, он работает или ему, вообще, не до собаки... – дернула за руку мальчика мать. Но во взгляде женщины Лёва прочитал ту же страстную просьбу, и даже старший Миллер смотрел на него с плохо скрываемым интересом.

– Ну да, конечно, я бы мог, но я не... – замямлил Лёва по своей привычке отказывать осторожно, не впрямую.

– А Джеки вам понравится, он очень умный, все понимает. Если сильно скучать будет, вы с ним почаще гуляйте.

Лёва понял, что сейчас он поступит невежливо: быстро откроет дверь и скроется за ней от прилипчивых взглядов всей семейки. Ему с трудом удалось подавить желание немедленно убежать от ответа, он уставился в пол. Собачка, между тем, внимательно обнюхала его ноги, тычась чёрным носом в брючины, но прыгать не стала, чувствовала нерасположение чужого человека, села возле ног мальчика, лапки к лапкам.

– Да, конечно, собачка очень симпатичная, но я, вообще-то не знаю, как с ними обращаться. Как-то не приходилось... – промямлил Лёва, и венчик волос на его голове закачался в сомнениях.

– Это очень даже просто! – радостно вскричал мальчик. – Надо только показать ему поводок. А он уж сам знает, что пора на улицу, шею подставляет. Надо смотреть, чтобы он в отпределенном месте в туалет ходил, где можно, а если на газоне, то надо убирать за ним.

– Этого еще мне не доставало! – в сердцах выдохнул Лёва, и, толкнув дверь, быстро скрылся за ней.

Целый вечер Лёва был расстроен и все приговаривал:

– Иш, обрадовались, нашли дурака, за их собакой говно возить!

А когда ложился спать, перед его мысленным взором встала картинка в замедленном темпе: вот терьерчик перебирает лапками, поднимаясь по лестнице, вот он уставился чёрными, почти человеческими глазами ему в глаза, вот осторожно обнюхал его, а вот смиренно сел у ног маленького хозяина. Теплая волна захлестнула его сердце, как будто это была его собака, случайно отданная в чужие руки, и даже ревность поднялась в его душе. Вдруг вспомнилась дворняжка Майя и широкий двор, залитый щедрым украинским солнцем, друг Гошка с поцарапанными коленками, взорвавшийся позже вместе с автомобилем в Тель-Авиве... Лёва, напуганный нахлынувшими чувствами, долго ворочался в постели и не мог заснуть.

Ночью шел дождь. К утру на мокром асфальте резко вычерчивались резные кленовые листочки. Лёва варил кофе и посматривал в окно. Наконец, из подъезда солидно вышел новый сосед, пошел к парковке, гремя связкой ключей, потом выбежал Марсель с большим ранцем на спине, затем, высоко поднимая колени, как цапля, появилась Миллерша с Джеки. Пес радостно залаял и бросился на газончик. Поводок потянулся за ним, хозяйка с постным лицом стала медленно прохаживаться по асфальту вдоль газона.

– Собаке нужен простор, чтоб она могла бегать! Что её у дома держать? – подсадовал про себя Лёва.

Он надел свое длинное кашемировое пальто, “шикарное”, как говорила его Роза, легкий элегантный шарф, который она подобрала ему по цвету в Вене, и, легко ступая по лестнице, спустился вниз.

– Доброе утро! – приветливо обратился к собачнице Лёва. – Прекрасная погода, не правда ли?

– Да, кажется, будет хороший день, – радостно поддержала разговор скучающая женщина.

– Похоже молодой песик, такой подвижный, резвый, – одобрил сосед.

– Характер у Джеки веселый, на самом деле он как бы мужчина в расцвете лет, ему уже шесть было, – подтянула поводок к себе Миллерша.

Лёва кивнул.

– Здесь рядом прекрасный парк. Сейчас наступает золотое время – листопад. Может, пройдёте? Я покажу удобные дорожки. Для собаки это будет интереснее, чем во дворе гулять.

– С удовольствием! – ответила Миллерша, и некрасивое лицо ее немного похорошело.

Они не спеша пошли к кромке городского парка, откуда навстречу им выбежали рослые спортсмены в тренировочных костюмах.

Если женщина надеялась услышать от Лёвы какие-нибудь истории или хотя бы замечания по поводу окружающей среды, то она ошиблась на этот счет. Скоро она поняла, что от Лёвы, как от собеседника, толку мало. Равномерно помахивая руками, Лёва вдыхал полной грудью воздух, наблюдал за Джеки и улыбался, когда пес подбегал к нему и вилял хвостом. А впрочем, прогулка удовлетворила обоих. И когда на следующий день Лёва вышел на улицу, соседи едва обменявшись приветствиями, снова углубились в сень парка. Обоим было спокойно и хорошо – между ними бегал Джеки и радостно лаял, познавая новые места.

По вечерам гулять с собакой выходил мальчик. Эти двое дурачились и баловались на широком зеленом газоне, потом куда-нибудь убегали, а Лёва сидел у окна, читал газеты и поджидал, когда парочка пойдет домой, и мальчик помашет ему рукой.

Лёва привел в порядок свои бумаги – они давно требовали внимания, стал ходить в бюро и амты, даже посетил зубного врача, пролечив кариес. Дошло до того, что Лёва начал звонить по объявлениям, пытаясь найти себе место работы. Пожилого человека да еще с высшим никому не нужным тут образованием врача не желала иметь ни одна фирма. Не помогало и то, что Лёва имел рабочий стаж в Германии – нашел место в фирме по выпуску электроприборов. Подтвердить диплом врача Лёва не мог – не хватало знания немецкого языка. Польза от учебы в мединституте и последующей многолетней работы на родине была небольшой – во всех амтах и фирмах с ним разговаривали подчеркнуто вежливо, а отказывая от места, желали успехов. Роза порадовалась бы, что Лёва активно взялся за поиск работы, это знал он точно, как знал, он был уверен, все сильные и слабые стороны её богатой и целеустремлённой натуры. Правда, на кладбище из-за занятости Лёва стал бывать реже, но тем не менее, душевная связь с ушедшей женой не ослабла. Одобрение его действий Лёва ощущал постоянно. Симпатичная мордочка песика с чёрными умными глазками несомненно понравилась бы Розе, хотя у них с Лёвой никогда не было своей собаки. А почему, кстати? Лёва задумался над этим однажды, когда гулял с терьером в парке. Пёс высоко подпрыгивал, когда Лёва размахивался палкой и бешено неся по лужайке, догоняя летящий предмет. Взяв в зубы добычу, радостно тащил ее Лёве под ноги. А ведь можно было иметь такого друга с Розой, почему это никогда не приходило им в голову? Может, потому что не было Джеки? Именно эта собачка, именно она пришлась по сердцу, завоевала свое место в жизни Лёвы.

Миллерша выходила пару раз на прогулку в парк, а потом предоставила Лёве и Джеки самим выполнять эту приятную обязанность. Когда подошло время осенних каникул, и соседи упаковали чемоданы, Джеки привели к Лёве. Что Джеки останется у Лёвы, было само собой разумеющимся положением вещей. К общей радости всех членов этого события примешивалась нотка горечи в душе у Марсея. Отдавая поводок в руки Лёвы, мальчик отвел глаза в сторону:

– Ласкать собаку не надо – характер испортится. Это не кошка, чтоб по вечерам живот гладить и за ушами легонько царапать. Да и не любит этого Джеки. Вы с ним строго, чтоб возле постели не спал. И в морду не целуйте.

– Еще не хватало, в морду целовать! – успокоил его Лёва.

Он взял поводок, собачьи чашки и прошёл с терьером на кухню. Мальчик вздохнул и вышел. В открытую дверь заглянула Миллерша.

– Сколько денег вам оставить на еду и за уход за животным? – проговорила она улыбаясь, заранее предугадывая ответ.

– Ничего, ничего не надо! Денег на собаку хватит! Счастливо долететь и отдохнуть! – Немка твердо пожала Левину узкую руку и, подхватив сумку, стала спускаться по лестнице. Миллер нёс следом огромный чемодан.

Соседи загрузили вещи в багажник такси, расселись по местам и отъехали от подъезда. Лёва помахал им вслед из окна, повернулся к Джеки. Пёс стоял настороже, ушки на макушке, все тело напряжено: вот-вот вскрикнет человеческим голосом: « Уехали, оставили меня!»

– Ну, ну,ничего, ты же со мной, – Лёва заметил, что его голос звучит фальшиво.

Джеки не пошевелился. Гладкая, белая с пятнами шерстка блестела, лапы уперлись в ковер.

– Что так переживаешь, друг? – яснее и четче проговорил Лёва. – Что ж нам делать, чтоб преодолеть обиду расставания? Может, пойдём гулять? Время, правда, не наше, но ничего, по такому случаю нарушим распорядок дня.

При слове «гулять» Джеки радостно залаял и завилял хвостом.

– Ну вот и отлично, что ты того же мнения!

Они быстро собрались: Лёва надел куртку и ботинки, на Джеки нацепил поводок. Нагулявшись вволю по парку, на обратной дороге зашли в магазин. Зашел, конечно, только Лёва, а Джеки остался ждать у входных дверей, рядом с огромным чёрным догом, который принялся энергично обнюхивать нового знакомого. Лёва купил собачьи консервы, пластиковые кости и суповые пакеты. Когда он вернулся к Джеки, рядом с собачкой была привязана за поводок маленькая кудрявая болонка. Она явно сожалела, что Джеки уводили, залиvisto лаяла вслед.

– Вот так мы и находимся, вот так мы и теряемся, – философски заметил Лёва. – Везде одно и то же... Среди людей, среди собак...

Спешить было некуда, погода стояла чудесная: осенний теплый день сходил на нет, красный закат, пробиваясь сквозь щели между домами, дарил мягкий свет, ветерок играл цветными листьями на асфальте.

Лёва и Джеки прошли вдоль витрин супермаркета, мимо входа в китайский ресторан, украшенного традиционными красными фонариками, мимо аптеки и остановились у витрин часового магазина.

– Видишь, какие знаменитые фирмы выставлены. Часы фирмы « Rollex» носит королева Великобритании, а вот такие часы с массивным браслетом носил президент Рузвельт. Качество, конечно, отличное, но и цены...

Джеки понятиливо вильнул хвостом.

– А вот эти часы особенно интересны... – Лёва пустился в пространную беседу о достоинствах различных марок часов.

На эти Лёвины речи пёс вновь не остался равнодушным: он глядел во все глаза то на Лёву, то на выставленные в витрине часы.

– Мы с тобой мужчины, должны понимать толк в таких вещах. Это у женщин тысяча всяких украшений: бусы, кольца, ожерелья, броши, серьги, а у нас только часы и запонки. – Джеки кивнул. – Ну, ладно, про запонки как-нибудь в другой раз, – успокоил его Лёва.

Довольные, они вернулись домой и дружно поужинали. Лёва устроился на диване смотреть телевизор, а Джеки у его ног, на постеленной ему мягкой подстилке. Оба смотрели на экран, пока глаза не стали слипаться.

– Не пора ли нам спать, мой друг? – Лёва наклонился и принялся гладить ласково отзывающееся гладкое тельце собачки. Потом Лёва перенес подстилку в спальню, постелил себе постель, почистил зубы и улегся на правый бок, как обычно.

– Ложись, Джеки, у нас еще девять счастливых дней впереди.

Терьер уперся лапами на край постели, Лёва с Розой купили совсем низкую кровать, и потянулся мордочкой к Лёвиному лицу.

– Ах, вот в чем дело, друг! Ты, оказывается, любишь целоваться? – Лёва вспомнил наказ мальчика не ласкать собаку. – Так вот к чему тебя приучил маленький хозяин!

Лёва тихонько поцеловал терьера в гладкую мордочку.

– Да ты, друг, псиной воняешь, надо бы тебя одеколоном сбрызнуть, – шутливо проговорил Лёва.

Джеки сладко зевнул и успокоенно свернулся колечком. Вскоре сон накрыл их обоих.

На следующее утро Лёва отправился искать работу. Когда ему в очередной раз отказали в должности, Лёва сильно не огорчился. «Ну, и ладно! Ведь если бы приняли, Джеки пришлось бы подолгу сидеть дома одному, а это вовсе нехорошо для такого подвижного и общительного пса.»

Дни пролетали незаметно, и наконец, наступил срок приезда прежних хозяев собаки. Из такси, остановившегося у дома, вышла семья Миллеров. Сердце Лёвы заколотилось так, что пришлось его придержать рукой. Лёва сел у окна на стул и стал ждать, когда соседи внесут вещи в дом и придут за его другом. За собакой зашли поздно вечером. Джеки бросился к Марселю, и Лёва захлопнул дверь не дожидаясь слов благодарности.

На следующий день к Миллерам приехала бабушка. В руке она несла огромную клетку с пестрым попугаем – подарком дорогому внуку. Добрый мальчик тут же пришел показать попугая Лёве.

– Я буду учить его разговаривать, – с гордостью сообщил Марсель соседу. – Попугай молодой, такие поддаются дрессировке очень даже легко. Я ему каждый день по сто раз буду одно и то же повторять, а у меня предложениями язык заучит.

Лёва кивнул головой:

– Желаю успехов. А кто с Джеки беседовать станет? Тебе некогда... Может, пёс поживет пока у меня? До тех пор, конечно, пока попугай не научится разговаривать.

Марсель тряхнул головой, чтобы волосы со лба не мешали смотреть:

– Согласен. Только чур, когда захочу, пойду гулять с Джеки. Это моя собака!

Лёва радостно улыбнулся:

– Конечно! Понятное дело твоя!

Зима стояла бесснежная, частенько шел мелкий дождь, иногда застывающий на асфальте плотной коркой льда. Время было тёмное: поздние рассветы и ранние сумерки не давали возможности наслаждаться на прогулках солнцем. Днём Лева работал: нашел-таки место на картонной фабрике, правда, на полставки, но бывший безработный был рад и этому – коллектив был дружным и работа не выматывала, к тому же оставалось время для далеких прогулок с Джеки. Иногда Марсель выводил собаку на прогулку, тогда Лёва мог наблюдать из окна, как они бегали во дворе. Но происходило это все реже и реже: в гимназии задавали много уроков на дом, кроме того, Марсель занимался в спортивной секции, а по выходным уезжал к бабушке. Попугай, с которым мальчик старательно занимался по вечерам накрывая клетку плотной тканью, несмотря на все усилия, предложениями не говорил, но зато довольно внятно произносил имя своего маленького хозяина и свое собственное: «Арра». Миллерша благодарила Лёву при каждом удобном случае: она никогда не была большой любительницей собак и теперь откровенно радовалась, что Джеки так удачно пристроен: одной заботой меньше.

Весну в город первым принес ветер. Ещё спала земля и спали деревья, а особенная свежесть воздуха и ясный чистый свет напомнили - идет радость встречи с весной, радость обновления. Каждый новый день Лёва наблюдал победоносное движение весны – вот набухли и лопнули почки на кустах и деревьях, вот повылазили из земли подснежники и фиолетовые крокусы, вот заботливые хозяйки высадили на балконах примулу. Лёва встречал весну с нотой грусти – впервые за долгие годы без Розы... Приближалась годовщина со дня смерти жены, и Лёва с некоторой даже гордостью за себя отметил, что не пропал, не опустился, что в душе его живет память о подноценной, красивой жизни в супружестве, есть работа, а значит, есть стабильное настоящее, дни его окрашены любовью к маленькому преданному другу – терьеру.

Джеки был здоров и весел, прогулки с ним всегда приносили новые впечатления. Лёву знали все собачники в округе, да и он постепенно стал знатоком собачьих пород, почитывая соответствующую литературу и подолгу беседуя с разговорчивыми хозяевами знакомых собак.

В день годовщины смерти жены Лёва проснулся затемно. Днем он собирался купить букет красных роз и принести их своей Розе, как он делал это раньше, еще он хотел позвонить бывшим друзьям, чтобы пригласить их на ужин. Они с Розой многие годы проводили праздники и встречали дни рождения в теплом кругу единомышленников. Лёве стало стыдно, что он упорно отказывался от помощи и участия друзей, замкнулся, прервал все отношения, как будто они каким-то образом были повинны в смерти его жены. Они – часть жизни с Розой, а с её уходом для него исчезла вся его прежняя жизнь. Но сейчас, думая о разрыве с друзьями, он сожалел об этом, понимая, что это сделало его горе глубже и непереносимее.

Лёва встал, потянулся так, что хрустнули косточки. Джеки не запрыгал вокруг, хватая за ноги, он вообще, не пошевелился.

– Вставай, друган, наш ждут великие дела!

Никакой реакции! «Странно, – забеспокоился Лёва. Пригнувшись, ласково погладил пёсика по гладкой шерстке, потом потрогал нос – сухой! Лёва поднял собачку на руки, походил с ним по комнате, размышляя, что делать: тело Джеки было горячим, а дыхание тяжелым. Аккуратно уложив больного пса на подстилку, Лёва позвонил на работу и предупредил, что не придет, затем набрал номер ближайшего ветеринара:

– Начало приема в девять утра, – повторил он почерпнутую информацию. Минуту подумал.

– В девять, так в девять, мы придем раньше, чтобы быть первыми. Я везде буду с тобой, – пообещал Лёва четвероногому другу.

Лёва уложил Джеки в просторную хозяйственную сумку, и, стараясь не качать ее при ходьбе, направился из дому. Дорога была недолгой. Возле двухэтажного старого здания пришлось подождать. Лёва обеспокоенно поглядывал то на часы, то на закрытые зелёные ворота, тихонько утешал тяжело дышавшего Джеки. Пёс прикрыл глаза и не отзывался на ласковые поглаживания.

Через некоторое время к воротам подошла миловидная женщина в светло-сером плаще.

– Ждёте уже? – улыбнулась она, и у Лёвы что-то дрогнуло под сердцем. – Сейчас откою. Врач начнет прием ровно в девять, вам придется подождать в комнате ожидания, – сказала она низким голосом с небольшим акцентом.

Лёва кивнул. Он посмотрел на слабо подрагивающего от утренней свежести пса.

Женщина отперла ворота, и они прошли по влажной дорожке к дому. По обеим сторонам её росли кипарисы, приторный, настоенный за ночь запах щекотал ноздри. Женщина шла рядом. В походке, в повороте головы, во взгляде Лёве почудилось что-то знакомое, родное.

– Вы наша? – по-русски спросил Лёва. – Да, вы наша! Русачка! – почти вскричал Лёва. – Вы поможете нам с Джеки, так ведь? – Лёва протянул сумку женщине, чтобы она могла взглянуть на больного пса.

Женщина остановилась, внимательно посмотрела на приподнявшего морду терьера и светло улыбнулась.

– Поставим на ноги! Без всякого сомнения! Съел, наверное, вчера что-нибудь на прогулке. Сейчас врач осмотрит, укольчик поставим, все будет в порядке!

Лёва приятно удивился звучанию ее низкого голоса. В душе его поднялась волна благодарности к незнакомке, радость, что возможно, ничего страшного с Джеки не произошло – скоро его друг выздоровеет и снова будет прыгать вокруг него, заглядывая в глаза.

– Это было бы прекрасным вариантом выхода из данной ситуации, – вдруг заумничал Лёва. – А вы тут кем работаете? – Лёве хотелось завоевать внимание женщины. – Как вас зовут? Вы живете где-то здесь, недалеко? – задал он сразу несколько вопросов.

Та улыбнулась:

– Подождите здесь.

Она открыла дверь,пустила Лёву в уютную прихожую и тут же исчезла.

Лёва сел и принялся ждать. Ему показалось верхом глупости потерять знакомство с только что приглянувшейся землячкой. Скоро он уйдет и никогда больше не увидит её – этого не может быть! Лёва решительно прошел в приемную, но там никого не было. Тогда Лёва громко крикнул:

– Прекрасная незнакомка, отзовитесь!

Женщина появилась с такой ослепительной улыбкой на устах, что Лёва на секунду зажмурился.

– Не мешайте мне работать! Я помощник врача, и должна кое-что приготовить к приему больных животных, – вовсе не сердито сказала она.

Лёва сам изумился своей решительности.

– Буду мешать, пока не скажете, как вас зовут!

– Ну, хорошо, зовут Ольгой. А вас? – пухлые губы опять дрогнули улыбкой.

– Я – Лёва. А это – Джеки, мой верный, надежный, единственный друг. – Лева оглянулся: хлопнула входная дверь.

– Приходят, – выдохнула Ольга.

Лёва вышел в прихожую, сел, поставил сумку себе на колени. Постепенно просторная комната заполнялась людьми, собаками и кошками, а какая-то старая бабушка принесла кролика. Он сидел в корзинке и при каждом громком звуке трусливо прижимал уши к темной спинке.

Наконец, врач пригласил ожидающих на прием. Внимательный и предупредительный, он заверил Лёву, что через три-четыре дня терьер будет здоров, посоветовал давать побольше воды, чтобы желудок очистился. Ольга поставила псу укол, тот вздрогнул, она успокаивающе погладила горячее тельце:

– Ничего, скоро выздоровеешь, побежишь вприпрыжку за своим хозяином.

Джеки понятливо мигнул.

Лёва протянул Ольге визитку.

– Я оставляю вам номер своего телефона. Вечером мы с Джеки ожидаем от вас звонка. Ведь вы хотите узнать, как поправляется Джеки?

Ольга положила визитку в карман халата.

– Непременно позвоню, – кивнула она головой. – Узнаю, как здоровье вашего питомца.

Врач глубокомысленно хмыкнул и покачал головой, мол, понял, о чем переговорили земляки..

Вышли Лёва с собакой повеселевшие, с расцветшими надеждами на прекрасное будущее.

Дома Лёва налил Джеки воды, и пёс принялся жадно лакать из посуды. Лёва позвонил друзьям и пригласил их на ужин.

– Остаешься хозяином, скоро вернусь. Не беспокойся, жди, – ласково попросил Лёва.

Он сходил в соседнюю грильню, купил там пару куриц, зажаренных на вертеле, отварил картошку, достал из шкафа консервы и бутылку вина, накрыл стол свежей скатертью... Все время, пока Лёва хлопотал, пёс молча поглядывал на него из угла.

– А теперь, друг, имей терпение, мне надо отлучиться надолго. Оставляю тебя караулить ужин. Надеюсь, ты не набросишься на дичь, а будешь трезво попивать водичку, как назначено тебе ветеринаром.

...На кладбище было безлюдно, тихо. Чисто убранные, украшенные цветами могилы чернели влажной землей от прошедшего незадолго дождя. Лев прошел по широкой дороге, обсаженной пышными липами, свернул на тропинку среди мраморных памятников, напоминающих имена живших живущим, поставил розы в вазу на дорогой могиле. Почти час ветер трепал волосы на склоненной Лёвиной голове. Какие чувства испытывал он в это время, может понять только тот, кто сам испытал потерю родного человека.

Назад Лёва шел быстро – дома ждал больной пёс, а еще Лёва ни за что на свете не хотел пропустить телефонный звонок. И точно – только он снял пальто, раздалась звонкая трель телефона.

– Это Ольга. Вы еще помните меня? – прозвучал в трубке низкий голос.

– Я ждал. Спасибо, что позвонили. – Лёва смутился – ему показалось, что слова прозвучали слишком откровенно. Он вдруг подумал, что сейчас она положит трубку.

– Вы здесь?

– Да, я здесь. Вы хотели что-то сказать? – отозвался голос.

– Только что я был на кладбище. Сегодня исполнился ровно год, с тех пор как я потерял жену. – Лёвина печаль выплеснулась тяжелым вздохом.

– Сочувствую вам от всей души. Извините, но даже завидую вам немного: наверное, вы очень сильно любили свою жену, что так горюете. А я вот не имела такого счастья, не было у меня в жизни любимого человека. – Низкий голос женщины звучал доверительно. – Муж был. Жили не хуже людей. А когда дочь подросла, развелись, и не оглянулись, не пожалели ни разу, что расстались. Теперь вот бабушкой скоро стану, а любви настоящей так и не узнала. Слышала только о ней и читала...

Трубка задрожала в руке у Лёвы:

– Мы с вами обязательно встретимся. Слышите, обязательно! – задохнулся Лёва – Вы такая необыкновенная! Такая удивительная!

– Да, мы встретимся. – Лёва понял, что женщина улыбнулась, и её улыбка появилась перед его мысленным взором – открытая, так много обещающая! Лёва почувствовал радостный холодок под сердцем как в момент первой встречи, у ворот лечебницы. – Нужен ведь догляд за здоровьем Джеки.

Лёва принял шутку, как принял бы сейчас от неё любое проявление внимания.

– И это тоже. – Лёва несколько минут тихонько сопел в трубку. Потом глухо проговорил:

– Сегодня вечером я занят, ко мне придут друзья. Мы будем вспоминать Розу. А завтра утром я позвоню вам.

Лёва записал продиктованный номер телефона, тут же запомнил его и попрощался.

Джеки с любопытством следил за разговором, уши его вздрагивали. Когда Лёва положил трубку, пёс подошел к хозяину, сунул свою умную морду между тапками и лёг.

Лёва наклонился, ласково погладил пятнистую гладкую шёрстку:

– Кажется, живем, друг, – только и сказал он.

ПЕРЕХОДЯЩЕЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Валеру ко мне привела знакомая страховщица. Это случилось так. Однажды, перебирая мои страховки дома на диване - очень уж ей хотелось перевести меня в фирму, где она работала тогда, - она язвительно улыбнулась.

-А ты все одна? Не надоело? Слова сказать некому, работа не в счет! Все так и будешь из себя девочку корчить?

Я спокойно ответила:

-Ничего, я привыкла. Мне так даже лучше - сама себе хозяйка. Не клята, не мята.

Страховщица улыбнулась уже загадочно.

-Вот что! У меня есть один знакомый в городе, - а надо сказать, она жила в большом промышленном центре в городе Вуппертале, это примерно километров за двадцать от нашего маленького уютного городка. - Этот парень как раз на распутье, ему женщина нужна. Позвоночник сорвал, на работе неприятности, а по жизни - на все годится. Возьми, если не лень. Правда не знаю, что у вас получится. Ты, как я вижу, не готова с мужиком жить - отшельница. Кошка, что гуляет сама по себе, - хмыкнула она.

Конечно, эта страховщица очень осуждала меня за такое поведение, сама-то она от одиночества не страдала. А вот почему-то решила Валерку отдать. Под таким давлением я смутилась и не смогла отказать.

-Ну приводи, - выдавила я из себя, подумав о подруге Валентине, которая срочно нуждалась в мужчине для благоприятного времяпровождения.

...А сейчас мне хочется описать встречи земляков за чашкой чая, которые проводятся по всей Германии, и наш городок тоже не обошли. Обычно они проходят интересно, с песнями и стихами, с разговорами на разные темы, тут же отмечают праздники и дни рождения. Я возьми и пригласи страховщицу на ближайшую среду.

-С радостью приеду, - мгновенно прореагировала она. - И Валерку когда-нибудь привезу к тебе. Созвонимся! А пока поговори с людьми, приготовь мне парочку человек из ближайшего окружения, тех, что без страховок, чтобы не ездить зазря!

Я обещала. На том и расстались. За суматохой будней как-то было недосуг вспоминать про это дело.

Цвела весна. Солнце радостно покрывало землю яркими лучами. Нарциссы красовались на каждом свободном участке земли. Желтые кустики светились среди голых веток просыпавшихся деревьев. Кошка ходила по дому сама не своя, мяукала и каталась по полу, несмотря на скормленные таблетки. Моя подруга Валюша все сильнее жаловалась на скуку, ругала своего последнего ухажера, так неудачно закончившего с ней свой трехгодичный роман. Долгие его запои сменялись все более короткими трезвыми передышками. Вале страшно надоело таскать по всему городу позорное имя любовницы алкоголика. После очередного скандала она объявила себя свободной женщиной и бывшего любимого на порог не пускала с бутылкой и без бутылки.

Понимая ее тяжелое положение, я старалась вывести подругу на орбиту шахматных баталий, но все усилия мои были напрасны. Ей надо было мужика! И он, наконец, появился, обольщая жаждущих женщин лучезарной улыбкой.

Земляки-русаки - тетушки и дяденьки, сидели в просторном зале за чаем в ожидании новых впечатлений. Человек сорок народу за накрытыми столами давно слушали ведущую встречи. Вдруг дверь открылась, и на пороге появилась яркая, веселая страховщица, а за ней, с улыбкой во весь рот, высокий, стройный брюнет.

-Извините за опоздание, дела важные. Вот проездом забежала посмотреть, что за общество интеграции в вашем городе. Меня Анна пригласила. -Страховщица так непосредственно и уверенно говорила, что я испугалась, не начнет ли она сейчас вербовать в свою страховку наш доверчивый народ. -Я смотрю, вам тут делать нечего, вот и

посиживаете, бездельничаете. А у меня клиенты заждались! Так что с вами посидеть не получится! Оставляю вам вот этого молодого человека. Пользуйтесь! - Она сделала широкий жест в сторону оглядывавшегося брюнета. Он улыбнулся еще шире, хотя куда еще....

-Нет, кофейку бесплатно я все-таки выпью, - решила страховщица, и худое, нервное лицо ее немного смягчилось.

Парочка уселась рядом со мной, тут как раз находились свободные места. Внимание людей было приковано к нам. Прихлебнув кофейку и затолкав шоколадные конфеты в сумочку, страховщица отчалила. Брюнет в неглубоком поклоне склонился ко мне и, представившись, поцеловал руку. Народ просто выпал!

Аккуратно подставив стул поближе, Валера принялся поедать меня глазами, всем своим видом показывая принадлежность ко мне.

-Очень, очень милая... Я так и знал, что вы мне понравитесь. Отрастите волосы, вам пойдет. Ну что это за молодежная, короткая стрижка... Нет, нет, с длинными волосами вы будете просто неотразимы, - шептал он мне в ушко.

Как подтянулись наши дамы, это надо было видеть! Глаза горят, переглядываются между собой. Мужички одобрительно кивают мне головами, подмигивают. Кое-как дождалась я конца посиделок. Помогать убирать со столов и мыть посуду уже не стала - не до того, ведь за локоток новый знакомый держит.

Обычные попутчицы не рискнули сесть в мою машину, мол, пешком дойдем, погода хорошая. Все потянулись к выходу.

-Ну что ж, двинулись? - сказала я сокрушенно и повела Валерку на стоянку машин. - Куда поедем? - спросила, глядя в его темные бегающие глазки. Ну, никак не могла уловить их выражения! - Может, в кафе какое или на природу? Погуляем, пообщаемся, познакомимся поближе, - предложила я.

-Да чего уж там! Мы люди простые. Поехали к тебе домой. Кофе мы напились, закуски всякой было довольно, теперь - за дело! Будем конкретно знакомиться в домашней обстановке! - Валера уверенно взялся за дверцу моей машины.

Сложно передать мою реакцию, но немножко смешно было. По дороге Валера говорил не переставая. В собственной машине он не нуждается, поскольку живет в центре города, а там общественный транспорт ходит часто и без опозданий, не то, что у нас в маленьком местечке. Он рассказывал, как ему грустно одному, особенно по выходным, как завидует женатым знакомым и сослуживцам, ругал работу на конвейере и жизнь в Германии, поминал плохими словами свою бывшую супругу, русскую немку, которая сорвала его с родины, привезла в Казахстан к своей родне, а по приезду в неметчину и, вообще, бросила, несмотря на то, что он был очень заботливым мужем и отцом, он приносил хорошие деньги в дом. Я помалкивала, прикидывая, каким образом я приведу первого встречного, даже и с положительной рекомендацией, на глаза почти взрослой дочери, не привыкшей к появлению мужчин в нашем доме.

И правда - у дочери вытянулось лицо, когда она отвечала на жаркое рукопожатие незнакомца.

-Иди в свою комнату, - сказала я, отводя глаза в сторону. - Мы тебе мешать не будем.

-Не будем, не будем, нам есть, чем заняться, - засуетился Валера. Сели мы на диван. Валера сразу принялся активно обнимать меня.

-Закрой двери! Дочери скажи, чтоб не заходила!

Руки негибкие какие-то, коленки острые, смех меня разбирает.

-Можно на "ты"? - спросила я.

-Валяй! - разрешил Валера.

-Вот что, Валера, - я отвела его руки от себя, сложила их решительно на его костлявые коленки. - У меня есть планы на тебя.

-Какие еще планы? Чего тут рассуждать! Мы дети что ли? - Он удивленно наморщил лоб, и стало видно, что ему уже за пятьдесят, хотя спортивная фигура и легкомысленная улыбка до времени скрывали возраст. Его желание непременно дотронуться, обнять, приблизить, показалось мне навязчивым.

-В чем дело, я не понял?! - Голос его стал резким. - Или я не нравлюсь тебе? Может, к другим привыкла? - рубанул он.

А вот ссориться я не планировала.

-Погоди, не сердись, - заторопилась я. - Я познакомлю тебя со своей подругой. Будешь доволен! Она славная, красивая, может, понравится друг другу. Она тоже из деревни казахстанской. Глядишь - выйдет пара. - Я с надеждой взглянула в его глаза, представляя, как обрадуется Валюша, что я ей такого ухажера подкатила.

-А ты сама? - удивленно поднял брови Валера.

-Я не гожусь.

-Ах, ты подпорчена воспитанием! Так и скажи. Знаю я таких баб! Я всяких знаю. Таких, как ты много - никудышные. Для семьи не годятся. Все про смысл жизни толкуют, а каши, чтоб не пригорела, не сварят. Не о такой я мечтаю. Давай, тащи свою подружку, может из нее толк выйдет. Я по серьезному хочу, чтоб сойтись как люди и жить, мне не для баловства! - с него сошел внешний лоск, он стал выражаться просто, по-крестьянски. Решительно встал, походил по комнате, посмотрел в окно, уставился на книжные полки. Я пошла на балкон, закрыла дверь и позвонила Валюше.

-Приходи поскорей, - страстно зашептала я в трубку. - Такой мужчина! Ну, прямо для тебя создан. У него серьезные намерения!

-Анка! Дорогая! Вот это сюрприз! Сейчас прибегу! Спасибо тебе большое! Век не забуду! Если что получится, с меня бутылка!

Как будто эта бутылка мне нужна! Я для подружки стараюсь.

Не успели мы обменяться с Валерой парой фраз, а в дверь уже позвонили. А дорожка ко мне не такая уж близкая!

-Ну, Валера, желаю тебе успеха! Может, судьба твоя... Валюша баба верная, добрая, открытая. Не промахнись. Не один раз мне спасибо скажешь! Новую страницу своей жизни перевернешь!

Я направилась открывать двери.

-Давай! Поглядим, что за красавица! Я и сам кое-чего стою. Какой-нибудь дешевкой меня не охмуришь! - Его глаза горели любопытством.

Дверь распахнулась, в нее буквально влетела моя Валюша. Черноглазая, румяная, полная, в ярко-красном костюме, с высокой прической - она была обворожительна! Настоящая народная красавица! И эта природная красота здоровой, еще молодой женщины требовала соответствующего ухода. Понятно, что сильный мужчина был необходим.

С гордостью за подругу я обернулась к Валере.

-Ну, как тебе?

Тот обомлел. Глаза его из пустых и блеклых стали горящими. Тело напряглось.

-Вот это да! Загляденье! Как тебя зовут? Я забыл, - обратился он к Валюшке, - меня Валеркой. - Он поперхнулся. - У такой женщины всегда все на столе есть! Чего тут тянуть! Пошли к тебе! - Он решительно взял ее за руку.

Валюшке моей Валерка тоже очень понравился. Она показала мне большой палец, мол, мировой мужик!

Кажется, она не расслышала, что предложил Валерка.

-Какая весна на улице! Идемте гулять, что дома сидеть в такую погоду! Пошлите! - громко заговорила героиня дня.

-Да чего там гулять! Что мы, дети? Может, еще за ручки возьмемся? Ха-ха-ха! - Валерка раскатисто рассмеялся. - Давай к тебе, Галина или как там тебя... Поужинаем и в постель. Ты мне очень нравишься, - Валерка поправил воротничок рубашки.

-Ты мне тоже понравился, - румянец на щеках Валюши усилился. - Я согласна.

Вдруг след какой-то мысли отразился у нее в глазах.

-А ты конфеты и шампанское принес? - уже другим, строгим, тоном спросила Валюша кавалера.

Валерка помрачнел.

-Ну вот, опять как всегда... Причем тут шампанское? Какие низменные интересы! Тут судьба, может, решается, а тебе такие мелочи нужны! Как не стыдно, это же предрассудки! Давай уже так пойдём!

Но Валюша не унималась.

-Если нет шампанского, то купи хоть выпивки какой-нибудь в магазине. Тут рядом. Зайди и купи. Так положено, чтобы мужчина выпивку с собой приносил. А ужин на стол я поставлю.

Я с удивлением наблюдала эту перепалку. Лицо Валерки перекопилось. Он повернулся ко мне.

-Кого ты мне подсунула? Мне, может, эта баба в постели не подойдет. А я ей уже водку поставлю. Какой расход! Я что, миллионер что ли?

Тут я поняла, что он не миллионер. В глазах Валюши появились слезы обиды. Она никогда, ни при каких обстоятельствах не плакала - не тот человек! Сдержалась и тут.

-Ну что ж, подружка, прощай! Мне нахлебника не надо. Видно, мой голубок где-то затерялся. Найдется, не иголка ведь в стогу сена. Будет и мне когда-нибудь счастье, - она посмотрела мне в глаза. - А тебе за заботу спасибо!

И чудо в красном исчезло.

-Не везет мне...- плечи Валерки опустились. - Все какие-то бабы непутевые попадают. - Он тяжело вздохнул.

Я промолчала.

-А все-таки дай мне ее телефон. Может, еще уговорю ее, - он опять вздохнул.

Я записала ему телефон, свернула бумажку, сунула в карман.

-Меня дела ждут. Тебя проводить до автобусной остановки или сам ориентируешься?

-Сам.

Перед тем как уйти, Валерка буркнул себе под нос:

-Вот какая мелочная попалась! Это надо же так, а!
Когда за ним захлопнулась дверь, я теперь точно знала, почему я предпочитаю быть одна и не боюсь одиночества.
Дочка вышла из комнаты, обняла меня:
-Мам, ты чего грустная? У тебя все в порядке?
-Да, мое золотко, у меня все хорошо. Главное, чтоб тебе счастье настоящее встретилось.

- 2 -

История эта имела продолжение. Целыми вечерами Валерка названивал Валюше. Не имея надежды заполучить эту женщину, он сделал ее своим поверенным лицом: рассказывал о своей прошлой жизни, жаловался на непонимание его впечатлительной души, на людей, окружавших его, на жестокость судьбы. Особая тема была о покинутой родине. Валерка мучился угрызениями совести, что покинул горячо любимую землю, а он был русским, Казахстан считал второй родиной. Постепенно эти разговоры перешли в привычку. Валюша жалела его от нечего делать, но к себе не приглашала, не поступалась принципами. Эта телефонная дружба продолжалась бы еще долго, если бы Валюша не познакомилась с веселым парнем из бывшей Югославии. У нее начался бурный роман, плавно перешедший в разряд настоящей любви. Любовники были счастливы, щедрая Валюшина душа отдавала кусочки счастья Валерке. Валюша рассказывала ему, как ей хорошо, как ее страстно ее любит новый друг. От зависти Валерка скрежетал зубами, умоляя ее познакомить с какой-нибудь одинокой женщиной. Зная недостаток залетного, Валюша все же смилостивилась и дала телефон Эрны, женщины доброй и к тому же еще тихой, не скандальной. Эрна была родом из немецкой деревни в Казахстане. Она любила порядок и не представляла свою жизнь без крепкого мужского плеча. Похоронив серьезного, мастерового мужа, женщина напряженно ждала, когда судьба подарит ей такого же на оставшуюся жизнь. Когда Валюша предложила ей встречу с Валеркой, у Эрны от радости выпала тарелка из рук. На первый ужин она наготовила еды как на Маланьину свадьбу. Валерка же, наученный горьким опытом, и уступая настойчивым советам Валюши, купил-таки шампанского для знакомства.

Как там у них там сладилось - никто не знает. Эрна, женщина немногословная, ничего никому не рассказывала. Пожил он у Эрны пару месяцев. Этого как раз хватило, чтобы все русаки в городе увидели, что у Эрны есть сожитель. Что там произошло у них, почему неприязнительная, простая, спокойная женщина не стала жить с Валеркой, осталось тайной. Сам же он опять стал звонить Валюше, жалуясь на жестокосердную судьбу и вспоминая горячо любимую родину.

3

Приближалась осень. Дети радовались остаткам каникул, солнце оправдывало ожидания, бассейн под открытым небом наполнился загорелыми телами, и только Валерка был неукротимо несчастлив. Не получая от Валюши, занятой своим любовником, достаточного утешения

и признания собственной исключительности, он стал звонить мне. Было немного жаль непутевого претендента, немного смешно слушать его рассуждения о жизни, но в первую очередь скука и недостаток общения толкали меня поддерживать эти телефонные разговоры. Валерка просил адресок, обещал любить и заботиться о своей женщине, мечтал о ней. Однажды он рассказал, как подвернул ногу и растянул мускул. О нем некому было позаботиться: бывшая жена с детьми переехала к новому мужу на юг Германии, а сестра бывшей жены, которая жила рядом с ним, занята на работе, неблагодарные племянники забыли дорогу к его дому.

-Наверное, ты сам испортил отношения с бывшими родственниками, - предположила я.

-Да что ты! Я к ним всей душой! - заверил Валерка.

С больной ногой Валера намучился. На костылях кое-как добирался до магазина, покупал продукты, складывал их в висящий на шее пакет. Вот так и выживал.

-Ах, если бы у меня была женщина, она бы пожалела меня, накормила и обстирала. А я бы ее любил страстно каждую ночь. Как мужчина я ненасытный! Но нет для меня доли, виноват я, что не могу найти свою дорогую любимую. Ты не соглашаешься стать моей, Валюша изменила, Эрн не подходит по характеру - разные мы с ней. Дай, пожалуйста, телефончик, есть ведь у тебя знакомые одинокие женщины, жаждущие любви и ласки.

Потом обычно Валерка рассуждал о надвигающейся старости, о поддержке супругов в несчастьях и болезнях, приводил примеры, как женщины дохаживали своих любимых, вспоминал о верности декабристок. Я слушала и поддакивала, хорошо зная по себе тоску по понимающему и любящему человеку. Но в летний бассейн с Валеркой идти я не соглашалась, предпочитая своих нехитрых простых подружек. Ходили мы туда обычно по субботам.

Однажды в бассейне я встретила Татьяну - давнюю знакомую по общежитию переселенцев. Радостно обменявшись новостями, наплескавшись в воде, мы растянулись на цветных полотенцах. Таня была крупной крашеной блондинкой с серыми внимательными глазами, с аккуратным маникюром на длинных ногтях. По характеру немного консервативная, смешливая и добрая, она очень нравилась мне. Открытый бассейн был полон, народ расслаблялся на солнышке, расположившись на зеленых лужайках. Мы провели с Татьяной прекрасный день на воздухе, отдохнули и оздоровились. Таня сама рассказала мне, что недавно осталась одна, без друга. Она погоревала о том, что многолетняя дружба с монтером пропала из-за его переезда на юг Германии. Фирма уехала, и он уехал за ней. Значит, работа оказалась дороже любви! Конечно, он звал Татьяну с собой, но она не могла оставить детей, внучку и налаженный быт. Писем и звонков не нужно ей, а надо живое в руках. Таня рано стала бабушкой, охотно водилась с внучкой, ухаживала за больной старенькой матерью и свято верила, что все, что происходит в жизни – в конечном счете приводит к лучшему.

Поскольку в запасе у меня не было любовных историй, а Татьяне очень хотелось послушать что-нибудь душещипательное, я рассказала ей о Валерке. Конечно, ситуацию осветила поначалу с положительной стороны. Если захочет познакомиться, то, подумала я, отрицательные стороны характера заметит сама. Татьяна с энтузиазмом восприняла

идею встретиться с одиноким страждущим мужчиной, пусть даже и с почиканой судьбой. Ее не оттолкнул негативный опыт товарок.

-Что в жизни важнее любви? - вопрошала она меня, округлив выразительные глаза.

Я разумно отвечала, что существует многое, например воспитание детей, внуков, существует творчество, вера, чистая дружба.

-Ах, - отмахивалась Татьяна, - главное, чтоб тебя любил мужчина, а ты любила его. В этом, только в этом, и есть весь смысл жизни.

В России Татьяна работала поварихой, позже - заведующей столовой. Ей приходилось принимать на обед высокое начальство. Она знала, как и чем угодить важному гостю, понимала желания людей. Смышленная и проворная, она считала себя знатоком человеческих сердец. Здесь, в Германии, Татьяна работала в столовой местной больницы, где ее ценили за ответственность и веселый нрав.

Возле воды, на траве, мне хорошо лежалось рядом с роскошной блондинкой, тепло было не только от горящего в небе позднего августовского солнца, дороже была теплота ее сердца. Чтоб не попасть потом впросак, я решила открыть Татьяне, что Валерка патологически жаден. Не хотелось, чтобы потом она упрекнула меня в его недостатке, которого я не могла не знать.

Татьяна отнеслась к этой новости с легкостью:

-А пусть! Я не денег ищу, у меня своих вполне хватает. Его прокормлю. Мне мужика надо. Главное, ты говоришь, что высокий и крепкий. Вот это и проверю! Можешь дать ему мой телефон, я разрешаю. Много лет был один друг, теперь много лет будет другой. Так и скажу своему бывшему, мол, незаменимых нет! Ты меня оставил из-за работы, вот и спи теперь с работой! А я не буду горевать, так тебе и надо! Такую женщину, как я, найти тебе вовек не доведется! Буду теперь для Валеры варить и печь. Пусть узнает, какие блюда я умею готовить - это сказка! Пусть питается у шеф-повара высшего разряда. Всякая фантазия меркнет перед моими блюдами. А ты, Анна, приходи в гости ко мне, всегда сытая будешь! У нас с Валерой сладится, ну что нам может помешать? Никто не может устоять против вкуснятины. А ты будешь всегда желанна у меня дома за моим столом!

Я с благодарностью пожала руку Татьяне, ведь сама-то я не больно готовить люблю, все больше по полуфабрикатам специалистка. Глядя в выпуклые серые глаза веселушки, я прямо чувствовала, как обрадуется Валерка выпавшей, наконец, удаче! Себя я ощущала почти настоящей свахой. Какие еще неоткрытые таланты скрываются во мне?

4

Вечером, отдохнувшая и довольная, я позвонила Валюше:

-Как дела?

-Прекрасно, - отозвался ее голос в трубке. - Весь день грилили с моим другом и его друзьями. Он от меня не отступал, - и полился рассказ.

Я, конечно, доложила свои новости. Валюша Татьяну немного знала, как знают друг друга все русаки поколения, приехавших сюда из Союза. Это уже наши дети только кивают друг другу при встрече. Да и то не всегда. А мы-то чувствуем свою родственность. Вот так быстро идет интеграция - в одно поколение!

Валерка позвонил, как обычно, перед сном. Доложил, как провел день и завел старую песню про тоску и одиночество.

-Тебе сюрприз! Есть телефончик, - победоносно вскричала я.

Валерка задохнулся от восторга.

На следующий день в обед нарядный Валерка уже сидел за накрытым столом у Танюши и со вкусом поглощал разнообразную еду русской и немецкой кухни.

-Какой изыск! Ты выше всех похвал! - только и успевал прохрипеть он между блюдами.

Симпатичная женщина, расположенная к нему, ухоженная квартира, стол с поставленной выпивкой и закуской привели Валерку в трепет... Но долго в таком состоянии пребывать претенденту не пришлось. Татьяна, посмеявшись плоским шуткам кавалера, решительно повела его в спальню. И вот тут радостный настрой обоих сменился полным разочарованием. Наш герой позорно оплошал! Сколько ни старался он не подвести в судьбоносной акции, ничего не получалось.

-Отвык, - бормотал он смущенно. - Но это ничего... Так просто, по-первости... Потом я еще покажу, какой я! Ого-го! Все бабы визжали. Такое бывало!..

Татьяна, жаждущая продолжения отношений и ничего не получившая взамен, выкинула незадавшегося любовника из квартиры, бросив за ним в подъезд его матерчатую сумку, в которой он принес, как положено, подарок. Бутылка раскололась, по лестнице полилась жидкость, зашипела пена.

Ох, и досталось же тут мне! Страшна женщина, оставшаяся неудовлетворенной!

-Это что за кавалер такой у тебя? Порядочным людям еще предлагаешь! Ни обнять, ни поцеловать путем, ни что еще сделать! Коленками поцарапал! Жрать только горазд! Чего ходить, голову морочить, если не способен? Сиди дома один, импотент проклятый! Так раззадорил! Похваляться - это у него хорошо получается!

-Прости дуру, - защищалась я как могла. - Проверять - это не моя компетенция, Сама знаешь - у меня комплексы. Не могу предварительную проверку устраивать. Вот и получилось, что кота в мешке предложила. Я ж тебя предупреждала, что непроверенный!

Татьяна в сердцах бросила трубку.

-Ах, ты зараза такая! - закричала я вечером в трубку, когда Валерка позвонил как ни в чем ни бывало. - Что же ты меня так подставляешь! Я тебе верю, отношусь по-человечески, знакомлю тебя с полноценными женщинами. А ты меня так позоришь!

Валерка заныл свою песню.

-Что ты! Я вполне нормальный! Просто случайность произошла, так бывает с непривычки. Больно женщина страстная попалась, испугался я! Ну, ничего, я исправлюсь. Уговори Татьяну на повторную встречу, все у нас сладится! Очень она мне понравилась. Такая красивая и хорошая!

-Звони сам! Нашел крайнюю! - раздраженно ответила я.

-Она трубку не берет, когда я звоню. Буду тебе век благодарен, помири меня с этой любушкой. Это моя судьба! Я на ней женюсь!

Слушала я его и думала, за что мне такие напасти на голову? Но все же надо помогать тем, кому можешь помочь. Пошла я в гости к Татьяне - по телефону такой разговор не склеится. Как и чем убедила я женщину,

сама удивляюсь! Основную роль в ее согласии на новую встречу сыграло одиночество, преследовавшее брошенку. Милосердие наших женщин не знает границ. Поддалась и эта ягодка.

По дороге домой я зашла в городской парк. Осень завораживала печалью и нежностью. Разноцветные листья уже лежали на дорожках, по которым ступали мои туфли, шуршали и двигались, как живые. Все вокруг: небо в редких облаках, оголяющиеся ветви старых деревьев, узкая тропинка над ручьем - словно говорили мне: "Жизнь прекрасна, но она конечна. Все пройдет, все суета сует. Только Бог вечен, он предстает перед людьми своими творениями. Человек, умей же понять язык Бога!"

Гуляющих почти не было, я долго стояла на мостике, перекинутом на другую, пологую сторону ручья, всматривалась в бегущую воду. Подошла старая собака, обнюхала меня, поковыляла к хозяину. Много на моей памяти было хороших деньков, но эта прогулка как-то особенно запомнилась.

Вечером, не расположенная к разговору с Валеркой, я только сообщила ему:

-Можешь позвонить Татьяне.

Перед сном пришла мысль позвонить самой, узнать как дела, но я тут же раздумала. Так и знала, что Валерка на чем-то все равно проколется и вылетит от Татьяны. Оставалась только надежда, что теперь он по вечерам станет звонить ей, делить свои переживания на двоих. Двести лет жизни наших предков в России наложили отпечаток на их души, мы впитали в себя русский менталитет, сердобольность стала второй натурой наших женщин. Ну, какая коренная немка стала бы терпеть бесконечные рассказы стареющего ловеласа?

Надежды мои не оправдались. Татьяна, помучившись с Валеркой, отправила его восвояси, взяв с него обещание забыть адрес и телефон.

Значит, опять я была на очереди.

-Это не баба, а конь в пальто! - кричал раздосадованный Валерка в трубку. - Ей разве подойдет такая впечатлительная, ранимая натура, как я! У нее никаких духовных интересов! Я ей начал рассказывать о бедах нашей дорогой родины, о политике, о психологии, а она и слушать не захотела! Чисто физические удовольствия подавай! Зачем такие люди вообще на свете живут? Ведь они позорят высокое звание человека! Человек - это звучит гордо! Да, это Максим Алексеевич, но я с ним полностью согласен! А она - она недостойна такого звания!

Валерка не называл Татьяну по имени, повторяя "она", как будто даже имя ее было ему противно.

Я послушала немного высокопарную тираду, потом внесла конструктивное предложение.

-Послушай, Валерка, может, ты будешь дружить с кем-нибудь из своего города? Там определенно есть много одиночек, которые возьмут тебя под свое крыло. Или уже все в округе раскусили твой зловредный характер и отказались даже от мысли такой? Видимо, ты исходил ближние дорожки за несколько лет до знакомства со мной?

Валерка тихонько выругался.

-Никто меня ни под какое крыло не брал. Я сам мужик, сам опора для любой женщины. Я умею окружать заботой и вниманием тех, кто это

ценит. Тут весь вопрос в том, какая женщина! Нет путевых на моем жизненной дороге, избаловались все, как приехали в Германию! Вот в России и Казахстане, там нашего брата берегут! Там бы я прекрасно жил с любой, понюхавшей одиночество. Они после сорока лет мужиками не разбрасываются! А тут мучаюсь один, ни с кем разделить свое горе не могу. А дома я все сам делаю, я хозяин хороший, хоть стирать, хоть убирать, хоть варить. Я знаешь, какой супчик заварганиваю! А картошечку как жарю! А таких, как Татьяна, у меня в городе пруд пруди. Такие не нужны мне! Они ограниченные, а я натура утонченная, мне необходимо разнообразие интересов по большому счету. -Валерка всхлипнул.

Но я не сдалась.

-Не звони ты мне больше, прошу тебя, - взмолилась я. -Не могу я грузить твои проблемы на себя, я не верблюд. Есть же интернет, ищи себе сам знакомых. В такие годы мужчин намного меньше, чем женщин. Вот и найдется похожая на тебя. Определенно где-то есть женщина твоего уровня и интересов. А у меня нет никаких телефончиков для тебя, и я не сестра милосердия перевязывать тебе раны.

Тут Валерка не на шутку обиделся.

-Хрен с тобой! Ты такая же балда, как и все твои подруги, только еще хуже - никого себе не ищешь! - В трубке раздались жалобные гудки.

Я облегченно вздохнула.

5

Пару месяцев о Валерке ничего не было слышно. Иногда Валюша спрашивала, как и что с ним, но я только покачивала головой. Валюша с другом иногда приглашали меня к себе на выходные, мы грилили в хорошую погоду.

Однажды в центре города в магазине я столкнулась с Татьяной. Высокая, круглолицая, румяная - кровь с молоком - она дернула меня за рукав у полок с крупами.

-Привет, Анюта! Как живешь? Полюбуйся на моего нового друга! - она с гордостью кивнула в сторону крепкого сероглазого бородача. - Из кучи объявлений в газетах выцепила! - радостно сообщила мне она. - Вот ездим теперь в выходные по округе, краеведами сделались. У него страсть - все новое узнавать о Германии. Ну и я с ним. Инженером на фирме. А какой мужчина! -она округлила и без того круглые глаза. - Сказка!

Я понимающе улыбнулась. Неприятное чувство зависти выпустило коготки в мое сердце - мне бы тоже хотелось иметь такого умника и силача. Но я тут же строго оборвала эти думки и стала усиленно отыскивать на полках кус-кус.

Вечером, лежа на диване за просмотром очередной серии по русскому телевидению, я положила телефонную трубку рядом на столик в надежде, что кто-то вспомнит про меня. И точно! Раздался звонок, и на черном поле телефона высветился номер Вупперталя.

-Валера, ты? - спросила я с любопытством.

-Я, подружка моя! Кто же еще тебе позвонит, бедняге одинокой? - бодро заговорил Валерка, растягивая гласные.

-Ты что, напился? - удивилась я. Валерка никогда раньше не звонил мне выпивши.

-А в чем дело? Я взрослый человек, могу себе позволить! Какое-то недовольство с твоей стороны? Я не понял! - он явно торопился сказать мне что-то важное.

-Ну ладно, что там у тебя? - спросила я миролюбиво.

-Мы ходили с коллегой в выходной на набережную в Дюссельдорфе. Пиво пили на берегу, то да се, и знаешь кого встретили? Угадай!

Я сразу догадалась.

-Татьяну с другом! Я сама их сегодня в магазине видела.

Валерка заныл, застонал в трубку:

-Вот паскуда! Меня бросила, изменяет с племенным жеребцом! Сразу видно, что у него тоже никаких интересов нет, одни животные инстинкты!

Мне и смешно, и обидно за подругу.

-Она тебя не бросила, сам оказался не на высоте. Не переключай с больной головы на здоровую! Мужчина у Татьяны хороший и умный, не чета тебе, Валерка. Прими уж эту пилюлю и не переживай ты за них так сильно! - успокоила я его.

-Я благородный, Анка. Не подумай чего плохого. Я желаю им счастья. Позвони Татьяне и так и скажи, что мол, Валера тебе счастья желает... Ну, пожалуйста. Позвони... Везде у меня несчастья, на работе шеф заедает, и ты не хочешь навстречу идти в такой маленькой просьбе!

-Позвони сам, - сказала я насупившись.

-Татьяна меня и слушать не станет! А тебя в прошлый раз во-он как послушалась! Даже второй раз меня пригласила, опять стол накрыла богатый. Теперь ей, конечно, не до меня. Жизнь идет... Может, у нее появился какой-нибудь телефончик действительно хорошей, порядочной, одинокой женщины?

У меня чуть телефонная трубка из рук не выпала.

-Опять за рыбу деньги! Неужели у тебя ничего не изменилось на личном фронте и ты не нашел себе зазнобу? Что же ты делал эти месяцы, пока не звонил мне? С кем делился всемирной печалью? - воскликнула я, позабыв на минуту, какие особенности имеет Валеркин характер.

Долго и нудно Валерка объяснял мне, что я не права в стремлении понизить его самооценку, а так же приплел Эммануила Канта и права человека. Мне это так надоело, что я согласилась позвонить Татьяне.

-Даю полчаса на разведку обстановки, потом перезвоню, - заплетаящимся языком пообещал Отелло.

Я сходила на кухню, выпила чаю, поговорила с дочкой и села за телефон.

-Добрый вечер, Татьяна!

-Привет, привет, дорогая! Как дела? Все одна? Видала моего красавца? Пора и тебе такого заводить, не век же бобылкой сидеть! Я тебе свои газеты дам. Правда, там всякой ерунды полно, казанов и потребителей куча, потрудиться надо, чтобы вытащить рыбку из пруда, но вот я вытащила. Золотую! - Она счастливо засмеялась.

Мы поболтали просто и весело. На работе у Татьяны новая шефиня, дома мама болеет, внучке отметили день рождения, в детском садике та выучила новую игру. Я рассказала о себе. Подошла очередь Валерки.

-Как там поживает мой незадавшийся кавалер? - первой спросила Татьяна. - Мы с другом встретили двух товарищей возле Рейна с

пивными кружками за столиком. Просто мимо шли, на кораблике поплавать собирались.

-Говорит, что запил после этой встречи, не может тебе простить измены, - мы посмеялись. - А знаешь, жаль мне его, человек ведь. Тоскует, на работе у него тоже не ладится. Вот бы ему такую женщину встретить, как он сам - была бы пара.

-Слушай, - горячо откликнулась Татьяна. - Валерке надо даму постарше, чтобы секс не требовала, а была бы и тем довольна, что дышит рядом. - Мне показалась эта идея интересной, я вполне согласилась с подругой. - Давай прикинем, кто у нас в городе из таких? - она помолчала, задумавшись. - Ага, вспомнила! У меня есть знакомая из русачек, полы моет в детском садике, куда я внучку забирать хожу. Ей лет под шестьдесят уже будет, Эльвирой зовут. Хорошая женщина! Сама маленькая, а прическа высокая, моложавая, одевается модно, хоть и тряпкой машет. Такая приятная! Может, стерпит его? И ей развлечение: он ей про полеты в космос расскажет, про новые научные открытия, про политику, прежнюю жизнь в Союзе вспомнит. Он ведь мастак на всемирные темы болтать.

Сказано - сделано. Забирая внучку из детсада, Татьяна поговорила с Эльвирой. Та с некоторой боязнью согласилась дать свой телефон.

Мне надо было в центр по делам, на обратной дороге я зашла к Татьяне домой. Она обрадовалась, поставила на стол рюмки и тарелки. Я хоть и была сыта, но все же присела.

-За любовь! - подняла первый тост Татьяна. - За то, что она была, есть и будет, несмотря ни на что!

Тост мне очень понравился, а вино оказалось сладким, такое я люблю.

-Мы вот дружно жили в Союзе. Много хорошего было, не зря Валерка прежнюю жизнь добром вспоминает. Конечно, и плохого много было, но мы-то были молоды, и это здорово! - Татьяна порозовела, глаза заблестели. - В нашем районе столовая, в которой я работала, заняла первое место в социалистическом соревновании. Нам присвоили звание образцовой и вручили при всем районном начальстве переходящее Красное знамя. Знамя поставили с почетом в Красном уголке. Но недолго оно там простояло, через пару месяцев его забрали следующие победители. Я что этим хочу сказать?

Я уставилась на Татьяну:

-Что именно?

-Наш Валерка как переходящее Красное знамя - передаем его из одних рук в другие, - Татьяна разлила по второй.

От возмущения я даже поперхнулась.

-Ну, нет уж! Не позорь святое понятие знамени Валеркиным именем. Мы в коммунизм истинно верили, а знамя было символом этой веры. Так что говори, да не заговаривайся! Даже после третьей рюмки нельзя себе такие мысли позволять. Районная столовая! Подумаешь, какая солидная организация! - продолжала я, не обращая внимания на Татьянины протесты.

Но ее не так легко было сбить с панталыку, она твердо стояла на своем.

-Во-первых, я никого не оскорбляю! Коммунизм - это святое дело! Но сейчас он где?.. А? Не знаешь? Знамя передавали лучшим. Вот я лучшая - у меня Валерка был. Сейчас Эльвира его получит, она значит, теперь лучшая. Эрна его имела - ей тоже есть что вспомнить. Так что не грузи,

подруга! - Татьяна весело рассмеялась. - Если Красное знамя тебе не нравится, то Валерка - вымпел переходящий. Ну, как?

Прошел месяц. Валерка подживался у следующей жертвы его потребительского отношения к жизни. Татьяне Эльвира не жаловалась, ведь сама согласилась познакомиться. Встречая бабушку с внучкой в раздевалке детсада, Эльвира лишь загадочно улыбалась им.

Приближалось Рождество. В магазинах нарядные витрины привлекали к себе покупателей, в городе встречались огромные кучи елок, продающихся прямо на улице, в домах на окнах и балконах зажигались по вечерам разноцветные огоньки. Дети радовались предстоящим каникулам.

Однажды днем, в субботу, зазвонил телефон. Валеркин голос!

-Давно ожидаю! - приветствовала я его. - Что-то не слышать было!

Валерка заспешил.

-Тоска без вас! Прямо не знаю, как жить без тебя и Татьяны! Валюше звонил, она не хочет разговаривать, говорит, не мешай - друг ревновать будет. К ней звонить мне резона нет, зачем людям неприятности приносить? Я человек с понятиями, такие вещи тонко чувствую и иду навстречу пожеланиям. Такой у меня характер! За это люди и ценят меня, я все правильно понимаю и иду на компромиссы.

Я прервала его хвастливые излияния:

-Давай рассказывай, за что тебя Эльвира выкинула? - настроена я была критично, мне было некогда, ведь скоро праздник, а у меня еще квартира не готова. Я стирала шторы, вытирала пыль на шкафах - в общем, основательно убирала. Валеркины проблемы никак не вписывались в предстоящие торжества, которые обычно проводились в кругу родни. Рождество - семейный праздник со свечами, с запеченным гусем, с подарками и сюрпризами. Валеркины планы, по моему представлению, должны были соответствовать его настоящему положению. Он живет в семье, у женщины есть дети, у них свои дети, к тому же братья, сестры, конечно, есть, вот и пусть встречают праздник дружно с новым членом их большой, сплоченной родни. Но не тут-то было!

-Зачем мне старая квашня? Ей уже под шестьдесят покатило, а я молодой цветущий мужчина. Мне только пятьдесят четыре года! - я представила Валеркину щербатую улыбку. - Разве это возраст, чтобы губить себя? Мне девки нравятся крепкие, ядреные, молодые. Давай с тобой праздник встречать!

Я чуть не упала с легкой лестницы, на которой стояла, вытирая сверху пыль на полке! Мне-то тоже уже за пятьдесят завалило, и на ядреную молодую я уж никак не тянула. Я стала уговаривать Валерку помириться, подладиться под его сегодняшнюю партнершу. Я предполагала, что Валерка за время, проведенное с нею, достал ее до печенки своим нытьем, но все же надеялась, что в праздник она его не выставит за порог.

На следующий день с утра пошел снег. В Германии за последние годы сменился климат: лето стало жарче, а зима - холоднее. Теперь приходилось по утрам долго очищать машину ото льда и снега, машина стояла на прилегающей улице, ведь место в гараже стоило дорого. Вот и в этом году Рождество обещало быть белым.

Всю неделю перед праздником по вечерам я слушала, как Валерка страдает от эстетической неудовлетворенности. Мол, его последняя женщина простая, как три рубля. Она должна ноги целовать такому великолепному мужчине, как он, а она отворачивается, характер показывает! Подумаешь, принцесса! Какие могут быть претензии в шестьдесят лет? Да и к чему можно придраться в его поведении? Так, все по мелочи. Он ведь всегда при всем: чистенький, аккуратный, руку не поднимает, водку зазря не пьет, только по основательной причине и по выходным, а если и пьет, то и ей всегда наливает. А вот не захотела она его своей родне на праздник представить! И вообще больше ничего от него не хочет. У него что, гордости нет? Ему и самому стыдно, что со старухой связался, по городу пройти невозможно. У него тут уже знакомые есть, спрашивают: "Теперь с этой кралей живешь? Эрна и красивее и моложе была!" Пришлось отпираться, что нанялся к Эльвире ремонт в квартире делать. И сразу заявку получил на ремонт, опять выкручивался, что теперь поясницу схватило, не может, мол, даже стремянку поднять.

На Рождество Валерка сидел один в своей малюсенькой квартирке в Вуппертале. Смотрел телевизор и пил пиво.

Человек живет свою жизнь. Она у него одна. Куда идет время, силы и энергия - распоряжается он сам. Тут можно посоветовать, помочь, но прожить за человека даже одну минуту еще никому не удавалось. На закате жизни каждый спросит себя сам: "А что я успел сделать по большому счету?" И многие устыдятся, что львиная доля времени ушла на никчемные дела и разговоры, а важное и нужное пропущено. А что это - важное и нужное? Я думаю то, что полезно другим людям, обществу, Богу и самому человеку, конечно. Остается память, и хотелось бы, чтобы она была светлой, чтобы кто-то шел за гробом, когда завершится эпопея жизни.

На том можно было бы и закончить рассказ о Валерке - переходящем Красном знамени, но нужно еще удовлетворить любопытство читателя. Чем же все окончилось? Тут порадовать не могу. Валерка до сих пор проживает один, все также ищет любимую женщину, жалуется на судьбу, жалеет покинутую родину, видно, родина тоскует по нему. Мне он звонит редко, обычно, когда расходится с очередной партнершей. Теперь он осваивает соседний небольшой городок, у него много хлопот, ведь от женщин, желающих поселить у себя дома видного и положительного героя, отбоя нет. Но это все недостойные кандидатуры, не понимающие сложной и тонкой конструкции Валеркиной души! Так что вопрос, чем дело кончится, чем сердце успокоится, остается открытым.

ЗОЛОТЫЕ СЕРЕЖКИ

Лизочка навзрыд плакала в аэропорту города Гановера. Она не замечала пестрой толпы, которая, сочувствуя, медленно обтекала ее со всех сторон. "Ах, нет же, нет ..." - только и приговаривала она, сжимая и комкая в руках мокрый платочек. Яркие витрины тысячами солнечных зайчиков посылали ей свои сладкие приветы, блестящие тяжелые самолеты прямо в уши напевали о далеких странствиях, апрельское

утреннее солнце нежарко колыhalось в огромных стеклянных переходах. Женщина не воспринимала ничего - она плакала.

Лизочка, невысокая, ясноглазая шотенка, работала учительницей начальных классов в большом поселке недалеко от Семипалатинска в Казахстане, ее муж, Виктор, мускулистый крутолобый брюнет - таксистом, у него было полно знакомых в поселке. И хоть она была уважаема за долголетнюю, добросовестную работу в школе, и дети ее повзрослели, но знакомые звали ее просто Лизочкой, это было так естественно для всего располагающего к доверию облика. Уже после первых фраз с Лизочкой любому становилось понятным, почему маленькие ученики так самозабвенно любили ее, и, вырастая, не забывали. Людям всегда хотелось сказать ей что-то хорошее, чтобы она улыбнулась.

Еще в самолете Лизочка продолжала тайно надеяться, что Виктор согласится поехать к ее отцу, а не к своей родне: ведь муж же, двое детей нажили, ведь Германия все-таки, надо начинать все чуть ли не с нуля, а отца-то не бросишь одного, не старые перчатки. Ах, эта новая жизнь! Мысли о ней страшили Лизочку, она боялась загадывать вперед.

В самолете она летела впервые. Все нравилось ей: безграничность неба, белые полосы облаков, зеленая земля и безмерность моря. Улыбчивая стюардесса предлагала еду и напитки. Сын, сидевший рядом, совал ей оружие наушники, а дочь весь полет проболтала с ровесницей-соседкой. Муж дремал. Она смотрела на знакомое, усталое его лицо и ясно сознавала, что ничего нового от него она уже не услышит, никогда ничего другого не может быть в принципе. Все те же споры, упреки, те же закатанные, как шарики, слова...И надо снова копить деньги, снова варить, кормить, мыть, чистить и слушать надоевшее бахвальство, пустые рассуждения и вечные поучения. Раздражение, такое обычное, как сама жизнь, охватило ее. "А все же не одной хлебать чужие харчи", - подумала она и взяла с колен мужа газету. "Казахский рабочий" сообщал о забастовке диспетчеров, о передвижках в правительстве, о причинах задержки заработной платы. Начало девяностых, разброд в стране... Пробежав глазами по заголовкам, она вздохнула. "Нет, не согласится!" - екало сердце в тяжелом предчувствии.

Лизочка с мужем и двумя детьми, как и многие семьи казахстанских немцев, переезжала жить в Германию на родину предков в надежде на лучшую жизнь. "Обживемся, где наша не пропадала!" - подмигивал Виктор. - Не все в навозе копать, пора Европу покорять, пока есть чем!"

Лизочке жалко было своего дома, который они с мужем строили сами. С таким трудом поднимали стены, ставили крышу! Лизочка заправски штукатурила стены. Вместе с мужем налаживали хозяйство, работали в огороде. Сначала доченькины ножки затопали по половицам, потом сынок загорланил в дому. "Хозяином будет, весь в папку!"- хвалился Виктор, но Лизочка видела, что мальчик растет добрым, открытым, только внешне похожим на отца. "Светлячок ты мой ласковый",- прижимала она горячее тельце. Дети и жила. Все успевала Лизочка, болеть некогда было. Мать умерла вскоре после Лизочкиной свадьбы, отец женился, жил замкнуто, никогда ни на что не жаловался, Лизочка сама догадывалась, как нелегко ему со сварливой женщиной. Мачеха уехала к детям два года назад, так и оставшись чужой для Лизочки. Отцу

было почти семьдесят, когда он засобирався в Германию. "Поеду... Хоть умру там, ведь сам я немец". Викторова родня снималась с обжитых мест и селилась кучей под Мюнхеном.

Однажды вечером, устав от повседневной работы, Лизочка вышла на крыльцо. Мысли покатались по накатанной колее. "Виктор опять подработку нашел - поздно, а его все нет. Копит, мало ему, а где они - деньги? С инфляцией в сбербанке сгорели, запил со злости, работу бросил. Потом снова - работать, копить. Теперь без толку в заначке пролеживают. Экономит на мелочах, за пятнадцать лет совместной жизни золотых сережек не подарил! "

Ночь заморожено смотрела на Лизочку тысячами блистающих звезд, из огорода несло сыростью, пахло землей и помидорным листом - после школы Лизочка пасыновала помидорные кусты. В сарае шумно вздохнула корова, прогоготали гуси. Издалека слышались чавкающие по грязи шаги. На окраине поселка в такой час звуки разносятся по всей округе. В ворота брякнуло кольцом.

-Это я, Лизочка, - отец выглядел взволнованным и каким-то растрепанным.

-Что с вами, папа? Случилось что?

Отец подал конверт. В свете звезд, странно и чуждо высветился обратный адрес - "Deutschland".

-Папа, как же вы одни-то?

Рука у отца такая легкая и теплая. Он погладил Лизочку по голове, словно девочку маленькую.

-Уеду, милая. Не тебе рассказывать почему. Вот и брата троюродного поведу, познакомимся на старости. Поди, у него другая жизнь была. Поможет поначалу, а нет - всяко дотерплю до твоего приезда. Не помру без тебя, обещаю. Ты уж дочка, как хочешь делай, я в твою жизнь никогда не вмешивался, только знай, дождусь я тебя. Никого у меня кроме тебя нет, - у отца перехватило горло.

Лиочка понимала, что у него не хватает мужества говорить о Викторе, и была благодарна отцу за это. Она прижалась лицом к рубашке, которую сама же и стирала, и вдыхала родной запах, не замечая, что рубашка на груди стала мокрой.

К зиме отец уехал. В поселке к его отъезду относились по-разному. Соседка, что жила через плетень, вытряхивая золу из ведра в огороде, громко крикнула Лизочке:

-Что, отец с родины уехал? Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит!

Лизочке хотелось спросить: "Какого волка? Кто кормил? И когда кормил?" - но она промолчала. Многие люди находили отъезд нормальным явлением, они стали привыкать, что с открытием государственной границы, народ разъезжается кто куда может с отравленной военным полигоном семиполатинской земли. Некоторые откровенно завидовали. В учительской на перемене завуч при всех громко спросила:

-Ну, Елизавета Эдуардовна, планировать вам уроки на следующий год? Еще не едите? Что вам в глуши нашей тут делать? О чем родственники пишут? Как устроились? Там это быстро...

Лизочке хотелось сказать: "Я родилась здесь и за всю жизнь ни разу никуда не съездила". Но она опять промолчала.

Дома дочка вечерами рассматривала атлас мира, разыскивала Париж, Рио-де-Жанейро, Карибские острова. Лизочка жила как на автопилоте, ежедневные события перестали интересовать ее, она ждала чего-то глобального. Муж, читая письма тестя, темнел лицом: "Козел старый! Уже в новой квартире оттягивается... А мы тут все навоз пинаем!"

Каждый день он сам открывал почтовый ящик, запрещая другим это делать. Его родственники присылали письма, хвалились жильем и машинами, некоторые уже работали, но о работе писали мало.

Ранней весной пришел, наконец, вызов. Виктор не спешил растолкать нажитое добро по людям. По выходным он брал по договоренности с начальником смены машину и ехал на базар. Допоздна простаивал там, торгуясь за каждую мелочь. Покупателя на дом и на своего красного "Москвича" он нашел задолго до вызова. Взял хорошую цену и заключил договор, что будет до последнего жить своем доме. Лизочка слушала страшные рассказы, как бандиты убивают русских немцев за деньги перед отъездом в Германию, она боялась рэкета, криминала и всех подряд. Но Виктор не боялся никого.

-А пусть приходят за моими кровными, у меня для них угощение припасено!

В сенях у него лежал смазанный обрез.

-Вот этими руками нажито. Не гоже бросаться нам добром, не дети миллионеров... Нам с матерью никто ничего задарма не давал, все горбом заработано. Ты вот так сумей, - поучал он сына, сидя за столом после работы.

Он выпивал свою "законную" стопку водки, смачно закусывал домашними соленьями, огурчиками с хреном, помидорами с вишневым и смородиновым листом, квашенной хрустящей капустой. Борщ он любил горячий и густой, "чтобы ложка стояла", а мясо - чтоб было хорошо проваренным и без прожилок.

Теперь он стоял рядом и смотрел на нее презрительно и властно.

- Хватит реветь-то, не в сарайке у коровы, людей бы постеснялась! Сказал, поедешь со мной в Мюнхен, значит, баста! А твоему старому хрычу давно пора копыта отбросить, порядочные люди и не живут столько!

К толпе русских немцев, прилетевших самолетом, подошел румяный немец из переселенческого лагеря Фридланда и стал выкрикивать фамилии по списку. Русаки, высывая головы из-под груды чемоданов, мешков и сумок, поминутно одергивая детей, боялись пропустить свою.

Виктор подхватил тяжелый чемодан, туго перевязанный ремнями.

-Мы поедем к отцу, - прошептала Лизочка.

-Смотри, пожалеешь, да поздно будет...

Дети энергично обсуждали достоинства многочисленных машин - им было не привыкать к сценам между родителями, а вот великолепие блестящих "иномарок" было им в новинку. После почти пятичасового сидения в душном салоне самолета они с радостью впитывали в себя яркие краски витрин аэропорта, разнообразие лиц и одежд, как будто чужую, но знакомую речь.

-Упустишь мужика, останешься одиночкой с двумя детьми! А такие, как я, на дорогах не валяются даже в Германии!

Лизочка перестала плакать, будто заснула стоя. Виктор насмешливо ухмыльнулся, кивнул в сторону детей:

-Денег с меня не получишь, не мечтай! Твоя инициатива развода!

Лизочка отрицательно покачала головой.

-Ну, делай, как знаешь... Поклонишься еще! Посидишь без копейки да без мужика! А сейчас шевелись: вызов на семью записан, документы все у меня, тебя без бумаг не то, что в автобус - назад на родину не пустят! - Виктор, не оглядываясь, направился к автобусу.

Он забрасывал раздутые чемоданы в огромное пузо автобуса, и во всей его повадке сквозило: " Мои чемоданы. Мои деньги. Сам себе хозяин теперь!"

-Кончай лопотать, шеф! Трогай, наши все дома! - громко пошутил он.

Лизочка не могла поднять глаз на мужа. Так, смотря себе под ноги, она двинулась к раскрытой двери автобуса. Дети занимали свободные места.

Автобус выехал на автостраду, помчался по ровной широкой дороге к месту назначения.

Устроились в общежитии, народу было много. Поток приезжих из бывшего Союза ширился. Виктору и Лизочке с детьми выдали постельное белье и талоны в столовую. Хотя супруги еще лежали в рядом стоящих кроватях, но глубокую трещину в их отношениях чувствовали и дети, и окружающие. С раннего утра начались походы по кабинетам. Нужно было заполнять бланки различных документов. Казалось, это никогда не кончится.

Через пять дней их перевезли в транзитный лагерь Унна-Массен в небольшом городе Хамме. В этом лагере царили другие порядки. В небольших уютных домиках расселяли в комнатах, по три семьи на кухню. Посуду и постельное белье выдали сразу по приезду. В бухгалтерии получили деньги на питание, одежду выбирали в социальном магазине. Огромная территория была обнесена забором, но ворота не закрывались, и в любое свободное время приезжие гуляли по улицам города. Одинаковые, почти игрушечного вида домики, окруженные молодыми деревцами, составляли контраст двум огромным зеленым зданиям социального обеспечения, которые своей солидностью возвещали всякому о важности порядка в документах. А заполнять документы люди ходили с раннего утра до пяти вечера.

Стоя в очередях к разным кабинетам, Лизочка знакомилась с новыми людьми. Все открыто рассказывали свои истории, были готовы помочь друг другу при заполнении анкет, понимая, что сидят в одной лодке. Эта душевная близость с говорящей и колышущейся массой людей не давала Лизочке думать о личном одиночестве, вскоре ожидающем ее. Она услышала столько всяких историй, что будь она писательницей, хватило бы описывать их до конца жизни. Когда встал вопрос, в какую землю ехать, Виктор и Лизочка указали разные области - он к своей родине, она - к отцу. Их посылали из кабинета в кабинет, где они объясняли, что вместе жить не будут, убеждали чиновников уступить их просьбам. Люди, приехавшие в одно время с ними, уже давно были распределены, а они все заполняли бумаги. Лизочка делала это с терпением учительницы, Виктор же открыто нервничал и горячился.

Знания языка хватало обоим, и желание расстаться было обоюдным. Во время преодоления бюрократических препятствий, супруги даже стали единомышленниками, они перестали ссориться, каждый смотрел вдаль и видел новую жизнь абсолютно свободной от всего прежнего. Эта жизнь звала и манила радостью, обещала неиспытанные наслаждения и вечную жизнь под солнцем.

И хотя погода в основном была серая и дождливая, но воздух свободы и вот-вот исполненных надежд, расширял легкие и кружил голову. Все казалось свежим, как распутившиеся листочки на деревьях, как анютины глазки на газонах лагеря. Этим же воздухом дышали и дети. Развод родителей казался им продолжением изменяющегося вокруг мира. Четырнадцатилетняя дочка вникала во все мелочи быта на новом месте, сын же философски рассуждал о глобальном.

"Это теперь моя земля, - думала Лизочка. Радостное возбуждение, охватившее ее по приезду, не проходило. - Все само собой устроится к лучшему. Скоро увижу отца! При первой возможности куплю себе золотые сережки!"

У женщин, сидящих в кабинетах, в ушах красовались золотые сережки, на пальцах кольца с камешками и без. Золото имело странный светло-желтый цвет, вроде не золото вовсе, а поддельные побрякушки, но они все равно нравились Лизочке. Многие женщины, из приезжих, носили золотые украшения красноватого оттенка - союзное золото. Лизочка замечала формы колечек, сережек и медальонов, мысленно примеряя всю эту красоту на себя. Уж теперь никто, никто не будет укорять ее за расточительность!

После месяца хлопот, однажды в полдень, Виктор зашел на кухню. Три хозяйки, стоящие у плиты, одновременно повернулись к нему.

-Уезжаю! Мой автобус на юг Германии идет через полчаса. А ты, Лизок, оставайся. За тобой приедут! Скоро теперь! Все как договаривались... Иду складывать вещи! - громко, чтобы все слышали, проговорил Виктор.

-Будь счастлив! - Лизочка не отвела глаз.

Твердые шаги удалились.

-Подумай сто раз! - загалдели соседки. - Мужчина видный, хозяйственный, отец твоих детей. Развестись всегда успеешь. На новом месте одной приживаться ой как трудно будет!

Лизочка за много лет привыкла скрывать раздражение при чужих, нервничая в душе. Но на этот раз она сознательно остановила себя.

"Стоп, не только жизнь другая - я другая! - сказала она себе и почувствовала, что сила, заполнявшая ее в последнее время, не ушла из сердца. Лизочка перевернула оладьи на сковородке и с улыбкой сказала женщинам:

-Не пропаду! И одна не останусь!

Лизочка вернулась в комнату, только когда за Виктором захлопнулась дверь.

Вокруг валялись вещи, а сумки, в которой хранились деньги за проданный дом и машину, не было. На столе ничего не лежало. Лизочка тихонько опустила на кровать, обняла подушку и заплакала. Она плакала о тех годах, что прошли, о тех заботах и делах, что остались без признания мужем. Но вот о себе, теперь одинокой и бедной, она не плакала. Надежда на новое счастье себе и детям, светила ей звездочкой на небосклоне развода.

ВСТРЕЧА

В это утро Лиля страдала. Не оттого, что слово “безработная” резало ухо приставкой „без“, как безотцовщина, бездарность, беззащитность, да и мало ли понятий с этой приставкой, вызывающих комплекс неполноценности, нет, она страдала от гнетущей тишины в квартире, от нее она и проснулась. Это все нервы! А ей ли унывать? Здоровье есть, молодость хоть и не первая, но и не последняя... Жизнь в зените! Надо только встать, просто встать с кровати и приняться за дела. За какие дела? На работу не надо, фирма обанкротилась, ее уволили. Ну что ж такого? Не она одна - все повывлетали. Ах, какое ей дело до других, как ей справиться с этой бедой? Как найти работу, когда вокруг полно таких же, ждущих любого места в любом предприятии? Нет, она не валялась в постели, как иногда по выходным, теперь она лежала, прислушиваясь к тяжелому, просто неподъемному чувству собственной ненужности, столь чуждому ее деятельной натуре.

– Ах, Лилия. Лилия, Лилечка, давай, дружок, вставать, давай, не будем, Лилечка, зарядку забывать!- пропела она себе под нос. Но эти бодрые строчки не разогнали безмолвность квартиры, как бы обреченной сегодня на присутствие хозяйки в неурочные часы.

– Понедельник – день тяжелый, стала успокаивать себя Лилия, но и его переживем! Голова болела, все тело ныло. Она протянула руку к пульту управления, нажала кнопку, и экран телевизора засветился ярким пятном на фоне сумрачного декабрьского утра. Русская программа подчевала новостями, и далекая московская жизнь становилась важнее здешних, насущных проблем. Одна передача сменяла другую, а Лилия все лежала под пушистым теплым одеялом, и возможность ничегонеделанья постепенно овладевала всем ее существом.

До обеда шли интересные передачи, а потом друг -телевизор заскучал. Лилия, наконец, встала, съела гамбургер, как обычно в это время в фирме, и принялась обдумывать свое положение. Безработная – это не смертельно. Придется ужаться в бюджете, зато есть куча времени и можно чаще бывать у Верки. Верка обрадуется, ведь у нее свободного времени много: работает на полставки, по- немецки называется мини-джоб.

Лилия надела нарядный светлый свитер и брюки со стрелочками: Верка сама модно одевается и любит, когда другие за собой следят. Подкрасила веки тенями, чуть оттонировала губы блеском и набрала Веркин номер телефона.

– Привет, подружка, - с улыбкой, как будто та могла ее видеть, начала Лилия. – А я к тебе. Сама понимаешь, день безделья и свободы надо отлично провести! Предлагаю поход по магазинам, ведь раньше мне особо ходить некогда было.

– Да что ты, Лилек, у меня дела, – раздалось на другом конце провода. – Прости, вредную, но убираю и варю: вечером Эдик придет, нужно все успеть. А мы с тобой вчера хорошо время провели: и в центр города съездили, и вечером классно посидели, правда же?

– Это верно, погуляли до упада, отличное рейнское вино! Банкротство фирмы отметили не плохо. – Возникла долгая пауза. – Да что ж я сейчас делать-то буду? – Голос Лили дрогнул.

– Это проблема только поначалу в тупик ставит. Потом опять времени хватать не станет, – миролюбиво заметила Верка. – Читай, смотри телевизор, шкафы повыгребай, а главное, просмотри прессу, поищи знакомства по объявлениям. Я же еще вчера тебе про это толковала. Наглядный пример – мой Эдик. Ну, тебе он не по вкусу - прост слишком. Зато как мужик хороший, дай Бог, чтоб тебе такой попался. Давай, действуй! Чуюс! – И трубка предательски замолчала.

Немного покрутившись по квартире, Лиля открыла русскую газету и сразу же наткнулась на рубрику „Знакомства“. Внимательно прочитала колонки объявлений, стараясь по тексту представить себе соискателей. Потом обвела кружочками тех, кто соответствовал возрасту и интересам. Национальность значения не имела, так как она считала, что количество дураков в каждой национальности приблизительно одинаково. Кто ж будет ее первым претендентом? Лиля закрыла глаза и ткнула ручкой в раскрытый лист газеты. Немного дрожащей рукой набрала указанный номер.

-Я по объявлению из газеты, – начала она нерешительно.

-Опять... – отозвался раздраженный мужской голос. – Когда это кончится? Объявление подал полгода назад. Я женат уже, а эта катавасия все продолжается! Хоть номер телефона меняй!

-Поздравляю, – нашлась Лиля и тихонько положила трубку.

Она не раздосадовалась на сердитого мужчину, а только про себя еще раз – первый пример был Веркин Эдик – отметила, что положительный результат газетных встреч существует на практике. Несколько следующих номеров были заняты, несколько – отключены. Лиля сходила на кухню, выпила стакан чаю с конфетой и вернулась к своему захватывающему занятию. Пару часов провела она в беседах с разными людьми, с интересом наблюдая, как быстро, по первым репликам открывается характер человека. Ни одной встречи назначить она не смогла, так как многие претенденты жили далеко и приехать не соглашались. Кроме расстояния, была еще одна причина, по которой Лиля не хотела назначить встречу: примитивизм общения. Ей хотелось бы говорить о чем-то важном с мужчиной, не застревая на будничных вопросах, поэтому мямлящих, грубых и ограниченных она отметала, как непригодных для совместного будущего.

– Так, что еще есть? – Лиля просмотрела все газеты и журналы, которые были дома. И звонила, звонила... Вот еще один претендент: ну, прямо мечта: высок, строен, интеллигентен, текст с мягкими оборотами речи... Каков вот только он на самом деле?. Написать можно все, что угодно, бумага-то стерпит! И что важно, обращаться можно не по шифру, а по телефону. Местный немец. Лиля набрала указанный номер хенди:

– Господин Шварц у аппарата, – тут же отозвался низкий голос.

– Я по объявлению, можно поговорить? Но может быть, вы очень заняты, я перезвоню, – засомневалась Лиля.

– Все о, кэй! – спокойно отозвался новый знакомый.

– Объявление я прочла в русскоязычной газете. Это что: дань моде или собственное убеждение, знакомиться с русскими? – кокетливо спросила она, сама удивляясь тому, как легко и быстро стала говорить с незнакомыми мужчинами.

– Скажем, убеждение, – отозвался тот. – А вы прекрасно владеете языком, говорите без акцента.

– Работа помогла, приходилось с клиентами разговаривать.

– Вот как? Что же это были за клиенты? Очень интересно! – закричал в трубку мужчина.

– Успокойтесь, это не то, что вы подумали! Наша фирма выполняла заказы по строительству.

– Ах, вот так! А в каком городе вы живете, –перешел он на деловой тон.

Лиля назвала небольшой городок, где благополучно прожила уже целых три года.

– Рядом, – обрадовался немец, – всего полчаса на машине. Сегодня в девятнадцать часов я приеду к вам. Говорите адрес.

На минутку Лиля заколебалась: вот наступит вечер, представила она, и у нее в доме появится человек, который не известно на что способен, может быть, даже опасен. Предположим, он окажется благородным рыцарем, и, тем не менее, она не хотела бы его увидеть у себя дома так сразу.

– Что-то не так? – терпеливо спросил Шварц -Может быть, лучше для начала в ресторан? Подберите по Вашему вкусу. Я угощаю.

Лиля воспряла духом. В двух кварталах от ее дома находился итальянский ресторанчик, в который они с Веркой и Эдиком изредка заглядывали. Этот подойдет для предстоящей встречи!

– Ресторан „Naroli“! – Лиля хотела описать, как лучше добраться, но автомобиль немца оказался оснащен системой „Навигатор“. – Да, и захватите с собой какую-нибудь газетку, чтоб я смогла вас опознать, –предусмотрительно подсказала она.

– Непременно. До встречи.

– До скорого. Чус!

Она нажала кнопку отбоя. „Серьезный, но и с юмором, сообразительный, работающий, материально обеспечен. Чего еще желать? Посмотрим, чем это обернется...“ И Лиля занялась домашней работой. До семи часов вечера время пролетело незаметно: Лиля перебрала одежду в шкафу, ненужное отнесла вниз, в подвал, там, заодно, пересмотрела вещи на полках, упаковала мешок для Красного Креста. Потом она приняла душ, предварительно перекусила, чтобы не показаться голодной незнакомому человеку, долго и тщательно красилась перед зеркалом, ведь макияж должен быть почти незаметным – в Германии не любят кричащих красок на лице, тщательно расчесала светлые волосы. Еще раз взглянула в зеркало: глаза блестят, губы бантиком. Наконец, довольная своим внешним видом, вышла на улицу. Два квартала она прошла пешком, сама улавливая, как упруга ее походка, как свободно и легко дышит грудь.

„Верке не сказала, что пошла на свидание! Пусть целуется со своим примитивным Эдиком, раз для меня сегодня у нее времени не нашлось. Зато завтра завалюсь к ней с новым знакомым, вот обомлеет, как это я в первый же вечер друга завела,“ – радостно думала она, вспоминая толковую речь и низкий приятный голос незнакомца. Редкие прохожие, ярко освещенные витрины магазинов, поток машин не мешали мыслям, а только радовали ее. Интуиция подсказывала ей, что вечер будет необыкновенным.

Лиля ждала недалеко от входной двери ресторана и не нервничала: немец явится пунктуально, хоть и из другого города. На площадке у ресторана припарковывались различные автомобили. На солидные „Мерседесы“ и БМВ она засматривалась, ей казалось, именно на такой машине явится ее будущий друг. Может даже муж. Может, отец ее будущего ребенка, муж, о котором она так давно и страстно мечтает. Он, конечно, прекрасен, умен и щедр...

„Очнитесь, женщина, вам что, семнадцать лет?“ – одернула она сама себя. В холоде декабрьского вечера, в свете фонарей мир лежал перед ней раскрытою книгою, наполовину прочитанной.

- 2 -

Он вышел из красного спортивного „Форда“. Высокий, элегантный, он протянул в приветствии руку, ласково посмотрел в глаза.

– Здравствуйте, прекрасная незнакомка. Господин Шварц к вашим услугам.

Крепкое дружеское рукопожатие закрепило первое приятное впечатление. В ресторане Лиля заказала рыбную пиццу и салат, Шварц налег на мясное. Лиля с удовольствием пила белое вино, мужчина пил минералку. Разговор вертелся вокруг работы. Было заметно, что новый знакомый не торопится задавать важные вопросы, - так, болтает о пустяках. Как ни странно, взгляд его не был ни значительным, ни испытующим, каким он должен бы быть по Лилиному разумению.

„Какой красавец, как обходителен и один, ищет себе половинку по газете – просто прикол! Может ли такое быть?.. Его надо осторожно расспрашивать, не впрямую!“

– Вот думаю, не завести ли собаку, – проговорила она вслух, – чтобы не так скучать дома. Все же живое существо в квартире, а то одуреть можно от пустоты. Как вы считаете, господин Шварц, это выход из положения? – лукаво спросила Лиля.

Тот улыбнулся.

– Я вам такое предложу, что забудете про собак, некогда по подружкам бегать будет. Я ведь с Вами по делу встретился.

Лиля от удивления забыла закрыть рот.

– Да, моя милая собеседница, у меня уже есть подруга, и прекрасная, надо сказать. Кроме того, у меня есть дети от двух браков. Я благополучно разведен и помогаю моим бывшим женам воспитывать наших детей. Да, милочка, вот такая ситуация. – Он продолжал ласково смотреть на обомлевшую Лилу. – Пару месяцев назад я встретил русскую женщину, которая меня обворожила.

– И Вы сейчас с ней? – в тон ему спросила Лиля

– Именно, – спокойные серые глаза незнакомца светились довольством, он явно наслаждался произведенным впечатлением.

– Зачем же Вы здесь? – Лиля сердито бросила салфетку на стол. – По какому праву Вы мне голову морочите?

Шварц несколько не смутился:

– У моей подруги, кстати, ее зовут Ириной, есть небольшое предприятие. Там нужны

работники, а где же лучше всего узнаешь человека, как не в свободной атмосфере хорошего вечера? Возможно, Вы станете коллегой Ирины, будем вспоминать приятный вечер, хотя бы вот этого смешного официанта.

За соседним столиком сидела пара пожилых немцев, им услужливо улыбался маленький итальянчик, у него и в самом деле были очень смешные уши, плотно прилегающие к голове, поэтому он слегка смахивал на мышонка, высунувшегося из норки.

– Так Вы, милая, согласны осмотреть место работы?

Видя, что его собеседница еще не пришла в себя, ошарашенная таким предложением, он стал успокаивать ее, приговаривая что-то о разных возможностях устройства личной жизни.

В ресторан ввалилась шумная компания молодежи. Услужливый мышонок тут же завертелся около. „Ну что ж, работа, так работа, это даже важнее,“ – подумала Лиля, оглядывая просторный зал.

– Каковы будут мои обязанности? – сухо спросила она.

– А вот это секрет! Чур, секрет! Пока своими глазами не посмотрите, ничего не расскажу, – шутливо, но твердо ответил Шварц. – Вы, я смотрю, уже поели, так давайте поедим сейчас к Ирине, она ждет нас.

В этот вечер одни сюрпризы!

– Так вот сразу? Не может быть и речи, – запротестовала Лиля – У меня важные дела сегодня вечером... И вообще, я не знаю к кому и зачем я поеду, возможно эта работа не подходит мне!

Немец наклонил голову: безукоризненная стрижка, чисто выбритый подбородок, холеное лицо вдруг оттолкнули женщину скрытым за аккуратностью пороком.

– Эта работа всем подходит, – решительно отмел аргумент Шварц. – Ты ведь русская, ну скажем так, русскоговорящая, что в принципе не меняет дела, и ты свободная, у тебя нет друга – значит, подходит.

Несмотря на разбуженное любопытство, здоровое чувство осторожности не позволило Лиле немедленно отправиться в рискованное путешествие. Они мило расстались, договорившись о встрече на следующий день после обеда.

Вечер Лиля провела в беспокойных мыслях, но подруге не позвонила – незачем интриговать, ведь неизвестно, чем обернется предстоящая встреча.

3

Осень в этом году выдалась поздняя, долго стояли теплые светлые дни и только в последнюю декаду октября пошли затяжные, мелкие дожди, как будто природа вдруг спохватилась и стала наводить порядок. Полетели по ветру листья, грибники заспешили за опятами, сумерки стали наступать раньше. Солнце будто устало за долгое лето, светило не ярко, без задора. В такую погоду начинать какое-либо дело неохота. В конце ноября выпал первый снег и быстро сошел, растворился в воздухе, декабрь принес с собой сумеречность и промозглость. Но Лиля была полна надежд на предстоящую трудовую деятельность.

„Да хоть что, только бы не дома сидеть – думала она. - Я молодая, красивая – неужели же мне не выпадет удача? И что человек без удачи? Если ее нет – не помогут ни связи, ни деньги. Удача без трудолюбия приносит нуль. А трудолюбие без удачи – то же самое! В каком-то смысле эти понятия одинаковы“

Шанс иметь работу представлялся ей неоспоримым. И если кто-то и был в этот день печальным, то только не Лиля.

Встретились они с господином Шварцем на прежнем месте у ресторана. На этот раз Лиля без колебаний уселась на первое сиденье спортивного автомобиля. Посадка оказалась непривычно низкой, музыка в салоне знакомой – пел Робби Вильямс. Лиля удобно устроилась на пахнущем кожей и дезодорантом кресле. Мотор взвыл – и мимо полетели дома, деревья, церкви,

светофоры... Не разговаривали, мотор ревел, изрядно трясло. Через полчаса остановились у неказистой пятиэтажки. На первом этаже располагалась только одна дверь, вот в нее и вошли. Сразу показалось темновато, вокруг были витрины, задрапированные дорогими тканями, внутри находились огромные вазы и всякие безделушки. По бокам стояли диваны, а со стен свешивались переливающиеся всеми цветами радуги перья павлинов. Сладкий запах духов забивал дыхание. „Чудно как-то, – подумала Лиля, готовая к любым неожиданностям. Немец взял ее за плечи и чуть подтолкнул к двери, светящейся в глубине прихожей.

– А вот и мы, – громогласно провозгласил он, открывая эту дверь.

Глазам Лили предстала следующая картина: посреди забаррикадированной вещами залы стояла крупная блондинка и отчитывала малюсенькую мулатку. Блондинка была разгорячена, на щеках ее пылали от возбуждения.

– Что значит обслужила два раза, а он заплатил за одну услугу? – Возмущенно вопрошала она тыча толстым пальцем в бумагу.– Ты что не могла ему прејскурант показать? Тут все ясно сказано!

Увидев входящего Шварца она тотчас набросилась на него:

– Без тебя тут никакого порядка, не дождёшься! Приведи в чувство клиента, объясни наглецу, как надо по счетам платить!

Шварц тут же взял документ из рук женщины.

– Не расстраивайся, дорогая! Сейчас будет все о,кей! Оставляю на твое попечение новенькую, – он кивнул в сторону Лили и тотчас же вышел.

Обе женщины с интересом уставились друг на друга.

– Очень приятно,– Лили протянула по привычке руку.

– Ирина, – усмехнулась блондинка и крепко встряхнула тонкие пальцы.

На вид Ирине было около сорока, крупные, четкие черты лица выдавали крепкий характер, крашенные прямые волосы ниспадали на спину, чуть выпуклые серые глаза смотрели испытующе, как у людей выдавших виды. Одета она была в декольтированную трикотажную блузку и полосатые брюки, на ногах – остроносые, по моде, туфли на шпильках. Рядом с ней Лили почувствовала себя совсем миниатюрной и смутилась.

– Хорошо у вас тут, красиво, – осторожно начала она,

–Только странно... Что это за офис, какой организации он принадлежит?

Блондинка улыбнулась с превосходством посвященного.

– Что, Шварц тебе так ничего и не рассказал? Ну, и правильно сделал, а то бы ты сюда и не приехала! Я таких чистюль с первого взгляда узнаю, для нашего дела не годятся! Она продолжала смотреть Лиле прямо в глаза. – А работу тебе надо до зарезу, так? Понимаю, – легко кивнула.– Деньги всем нужны. Только не все хотят честным, добросовестным трудом, как у нас их зарабатывать. Лили оторопела.

– Я именно и хотела бы честным, добросовестным трудом, – уверила она горячо.

– Да, но у нас профиль особенный, своя специфика.

– Это ничего, – зашепила Лили, – я быстро войду в курс дела, я способная, отчасти разбираюсь в компьютерных программах, вы не пожалеете, если возьмете меня в штат

сотрудников, – принялась убеждать возможную будущую шефиню Лили.

– Ну, не знаю, хватит ли у тебя способностей на выполнение нашей работы. – Давно ты разведена?

В мозгу Лили мелькнула нехорошая догадка.

– А к чему это? Какая разница? Мой бывший муж остался в России. Контакт с ним не имею.

Ирина снова усмехнулась.

– А с кем имеешь контакты? Друг у тебя есть?

– Друга, понятно, нет, а то я бы не стала искать по объявлениям.

В зал вернулся Шварц, разговор перешел на немецкий.

– Ну, на чем порешили? Не подходит?

Ирина утвердительно кивнула: – Целина неподнятая.

Шварц захохотал, откидывая назад голову, при этом кадык его неприятно двигался.

Хозяева заговорили о какой-то Насте, которая недавно была здесь и, видимо, не пришлась ко двору. Лиля вдруг обратила внимание, что окон в комнате нет, а дневной свет льется из застекленного потолка. „Странно все это“, – снова подумала она.

– Может, поставим ее дежурить на телефоне? – предложил Шварц.

– Давай.

Ирина обратилась к гостье, разглядывающей потолок:

– Конечно, оплата у тебя на телефоне незавидная будет, но нужно время, чтобы привыкнуть. А там, может быть и выпустим тебя в салон. По всякому девушки раскрываются. С виду такие неприступные бывают, а копнешь, как раз и есть наш контингент. Деньги-то они все делают, кто их власти уступить не сможет? – Она противно хихикнула.

Вдруг пелена спала с Лилиных глаз: „Публичный дом, – наконец-то догадалась она.

Ирина прочла ее мысль.

– Да, да. Жрицы любви, а что? Чем плохая профессия? Мы так же, как все служащие, выплачиваем налоги государству, оплачиваем страховки, выходим на пенсию. И не надо так пугаться, милая, мы ничем других людей не хуже. Смотри, Вальдемар, – обратилась к Шварцу, – она даже в лице изменилась!

– Да, конечно, это тоже профессия, – промямлила Лиля, вспомнив вдруг поговорки типа „Попал в кузов.... По волчьи выть... „

В задних комнатах послышался разговор, громкий смех и две нарядные путаны возникли в проеме дверей.

– Свари-ка кофе на всех, приказала Ирина маленькой симпатичной китаяночке. – А ты проходи, Добрила, – указала она другой на место рядом с собой.

Грудастая, черноглазая Добрила послушно уселась напротив Лили.

– Arbeit? Wollen arbeit? – низким красивым голосом спросила она гостью. Ирина поморщилась.

– Почти не говорит по-немецки, а уже несколько лет в Германии. Ленивая, учиться не хочет, – прокомментировала она, – Зато в работе молодец, любую услугу выполнит с отличным качеством.

– Ага, – только и сказала Лиля, во все глаза разглядывая живую проститутку. Собственно, если Лиля когда-либо и представляла себе женщину этой профессии, то она полностью соответствовала облику Добрилы: шикарная фигура, вульгарный взгляд, яркая одежда... У Лили пробежали мурашки по телу, когда она представила себе, чем конкретно занимается эта красотка.

– У нас тут интернационал, жить-то всем хочется, – словоохотливо сообщила хозяйка, – А я рада, что ты русская: хоть по-человечески поговорить можно будет. Подежуришь с хендиком, по полдня смена. Будешь отвечать на вопросы, давать рекламу учреждения и наших девушек. Вот эта комната и будет твоим рабочим кабинетом.

В цене сойдемся. Она назвала цену работы за час, и Лиля, до этого момента искавшая удобного предложения, чтобы выйти из этого вертепа, вдруг осела в кресле.

– За смену?

– За час, дурочка, – высокомерно улыбнулась шефиня. – А ты как думала? Представляешь, какие у нас заработки? Определенные удовольствия оплачиваются очень высоко!

Лиля молчала, а мысли крутились, как на карусели: „Что мне трудно по телефону поболтать? В стране безработица, работу днем с огнем не сыскать, хоть иди общественные туалеты чистить! На социальном пособии не разбежишься, да и превращаться в закостенелую социальщицу – печальная перспектива. Меня же никто в комнаты не позовет, касаться ничего не буду. Какое мое дело, чем они там занимаются, знай болтай по телефону, а деньги идут“.

– Да ты, я смотрю, не против. – Ирина одобрительно кивнула ей. – Давай я тебе помещение покажу.

Шварц наклонился к ней с высоты своего роста, дружески похлопал по руке. Добрила осталась зевать на диване.

Из таинственной прихожей зашли в первую дверь налево. Посредине довольно просторной комнаты, окна которой тоже находились на потолке, располагалась широкая кровать, застланная пестрым турецким покрывалом, сбоку стоял высокий массажный стол, напротив – зеркальный шкаф. На столике, на тумбочках – везде пестрели вазы и вазочки с искусственными цветами. Завершал меблировку современный центр с цветомузыкой. Лиля обратила внимание на толстую книгу, что лежала перевернутой вниз названием. Захотелось посмотреть, чем интересуются тут люди. Перевернула книгу -

„Камасутра“: мелованная бумага, яркие фотографии крупным планом.

– Древняя индийская мудрость, достояние всего человечества, – заметила ее интерес Ирина. – Могу дать почитать.

– Спасибо, ни к чему. Уютно у вас тут... Клиентам, наверное, нравится, – вежливо сказала Лиля, чтобы только что-то сказать.

– Клиентам нравятся мои девушки. Значительный процент клиентуры постоянный, а каждый мужчина любит что-либо свеженькое. Поэтому особенно у нас ценятся новенькие девушки. Конечно, мы, жрицы любви, – Ирина особенно выделила это определение, – солидарны. Тем и держимся! Мы регулярно меняемся штатными единицами. Для разнообразия, знаешь ли. Иначе можно растерять клиентуру. Да, вот так вертеться приходится, балансировать. Оплата помещения высокая, опять же отопление, свет, реклама, телефоны и все такое, – хозяйка отбросила с лица светлую прядь. – Надо быть компетентной во всех вопросах, иначе запросто обанкротишься.

– А господин Шварц тоже хозяин этого заведения? – выдала Лиля мучивший ее вопрос.

– Нет, что ты! Это мое детище! – гордо отозвалась Ирина. – А помощника иметь здесь совершенно необходимо. Шварца я месяца два как из клиентов подобрала. Мой прежний был толковым, но женился, идиот. Прошлось замену найти. Этот ревнивый до ужаса, работой теперь сама не занимаюсь, да и хватит с меня, по возрасту уже пора на пенсию, а он из-за ревности клиентов отпускает. Она как-то непонятно вздохнула.

Перешли в следующую комнату. Здесь обстановка была почти такой же, как в первой: кровать, шкаф, тумбочки и музыкальный центр – только все поменьше габаритами.

– И так далее, – небрежно указала на три другие комнаты хозяйка. Последняя дверь вела в кухню, где сидели уже знакомая нам китаянка, мулатка и еще одна особа, с выразительными черными глазами, обведенными карандашом. Лицо ее было, вообще, сплошным полигоном косметики.

– Здравствуйте, – неловко поздоровалась Лиля, чувствуя, как кровь прилила к щекам. „Еще подумают, что я их коллега, из новеньких,“ – не без основания предположила она.

В кухне пахло свежесваренным кофе, на столе стояли тарелочки с печеньем и конфетами.

– Несите все в зал, – указала Ирина, и девушки вышли вон.

– Нравится тебе у нас? – обратилась Ирина к гостье. Увидев нерешительную улыбку в ответ, покровительственно пообещала:

– Мы тебя тут не обидим. Не захочешь работать по профилю – знай трепись по трубке.

Зато в тепле, нигде не сквозит, кухня всегда рядышком, будешь перекусывать в течение

смены, кофеёк попивать. За такие барыши на другой работе надорвешься, а у нас, как сыр в масле... Ну, что скажешь, подружка?

Лиля улыбнулась на такую фамильярность, откровенно ответила:

– Я никогда не думала, что придется оказаться в таком заведении. Да еще и работать тут телефонисткой. Такое и не снилось мне. Конечно, для меня это совершенно невозможно. У меня другие представления о морали. Я не могу ради заработка поступаться своими принципами.

– Ой, – махнула рукой Ирина, – какие мы принципиальные! Брось ты ерунду молоть, посмотри лучше на меня. Я дом купила недавно, мебелью сейчас обставляю, вот это считается, а ты за принципы... Кого они когда накормили? Ну, ладно, не обижайся. Увидев презрительную гримасу на Лилином лице, она не вспыхнула, а только высокомерно передернула голыми плечами. – И что бы ты понимала в жизни, кроме своих принципов!

Она решительно направилась в зал. Лиля поплелась следом. В зале было весело, Шварц шутил с женщинами и те охотно смеялись. Вся компания располагалась на мягких

диванах, стеклянный столик был сервирован сладостями. У дверей за деловым столом китаяночка разговаривала по телефону. Раздался звонок в дверь.

– Клиент! – размалеванная девица поднялась и пошла на выход. Через минуту она с мужчиной удалилась в одну из комнат.

Лиля села рядом с мулаткой. Открытый взгляд ее вызывал симпатию, а ремесло отталкивало Лилю, и она никак не решалась заговорить первой. Синяя чашечка с крепким кофе оказалась как нельзя более кстати, Лиля с удовольствием глотнула черную жидкость.

– Ну, что, договорились? – повернул к Ирине холеное лицо сутенер. Ирина скептически оглянулась на гостью.

– Она подумает, – ответила хозяйка спокойно. – А сейчас отвези ее домой. Завтра в девять утра она позвонит мне вот по этому телефону. – Ирина повернулась и Лиле и протянула ей

свою визитную карточку. – Ведь так? – испытующе посмотрела она ей в глаза. Лиля хотела ответить: “Нет! Нет, конечно! Еще не хватало мне публичного дома! Как я людям объяснять буду, где я работаю! Что Верке скажу, да они с Эдиком со смеху укатаются! Как я сама себя уважать буду, общаясь целыми днями с проститутками?” Она вздохнула. Ей представилось, что она должна сейчас вернуться в пустую квартиру, где стены станут давить на нее целыми днями,

днями, заполненными бесполезными поисками работы, как постепенно безденежье опротивеет ей, и безысходность приведет в дом отчаяние. И тогда она вспомнит о теплом необычном уюте этого заведения, где к ней так добры, но поздно будет, сюда ее уже на порог не пустят, ведь все догадаются, до какой степени она пренебрегает ими.

Лиля отвела глаза, захотелось посмотреть в окно. Она догадалась: окна находятся наверху, чтобы никто посторонний в них не заглядывал. Все предусмотрено! На улице шел мелкий дождик, капли барабанили по стеклу – на сердце скребли кошки.

– Я позвоню завтра в девять и сообщу свое решение, – сказала она всем четверым, так близко сидевшим рядом друг с другом и так одинаково глядевшим на нее.

Снова раздался звонок в передней.

– Живые деньги пришли, – встала Ирина и пошла встречать клиента. После минутных переговоров в зал вошел огромный красавчик явно южных кровей с черной кудрявой шевелюрой и красными влажными губами.

– Вот эту хочу, – ткнул он пальцем Лиле в грудь.

Лилю как кипятком обожгло. Она резко отстранилась от bruneta.

– Еще чего! У тебя с головой в порядке?

Тут ей пришла мысль, что с головой у него действительно все в порядке, он ведь не в магазин пришел партнершу покупать.

Тут вмешалась хозяйка:

– Прошу извинить, эта девушка в настоящий момент не проходит по преysкуранту. Да, да, и не тыкайте, пожалуйста, пальцем. У нас большой выбор на любой вкус, для клентов все предусмотрено, будете довольны предлагаемым сервисом. Кто вас больше устраивает?

Посмотрите сюда... – она указала на сидящих на диване женщин, – У нас представлены худенькие и пышнотелые работницы различных культур, – заюлила она перед гостем.

Мужик вроде и не слышал ничего. Не отрывая горящего взгляда от Лили еще настойчивей ткнул в ее сторону.

– Сказал вот эту – значит, эту! Привет, крошка, – широкие влажные губы распустились.

– Можешь называть меня просто Али. Пройдемся до кровати, покажи на что ты способна!

Шварц явно разозлился на невменяемого клиента:

– Бери любую из этих трех девок и топай на сексринг, а именно – в комнату. Все понял?

Но Али продолжал стоять, как вкопанный.

– Ее хочу! – снова тыкнул он в сторону Лили.

Обычно у блондинок при волнении кровь быстро приливает к лицу, Ирина пошла пятнами.

– Вот наш преysкурант. Ознакомьтесь с ценами на услуги. Может, вам будет достаточно специализированного массажа? – Она сунула в руку bruneta бумагу. Шепотом обратилась к стоящей в стойке „гоп“ Лиле. – Ты хоть простой-то массаж сможешь ему сделать? Остальное девочки доработают.

– Какой массаж с таким бугаем? Я боюсь его, он завалит меня на массажный стол.

Али бросил преysкурант на пол, лист бумаги медленно улегся Ирине под ноги. Упрямец вскинул брови:

– Плачу за эту кошечку две цены. Устраивает?

Лиля сжалась, глаза ее сузились, она с ненавистью посмотрела на нахала.

– Отстань, наконец! Никуда я с тобой не пойду!

– Не хочет... Раз так, плачу три цены, но ты будешь моей! – Он решительно взял Лилю за руку.

Все три девушки наблюдали эту картину молча. Каждая выражала интерес по своему:

Добрила выкатила глаза, чуть приоткрыв рот, мулатка криво усмехалась, а китаяночка продолжала пить кофе, острыми глазками кося в сторону спорящих.

– Соглашайся, дура! – крикнула Ирина. – Не возьму с тебя налога. Все деньги твоими будут! Что тебе каких-то десять минут. Не убудет с тебя, а какой куш оторвешь!

– Давай, не теряйся! – прошипел сбоку Шварц.

Девки согласно закивали головами. Лилино возмущение достигло предела:

– Я вам не проститутка, за деньги первому встречному подкладываться! – Она отдернула руку и со всей силы закатила брюнету пощечину. Матерый бугай собрался стукнуть в ответ. Поняв это по его глазам, Лиля молниеносно спряталась за спину Шварца.

– Безобразие! Во все горло закричал разгневанный клиент. – Это за мои же деньги! Я куда пришел? В институт благородных девиц или в бордель! Что я особенное потребовал? Платите штраф за физическое оскорбление личности!

– Спокойно, спокойно! – вскричала хозяйка, втихаря шипя проклятия. – Без оскорблений, пожалуйста! Клиент всегда прав! Сейчас мы все исправим! Девочки обслужат вас по полной программе, все удовольствия к вашим услугам, будете довольны, – закудахтала она, успокаивающе оглаживая брюнета по плечу.

Лиля стояла, как замороженная, не в силах двинуться, выскочить вон и убежать из этого заведения.

В черных, круглых, как пуговицы, глазах клиента, отразилась задумчивость. Длинные пушистые ресницы захлопали, брюнет решительно взял Ирину за руку.

– Тогда тебя хочу! – выдохнул он.

– Опять двадцать пять! – Ирина выругалась по-русски. – Я не могу! Я не работаю больше девушкой. Я тут шеф, хозяйка, понимаешь? – громко, словно глуховатому объяснила она. – Вот мой муж, – указала в сторону Шварца, взъерошенного, красного, похожего на индюка. – Он очень ревнивый, не лезь ко мне, тебе же хуже будет!

– Одну нельзя, другую нельзя, чем вы тут занимаетесь? Может, я адрес перепутал? Или вы просто тут издеваетесь надо мной!

– Вали отсюда, чтоб от тебя тут духу не было! – вскричал немец.

Но клиент был, по всему видно, не из боязливых. Боевая кровь его предков кипела в жилах, ярким румянцем покрывала толстые щеки. Мощный торс, затянутый в джинсовку напрягся, он подхватил Ирину на руки и понес на выход из зала. Голова Ирины откинулась и белые волосы свесились вниз.

Шварц набросился на брюнета сзади, локтем прижал ему подбородок и потащил вниз, на пол. Воспользовавшись моментом, Ирина выскользнула из рук брюнета и бросилась в комнаты.

– Не тронь мою жену, хватит с тебя и потаскух! – вопил немец. Руки его от напряжения дрожали, вены вздулись, но он крепко удерживал на полу ворочавшегося под ним брюнета.

– Тоже мне, нашел себе жену, – хмыкнула пришедшая в себя Лиля.– Прямотаки мститель за девичью поруганную честь. Концерт да и только! Шоу какое-то! В это время клиент вывернулся из-под сухощавого, но жилистого Шварца и навалился мощным телом на него. Тяжело дыша, он ругался, обещая закрыть всю эту лавочку, в которой не выполняют взятых на себя обязательств, обманывают и бьют клиентов. Женщины верещали, тесно прижавшись друг к другу.

Бочком по стеночке Лиля прошла мимо дерущихся мужиков. Она не оглянулась, не прошла в комнату утешить хозяйку и попрощаться с ней. Просто взяла пальто с вешалки, медленно застегнула все пуговицы и вышла из прихожей в холодный декабрьский вечер.

„Дом, как дом, – подумала она, – внешне ничем особенным не отличается от других таких же. Кто бы мог подумать, что тут такие страсти кипят!“

По широкой дороге катили автомобили различных марок и расцветок. По тротуару спешили куда-то люди с будничным выражением на лицах, темно-бурые тона одежды нагоняли скуку. На ветру дрожали голые ветки редких деревьев. Серое небо низко нависало над крышами. Жизнь катилась по тому же руслу, что и час назад.

Лиле стало смешно: „Вот тебе и новая профессия, вот тебе и счастье в личной жизни! Ничего себе залетела я по этому объявлению о знакомстве!“

Куда идти, она представляла себе довольно смутно. Но всегда есть возможность спросить дорогу у прохожих. Недалеко она увидела бензоколонку и поспешила туда, узнать направление домой. Ей страшно захотелось вдруг, чтобы выглянуло солнце, ну, хоть на минуточку! Чтобы оно окатило всю округу своим веселым теплым светом. Что прошло – то прошло! И неправда, что есть „только миг между прошлым и будущим, и именно он называется жизнь“. Нет, есть наше прошлое, которое плавно переливается в будущее и определяет его уже нажитыми представлениями о мире, определяет судьбу. Как без дня нет ночи, как нет действия без последствия, так без прошлого нет будущего. А что такое миг? Это отражение нашего прошлого в действительности и залог нашей будущей жизни.

Б Е С Е Д К А

На невысоком холме в центре немецкой земли стояла прелестная легкая беседка. Восьмигранная, с черепичной крышей, она была видна с любого места широкой зеленой поляны.

«Какой великолепный вид вокруг, – гордилась беседка, – как чудесно я вписываюсь в ландшафт!» И действительно, красота вокруг была необыкновенная: новенькое здание отдыха для верующих расположилось на лесистой горе, в низине журчал ручей, вдали виднелись поля, крыши деревни и острый шпиль местной церкви. Беседка пахла струганой елью, ее волновал этот стойкий запах, как кокетку волнуют пикантные дорогие духи. «Как я свежа, как молода, какие прохладные, гладкие лавочки у меня! – радостно думала она. – Сколько интересного предстоит мне пережить, каких только людей я ни увижу на своем веку! Заходите ко мне скорее! – она ожидающе смотрела на отдыхающих, фланирующих по дорожкам из мелкой щебенки, проложенным вокруг.

Отдыхающие выходили обычно после обеда: с утра проводился христианский час, который на самом деле длился три часа, а вечером, после

ужина час этот растягивался на неопределенное время. Беседка привыкла ждать посетителей в середине дня, но заходили они очень редко и не задерживались надолго. Беседка была обычным местом встречи, откуда люди парами или группами отправлялись в лес на продолжительные пешие прогулки. Народ был разный- солидные братья-проповедники, со смиренными женами и резвыми детьми, тонконогая шумная молодежь и любознательные одинокие дамочки. Весь этот разноликий народ стоял или проходил мимо, и очень редко, совсем редко, кто-то входил внутрь беседки перевести дух после подъема в гору и вытрясти камешки из туфель.

Однажды весной, когда холм особенно ярко зеленел, и белые пятна подснежников нежно покрывали его, в беседку забежали две девочки.

-Я первая добежала! – крикнула одна, в рыженьких кудряшках и застучала ладошкой по лавочке.

-Нет, я, нет, я! – высоко зазвенел голосок другой, белобрысой, с серыми смешливыми глазами.

Девчонки оглянулись вокруг и присмирели от открывшейся вокруг красоты. Они сели рядышком на узкую лавку и обе застегнули верхние пуговицы на драповых пальтишках, чтобы прохладный весенний ветер не проникал под одежду и не уносил тепло.

-Мой папа инженер, он машины придумывает, - сказала одна заносчиво.

-А мой папа важнее твоего, он строитель, дороги строит. Сейчас автобаны – это самое важное в политике, - в тон ей ответила другая.

-Зато мой папа выше твоего, - не растерялась Рыженькая. - И у моего кудри! Мама говорит, что они золотые, как у меня. А у тебя отец коротышка и на лбу залысины.

-Подумаешь, кудри! - Сероглазка обидчиво прищурилась.- Зато у меня отец... –она замолчала, нахмурила лоб и принялась быстро соображать, какой бы аргумент перетянул все остальные доводы соперницы. – Зато мой папа – друг фюрера! – радостно воскликнула она, найдя подходящее слово.

-Фу, друг фюрера! – скривилась Рыженькая. –Мой папа сказал, что наци слишком агрессивные, это опасно.

-Какие, какие? – удивилась Сероглазка, тонкие ниточки бровей ее полезли на лоб.

-Агрессивные, вот какие! – поучающе ответила Рыженькая. – Тебе десять лет, а ты не знаешь слова агрессивные! А я знаю!

Но Сероглазку не так легко было сбить с тона победительницы.

-Ну и что! Подумаешь, не знаю! Зато за нами будущее. Мы завоюем не только всю Германию, но и весь мир!

Рыженькая весело расхохоталась.

-Весь мир! Мир, знаешь какой большой, больше нашего Нюрберга во сто раз! Какая ты придумщица! В прошлый раз придумала, что сливочное мороженое слаще фруктового, а это все враки!

Серые глаза спорщицы сузились.

-Нет, не враки, нет, не враки! Конечно, слаще! – запрыгала по деревянному полу девочка.

-Ну, и ладно! Побежали! – схватила Рыженькая подружку за руку, и они помчались по дорожке к лесу.

«Как две бабочки, легкие и цветные,» - подумала беседка и с сожалением посмотрела им вслед, она-то не умела бегать.

Потянулись долгие годы. Лес регулярно сменял свои одежды, но в целом оставался зеленым – хвойные породы преобладали. Беседка наблюдала, как менялись люди и менялась мода: платья и блузки женщин украшали многочисленные складки и оборки, обязательные высокие подплечики, мужчины же, в основном, ходили в голифе и военной форме. Менялась и беседка: горьковатый смолянистый запах ее давно разнес ветер по поляне, столбы, подпирающие крышу, потемнели от дождей, деревянные лавочки не блестели больше желтизной и почернели на стыках. Но беседка была по-прежнему любопытна и запоминала всех, кто заглядывал под ее гостеприимную крышу.

Однажды летом, в ранний утренний час, когда звонко поет хор птиц в лесу, из серого здания с высокими окнами вышла девушка в белом платье и по дорожке направилась к беседке. Она зашла, села на лавочку, облокотилась на перила, положила голову с золотым венком волос на ладони и замерла, вслушиваясь в музыку природы. Примерно через четверть часа на дорожке показалась молодая женщина в синем спортивном костюме, с серыми живыми глазами на узком подвижном лице. Она деловито шагала, поддерживая руками высокий живот, выдававший беременность. Проходя мимо беседки, женщина резко остановилась.

-Мария? – удивленно спросила она золотоволоску, и тонкие брови ее выгнулись.

-Луиза? – с той же интонацией удивления ответила девушка в белом.

Беседка напряглась, чтобы не пропустить ни слова.

-Ты когда приехала? Вечером с группой верующих? – спросила будущая мать и вошла в беседку.

-Да. Я не заметила тебя на ужине... - все еще удивленно протянула Рыженькая..

-А меня там и не было, я приболела – лежала. Теперь вот разгоняю недомогание прогулкой. Фюреру нужны здоровые сыновья, выносливые, чтобы могли воевать в любых неблагоприятных условиях, - она испытующе посмотрела на подругу детства.- А ты очень похорошела... Замуж вышла? – Тонкое лицо ее, испорченное темными коричневыми пятнами, иронично скривилось.

-Вышла. Ты помнишь Фрица с соседней улицы? Когда пошла работать в библиотеку, сыграли свадьбу. Да только недолго наше счастье длилось. Фриц мой ушел воевать, участвовал в Сталинградской битве, там пропал без вести. Жду, может быть, еще вернется, похоронок не было ведь. На отца пришла, а на него - нет. -Рыженькая тяжело вздохнула. - А ты как живешь? На каком фронте твой муж? Кого ждете, девочку или мальчика?

-Я, в отличие от некоторых, не отсиживалась в тылу. Когда отец погиб под Москвой, пошла добровольцем на фронт. Работала связисткой при генерале...Теперь ребенка для армии ношу. Рожу – сдам в детский дом и снова на фронт. Бог благославляет меня успехами во всех делах во славу Родины. Бог не оставит нашу армию, он на нашей стороне! Хайль Гитлер! – Сероглазка сняла руку с живота и простерла ее вперед и вверх.

Рыженькая удивленно уставилась на бывшую подругу.

-Ну, дела! Ты всегда была максималисткой. Неужели ребеночка не жалко? Господь не хочет таких жертв от людей. Господь – это любовь, он хочет только любви.

-Что бы ты понимала! – Серые глаза стали стальными. – Родине нужны патриоты, а не тыловые крысы, прячущиеся за подвиги отцов и мужей.

Беседка устала прислушиваться к разговору молодых женщин, она не понимала о каких военных подвигах идет речь, это сердило ее. К тому же были дела и поважнее: прилетела белобокая сорока и протараторила лесные новости, на приступочку к входу в беседку прикатился знакомый ежик, но, услышав голоса людей, превратился в игольчатый шарик и замер. Беседка улыбалась раннему солнышку, близким деревьям и кустарнику у дорожки, отряхивающему с листьев ночной сон. На аккуратно постриженной поляне весело валялось лето, разбросав пестрые цветы по газонам.

Женщины вышли из беседки по очереди: Сероглазка с гордо поднятой головой, обхватив живот, Рыженькая запинаясь, как спутанная лошадка. Одна шла по дорожке быстро, не оглядываясь, другая же медлила, тихонько шептала: «Спаси нас Господь за грехи наши тяжкие».

Эта беседка стоит и поныне. Она совсем постарела, ее много раз ремонтировали, но не сносили, уж очень хорошо она вписывается в лесной пейзаж. Все так же по осени слетают листья с буков, все так же вокруг нее стрекочут сороки, правнучки правнучек той белобокой, так же после занятий верующих подходят к беседке приезжие, ждут своих христианских братьев и сестер и уходят по дорожкам в лес. У беседки за долгие годы появилось много друзей и знакомых, но Марию и Луизу беседка не забывала. Она ждала и ждала их. А они никогда больше не появились.

Б Е Р Е З К А

Жила-была одна березка. Себя считала она уже большой, но все же до взрослых деревьев ей было еще далеко. Она очень любила солнышко, и хотя на Урале зимы суровые, но все-таки солнца хватало, чтобы за короткий зимний день налюбоваться искристыми сугробами на поляне и резным инеем на пушистых ветках. За ельником пролегалла большая дорога, и было слышно, как урчат моторы проезжающих мимо машин. Днем березка тянулась к солнышку, а ночью стыла, молча перемогая холод. Тонкие ветки ее откликались на всякое дуновение ветерка. Метелица намела в подножие ствола большой сугроб, и в нем прятался белый зайчишка. Частенько в полдень он прыгал по поляне со своими дружками, такими же веселыми зайчатами. Они оставляли следы по всей округе, хотя знали, неслухи, что хитрая лисица может подстергать их.

Так протекало время, и березка привыкла к незатейливым событиям лесного царства. Но вот однажды ранней весной, едва сошел снег, понаехали на поляну машины, а в них народу!.. Вышли на поляну тяжелые дядьки в белых рубашках и черных пиджаках, закурили сигареты. А другие людишки засуетились и стали обмерять площадь специальными метрами. Березка сразу поняла, что надвигаются новые времена.

И точно: когда появились первые нежные ландыши среди прошлогодней листвы и новых свежих трав, появились и первые строители. Они стали копать мягкую влажную землю поляны экскаваторами. Работа шла споро. С утра до вечера наблюдала березка, как трудятся рабочие на объекте. Объект – это слово звучало так заманчиво! А что ж могло бы оно обозначать? Вот была загадка всем лесным обитателям!

Между тем, весенний сок быстро бежал по стволу березки, растекался по веткам до самых кончиков. Почки полопались, и она покрылась полупрозрачной зеленоватой фатой. И другие деревья выглядели тоже очень симпатично, только старые, темные ели высокомерно взирали на поросль.

-Молодежь, - сварливо говорили они между собой, - только под ногами и путается, никакого понятия о настоящей древесине!

С утра прилетали на стройку сороки. Они строчили не умолкая, важно похаживали по горам песка и кирпича, а потом разносили новости по всему лесу. Супружеская пара белок переживала больше всех, потому что беличье гнездо находилось совсем близко от стройки, и бедные детеныши вздрагивали от шума машин и криков подкрановых. Тишина лес возвращалась теперь только с наступлением ночи.

Целое лето на поляне происходили разные события, за которыми березка с любопытством наблюдала. К осени между ее корней вырос толстый грибок с коричневой шляпкой, а на поляне вырос дом в три этажа! К дому пролегла асфальтовая дорога, по ней приезжали и уезжали строители, привозили бетонные плиты, стекло, керамику и все, что необходимо для большого строительства. Из разговоров рабочих березка научилась многое понимать: как заливать бетоном фундамент, как выводить кирпичные стены, как покрывать крышу железом. Она стала разбираться в системе отопления и водоснабжения, да так хорошо, что хоть прорабом иди работай! Такая смышленная оказалась молодая березка!

Ну и строители ее полюбили: как в полдень на обед – так все под березку! На природе аппетит лучше и еда вкуснее кажется! После еды рабочие курят и балагурят, а березка их в тени зеленых веточек укрывает и от солнца и от дождя. Мужики все крепкие да здоровые, одеты они в разноцветные майки, пропахшие потом, и синие комбинезоны. Голоса - громкие, привыкли с этажа на этаж покрикивать!

Когда полетели желтые листья, а ветер в силу вошел, здание было полностью закончено. Его обнесли чугунным забором каслинского литья. Строители сложили инструменты в машины и уехали.

Тихо стало вокруг. Снова стали слышны птичьи песни. Но теперь они раздавались в лесу редко: птицы готовились к перелету. Березка подросла за лето, вытянулась. Резные сердечки листьев срывались с веток, падали, вплетались в цветной осенний ковер у подножия. Так красиво было вокруг, что дух захватывало! В золото и багрянец оделись березки и осины, а сосны, как всегда, спокойно качали вершинами, протягивая высоко к небу оранжевые тела стволов.

Иногда березку навещал ежик. Недалеко, в кустарнике, он облюбовал себе местечко, где готовился пережить зиму. Все знают, что зимой ежи спят, закопавшись в листве. Но запасы кое-какие все же необходимы. Поэтому ежик натаскал на иголках припасы: то дикое яблочко найдет, то съедобный грибок. И те подберезовики, что вырастали под березкой, тоже себе на зимы заготовил, сначала их на солнышке просушил для хорошей сохранности. А с первыми морозами березка его уже не видела: заснул себе сладко до весны в привядшей листве.

Березка все больше скучала, стоя под тихими струями поздних дождей и опустив голые ветки. Перелетные птицы улетели в теплые края, звери попрятались от холодов, и только белый дом посреди поляны весело поблескивал стеклами окон. Пришла зима, выпал снег... Березка застыла, тихо погруженная в дремоту, укрытая серебряным покрывалом инея.

А весной снова зажурчали ручьи, запели птицы. Березка с радостью и удивлением вслушивалась, как сильные соки бежали по ее белому телу.

С приходом тепла к особняку стали подъезжать разные машины, из них выходили крупные, нарядные мужчины и красивые, говорливые женщины. Часто звучала музыка, и слышались то сердитые, то веселые голоса людей.

По утрам хлопотливая прислуга выходила на балкон, стряхивала пыльную тряпку и, оглядев поляну и березку на ней, мечтательно потягиваясь, говорила: «Хорошо!» Овчарки за железной оградой лениво лаяли.

Ближе к полудню на балконе почитывала книжки прелестная молодая женщина. Иногда она откладывала детективы в сторону, подолгу глядела на лес и шептала: «Тоска какая! И это на всю жизнь?!»

Тогда березка возмущенно шелестела юной листвой: «А я буду жить тут всю жизнь, никуда не уеду и рада этому! Посмотри, какое высокое небо! Полюбуйся, как свежий ветер играет изумрудной травой. А сколько живности вокруг! Как все интересно!»

Ближе к вечеру приезжал Хозяин в сопровождении двух мускулистых парней. Был он мужественен и красив, но сумрачный взгляд и дергающаяся походка производили отталкивающее впечатление. После ужина на некоторое время в особняке наступала тишина, но с заходом солнца были слышны грубые ругательства Хозяина и визгливые крики женщины. Они все время делили что-то и никак не могли поделить.

«Хорошо, что я не родилась человеком», - думала грустно березка, от всей своей древесной души сочувствуя людскому роду так беспутно, по ее мнению, проводящему время, отпущенное для него создателем.

В разгар лета, когда солнце из желтого становится золотым и подолгу не уходит за горизонт, в особняк зачастили черные «мерседесы». Теперь из-за забора до поздней ночи были слышны музыка и разговоры, а воздух наполнился запахами жареного мяса. Хозяин становился все более раздражительным, а молодая женщина все чаще неестественно смеялась с гостями. Гости то приезжали, то уезжали.

Хозяин стал по вечерам выходить один в лес, подолгу стоял у березки и тупо глядел себе под ноги.

-Когда же это все кончится? И здесь, на краю земли, нет никакого покоя! - бормотал он себе под нос. Иногда Хозяин смотрел на березку, и глаза его теплели. Он нежно поглаживал ее белый ствол и приговаривал:

-Одна ты меня понимаешь, только тебе от меня ничего не нужно. Я тоже хотел бы быть деревом, чтобы не знать злобу завистников и отчаяния загнанного в угол.

Два молодца стояли на расстоянии и вглядывались в лесную глубь. Один из них, коротко стриженный с лунообразным, крупным лицом, особенно не нравился березке. Но именно с ним как-то вечером красавица вышла прогуляться по лесу.

-Развей тоску, поцелуй меня, - приказала она спутнику, томно поднимая на него похотливый взор.

-Я здесь не клоуном работаю и не массовиком-затейником, - холодно ответил тот, поправляя кобуру на поясе.

-Знаю, знаю... Молодой капитализм и все такое... Как же мне надоело всего бояться, а с тобой так надежно! Мой-то все деньги не знает куда приспособить. Ему не до меня, все по стрелкам ездит. Доиграется... - Она

замолчала. – Но все же поцелуй! - Женщина протянула к парню белые руки, на ногтях безупречно лежал красный лак.

Березка замерла, ни один листок не шевелился. Даже теплый легкий ветерок смиренно улегся среди цветов на поляне.

Властно приблизив лицо-луну к себе, женщина сладко поцеловала жадные губы охранника. Минуты текли за минутами. А эти двое не отрывались друг от друга. Наконец, наваждение кончилось.

-Хватятся! – оба потные поспешили к воротам.

В эту ночь березка долго не могла уснуть. «Что есть любовь? Всегда ли оправдана верность? Почему существует предательство?» Вечные вопросы тревожили ее молодое существо. Но когда, утомленная впечатлениями и переживаниями, березка успокоила свою зеленую богатую листву и собралась уснуть, к ее тонкому стволу прикоснулась рука Хозяина. Он стоял, как потерянный, в белой рубашке навыпуск, глаза его лихорадочно горели. В одной руке он сжимал пистолет, другой гладил шершавую кору березки.

-Все одно – пропадать, так лучше уж здесь, с тобою рядом. Ты не предашь, как жена. Ты простишь, как мать. Ты пожалеешь, как ребенок. Ты – самое лучшее, что я знаю в жизни! – он затрясся в беззвучном рыдании.

Медленно мужчина опустился к подножию ствола на мягкий зеленый ковер, расслабился.

-Господи, за что это мне? Если ты есть, ответь! - вскрикнул он вдруг и, подняв лицо к небу, снова надолго замолчал.

-Убегу, уеду, улечу – никто не достанет, не найдет! - зашептали в отчаянье губы.

Звезды склонились над ним, мерцая вечным светом, обещая покой и умиротворение.

-Никуда не убежать и не увернуться... Я в западне. Сам во всем виноват! Это правильный выход! – решительно сказал мужчина. Губы его сжались, глаза сузились. Он поднял пистолет к виску и отпустил курок. Лесную тишину взорвал выстрел.

За забором завывала собака. В особняке зажглись окна, забегали люди.

Березка стояла в шоке. Она смотрела на окровавленного человека и кричала: «Люди! Живите в мире! Стремитесь к гармонии! Любите друг друга! Будьте верными. Совершайте добрые дела. Люди! Цените жизнь!»

Если вы выйдете сейчас в лес, обнимите любую березку за белый стан, прислушаетесь к качанию веток зимой или шелесту листвы летом, то вы непременно услышите эти слова. Послушайте их, пожалуйста!

Е Ё В Р Е М Я

Она очень спешила жить. Ее юность пришлась на начало семидесятых двадцатого века. Коммунизм приближался, социализм - в расцвете! Красота!

Ей шестнадцать лет. Красавица! На себя в зеркало не налюбуется! Только вот цвет лица не важный, ведь голодуха дома – отец вернулся из тюрьмы и за старое взялся: последние вещи из дома выносит и пропивает. Бывает, куска хлеба за день не съест. Зато в школе да на улице всегда восхищенные взгляды ребят и завистливые – ровесниц. Стройная да высокая. Ну, ладно, тощая – откуда мясу-то взяться при такой жизни? Зато глазищи в

пол-лица, губки яркие, как Почетное знамя в пионерской комнате, а фигурка словно выточена искусным мастером.

Об учебе не задумывалась, о жизни знала одно – своего не упускай! Богатств никаких у нее не было - ведь мать не работала, выпивала вместе с отцом, брата в малолетку за воровство посадили, бабушка, что оладышки пекла детям, давно умерла – поэтому было у нее только одно только богатство - ее время. Кто его в молодости ценит? Да, никто! А она ценила! Она и часа за так не тратила - все только на ребят. Главное – чтоб весело было! Училась красавица неохотно – так, через пень-колоду – ведь время жалко было тратить на такую ерунду. Одноклассников в упор не видела, искала ребят постарше – они и на озеро пригласят, и водки купят, и закуской накормят, билет на электричку тоже оплатят, да и все удовольствия с ними получит по полной программе. Главное – время! Везде успеть надо... Ведь когда же еще и жить, как не в шестнадцать лет? Ну, не в тридцать же? Там и умирать пора!

Любила она свое время больше всего на свете, даже больше, чем ребят с их то нахальными, то робкими приставаниями.

Однажды в мае она отдыхала со знакомыми парнями на берегу озера. Развели костер, разложили выпивку и закуску на газету «Труд», куртки под лучами весеннего солнышка сняли, обувь скинули, чтобы травку живую чувствовать. Озера на Урале крутые! Такая красотища, что она не могла словами выразить. Да и выразить, наверное, нельзя, надо только смотреть во все глаза и воздух глубоко вдыхать. Воздух легкий, напоен запахами травы, воды и хвойного леса – ни в какое сравнение с городским, загаженным заводами, не идет. Небо будто падает в озерную глубину, а мягкая дымка закрывает горизонт.

Парни, два верных друга, вертелись возле красавицы, как пчелы над клевером. Как выпили первую бутылку водки, так спорить начали, с кем она будет. Она смеется – ей-то все равно! Серега – Птицей-говоруном прозванный за то, что болтать любит - послабее товарища, а Вовка-Бугай - крепыш, этот не уступит! Серега в проигрыше остаться не хотел – пустую бутылку поднял, да и трахнул ею по давно не стриженной голове соперника! Молодец, Серега! Она встала за ним пойти, да невзначай на осколок бутылки наступила. Пока Серега, как бешеный орал да по берегу озера метался в поисках помощи, Вовка свою майку снял, на ленты порвал и ногу ей перемотал, чтобы кровь не хлестала. Нога все синела и синела.

Она не плакала, думала: нет времени на это, скоро все пройдет, весело опять будет.

Доставили ее ребята в больницу только вечером. Считай, всю дорогу на руках несли. Врачи сделали все, что от них зависело, но спасти от заражения крови не смогли.

Она смотрела на белый потолок палаты и думала: куда же денется принадлежащее ей время? Она силилась понять, куда может уйти ее личное время - время, которое она так любила!

Когда на майском небе зажглись первые звезды, она тяжело вздохнула, и время ее кончилось.

18.03.13

СНЕГ

Снег в Германии – роскошь непозволительная! Сразу столько аварий на дорогах, прерываются все контакты: пешком идти никому не хочется по опасной

скользкой мокрятине. А в эту субботу настоящая вьюга плотно нависла над городком, усыпанным тяжелым от влаги снегом. Жизнь, кажется, замерла. Редкие такси не в счёт: они не могут разрушить редкого очарования безлюдных улиц. День не рабочий, чтобы всем в конторы, и не воскресный, чтобы по церквям, так что народ сидит за самоварами, то есть нынешними электрическими чайниками. По местному радио передали, что автобусы до обеда курсировать не будут. Да и Бог с ними: кому они нужны в этот метельный день, когда и собачники-то нос боятся наружу высунуть?

А Он все равно пришел. Весь заснеженный, с красными щеками, со своим обычным, ласковым до неприличия, взглядом светло-голубых глаз. И зачем его принесло? Только вот чтобы намочить половичок перед дверью, потом долго копать в передней, не рискуя сразу пройти в просторную комнату? И опять сует свой дешёвый, алдиевский букет в руки. Она заговорила высоким голосом, пугая тишину комнат:

– Да зачем букет мне сдался? Еще прошлый не завял! Химию натолкают в цветы – они, как бумажные, не пахнут, стоят неделю. К чему они мне? – взяла мокрый, легкий пакет, пошла на кухню за вазой.

По телевизору шли новости, показывали пробки на автобанах и нервных полицейских. Он осторожно присел на край дивана. Край этот был им уже обжит, как и мягкие тапочки с матерчатой подошвой, которые он обул, не дожидаясь особого приглашения. Она поставила букет на большой круглый стол и обернулась к гостю.

– Не до тебя мне! Суббота – стирать да убирать надо, а тебе опять чай готовь!

– Не надо чаю, – заторопился Он. – Ты делай, что там у тебя... А я тут тихонько посижу... Ты не обращай внимания.

Она потрудились состроить улыбку.

– Ну, как же не надо? Метель, а ты в такую даль пешком шел! Ладно, уж, иди на кухню, яблочный пирог испекла сегодня. Так и знала, что появишься!

Он подошел к окну на кухне, застыл возле... Мягко и быстро двигаясь, Она достала свежую скатерть, собрала на стол, заварилась зелёный чай. Он стал наблюдать за Ней так же, как до этого наблюдал за метелью за окном, объединяя Её с понятиями - природа и неизбежность.

В кухню важно вошла заспанная кошка Муська, обнюхала однообразно пахнущую консервными банками еду и двинулась к Нему. Он пододвинулся, уступая место у окна, и кошка одним прыжком очутилась на узком подоконнике. Теперь они вдвоем пялили глаза на мятущуюся в припадке остервенения пургу.

– Это ж надо! Такой казахстанский буран в центре Европы! Вот февраль проказник, что вытворяет, а мы думали, зиме скоро конец, - как бы сама себе проговорила Она, тоже взглянув в окно.

В квартире было прохладно. Одета поверх свитера шерстяная самосвязанная безрукавка скрывала тонкую фигурку, но Он воспринимал её гибкие формы нутряным, интуитивным чувством. За чаем молчали, и молчание Её было обычным и отвлечённым. Наконец, Она встряхнулась:

– Ну что, давай в дамки? Чур, мои белые, – мысли Её вернулись в тихую квартирку, к теплому чаю, к Его ласковому взгляду.

Играли, не разгибаясь над доской, часа полтора: в шашки, в шахматы, в нарды. Потом Она ушла мыть посуду на кухне, а Он остался смотреть русские программы.

День, не успев разгореться, уже уходил в сумерки. С улицы слышался скрип лопат по асфальту – жильцы чистили дорожки у подъездов. По дорогам

двинулись автобусы. Метель как будто приустиала, свист ветра претерпел некоторое изменение в тоне.

Она тоже немного притомилась, но занялась домашней работой: стала стирать пыль с, и без того чистой, мебели. К ней непроизвольно приходили далекие и близкие, ничем не связанные эпизоды пережитого. Вот Она семнадцатилетней девчонкой идет в буран за хлебом, а магазин на другом конце посёлка. Она ложится на встречный ветер всем телом и почти совсем зажимает глаза - всё равно ничего не видно. Мелкие льдинки секут лицо, тяжело дышать. И вдруг рядом оказывается Иван из соседнего переулка! Шапка сдвинута на затылок, густые чёрные волосы в завитках, а в глазах – любовь. Такая горячая, что и сейчас, когда Она закладывает белье в стиральную машину, сердце начинает быстро колотиться. Вот они вдвоем, красные от ветра и снега, вваливаются в теплоту магазина. А там дают сайру! Весь поселок в курсе - ведь новости быстро облетают дома, и народ, несмотря на буран, потянулся в магазин. Очередь десятками глаз уставилась на них. И вдруг по скучающим, унылым лицам расплывается улыбками отпечаток их любви.

– Ах, к чему все это опять! – кусает Она губы и тщательно протирает дверцу кухонного шкафа. Но воспоминания не уходят, они цепко держат Ее в прошлом.

Вот новая картина: сынок, с такими же чёрными завитками на голове, как у отца, прибежал с ранцем из школы. Шапка и пальто в снегу, варежки мокрые. “Мама, дай поесть! А я папку по дороге встретил. Они с тетей Валею в избу пошли. Я крикнул: пап, пошли домой, мамка ругаться будет! А он только рукой махнул... Ну, что ты, мама, не плачь!.. Я тебя сильнее всех люблю!” Да, сынок любил крепко. Сейчас вот свою Любушку любит. Слава Богу, свадьбу хорошую сыграли. У невесты вся родня на немецкой земле, не то, что у нее: родни мало, и та в Казахстане осталась: не часто пишут. Жаль, живут молодые далеко – сын себе невесту по компьютеру выискал и уехал к ней. Всё у них в радость, звонят часто - спасибо, что не забывают мать!

– Иди сюда, смотри: концерт начинается, – крикнул незванный гость из комнаты.

– У меня тут свой концерт, – отозвалась Она, как отмахнулась. – Тоже мне, навязался, – пробурчала тихонько под нос.

А вот из недавнего: снег на улицах немецкого городка, Она на новогоднем вечере русаков. Подруга в гардероб поспешила, Она почему-то задержалась у входа. С мороза забегают пары, стряхивают липкие комки с воротников, стучат каблуками, оставляя мокрые лужицы на полу. Один мужчина, увидев Ее, вдруг остолбенел. А глаза-то голубые ласково так затауманились... Весь вечер танцевали они вместе. А потом Он пошел провожать их с подругой. Та, улучив момент, когда провожатый отвлёкся, напористо проговорила: “Отдай! Тебе все равно ни к чему, а у нас семья будет”. Она засмеялась: “Бери, конечно, какие проблемы”, – и сердце не заболело.

Но получилось по-другому: сидит этот новый знакомый теперь на краю дивана каждый вечер и всё как будто ждет – сейчас выгонят. И правильно ждет! Куда с ним? И что с ним? Всё это так неважно, так незначительно, так пусто и ни к чему, что и объяснять неохота. А что же важно? То, что Иван – строгий контролер Её поступков и мыслей! Кажется, что он всегда рядом, всё знает, за всё спросит, счет ведёт, за все свои поступки Она перед ним в ответе, нет места рядом с Ней никому, ревнует Иван Её лютой ревностью, как и раньше... А сам-то давным-давно с Валентиной, на посмешище всего поселка, скандалит да спивается. Бывший муж и знать не знает, что Она помнит о нём всё это

время, мечтает неотступно – так напрасно и безнадежно! “ А может, и понимает Иван всё, что случилось, понимает, что натворил в нашей судьбе, поэтому и пьет, - думает Она,- ведь душа у него ранимая, как птица со сломанными крыльями”.

Муська потерлась блестящей шерсткой о ноги, выгнула спину.

“На вечер картошечки бы отварить! Мы же не местные – бутербродами на ужин давиться, – решила Она, удовлетворенно оглядываясь вокруг. – А впрочем, пусть Он домой идет, пока не стемнело, чтоб не привыкал здесь вечерять. Скука, какая... “

Снег все бьётся в окна, вьюга свистит, щедро расточает февраль свои роскошные подарки земле.

– Собирайся, пора, – только и сказала.

Вот Он стоит у двери, опять нерешительно мнетя... Как это раздражает – не может уйти по-человечески!

Он шепчет: « Снегурочка моя снежная! Совсем замерзла, остекленела без ласки. Дай, приголублю, отогрею тебя, красавица ненаглядная. Навсегда отогрею, от зимней стужи спасу. Впереди у нас зимняя, долгая старость, давай согреем эти годы обоюдной заботой, нежной любовью, доброй дружбой, взаимовыручкой. Счастье моё, наконец-то найденное!»

– Что ты там бурчишь? Иди уже! – торопит Она.

Ей хочется скорее опуститься в привычное одиночество, не то

чтобы себя саму жалея - на это нет никаких душевных сил, изжито всё - а так, по многолетней привычке просто.

С Т Е П Ъ Н Е Б А

Элла быстро шла по степи.

Ночная степь дышала тихо, только иногда раздавался сонный крик вспугнутой птицы. Даже ветер притих, не гонял стойкий запах трав по простору. Старое ситцевое платье не защищало от прохлады ночи и, казалось, воздух проникает сквозь нее саму. Светло-русская коса болталась между лопатками в такт шагов, глаза напряженно вглядывались в даль – не сделать бы круга по степи! Элла не боялась волков, весной они на людей не бросались - полно было овец в стадах. Элла боялась бригадира Толбасова, темнолицего толстого казаха, следящего за посевной в колхозе. Что он скажет ей, какой штраф придумает за то, что в темноте не уследила - левой бороной зацепила брошенный кем-то на поле трактор? Видно, тот трактор сломался, а ее не предупредили, вот она и не осторожничала. Да и в темноте, как ни напрягай глаза - что увидишь? Только круг перед собою, освещенный лампой. Впереди длинная черная полоса земли, а по сторонам неохватная взглядом ширь полей. И все это ей, пятнадцатилетней девчонке пахать да боронить без отдыха, без выходных дней – война ведь который год уже, а она-то кто? Русская немка, значит, фашистка, убивать таких надо, как сказал Толбасов. А отца и деда и убили в тридцать восьмом. А может, и не убили, замучили под пытками, а может, и теперь еще мучают, известий от них нет, никаких справок не дают ведь.

Элла шла быстро, не смотря на то, что галоши скользили по распаханной полосе земли. Она спешила в вагончик, в котором спали убитым сном колхозники, знала: там должны быть и трактористы. Пусть встанут, снимают зацепившуюся борону с ее трактора, ведь ей надо дальше боронить.

Если работать не будет – под расстрел пойдет, а у нее в дальней деревне старая бабушка, младшая сестренка и карапуз братишка живут только тем, что она зарабатывает и изредка пешком в мешке им приносит, Встречать ее не встают – берегут силы, выходить из коморки не могут – слабость да и одеть все равно нечего, но на ведро еще садятся. Все трое пшеницу долго руками перебирают, пальчики у них, как у птичек, цепкие, в рот зерна не суют: знает и малыш, что это- смерть, заворот кишок. Потом варят и осторожно, понемножку едят: неизвестно, когда сможет Элла им снова принести на плечах мешок, сколько долгих дней, недель, а может, месяцев пройдет, пока удастся ей отпроситься на работе и сто километров пронести на себе спасительный груз, не заблудившись по дороге, сберегая его от голодных воров. Глаза у родных большие, в них стоит только голод - застарелый, хронический, смертный. Эти глаза и торопят девчонку сейчас по степи к вагончику. У самой сил мало, ведь экономит пшеницу, понятно, зато ноги длинные, выручают, ведут ее вот уже по твердой земле, по нераспаханной целине, полной ковыля и маков.

«А волк, что за бороной шел, много мышей сегодня наловил» - думает она. Элла наблюдала за ним краем глаза, как он то и дело из-под бороны лапой, как собака, мышек придавливал. А борон у трактора целых пять, веером за ним волокутся, так волк от одной до другой бороны бегом бегаёт! Вот бы мышек этих бабушке! Она бы суп сварила на всех, даже из одной мышки бы сварила, а то ведь запаха мяса не помнят, младший братишка и не знал никогда. Сестренка бы улыбнулась тогда, разжала бы свои тонкие черные губы, а у бабушки перестали бы дрожать руки, когда делила зерна на порции. Да только мышей нет в деревне, давно всех съели. Умерших от голода немцев: трупы стариков и детей, казахи сразу не хоронили, только по весне их собирали всех вместе и на бричках в яму за деревней свозили и сбрасывали. А что с ними, эвакуированными церемониться? Никто их в Казахстан не звал, а с начала войны завалили всю республику по приказу Сталина стариками древними да детишками. Корми их тут, когда разнарядки с фронта приходят неподъемные! Вот что война наделала! А кто виноват? Вот эти старики и детишки и виноваты, что фашистами родились! Так Толбасов Элле и сказал, когда она к нему по его приказу к костру явилась и на барашка зажаренного устала. Рукавом слюни по подбородку подобрала да и приказы его исполнять побежала. Она же быстрая и понятливая.

Хорошо в степи ночной! Никто на тебя не ругается, только луна и звезды хозяйками здесь. Как волнующе прекрасен шатер Божий над головой! Как украсил Бог землю, сколько богатств дал! И почему же так трудно и плохо живет на ней человек?

Вот придет сейчас Элла в выщербленный временем вагончик и заматерятся рабочие-подростки, с проклятьями выйдут в дорогу, а две девочки – немки, ее четырнадцатилетние подружки, поднимут головы от набитых соломой подушек, красными от усталости глазами посмотрят на нее и снова заснут, чтобы в четыре утра опять сесть на жесткие сиденья тракторов, чтобы сдвинулись гусеницы челябинских гигантов, чтобы грубые звуки снова весь день колотили по башке: тра-та-та, и тряслось тело в такт железу.

Хорошо было дома! Жили в Крыму, на берегу моря, мама и папа в колхозе работали, а они, ребятишки, за хозяйством смотрели. Колодец с водой на конце деревни стоял, приходилось ведрами таскать едва очищенную соленую воду животным, а скота много было. Пресную воду колхозникам провозили в бричках из города, распределяли по два ведра на двор, ведра всегда стояли за дверью в кухне. Эта вода строго береглась: только людям

пить да для супа! Тоже тяжелое время было: хлопок на полях только проклюнется – уже надо прорывку делать, чуть подрос – лишние листочки обрывать, а урожай снимать и вовсе тяжело. Рвать хлопок надо двумя руками и в большие фартуки складывать. Под палящим солнцем каждому кусту надо поклониться! Какое горе - этот хлопок! Все дети немецкой деревни там работали, никакого детства не видели!

Но все же хорошо было! Все рядом: родители, бабушка и дедушка, братья и сестренка. Да, старшие братья, гордость отцова! Как они там сейчас в трудовой армии? Забрали их из Казахстана на Урал ранней зимой в сорок втором году. Работает один на стройке, другой в забое на шахте. Жаль, не смогли вместе держаться - по разнарядке в разные города попали. Хорошо, хоть сумели весть о себе передать маме.

Сколько горя на мамину долю выпало! Не смогла вынести... А теперь вот она, Элла за семью в ответе, старшая ведь она девочка! Она выдюжит! Будет еще чудесное время, соберется семья вместе за одним столом, расскажут все друг другу, что пережили, как вера в соединение семьи придавала силы в самое черное время! Будут жить весело и счастливо и они, и их дети, и внуки! Забудется, как страшный сон, рев покинутой скотины в своей деревне, телячьи вагоны, в которых везли русских немцев в чужую сторону, мучительные, голодные смерти земляков, косые взгляды местных жителей, лоснящийся Толбасов, четырехцелиндровые трактора, непосильная работа, тоска по родным, острое беспокойство за них... Останется в памяти только вот эта величественная ночь в степи, эти молчаливые мерцающие звезды, что как цветы цветут в степи неба.

Так думала она, и в душе ее звучала прекрасная симфония блаженства.

Элла открыла дверь покосившегося вагончика. Густой, спертый воздух дохнул в лицо.

04.04.13

КУКЛА ЛИЗА

Дошкольницей я жила в челябинском поселке для русских немцев. Город выделил немного земли возле металлургического завода, где, отпущенные из трудовой армии немцы построили себе землянки – небольшие домики, наполовину ушедшие в землю. Мой папа был родом из Поволжской республики, мама из крымских поселений немцев.

После сталинского указа в августе сорок первого года семьи немцев выселяли в Казахстан, на Урал и в Сибирь. Мама и папа вместе с их семьями пережили страшные годы голода и преследований. После войны назад в родные края возвращаться было запрещено. Родителям выпало жить в Челябинске. В хорошее время, в хрущевскую оттепель родилась я вторым ребенком в дружной семье русских немцев

Мужчины поселка работали на заводе, выпускали металл разных марок. Завод был огромным, на шестьдесят тысяч рабочих, воздух вокруг завода был грязным. Мой отец работал столяром, все говорили, что у него золотые руки. А еще он подрабатывал фотографией. В те времена фотографироваться приходилось редко - это было дорогим удовольствием. Папа делал фото для школ и детских садов. По вечерам он закрывался в маленькой кладовке и работал почти в полной темноте, только красный фонарик слегка освещал

столик, на котором стояли три коричневые ванночки. Они были наполнены растворами проявителя и закрепителя, а посередине - простой водой. Запах от растворов шел специфический. Это было волшебство: на белом прямоугольнике бумаги медленно выступали силуэты людей и предметов. Папа поочередно брал пинцетом бумагу за уголок и перекладывал из одной ванночки в другую. Если передержать в проявителе фотографию, она чернела, если не додержать – оставалась белесой. Редко мне приходилось бывать в кладовочке, папа при работе соблюдал тишину, работал очень аккуратно.

Землянку для нас папа построил сам. Братья помогали ему, он помогал строиться братьям. Мебель: шкафы, сундуки, столы, стулья - он сделал своими руками, а красивые шторы, покрывала и коврики шила и вышивала мама, одежду нам тоже шила и вязала она сама, за исключением зимних пальто и шапок, их приходилось покупать в магазине.

По нашему двору, огороженному редким забором, ходили куры с цыплятами, кошки, в будке жила собака. За околицей находились огороды, засаженные овощами и картошкой. Но и малина, и смородина, и крыжовник росли у всех. Особенно радовал нас, поселковых детей, зеленый горох. Его растили много, это было наше любимое лакомство. А самое вкусное, что мне когда-либо приходилось кушать в детские годы, это был большой кусок хлеба, смоченный в подсолнечном масле и посыпанный сахаром-песком. Такие куски иногда давала нам, многочисленным внучатам, бабушка со стороны отца. Это была худая строгая старуха, мы боялись ее, хотя она никого из детей не била за шалости.

Сколько себя помню, с раннего возраста я всегда ходила со старшей сестрой Олей. Везде во всех играх мы были с ней вместе. Младшая сестра была на пять лет моложе и не годилась в подружки. К тому же малышка не любила мед, а мед в то время у нас считался роскошью, нам, старшим, мед давали только пробовать. Мама вливала ложкой малышке в рот капельку меда, а та с отвращением выплевывала его. Я смотрела на это с презрением и считала, что сестра глупая.

Наши двоюродные братья и сестры, дети папиной родни, составляли одну компанию, мы играли во дворах друг у друга и на улице в разные игры: в догонялки, в „кондалы-закованы“, в классики, играли на поленицах дров и на лужайках. А вот игрушек не было ни у кого и никаких, рисовать мы тоже не рисовали - не было карандашей, красок и бумаги. Но зато на всех девочек нашей родни приходилась кукла Лиза. Девочки в порядке очередности могли играть с куклой, качать ее на руках, кормить и пеленать. Примерно одни сутки кукла имела право находиться в доме ее очередной хозяйки. У Елизаветы была пластмассовая голова с нарисованными синими глазами, коричневыми волосами и бантом на макушке, изрядно потертым, тряпичное туловище ей сшила одна из соседок. Простой гардероб хранился в коробке из-под обуви, а сама кукла лежала в прекрасной деревянной кровати, сделанной руками моего отца.

Мне Лиза доставалась редко - примерно один раз в месяц. Но я терпеливо ждала когда, наконец, на короткое время Лиза станет моей.

Однажды, когда мне было пять лет, получив Лизу с приданым, я так радовалась, что не захотела делиться куклой с сестрой, ведь кукла была дана именно мне. Сначала я унесла ее домой, а когда на улице никого не было, вынесла ее, завернутую в пеленку младшей сестренки, в лесок. Посадки тополей и березок начинались сразу за нашим домом, густой подлесок скрывал тонкие тропинки вглубь. Пробравшись подальше через кусты, я нашла

маленькую полянку, уложила Лизу и насобирала веток. Из них построила шалашик, покрыла его травой. Получилось очень уютно! Внутри постелила тряпочки и уложила куклу спать, а чтобы она покрепче заснула, спела ей песни, которые слышала от мамы. Я увлеклась и забыла о времени. В какой-то момент я поняла, что я уже давно тут, и испугалась - вдруг мама ищет меня по поселку! Забирать Лизу из ее нового домика я не хотела, ведь моя любимая дочка только что уснула. К тому же я представила себе, что, увидев меня с куклой, кто-то из девочек скажет: «Хватит уже! Наигралась! Отдавай Лизу следующей девочке!»

Мое сердечко отчаянно билось, когда я уходила с полянки. «Я ведь не надолго. Скоро вернусь, только пообедаю и назад!» - думала я

Я появилась дома как раз вовремя: Оля уже сидела за столом, нетерпеливо постукивая ложкой, мама разливала суп по мискам - без супа мы не обедали.

-Где так долго была, попрыгунья? – спросила мама.

Обычно мы с сестренкой играли в соседских дворах, и мама не интересовалась, где и что мы делали. Но у меня был такой загадочный вид, что мама обратила на это внимание. Раньше мне не приходилось врать, но тут впервые в жизни я придумала:

- У Эльвиры. Ее мама пустила меня покататься на качелях.

Единственные в поселке качели были предметом зависти всех поселковых ребят, но родители аккуратной, замкнутой девочки Эльвиры очень редко пускали детей во двор покататься, чтобы не испортили вещь.

-Ах, вот что! То-то я смотрю, ты заговорщица такая сегодня, - улыбнулась моя молодая красивая мама.

Мне стало очень стыдно, но не могла же я предать мою Лизочку! Тут обиделась Оля.

-Почему ты без меня ходила качаться на качели? – в упор спросила она.

Я растерялась, не знала, что сказать, ведь ссориться с сестрой я, конечно, не хотела. Я густо покраснела и промолчала.

-Тогда я тоже без тебя пойду к бабушке! – решительно сказала Оля.

А к бабушке мы всегда ходили вместе. Но и тут я ничего не сказала, ведь в лесу меня ждала Лизочка с синими глазами.

Быстро пообедав, я выскочила во двор. Под ноги бросилась любимая курочка-пеструшка, шугнув ее, я поспешила по знакомой тропинке в лесок. Продравшись сквозь кусты, с радостью увидела свой шалашик.

-Лизочка, доченька, я здесь!- подбежала я к нему и заглянула внутрь. К моему невообразимому удивлению в кроватке куклы не было. Просто не было! Сложенная пеленка хранила след ее тела.

Я долго не могла оторвать взгляд от кровати.

Что такое воровство, я знала. По краю поселка пролежала асфальтированная дорога к заводской проходной, по ней шла рабочая смена – много разных людей. Поэтому хозяйки ведра и половики на заборы не развешивали. По рассказам взрослых, я знала, что в августе пятьдесят третьего года многих выпустили из тюрем, амнистировали не только политических заключенных, но и уголовников всех мастей. Тогда много воровали в поселковых домах, выкапывали картошку на огородах, уводили коров и коз из сараев, уносили куриц. Потом волна воровства схлынула, но временами все равно у кого-то из поселковых уводили скот. У моих родителей пропало две козы, у нас долго потом не было своего молока, это я помню.

Первая моя мысль была: бандиты украли! Но зачем сердитым дядькам старая тряпичная кукла? Нет, бандиты не могли взять, они в игрушки не играют, значит, кто-то из девочек случайно оказался на полянке, увидел драгоценную куклу и не удержался – взял чужое. Тогда в своей личной жизни я встретила с безобразием воровства впервые. Размазывая горькие слезы, в обнимку с Лизочкиным приданым и детской пеленкой, я побрела домой.

Я не знала, как теперь скажу всем, что Лизочки больше нет, и все девочки нашей родни остались без куклы, как я признаюсь маме, что я солгала про качели, но больше всего мне было жаль Лизочку. Ее глупые вытаращенные глаза я вижу до сих пор перед собой. Скоро я стану бабушкой, а мне и сейчас жалко славную куколку, единственную за мое дошкольное детство. Кто это сделал, навсегда осталось загадкой, дальнейшая судьба Лизы неизвестна. Девочки долго горевали, а меня хотели побить.

В детстве я не наигралась с куклами. А вот будучи уже мамой, я играла с дочкой с куклами Барби. Дочка родилась поздно, мы ее баловали - покупали игрушки, к тому же гости все время приносили кукол в подарок и знакомые отдавали кукол своих выросших дочек. В одно время у нее было сорок девять кукол Барби, не считая других лялек. Всех она звала по именам, рассаживала их на ковре кругом и играла с ними часами, переодевала, кормила и беседовала с ними. Раз они были ее дочками, то я приходилась им бабушкой, и поэтому меня допускали заниматься с ними. Ни одна из них не потерялась, и никто ни одну не своровал у моего ребенка. Поэтому дочка не потеряла веру в справедливость до сего дня.

21.11.12

Х А Н Н Е Л О Р А

Они были совсем разными. Абсолютно. Но держались вместе, как подруги.

Ханнелора – высокая молодящаяся брюнетка с тяжелой походкой и властным взглядом, и Лида – полноватая, добрая женщина с русыми волосами до плеч. История их знакомства занимательна. Лет шесть назад они встретились на презентации кашемировых одеял.

В Германии существуют фирмы, которые торгуют в поездках, они организуют автобусы с пенсионерами куда-нибудь в глубинку. Там, в небольших ресторанах, рекламируют различные услуги, вещи, медицинские препараты. Все это идет по баснословным ценам под видом исключительно редкой и полезной для здоровья продукции. Чего только не рекламируют: витамины, излечивающие от смертельных болезней, сетки, избавляющие от электромагнитных потоков, массажные кресла, наборы кастрюль с двойным дном, коллекционные куклы, путешествия во все страны мира.

Среди пожилых немцев существует целый класс людей, регулярно выезжающих в такие поездки. Обычно это выходцы из Польши или других стран, одиночки или просто скучающие обыватели. Одни едут развлечься в такой «кафефарт», как говорится, «сменить обои», другие, чтобы познакомиться с новыми людьми и, возможно, даже что-то купить, но многие едут, чтобы просто получить в конце поездки бесплатный подарок.

Фирмы, желающие продать продукцию частным образом, денег на ветер не бросают. Их продавцы – испытанные, ушлые коммерсанты, так всучат свой товар, что человек отдаст большие деньги и при этом останется довольным и радостным. Да, для такого дела требуется немало усилий и даже таланта. Каких только умельцев не повидала Лида в подобных поездках! Она была еще относительно молода, а на «кафефарт» ездила исключительно с целью улучшения своего немецкого. В подобных поездках приходилось часов по семь сидеть за столами и непрерывно слушать быструю речь – это очень помогало ей в понимании языка! У Лиды жизнь русская: знакомые из России и Казахстана, дома с дочкой только на привычном, телевизор с тарелкой с русскими каналами, журналы и газеты из «Прессы. ру», а на работе разговаривать не приходится – знай руками шевели! Даже в ближайшем магазине продавцы и кассирши есть русские, всегда можно поговорить.

В очередной поездке при рекламе постели одна особа из первых рядов громко выкрикнула:

-Такой же товар - ничуть не хуже - можно купить в центральных магазинах любого города! Только другой марки и значительно дешевле!

Расторопный продавец гневно выгнал ее из зала. Обругиваемая громкоголосым продавцом бестолочью, не понимающей разницы в качестве вещей, гордячка с поднятой головой вышла из зала. Лида поднялась и вышла за ней в небольшой уютный бар.

-Вам, наверное, будет скучно теперь сидеть одной? Или у вас есть с собой журнал? - спросила она участливо.

-Нет, ничего почитать не взяла с собой. Я ведь не ожидала, что меня выгонят из зала. Вот позорный, как разозлился на правду! – раздраженно зачастила немка.

Они познакомились, заказали по бокалу пива и принялись болтать на все темы сразу.

Оказалось, что Ханнелора только что вышла на пенсию, семьи нет, друга тоже, вот со скуки она и поехала на «кафефарт», чтобы побыть среди людей.

-А вы русская, фрау Зильбер, я сразу по первому слову определила. Ну, раз русская, то приходите ко мне убирать квартиру. Надо окна перемыть и шкафы на кухне перебрать. Только учтите - я плачу по минимуму!

Лида улыбнулась. Ее знакомые и подруги, русские немки, давно занимались такой работой, да и она сама вот уже который год мыла и убирала в частных богатых домах - на порядочную работу не хватало знаний языка, мешал акцент.

-Спасибо. Приду в субботу, всю квартиру вычищу, не беспокойтесь, - она внимательно посмотрела в светлые глаза Ханнелоры. В них отражался свет люстры смешанный с удовольствием охотника, подстрелившего птицу. «Не легко с ней будет» - подумала Лида грустно.

В первую же субботу с утра Лида стояла у порога квартиры новой знакомой.

Хозяйка улыбнулась ей темными морщинами, но глаза остались холодными.

-Я жду вас, фрау, как вас там... Ага, Silber! Вот ведра, вот моющие средства. Чтобы дело пошло быстрее, я буду подавать вам выжатые тряпки. Сегодня у вас важный день – вы пробуетесь на быстроту и качество работы. А раз это пробные часы - то я плачу вам вполтину! Засаекаем время! Пошло!

«Вот это да! Всяких хозяек я видала - и хороших, и плохих, но работать на скорость еще не приходилось! Сейчас я ей покажу, как отлично умею работать! Это место я не потеряю! Очень удобно – близко от дома и дополнительный заработок нужен», - подумала Лида.

Она принялась мыть окна. Ханнелора стояла рядом и подавала ей тряпки. Надо было помыть и балконную стеклянную дверь. Разгоряченная быстрым движением, женщина открыла дверь на просторный, украшенный причудливыми камнями, балкон. Апрельский, свежий ветерок распушил волосы, забрался под кофточку. «Простыну!» - мелькнуло в голове. Но одеться было некогда: хозяйка проворно выжимала тряпки и следила за каждым жестом! Лида всегда была подвижной, шустрой, вот и теперь - энергично промыла окна, пропылесосила шикарные ковры в зале и большой спальне, стерла пыль со шкафов и люстры, помыла полы, даже вычистила подсобные помещения в подвале. Три часа пролетели, как одно мгновение. Ровно в полдень Ханнелора приказала:

-Стоп! Время кончилось! Вот деньги. Рассчитываться с вами, Frau Silber, я буду всегда по минимуму, как и предупреждала заранее, ведь вы работаете «по-черному», не отмечены в бюро по трудоустройству. Вы должны быть рады и счастливы, получая любые, даже самые малые деньги. Я предоставила вам работу, а у нас в стране с ней напряженная ситуация. Но я сделала снисхождение вам, стоящей на самой низшей ступени социальной лестницы. Да, надо помогать бедным и несчастным людям! Я благородная дама, и хоть всегда сама имела много денег, но могу войти в положение, если кому-то приходится плохо. Вы должны быть благодарны: я не поеду в бюро по трудоустройству и не доложу там, что вы у меня работали без документов и взяли деньги, хоть любой порядочный человек сделал бы это! Фрау... Как вас там? Можете теперь посидеть на моем дорогом стуле и поговорить со мной. Я окажу вам еще и эту услугу!

Во всем облике хозяйки сквозило столько пренебрежения к «несчастной эмигрантке», как будто ей в руки положили холодную жабу. Лида решила тотчас же уйти из этого респектабельного дома с его отвратительной владелицей. Но природное упрямство взяло вверх. «Ты, гордячка, меня презираешь, уборщицу, не умеющую правильно высказать свои мысли! Но нет, ты не будешь торжествовать, унижая меня! Я не уйду из твоей жизни до тех пор, пока ты не поставишь меня в своем подсознании на высокий постамент, пока не станешь нуждаться во мне. Я добьюсь того, что ты будешь уважать меня, чего бы мне это не стоило! А стоить будет дорого, мои нервы - это не твои копейки!» Лида хорошо понимала, на какое унижение подписалась, но решила не отступать.

Так и повелось у них: раза четыре в год Ханнелора звонила Лиде и в приказном порядке называла дату и час мытья окон и уборки. Что там было в планах у Лиды, какие записи стояли в календаре, ее не интересовало. Лида всегда приезжала немного раньше назначенного времени, усердно трудилась, а потом слушала жалобы на жизнь одинокой, всеми покинутой женщины:

-Я всегда была экстравагантной модницей. Занимала высокий пост в фирме. Но этого вы, фрау, как вас там, с вашим ограниченным кругозором уборщицы понимать не можете, - начала немка в очередной раз после уборки.

-Ну, почему же ограниченном? – постаралась вписаться в монолог хозяйки Лида. - Я окончила педагогический университет в России. Преподавала много лет и сейчас пишу книги.

Ханнелора отмахнулась от нее.

-Ах, это не важно! Это ничего не доказывает! Можно закончить сотню университетов и быть тупой, как пробка! То ли дело я! Я была много лет начальницей, мне подчиненные в глаза заглядывали, ждали каждого моего слова!

«Представляю, какой разнообразный мобинг на своих коллегах ты перепробовала! Как ты давила их своей силой и упивалась властью над людьми!»

-Я знаю пять языков и, в частности, японский, – продолжала Ханнелора. - Шесть лет я проработала в Японии, являюсь специалистом редких технологий. Картины, которые вы видите в моей квартире, я купила в то время. Вещи имеют преимущество перед памятью, они со временем не меняются. Эти пейзажи напоминают мне о тех годах. Впрочем, ничего хорошего в Японии нет: везде народ, толкотня. Впечатление тесноты препротивное. Да, специалисты там толковые, но все себе на уме. К чему мне, немке, их древняя культура? Зачем напрасно загружать себя? Они такие закрытые люди, живут по своим традициям. – Ханнелора поджала сухие губы.

«Ага, и там ни с кем не подружилась. Не осталось ни одного телефона или адреса на сегодняшний день, поехать не к кому. И что же тебе, такой умной, знающей в совершенстве японский язык, принесла твоя работа? Одно неудовольствие - вспомнить не о чем...»

Каждый раз, когда Лида кончала уборку и усаживалась на стул, Ханнелоре приходилось садиться рядом, а ей хотелось посидеть в кресле. Она стала приглашать Лиду беседовать у маленького стеклянного столика с японской вазой, в которой всегда стояли свежие букеты.

«Продвигаемся!» – отметила про себя Лида.

Лида уже имела право вставлять в беседу кое-какие фразы. Она сообщала о посещении очередной выставки с подругами, о впечатлении от концертов, о своих новых стихах и рассказах, которые появлялись в печати, о теплых встречах с земляками в интеграционном центре. Ханнелора недоверчиво хмыкала и удивленно поднимала брови. Сама она рассказывала о своих многочисленных путешествиях всегда примерно одно и то же – везде скука, жаль напрасно потраченных денег.

-Вот слетала в Дубаи. Выкинутые деньги! Ну, посмотрела их хваленые высотки, архитектуру, прославленную на весь мир. Что такого? Я ее уже и в интернете видела. Конечно, гостиница шикарная. Мой номер располагался на сороковом этаже. Не плохо сверху просматривалась панорама города. Но в ресторане нет даже элементарного сервиса! Какое безобразие! Вечером нельзя заказать красное вино - видите ли, у них запрет - страна мусульманская! Если привлекаете европейских туристов, то будьте любезны, выполняйте их требования! – Лицо ее исказилось от гнева, крашенные волосы на макушке закачались. – Я так директору их ресторана и сказала. Я там всех на ноги подняла, пусть знают, что я про них думаю! Ведь я свободно владею английским языком, не то, что некоторые - и немецкого-то выучить не могут. – Кивок в сторону Лидии. - Но ничего я не добила в этой ужасной стране. Вина мне не дали! Всю неделю я сидела по вечерам в своей конуре. Хорошо, что хоть днем на экскурсии возили. Впрочем, там тоже смотреть нечего было, так, ерунда, скучища да и только! – заключила заядлая туристка.

-А я бы с удовольствием поехала в Эмираты, - осторожно высказалась Лидия, –да не могу. По здоровью не переносу самолеты, врачи запретили летать.

-Да куда вам, фрау, как вас? У вас денег нет на такие поездки. Это я могу себе позволить летать в любые, самые отдаленные уголки мира, потому что у меня была прекрасная работа, и я имею хорошую пенсию.

Она сидела перед Лидией нарядно одетой: на облегающий свитер наброшена вязаная темная накидка, крупные натуральные бусы подыгрывали ее тяжелой фигуре, на пальцах красовались перстни с камнями ручной обработки. Прическа особенно привлекала внимание – фиолетовые короткие волосы торчали в разные стороны. Острый глубокий взгляд был схож с мышинным. Лида с детства помнила взгляд мыши, попавшей в клетку. Женщина с трудом подавила волну неприязни.

«Хороша картинка! Ее бы сейчас в нашу учительскую», - прибегла к чувству юмора Лида.

Однажды осенью, когда Ханнелора была в грустном, ностальгическом настроении, Лида отважилась спросить:

-Почему вы не завели семью?

Сама Лида давно знала ответ на этот вопрос - кто же выдержит эгоистичный характер злобной бабы? Лиде краешком доставалось, и то больно!

-Завести семью? С кем? Все мужчины свиньи и предатели! У меня был друг - мы работали в одной фирме. Встречались с ним много лет, в отпусках жили вместе в гостиницах, ездили по всему миру, но, в конце концов, и он оказался свиньей! Изменил мне с коллегой. Я его выкинула из памяти! – Впервые Лида заметила предательскую влагу в глазах женщины.

«Нет, не забыла, может даже жалеет, что не простила тогда», - подумала Лида.

-Но ведь можно было родить ребенка... Ваша мама жила рядом, посвящала свою жизнь вам. Она помогла бы вырастить ребенка! Сейчас, когда мама ушла в мир иной, вы остались бы с родным дитем и внуками!

«И не бросалась бы на стены со скуки и одиночества», - добавила она про себя.

Ханнелора прямо взвилась, словно ей иголку воткнули.

-Дети! Этого еще мне не хватало! Пока малолетки - крик и визг от них, а в переходный возраст проблем не оберешься! Сколько денег надо потратить, пока начнут сами зарабатывать, себе не останется на отпуск! Вырастут и уйдут - ничего с них не поимеешь. Нет, дети – это такая обуза! Вот чего-чего, а уж ребенка мне не надо было никогда!

Лида вздохнула: когда она потеряла сына, чуть не сошла с ума от горя. Но Бог послал ей в утешение дочку, умницу и красавицу, любовь которой грела Лиду каждую минуту ее жизни.

-Дети – это счастье. Моя дочь всегда радует меня. Я делю с ней свою жизнь.

Ханнелора показала лошадиные зубы в усмешке.

-Ну, какая любовь у вас может быть? Дочь такая же дура, как ее мамаша. Все люди глупы и ограничены. Все - суета, совершенно справедливо сказал мудрец Соломон.

-Вы же не верите в Бога, зачем же вы цитируете Библию? – задумчиво наклонила голову Лида. – К тому же Соломон сказал это на закате жизни, после того, как сам достаточно насладился любовью женщин, детей, друзей, вполне познал силу власти и богатства. Будучи здоровым, он не отказывался ни от чего, испытал все чувства в полной мере, только больным и старым он

сформулировал эту мысль, да и то позаимствовал ее из писаний древних народов.

-Чтоб вы понимали, как вас там... - отмахнулась Ханнелора.

На улице мела метелица, декабрь близился к концу, все ждали чудесного праздника Рождества. Как-то темным ветреным вечером Лида поставила свою небольшую синюю машину на стоянке между церковью и музыкальной школой. Она вышла из машины и стала вглядываться в светящиеся вверху окна класса, в котором занималась ее дочь Алёна. Из приоткрытого окна неслась знакомая мелодия Моцарта - дочка выучила сонату к новогоднему концерту в гимназии.

Напротив, из дверей церкви вышла невысокая женщина в темном длинном пальто. Она тоже подняла голову вверх и стала слушать музыку. Искристые звуки летели вместе со снежинками, кружились хороводом веселым ветерком и падали на белый, дрожащий метелью асфальт.

-Какая прекрасная мелодия! – растроганно прошептала незнакомка.

-Это моя дочь играет, - похвасталась гордая мать. – Она с первого класса учится играть на пианино, а сейчас ей уже пятнадцать лет. Ее приглашают играть на разные концерты.

-Ах, как это здорово! – воскликнула женщина. – Я занимаюсь подготовкой рождественских праздников для одиноких людей нашего города. Уже все прекрасно организовано: помещение, вкусная еда, подарки спонсоров, только в развлекательной программе еще нет музыкантов. Не могла бы ваша дочь сыграть нам эту мелодию? Если конечно, это возможно, ведь вероятно, вы будете отмечать Рождество в кругу семьи? – Она вопросительно взглянула на Лиду. - Мы хорошо заплатим, - она тут же назвала сумму, достойную профессионального пианиста.

-Что вы! – смутилась Лида – Для одиноких она и так сыграет. Ей ведь никогда не платят за концерты – она еще ребенок. А выступить она сможет – мы с родственниками встречаемся на второй день Рождества.

-Нет, девочка будет трудиться и должна получить за это вознаграждение.

Пока женщины разговаривали, из музыкальной школы выбежала Алёнка. Высокая и тоненькая, как березка, она обдала женщин прелестью распускающейся юности. К радости всех трех было решено играть и Моцарта, и Баха, и собственную фантазию, и рождественские песни.

Зима стояла на редкость снежная. Городок, в сорок тысяч населения, буквально увяз в сугробах. По обочинам дорог стояли замерзшие машины, покрытые тяжелыми шапками мокрого снега. Автобусы на Рождественские праздники не ходили. Жизнь в городке, казалось, замерла.

Лида с Алёнкой добирались до ресторана пешком по натоптанной между сугробами тропинке. Мороз щипал щеки. Лида шутила:

-Прямо как у нас на Урале! Сколько лет живу в Германии, такого снега еще не выпадало. Интересно, кто в такую погоду пешком через весь город пойдет праздновать, выйдет из теплого дома?

Но в ресторане уже было полно народу. Организаторы отмечали приглашенных в гостевой книге и прикалывали на грудь заколку с именем. Рояль стоял посередине зала, Алёнка сразу же прошла к нему, чтобы попробовать звук инструмента. Официанты в накрахмаленных сорочках, черных костюмах группой чинно стояли у входа на кухню. Гости в ожидании торжества тихо переговаривались и разглядывали нарядную елку. Огромные темные окна были украшены крупными блестящими звездами. По стенам буквой «П» стояли столы, уставленные кофейными приборами, напитками,

фруктами, орехами и сладостями. Яркий свет слепил глаза, резко выделяя морщинки на лицах гостей.

«Местные немцы, - отметила про себя Лида. – Среди них много индивидуалистов, вот и выброшены в конце жизни за борт. Да, вздорный характер, болезни, ошибочные ориентиры или просто неудавшиеся судьбы привели их сюда. Они вынуждены отмечать праздник среди чужих, таких же одиноких людей. Ни русских немцев, ни евреев, ни уж конечно, турков, хоть их так много в Германии, здесь нет и быть не может. Этим всегда есть с кем встречать любые праздники».

Приглашенные стали рассаживаться за столами. Лида с Алёнкой сели в центре, чтобы дочке удобнее было выходить к роялю. Вдруг за дальним столиком Лида увидела знакомое лицо. Ханнелора сидела, выпрямив спину, немного откинув голову назад, ее пиджак с цветным рисунком выделялся ярким пятном среди нарядов гостей. Лида помахала ей рукой, но Ханнелора не отреагировала. «Не видит что ли?» - спросила она себя. Извинившись перед милым старичком, сидевшим рядом, Лида поднялась и пошла к немке.

-Добрый вечер, дорогая Ханнелора! Как дела? Рада видеть вас. Я приглашена сюда вместе с дочерью. Сегодня вечером она будет играть для гостей, значит, и для вас тоже.

-Какая еще дочь? – низким голосом пророкатола Ханнелора.

-Ну, вот эта девочка, что сидит за роялем.

Алёнка, сидя на круглом стульчике, тихонько перебирала клавиши. На белом лице ее играл легкий румянец, глаза, обрамленные пушистыми ресницами, светились радостью, распущенные каштановые волосы спускались до пояса.

-Эта девушка – ваша дочь? – недоуменно подняла выщипанные брови немка.

-Ну, да. А хотите, я рядом сяду? Вместе с нами вам веселее будет. Эти два места не заняты? – взялась Лида за спинку соседнего кресла.

-Да, конечно! Прошу вас, Frau Silber, садитесь! – Ханнелора смотрела на Лиду с интересом, как будто видела впервые. – На вас отличная блузка, прекрасный вкус! Наверное, дорого стоит...

Вечер начался с поздравлений, стихов и песен под баян. Затем Алёна сыграла сонату Моцарта. Во время ее исполнения Ханнелора подалась вперед, вытянула шею и не сводила глаз с пианистки. Когда публика восторженно захлопала, немка прикрыла рукой глаза.

Лида оглядывала зал: все были радостно возбуждены, кто-то из гостей захотел рассказать стих, помнящийся с детства, какой-то дедок смешил народ байками, бабуся неожиданно правильно спела «Аве Мария»: в программу вечера отлично вписалась самодеятельность. Гости пили кофе, чистили апельсины, брали рождественские печенья с плоских расписных тарелок. Алёнка подошла к высокой, смазливой ведущей и попросила микрофон. Та с улыбкой протянула его.

-Я хочу спеть для моей любимой мамы и ее знакомой Ханнелоры всем известную песню «Святая ночь». Они сидят здесь, вот за этим столиком, - Алёнка указала на встрепенувшихся женщин. Головы присутствующих повернулись к ним. - Всех прошу петь вместе со мной.

Зал приветственно захлопал. Высоким нежным голосом, медленно и ясно ведя мелодию, Алёна исполнила популярную старую песню Рождества. Люди подпевали, поддерживая юную певицу улыбками.

-Какое безобразие! – как будто сама себе произнесла Ханнелора.

-О чем это вы? – удивилась Лида.

-Как жаль, что это не моя дочь! - воскликнула немка горько. – Я могла бы дать ей так много! Я могла бы одеть ее в дорогие наряды, возить по лучшим отелям мира, кормить только биопродуктами. А что она видит с вами? Что вы можете ей вообще предложить в этой жизни?

Лицо ее исказилось гримасой зависти. Лида поняла ее и пожалела. Это надо же так прожить свою долгую жизнь, чтобы не иметь друзей, подруг, своего мужчины, рассориться с сестрой, ненавидеть соседей, растерять связи с коллегами и, в конце концов, чуть не захлебнуться от зависти на чистоту и доброту чужого ребенка!

-Ну, почему же Аленка со мной ничего не имеет? – ответила Лида мягко. – С ней моя любовь и мои заботы. Мы вместе ходим в церковь, молимся Богу. Иногда в нашей квартире бывают писатели и поэты. Мы ходим с ней на выставки и концерты. Она с первого класса занимается танцами и музыкой, я оплачиваю обучение. Одно время, пока учительница не переехала, увлекалась рисованием, я платила за частные уроки, рисунки выставлялись в окрестных городах. Она видит пример трудолюбия и экономии и сама старается – учится отлично в гимназии. У нее много хороших друзей и подруг. Я даю ей определенные ориентиры в жизни. Вот поступит в университет, окончит, устроится на работу и тогда сможет посмотреть разные страны сама. Со своей уже семьей. Конечно, не столько, сколько сумели увидеть вы, но у нее будут и другие радости. Я не думаю, что даю ей меньше, чем могли бы дать вы.

Ханнелора выслушала тираду молча и не нашлась, что ответить.

А вечер продолжался. Вкусный ужин и приятная атмосфера располагали людей к знакомствам, и вот уже из сумочек стали доставать ручки и писать на салфетках свои адреса. Беспроигрышную лотерею встретили шумно. Лида выиграла набор открыток и разглядывала их. К ней подошел старичок с мотком шерстяных ниток.

-Извините, не хотите ли вы получить еще и мой подарок в придачу? Сам я не вяжу почему-то. - Он засмеялся своей шутке, она показалась ему очень удачной. - А вы, как мама нашей замечательной музыкантши, можете связать для нее что-то интересное.

-Ага, интересное - носки, например, - подхватила тон Лидия.

Из католической и евангелической церкви пришли священники. Они поочередно провели короткие службы. Перед ними горела свеча, зажженная от святого огня в Иерусалиме. Потом Санта-Клаус раздавал подарки – блестящие пакеты с разной мелочью, пожертвованной магазинами: фонариками и кремами, пачками чая, коробками конфет, календарями и книгами, расписными кружками, ручками и бижутерией. Дух мира и покоя царил в зале, занесенном со всех сторон снегом, как и над всей землей в этот чудесный вечер.

После этого вечера отношения двух женщин изменились. Ханнелора стала приглашать Лиду в гости, угощала кофе с печеньем, выпрашивала ее о жизни. Она стала читать редкую литературу о русских немцах, интересоваться жизнью Лидиных знакомых. У нее была хорошая память и позже она уточняла, как идут дела у того или другого человека. Иногда она дарила небольшие подарки: маски для лица, кольца, ставшие узкими, надоевшие старые браслеты, ненужные вещи.

-Вы, Frau Silber, найдете, куда их пристроить. У вас широкий круг знакомых, кому-то понравится.

Особую часть их разговоров составляла тема родственников. Ханнелора рассказала, как рассорилась с сестрой из-за наследства матери. Теперь сестра знать ее не хочет, уже несколько лет они не общались. Сестра живет далеко. Для Ханнелоры это большая потеря, ведь с утра до вечера ей не с кем перемолвиться словом, некому позвонить. У нее нет даже кошки или собаки – она часто уезжает из дома, оставить не с кем, а приют животных – мучение для зверя. Нельзя даже завести цветы на подоконнике. У Лиды были доверительные, теплые отношения со своей младшей сестрой, и хоть сестра жила не близко - в соседнем городе – это не мешало им встречаться и поддерживать друг друга.

Лида подробно рассказывала о сестре и о земляках, многие из которых стали писателями только тут, в Германии, поскольку появилось свободное время и охота переосмыслить прошлую жизнь, сопоставить ее с сегодняшней.

-Вы прожили долгую жизнь, полную впечатлений, - уговаривала Лида хозяйку, - напишите об этом. Людям будет интересно - далеко не все могут позволить себе побывать в разных уголках земли! Вы наблюдали быт и традиции разных народов, природу и климат в разных краях, видели архитектуру, церкви, памятники и музеи - сделайте же что-то со всем этим знанием!

-Ах, все это ерунда! – отвечала немка. – Только пустая трата денег! Везде одно и то же!.. На всех концах земли только скука. Да и кому нужны чужие переживания? Все хотят и спешат чувствовать сами. Пусть люди сами зарабатывают себе деньги на путешествия, а не читают о них. Да и чтоб издать книгу, нужно затратить уйму денег - это не окупится, а делать что-то себе в ущерб я не могу. Когда была жива моя мама, я рассказывала ей обо всем. Она меня во всем поддерживала и понимала...

Глаза Ханнелоры затуманились...

«Ага, поддерживала, как же! – прокомментировала про себя Лида. Не поддерживала, а придерживала тебя для себя. Сама была, скорее всего, такая же вредная и жадная. Ни с кем не могла ужиться, вот и держала младшую дочку у подола, «открывала глаза» на всех ее женихов, чтобы самой делить жизнь с кем было. У меня одна дочь, но я отпускаю ее, пусть строит свою семью. А я буду нужна – позовет...»

-Давайте, когда-нибудь вместе сходим на кладбище к вашей маме. Вы ее очень любили, наверное, скучаете за ней. Моя лежит на Липовом кладбище, за нашим городом. Я езжу туда в любую погоду. Мне хорошо в таком тихом и красивом месте, полном цветов и птиц, думать о ней.

Лида расслабленно сидела в низком кресле, апельсиновый сок желтел в стакане.

Ханнелора вздрогнула так, что даже слегка подпрыгнула в кресле.

-Что? На кладбище? Никогда! Вот уж никогда! В такое страшное место я в жизни не пойду! Там лежат мертвецы! Закопанные люди! Под землей! – Лицо ее стало еще темнее.

-Но ведь ваша мама была дорога вам! – удивленно возразила Лида.

-Да, была. Но теперь ее нет!

-Ее нет уже три года. Вы ходили хоть раз на ее могилу? – Еще больше удивилась Лида.

-Нет! И не пойду! Там моей матери нет. Там только страшное холодное тело закопано. Там труп...

Лида развела руками.

«Боже, какие комплексы! Ханнелора боится смерти! Поэтому она так следит за собой: массажи, сауны, зарядка, диеты, прогулки... Солярий без меры - всегда загорелая кожа! Все это, чтобы подольше не превратиться в холодный труп, который так напугал ее при прощании с матерью».

Лиде было жаль старуху: никому она не нужна, ее похоронит город в безымянной могиле, дорогие вещи отвезут в магазин для бедных, остальное выкинут у подъезда. Подгонят машину, чужие дядьки забросят вещи, к которым она прикасалась, в глубокое нутро оранжевого грузовика по уборки мебели и увезут. Квартиру заберут государственные служащие, порадуются, что она умерла, и даже сестре никто не сообщит о ее кончине. Конечно, это будет еще не скоро – на здоровье Ханнелора не жалуются - но это будет.

Забвение... Оно грозит всем людям на земле, но каждый приходит к нему разными путями.

-Дорогая Ханнелора, - сосредоточилась Лида. – Не бойтесь смерти – это только дверь в новую жизнь, - сказала она, проникновенно глядя в глаза хозяйки. – Господь может дать вам спасение, если вы посвятите ему свою жизнь. Сделайте правильный выбор тут, на земле, и вы будете жить вечно и прекрасно.

-Замолчите сейчас же! На эту тему я стараюсь не говорить! Я нахожусь в своем доме и могу распоряжаться, как хочу! В вы в гостях, Frau Silber, так потрудитесь соответствовать! О темных сторонах действительности я стараюсь не думать, а вы так неосторожно напоминаете о том, о чем нельзя разговаривать и размышлять!

-Воля ваша, я же не спорю, - тихонько ответила Лида.

Огорченная, она вышла на балкон. Стоящая напротив стройная, кудрявая липа роняла желтую листву. Солнце садилось. В воздухе пахло влагой, на асфальте поблескивали лужи.

-Хорошо-то как на улице! Пойду, погуляю! – повернулась Лида к хозяйке.

Ханнелора тоже вышла на балкон, оглянулась вокруг, вдохнула свежий прохладный воздух полной грудью.

-Пойдемте вместе, Frau Silber! Забудем о грустном!

«Вот и еще изрядно продвинулись вперед, - отметила Лида. – Не зря я терплю всю эту чернуху...»

Две женщины медленно шли по осеннему парку. Сумерки стерегли свое время в густом кустарнике. Ладонки-листья лип выстилали пути. Тропинка привела к небольшому пруду. Дикие утки, совсем не дикие, а ручные, бродили у ног в надежде на хлебную подачку.

Ханнелора, в ярком пуловере, в брюках с заклепками и шлепках на босу ногу, живописно дополняла открывшуюся взору картину. Водная гладь была перечеркнута висячим мостом. В тинной глуби лениво шевелили хвостами огромные карпы. Рыбешка помельче плавала у поверхности воды. Женщины с моста наблюдали за рыбьей жизнью.

-Нахлебники и тут плодятся. Если бы у нас был хлеб, эти рыбы тотчас набросились бы на крошки в драку! Везде одно и то же - каждый хочет, чтобы ему подали еду в рот! Что у зверей, что у рыб, что у человека! – посетовала Ханнелора. Было видно, что ей хотелось поговорить. Лида наблюдала за белыми пышными облаками на низком небе.

-Да, все дорожает... Машину на техосмотр отвезти – деньги, отремонтировать – опять деньги, за бензин – вообще уйма денег! А без машины не проживешь: автобусы ходят редко и проезд дорогой. А как подорожали

продукты и промтовары! – Ханнелора стала перечислять товары, на которые в последние месяцы повысились цены. Глаза ее живо заблестели. Она знала и помнила массу наименований, стоивших еще недавно дешевле. Немка ругала политику экономии, международный кризис и меняющуюся погоду. Иногда в запале она прокручивала на пальце крупный рубиновый перстень.

«Боже, где набраться терпения на эту женщину? – думала Лида.

Природа красовалась недолговечным пестрым нарядом, давая силы утомленной душе.

-Вот и погуляли вместе! – попрощалась Лида, она улыбнулась и поправила светлые волосы. – Хорошего вам вечера и спокойного сна!

-Было очень хорошо вместе! – удовлетворенно кивнула Ханнелора. – Может быть, на следующей неделе в это же время снова прогуляемся? – Морщины на ее лице разгладились, а поперечная складка на лбу даже вроде исчезла.

-Я запишу дату в календаре, - кивнула Лида.

Они расстались. Лида села в «фольксваген», и он легко покатыл по знакомой дороге к дому.

Лида следила за дорогой, а в памяти стояла улыбка Ханнелоры. Лида еще очень хорошо помнила, как брезгливо сморщилось лицо хозяйки, когда она впервые случайно коснулась Лидиной руки, подавая ей выжатую тряпку. Это было несколько лет назад. Все эти годы Лида стремилась к цели, и вот, похоже, цель близка. Пережитые унижения уже не жгли ее сердце, а радость предстоящей победы наполняла гордостью. Постоянно, систематически, терпеливо и упорно заставляла она злую, раздраженную, разочарованную во всем женщину уважать и даже полюбить себя. Зачем ей это было надо? Она и сама не знала. Наверное, другие, более благородные цели отступили благодаря мирному и спокойному времени. Относительное спокойствие в обществе не требовали большого напряжения душ. Борьба, конечно, не прекращалась никогда, но стусевалась, сытые годы давали возможность людям жить нормальной человеческой жизнью и иметь преодолимые проблемы.

Вдруг резной березовый лист приклеился на лобовое стекло.

-Ты откуда, березка? С родного Урала? – обрадовано прошептала женщина, и мысли ее переключились на заботы дня.

В очередной раз, после того, как Лида перемыла окна и убрала в хозяйской квартире, обе женщины привычно расположились в креслах.

-Сегодня я приготовила сюрприз для вас, Frau Silber, - таинственно сообщила Ханнелора.

Она достала из шкафа альбом в кожаном переплете. Лидия терялась в догадках. Что же это могло быть: может, детские и юношеские фото?

Ханнелора еще ни разу не показывала ей какие-либо снимки.

-Я недавно побывала в Ирландии. Там только зелень, трава и коровы. Ну, горы есть. Ужасная скука, как всегда и везде. Напрасно выкинутые деньги! Когда я рассказывала вам о том, что на свете много однообразных и унылых мест, вы, моя подруга, мне не верили. Так вот, собираясь в это путешествие, я специально купила фотоаппарат, чтобы вы могли сами в этом убедиться! Раньше у меня не было охоты фотографировать, потому что показывать фото некому, а хранить их нет смысла - для кого? Но в этой поездке я с удовольствием поснимала ирландские пейзажи для вас.

Лида переворачивала аккуратно оформленные страницы альбома: просторы Ирландии были необозримы и действительно монотонны.

-Ах, Ханнелора, неужели у вас не было там интересных встреч, захватывающих впечатлений? Интересных попутчиков? Короткой, но яркой дружбы?

-С людьми надо быть всегда настороже, - нахмурилась та. – Жуликов везде много, особенно же в путешествиях. Вот случай из последней поездки. Наш лайнер был весьма комфортабельным - придраться не к чему. Ресторан шикарный, но цены высокие. На островах всегда цены повышены в разы, так как доставлять продукты с материка дорого. Однако не могу же я себе отказать в рюмочке французского красного вина по вечерам? Мы плыли как раз по Ирландскому морю, недалеко от городка Грейстонса, что в графстве Уиклоу. Дублин, если вам это что-то говорит, находится примерно в тридцати километрах от этого места. Итак, пассажиры отдыхали. В баре на низеньком столике горели свечи. Я спокойно сидела в глубоком кожаном кресле. Моя белая сумка в тон брюк, лежала на ручке кресла. Медленно подошел высокий мужчина с верхней палубы, я его давно заприметила - он всегда смотрел в мою сторону, когда я заходила в ресторан поесть. У него благородный вид, но каков негодяй! Он попросил разрешения сесть рядом и стал говорить мне ужасные глупости: что я интересная дама в расцвете лет и очень ему нравлюсь! Представляете, Frau Silber! Будто я не вижу, что он моложе меня и, значит, ищет даму постарше, чтобы поживиться деньгами. Альфонс! Конечно, в моей жизни было не много секса, я себя считаю обделенной в этом вопросе, но платить по подобным счетам считаю недостойным. У меня есть чувство собственного достоинства. Об этом я ему очень корректно и сказала.

-Елки! – воскликнула Лида, искренне жалея, скорее всего, ни в чем не повинного человека. - Вы же не знали точно его намерений - быть может, вы действительно понравились ему, ведь на вид вы такая экстравагантная женщина!

Ханнелора торжествующе улыбнулась:

-Нет, я попала в точку! Он так покраснел, так смутился! Значит, имел нечистые мысли! А может, он – вор, и его привлекла моя сумочка - он хотел кошелек стащить. А там у меня чего только нет, и кредитная карта тоже! Таких проходимцев я всегда опасюсь в гостиницах. И вам советую, Frau Silber, не доверять людям. Вы такая открытая, профессионалы выделяют вас из толпы, идут за вами и ждут возможности стянуть сумку или кошелек. Ведь у вас уже не раз воровали, даже уже в Германии, не говоря о России. Вот у меня ни разу в жизни никто ничего не украл! И я ничего не теряю, в отличие от вас. Как-то раз, года два назад, когда вы навестили меня больную, вы оставили у дверей свой зонтик. Дождь кончился, и вы просто забыли его. Хорошо, что я высоконравственный человек и вернула его вам. Разве можно быть такой рассеянной?

-Н-да... Действительно.. – только и могла вымолвить Лида.

Ханнелора много и охотно говорила о новом скачке цен, о необходимости экономить буквально на всем, любопытствовала, как может Лидия сводить концы с концами в столь сложные времена. Та сидела и рассеянно слушала в пол-уха, а в душе у нее играла музыка из названий невиданных мест: Дублин, Грейстонс, Уиклоу...

Алена окончила гимназию и поступила в университет. Ездить студентке приходилось с тремя пересадками. Лида отдала ей в пользование

«фольксваген», сама же стала покупать месячные проездные билеты на автобус. Ханнелора изредка приглашала Лиду в послеобеденное время в гости на чашечку кофе. Немка в последние месяцы стала жаловаться на здоровье, на ухудшение слуха. Ее фиолетовые волосы уже не так задорно торчали во все стороны. Как-то раз, встречая Лиду у порога, Ханнелора протянула ей бутылку вина.

- На этой неделе я опять купила себе любимое французское вино. Хочу приобщить и вас, Frau Silber, к поклонникам этой марки. Это сухое красное вино "Bordeaux Grande Reserve" из региона Крессманн. В его состав входят сорта винограда Каберне Совиньон и Мерло. Конечно, я не угощаю вас бордоским, например бутылочкой „Ramon". Это дорого! Очень дешево можно было купить и вина Нового света, - по глубокому мягкому коври хозяйка прошла в глубь зала. – Чилийские и аргентинские вина имеют прекрасный вкус и аромат. Дело в том, что лет пятьдесят назад в Аргентину завезли французскую лозу, и она там прижилась. Виноделие получилось современным, иногда даже и автоматизированным, поэтому себестоимость вина низкая. Ну, а во вкусе эти вина, можно сказать, не уступают французским. Но я все-таки предпочитаю традиционное производство! Надеюсь и вам понравится!

Ханнелора присела у столика и разлила по бокалам вино из стоящей рядом полупустой бутылки с такой же этикеткой. Лиза с интересом слушала хозяйку.

-Я наливаю понемножку, так, чтобы распробовать вкус, ведь вам пить нельзя, вы на машине. Мы выпьем не сразу – вино должно подышать комнатной температурой. Это называется шамбрированием.

-Ничего, мне можно, я на автобусе теперь езжу.

Ханнелора нахмурилась.

-Все равно не будем наливать по полному бокалу – это моветон!

Лиза рассматривала этикетку, а сама думала: «Вот как раз подарочка этого, тебе, Ханнелора, делать-то и не надо было! Зачем ты купила мне вино? Издержалась... Две одинаковые бутылки! Это значит, ты поставила меня на один уровень с собой. Тебе хотелось, чтобы я наслаждалась тем же, чем и ты - а это конец. Конец нашим отношениям. Я добилась того, чего хотела. Мне больше нечего делать рядом с тобой. Моя цель достигнута!»

Лиза смотрела в маленькие быстрые глаза Ханнелоры, и они уже больше не казались ей мышиными - эти глаза излучали радость от встречи с ней. Лиза вздохнула.

В квартире было тепло. На тарелочках ждали своего часа разложенные сладости Картины с японскими мотивами, высокие вазы по углам, шкаф и тумбочки старинной работы, антиквариаты на полках – все это было так знакомо Лиде! Она вытирала эти вещи от пыли, а они полноценно платили ей своей красотой. Женщине было жаль покидать насиженное место, особенно же жаль Ханнелору, которая останется снова вдвоем с оживающим одиночеством.

Они спокойно беседовали, а печальные мысли все вертелись в голове у Лиды. «Ханнелора – злобная, черная душа, а прикармливать зло, значит грешить. Грех мне с ней оставаться! – Размышляла она и тут же сама себе противоречила. – А как быть с понятием о добре, воспитанным советским обществом: «мы в ответе за тех, кого приручили» по Экзюпери. Это наше общее понимание дружбы и любви. А где в моем сердце находятся библейские истины? Христианская мораль «люби врагов своих»? Если можно любить врагов, то значит, можно любить и Ханнелору, да она вовсе и не враг мне. Конечно, это верно, но таким образом можно оправдать любое зло. Ханнелора

приносит черноту в мою душу, от нее надо избавиться! – Лида тяжело вздохнула - Но защищают ведь адвокаты плохих людей, и не все это делают только за деньги и по обязанности, некоторые жалеют их. А кто пожалеет меня, даже если я хорошая? А так ли это на самом деле - вправду хорошая? Вот уже сомневаюсь... Зачем мне лишний негатив? Его и так в мире полно! А как буду я жить одна, если Аленка по каким-то причинам выйдет замуж в далекие края? Не буду ли и я тогда нуждаться в общении сильнее, чем в хлебе? Устала доказывать...»

-Что-то вы выглядите не очень свежо, моя дорогая Frau Silber, не заболели ли вы? – почувствовав неладное, заволновалась Ханнелора.

Домой Лида пошла пешком. Яркое солнце будило почки на деревьях, грело уставшую от сумеречных месяцев землю. Гомон птиц не мог заглушить звуки дороги. Глаза редких прохожих были наполнены синью неба.

Как быстро летит время! Вот и опять весна...

Т Е Н Ь

Утром встала – и за дело! Днем верчусь-верчусь, на перекус кое-как время выделяю, а вечером – детективчики, так чтобы со стрельбой и погонями, чтобы мне разгадывать, чем дело кончится, чем сердце успокоится. И все! Приходит ночь! Я оттягиваю приближение сна: вот еще что-то сделала, еще кому-то позвонила, туда-сюда... Но лечь в постель все-таки надо.

Ложусь, выключаю свет. Тишина в квартире оглушает. Но внешние звуки существуют: за окнами по дороге катятся машины, по тротуару изредка протопает запоздавший прохожий. Тени бегают по занавескам, прячутся в плотных шторах. Не могу уснуть! Тревожит разговор с приятельницей. Она местная немка, крупная, интересная женщина. Зовут ее Утой, а я про себя зову ее Уточкой за немного переваливающуюся походку. Она приезжает ко мне в гости редко, но встречи всегда запоминаются надолго, мне с ней хорошо. Я жалею Уточку – у нее недавно умер муж, с которым она прожила почти сорок лет. Детей у них с мужем не было, и теперь Уточке трудно самой справляться с большим домом и садом.

В прошедшую субботу она снова приезжала на своей «Хонде» в наш город. Мы погуляли с ней в парке, посидели в кафе, посетили магазины. Весь день мило болтали обо всем. К вечеру, уставшие, зашли в уютный ресторан. Сидели после ужина довольные и сытые, я готовилась уже сказать слова благодарности за отпускной день и попрощаться. Вдруг Уточка придвинулась ко мне и взволнованно зашептала:

-Посмотри, какие тени в гардинах...

И действительно, в гардинах шевелились тени, как будто кто-то стоял сзади и глубоко дышал.

-Ты сразу засыпаешь или лежишь перед сном подолгу, не закрывая глаз? - спросила Уточка, отчего-то вздрагивая.

Я медлила с ответом, понимала, что Уточка хочет рассказать мне что-то очень важное для нее.

-А я вот подолгу не могу заснуть - все думаю о своем муже Альберте. Знаешь, без отрыва смотрю на занавески, они легко колыхнутся от ветра, окно

приоткрыто, тени как живые, бегут от занавесок в глубину штор. – Уточка вытаращила глаза, но мне не было смешно, мне стало страшно.

-Ну, - выдохнула я.

-Однажды ночью, несколько месяцев назад, одна тень спряталась в складку. И я спросила ее: »Это ты, Альберт?» «Я, родная, » – ответила тень голосом, таким дорогим, ни с кем его не спутать! «Ты помнишь, как мы с тобой катались на кораблике в отпуске на Лазурном берегу? Тогда еще ветер сорвал с моей головы кепку, и ее унесло в море, а мы смеялись, потому что нам тогда все смешно было... Помнишь?»

-И ты помнила?

-Конечно! Но спросила осторожно: «Альберт! Почему ты тут? Ты же вроде за гранью?» Он ласково ответил: «Я видел, как ты тоскуешь, как плачешь в одиночестве, вот и пришел к тебе!» «Я хочу быть с тобой, я так измучилась без тебя. Иди ко мне!» - Тень тихонько засмеялась: » Этого я не могу... Но я буду приходить каждый раз, когда наступит полночь. Жди меня!» Штора колыхалась, я видела в ней очертания дорогого тела. С тех пор мы с мужем разговариваем каждую ночь. Мы много смеемся, грустим, вспоминаем прожитые годы - мне очень хорошо с моим Альбертом! Мне скучно днем, я жду, не дождусь полночи - потом сплю до обеда.

Я содрогнулась.

-Ута! Это же грех какой – разговаривать с мертвыми! Этого нельзя делать ни в коем случае! – Я заглядывала в ее задумчивые глаза, искала в них следы раскаяния, вины, но не находила. - Это бывает иногда с вдовами, которые прожили в супружестве долгую жизнь, их посещает нечистая сила, пользуется их горем, втирается в доверие. Так можно сойти с ума, Ута! Брось это занятие!

-Нет, нет! Я так одинока и не знаю, как жить без него! Я не предаю тень Альберта! Это все, что у меня осталось! Я люблю эту тень!

И теперь, лежа в постели, я слежу, как по занавескам движутся тени, перебегают на шторы, прячутся в них, колыхают темную ткань. Я закрываю глаза, прошу Бога за Уточку и благодарю его за то, что ко мне не ходят говорящие тени.

19.05.12
Орлингхаузен

ДЕВОЧКА И ШАР

Сказка - загадка

Жила - была одна девочка. Она очень любила сочинять песенки. Бывало, рано утром откроет бабушка окно в сад, девочка слушает, как птицы заливаются – прославляют встающее солнышко и новый день – да и запоет сама. Везде пела девочка: в детском саду, на улице с подружками, дома для своих родных.

Вот однажды ночью приснился ей светящийся шар, а внутри него – буквы, из них короткое предложение сложено. Буквы светились разными красками, кружились внутри, когда девочка поворачивала шар. Девочка не умела читать, но догадалась, что внутри летают самые главные для нее слова. Их было три: одно совсем коротенькое, другое чуть длиннее, а третье еще длиннее. Тихий звон легкой музыкой лился из волшебного шара.

Девочка проснулась и увидела: прямо рядом с ней, на подушке, лежит именно этот шар. Девочка взяла его: он был мягким, податливым и теплым, как мамины руки. Девочка стала играть с ним – она осторожно перекачивала шар по гладкому столу и наблюдала, как переливаются разными красками буквы. При этом в душе ее рождались новые песни. Она пела их, крепко держа шар в руках, кружилась и танцевала с ним.

Девочка берегла свой шар: грязными руками не брала и по улицам за собой не таскала. Дедушка и бабушка любили внучку и гордились ей: внучка у них росла умницей и по хозяйству хорошей помощницей.

Но случись же такое! Как-то раз девочка не уследила за шаром: она положила его на самый край стола. Тут бежала мышка, хвостиком вильнула, шар упал и разбился. Плачет девочка, а дедушка с бабушкой говорят:

-Не плачь. Мы тебе купим другой шар, еще краше этого!

Но девочка продолжала горевать.

Тогда бабушка напекла сладких плюшек и пирожков и зовет внучку:

-Забудь про шар! Иди, покушай – все вкусненько, свеженько!

Но девочка не хотела есть: она знала, что этот шар родился из ее сердца и предназначен ей для жизни, он – ее судьба, а другой шар будет пластмассовым, сделан на время, только для забавы. Девочка стала собирать разбитые буквы и аккуратно складывать их в картонную коробку из-под обуви.

Долго ли, коротко ли – наступил день девочке идти в школу. Выучила она грамоту, подросла. Но про разбитый шар не забывала: время от времени она доставала заветную коробку, открывала крышку, раскладывала буквы по столу и пыталась сложить ту же фразу, которую видела раньше. Она помнила музыку и ясный свет, который излучал волшебный шар.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Полетели школьные годы, как птицы. Девочка была первой ученицей в классе, верной

подругой и помощницей в доме. Она выросла и превратилась в высокую стройную девушку. И такая она стала умница да красавица, что все люди на нее заглядывались.

Чего же ей еще не хватало? А нужен был ей ее прекрасный шар! Но среди всяких важных дел: старательной учебы, а потом добросовестной работы, волшебный шар был постепенно забыт. Коробочка на шкафу покрылась плотным слоем пыли.

Но как-то ночью девочке снова приснился необычный сон. Ей опять, как в далеком детстве, звенел песнями ее светящийся разноцветный шар, она играла и танцевала с ним. Девочка тотчас же проснулась. Ей стало очень стыдно и горько, что она совсем забыла про свой шар.

Она достала старую картонную коробку со шкафа, разложила осколки букв по столу и принялась складывать их в одну фразу. Много дней и ночей трудилась девочка: гулять не ходила, ела мало - только голубей за окнами крошками кормила.

Наконец, буквы сложились в слова. Оболочка шарика срослась, и прекрасная музыка наполнила комнату. Буквы снова заиграли красками, и шар засветился.

-Он ожил! Он ожил! – закричала от радости девочка и захлопала в ладоши. Она стала кружиться и танцевать с ним, как в детстве, пела и смеялась от счастья.

Теперь свой волшебный шар девочка очень берегла – уже никогда больше она не предавала его и не забывала. Из тех букв, что переливались разными оттенками красок внутри шара, девочка научилась слагать такие же цветные и прекрасные стихи. Со временем она стала знаменитой поэтессой. Потом она прославилась на весь мир!

Какие же три слова жили в волшебном шаре?

Догадались? Да: « Я твой талант».

В И К А – М У Х А

(сказка для взрослых)

Виктория Флиге такая славная девушка! Просто загляденье!

Вот смотрит на себя в зеркало: глаза большие, зелёные, брови вразлет, губы резные, а волосы рыжие, кудрявые, золотом в свете лампочки отливают! Да, вот волосы бы и подстричь пора – уже лопатки закрывают и секутся немного. Посмотрела критически на прядь, нахмурилась. Когда? Контрольная на носу, а тут еще начало лета - заниматься не охота.

Вика быстро оделась, сглотнула геркулес, залитый проточной водой с вечера, и вперед – на занятия! А вернулась в свою студенческую комнатку, достала из сумки книги, айпад, мобильник, гамбургер и ушла ставить чайник на общую кухню в предвкушении ароматного вишневого чая. Бабушка научила ее пить вишневый чай. Любила это Вика! Если уже говорить о пристрастиях, то Вика любила еще много чего: кошек и собак, птиц и земноводных, но учиться стала на философском факультете - стремилась понять соотношения социума и индивидуума.

Перед сном опять посмотрела на себя в зеркало. Утомленная... В квартире тихо: одна комната стоит закрытая уже пару месяцев, а живущая в другой комнате соседка Бетина по друзьям да по дискотекам мотается. Она приходит за полночь, когда Вика десятый сон видит. По вечерам Вика может долго разговаривать с Денисом. От «Скайпа» к Вике идёт тепло его сердца. Сердце близко, а сам-то Денис далеко: у него и другой город, и другой университет, но, встречаясь на каникулах, они оба снова и снова понимают, что случайностей нет на свете, и что редкий случай перерастания детской дружбы в вечную любовь – вот он!

Вика вздохнула, взглянула на часы. Ждёт! Поговорили о пустяках - вечером оба должны подготовиться к семинарам. Перед сном Вика подошла к умывальнику, чтобы зубы почистить. Смотрит - а на зеркале-то муха сидит. Та самая, что и утром тут сидела. Вика умывается, и муха четырьмя лапками голову обхватывает, шоркает, моет! Ко сну, значит, готовится. Да, дома у родителей Муська есть, а тут некому в ноги лечь, помурлыкать. Кошки нет, зато в хозяйстве муха завелась постоянная. А как она, муха, живет? Что целый день делает, пока Вика учится? Что она думает, как переживает? Может она вообще думать? Наверное - у нее ведь есть свободная воля, как и у человека: хочет влево летит, хочет - вправо. Значит, она выполняет свои желания, у неё есть стремление, подобное стремлению человека осуществлять свои задумки.

Муха быстрыми движениями почистила не только голову, но и крылья, и все серо-зелёное тельце. Активная, здоровая, весёлая муха. Глазами огромными туда-сюда. Вот бы мухой стать! Хоть не надолго! Полетать по комнате, посидеть на потолке кверху ногами.

Комната, наверное, для мухи как аэродром. А на горизонте шкафы! Там столько укромных уголков, посидеть бы в них мухе-Вике!

-Муха, муха, Цокотуха, позолоченное брюхо, давай поменяемся местами, давай поменяемся телами? – пошутила Вика вслух.

И вдруг муха ответила тоненьким голоском:

-С радостью! Я уже второй день живу на свете, а еще не была человеком. Ты залетай в меня, а я в тебя залечу.

Вика очень удивилась. Но не упускать же такую возможность! Когда ещё муха такое предложит! Вот другие мухи только жужжали, а о договоренностях и речи не было, они вовсе не разговаривали с Викой. Правда и то, что она сама им тоже ничего не предлагала.

-А как это конкретно совершить? – по-деловому спросила девушка.

-Ты человек, ты и думай как, – отозвалась муха.

Вика склонила голову: «Ах, какая нахалка эта муха! Сама не хочет придумать. Опять все я должна делать, прямо как с соседкой: только я посуду мою и убираю в квартире».

Вдруг вполне подходящая идея осенила студентку: не зря она училась на философском факультете.

-А давай так: скажем « раз два три – душа в меня войди», – воскликнула Вика.

-Отлично! Ты не расстраивайся: твой завтрашний доклад на семинаре о знаменитом французском психоаналитике, теории культуры и историке Фуко я уже прочла. Пока тебя не было, я ещё и все названия твоих книг изучила, – Цокотуха мохнатыми лапками провела по умной головке.

-На самом деле мне очень приятно вселиться в такую способную муху, – улыбнулась Вика. - Ну, давай вместе, - взмахнула она рукой.

Муха и Вика дружно повторили:

-Раз, два, три - душа в меня войди!

И в ту же секунду всё закружилось у Вики перед глазами, ей стало легко-легко. Прямо перед собой она увидела огромные почти прозрачные глаза мухи.

«Ну да, я же на зеркале сижу, – сообразила студентка. – Вот значит, какая я стала!»

Свой новый вид ей очень понравился: крылышки переливались разными цветами, серо-зелёное брюшко легко подтягивалось, нос хоботком, шесть чёрных лапок цепко держались за гладкую поверхность стекла.

-Классно! – с восторгом подумала Вика и, взмахнув крыльями, полетела.-Ура! Лечу-у-у! – завопила Вика тоненьким мушиным голосом.

Она сделала несколько кругов под потолком, привыкая к новым ощущениям.

-Абсолютно несопоставимая тактильность ног! – заявила она аморфно лежащей на полу в ванной комнате бывшей собственной оболочке.- Очень точное трехмерное видение!

Голова девушки приподнялась, и она умоляюще застонала:

-Нет, нет... Я не хочу... Тело слишком тяжёлое. Давай вернемся назад в свои привычные тела. Все давит, мне трудно дышать...

Девушка-Цокотуха ворочалась под раковиной, стараясь приподняться.

-Не хнычь! Все прекрасно! – и муха-Вика вылетела на кухню.

- 2 -

Запах хлеба приятно защекотал ноздри, а в брюхе заурчало от голода. На столе лежала хлебная крошка, муха-Вика тотчас же спустилась к ней и принялась есть, помогая себе передними и средними лапками.

-И чем только занималась муха-Цокотуха весь день! Книжки просматривала вместо того, чтобы вовремя покушать! - проворчала Вика так же, как бывало, ворчала на неё мама. Мама с папой иногда по выходным навещали дочку в общежитии. Они приезжали из далёкого города, привозили с собой кучу всякой вкуснятины: жареной и пареной. Все это не только для своего

горячо любимого чада, но и для друзей-студентов, чему те были безумно рады. Еще бы! Дюнеры, пиццы и гамбургеры надоедали всем страшно!

-А теперь вот я и крошке сухой рада! - Вика с теплотой вспомнила родителей. – Видели бы они меня сейчас! Они за всю свою долгую жизнь ни разу не летали. Разве только на самолетах...

Наевшись до отвала, Вика почувствовала сонливость. В свою комнатку она не полетела: оттуда с кровати раздавались жалобные стоны и мольбы противной девчонки. Вика решила провести комнату соседки. Эта комната была значительно больше Викиной, в ней царил полнейший беспорядок. Вика облетела комнату, неодобрительно поглядывая на разбросанные вещи и заваленный бумагами стол, подыскала себе место на засиженном мухами окне и стала разглядывать улицу.

Далеко внизу горел фонарь. Белый свет его кругом лежал на тротуаре. Чёрная зелень кустов не отбрасывала тени. Там, за стеклом, июньский воздух был теплым и душистым, а тут в комнате было душно и неуютно. Вика покружилась немного среди книг, выбрала философию Канта и смежила веки своих огромных глаз. Два усика на макушке опустились, и она задремала. Её глаза, которые могли видеть окружающий мир спереди, сзади и с боков, такие прекрасные глаза, имеющие чудесные возможности неведомые человеку, закрылись. Утомленная столь сложными ощущениями вечера, муха-Вика погрузилась в сладкий сон.

В три часа ночи, когда все порядочные мухи спят, появилась хозяйка комнаты, Бетина. Яркий свет заставил нашу муху-Вику очнуться, она покинула свое местечко и жужжала, вылетев на середину комнаты. Сердито выговаривая соседке, она уселась на гладкую дверцу одежного шкафа

-Ну, вот ещё и поганые мухи тут! Как будто не хватило мне неприятностей на сегодня! - раздраженно воскликнула Бетина. – Придешь домой, тут ты сидишь!

Она взяла мухобойку и с размаху хлопнула по тому месту, где только что сидела наша драгоценная муха-Вика. Та едва успела увернуться. Лапы её задрожали от страха: новоявленная муха не успела научиться хорошенько летать, повороты давались ей с трудом. Она поняла, что сейчас погибнет под жесткой огромной мухобойкой и не придется ей уже сдавать ненавистную контрольную, и завтра Денис не дождет её у скайпа, и мама с папой будут горько плакать над жалобной чужой девочкой с её обликом.

Муха-Вика стремительно понеслась к Ницше. «Он вызвал много горя и бед на свете своими страшными идеями и теориями, но может быть полезен сейчас. Он может спасти меня от верной смерти, – в панике соображала муха-Вика. Она изучала философию Ницше и понимала, на что идет.

-Раз! Ещё раз! – приговаривала, хлопая клеточным пластиком Бетина. – Ах, ты тварь! Я тебя прикончу! Ты не будешь жужжать мне под ухо всю ночь!

-Вжик, вжик! – звучал пластик, и муха-Вика бросалась то в одну, то в другую сторону. Наконец, она спряталась под раскрытый томик Ницше.

Бетина разочарованно оглядывалась по сторонам.

-Удрала! Ну, я тебя всё-таки доканаю, вылети только! – девушка с сожалением бросила страшное орудие убийства. Стянула майку, брюки и повалилась на кровать. Уже через минуту мушиный враг сладко посапывал, подложив под голову ладошку.

-Ага, муха ей помешала своим жужжанием! – возмущалась Вика, вылезая из своего убежища. – На дискотеках шум и гам, грохот ударников – так это нормально! Это не мешает! А бедная маленькая мушечка тишину ей нарушает!

Я чуть не сдохла от страха... Значит, и у мух бывают инфаркты... Меня едва не хватил... Вот она, другая сторона медали, - расстраивалась муха-Вика, - Не успела нарадоваться, что летаю, уже приходится платить по счетам... За все надо платить: за любой опыт, за любое положительное переживание, и как дорого! На самом деле!

Её сердечко сильно билось, мысли путались. Наконец, она уснула, и ей снились странные и удивительные сны.

- 3 -

Как и положено, наступило утро. Комната озарилась первыми лучами солнца. За окном радостно пели птицы. Плотный шум машин от дороги свидетельствовал о наступающем будничном дне.

«На занятия пора собираться», - подумала муха-Вика деловито.

Она тщательно почистила голову и тело лапками и полетела к девушке-Цокотухе. Залетев в свою комнату, она с ужасом обнаружила: дверь на балкон открыта! Что было бы с её телом, если бы Вике-Цокотухе захотелось бы по привычке полетать, и она полетела бы с балкона? Муха-Вика содрогнулась от такой мысли.

Девушка-Цокотуха спала, на лице её запечатлелось страдание.

Муха-Вика вылетела на балкон. Слабый ветерок подхватил ее и понес прямо к огромному зданию университета. Лететь в свободном полете среди домов необыкновенно приятно и вдохновляюще. Вика кружила среди них, наслаждаясь легкостью полета. Входная дверь в университет стояла открытой. Студенты громко здоровались и, переговариваясь, спешили в аудитории. Вика летела по направлению к кабинету иностранных языков. Сегодня первой парой английский. А вот бы начали преподавать мушиный язык! Или кошачий! Или язык попугаев! Говорят же попугаи по-человечески! Дома у родителей кроме Муськи живет попугай Кешка. Папа научил умную птичку произносить слова и фразы. Попугай четко выговаривает басом: «В странах СНГ перманентная революция» Вот такой квач!* Помимо этого, у Кешки полно собственных слов типа «чирик-чирик» у воробьев. Да, и проследить бы лингвистам за семантикой речи попугаев и воробьев.

Как бы то ни было, муха-Вика села на потолок прямо у доски. Конечно, обозревать пространство аудитории она могла отовсюду, но лучше всего находиться в безопасном далеке: вдруг люди захотят прихлопнуть тетрадкой пролетающую мимо муху. Правда, тетрадки электронные, но чем чёрт не шутит. Мухе-Вике вполне хватило ночных приключений...

Летающая студентка внимательно прослушала все, о чем говорили на занятиях, перелетая из одной аудитории в другую. Жаль, не могла сама принять участие в дискуссиях. К вечеру она изрядно утомилась держаться за гладкую поверхность лапами. Лап, конечно шесть, но все равно тяжело. То ли дело сидеть! Все студенты сидят, и преподаватель частенько сидит, а ты, как дура, держись лапами за потолок! Перед тобой лысина доцента сверкает, а не только его знания.

Много интересного и нового узнала Вика о сокурсниках. Можно было без всякого стеснения читать SMS-ки друзей и врагов. У всех должны быть враги: если есть враги, «значит, есть, наверно и друзья». Правда, настоящих врагов у Вики не было - как-то не сложилось, а вот друзей – считай, весь факультет. Викины подруги удивлялись, почему её нет на занятиях, переспрашивали друг у друга, не случилось ли с ней чего. Мухе-Вике была приятна такая забота.

Устала! А ещё назад лететь! А вдруг в комнате балкон закрыт? Но нельзя распускаться, надо настроиться на позитив! Дорога дальняя... Пропускать лекции нельзя, даром, что муха! На экзаменах тебя не спросят, каким зверем или какой птицей ты была на данной теме. Давай отвечай на вопросы и всё тут!

Муха-Вика была довольна своим первым днём в новом качестве: у неё за плечами, вернее за крыльями остались значительные успехи во время обеда. Она отлично поела в мензе**. К тому же совершенно бесплатно, почти без потерь. Один раз только ей едва не оторвали лапку пододвинутым стулом: на полу валялось полно вкусных крошек.

-Не, это все хорошо и здорово, но сидеть на занятиях кверху тормашками, всё запоминать, не имея возможности законспектировать – это скажу я вам не такой большой шпас***, как вам может показаться! – обратилась муха-Вика к сокурсникам к вечеру. За эти фразы студент с кольцом в носу попытался ее прихлопнуть:

-Разжужжалась тут!

Но муха-Вика ловко вывернулась не только в пространстве, но и из ситуации, и вылетела в холл.

-Я как бы молодец! – похвалила она себя, переводя дух на листе огромного фикуса. – Хорошо, что профессор-ботаник похлопотал о кислороде в здании! Есть где посидеть нам, интеллигентным мухам. Мы же не уличные мухи, которые за собаками летают в надежде на обед, мы - мухи студенческие, дамы опрятные, образованные...

Так размышляла наша муха по законному праву после усиленных занятий.

Отдохнув душой и телом, с новыми силами отправилась в обратный путь. Она уже представляла себе неприятности с Цокотухой: не успеет прилететь, как та закричит:

-Давай скорее меняться, не хочу и не могу быть больше человеком! Очень трудно заботиться о таком большом теле! Надо много кушать, одеваться, красить ресницы, пилить ногти, ходить ногами... Переживать за доклад на семинаре, помнить телефоны подруг и друзей, звонить родителям, жениху, планировать термины****...

-Вот досада, – пожалела себя муха-Вика, - не налеталась я еще! – Но лететь домой надо! - Вика всегда сочувствовала и помогала больным, слабым и попавшим в переплёт. К тому же неизвестно, какую ерунду Цокотуха понесет Денису, когда его круглое от широкой улыбки лицо появится на скайпе. – Не будет же она в самом деле рассказывать ему побасенки про мух? Кто в такую ерунду поверит? Уж не Денис ли? В любом случае надо бы поторопиться! – подбодрила себя Вика и полетела навстречу лучам заходящего солнца к знакомому балкону.

Да, оптимальный вариант событий не получился! Балкон был закрыт! Вот это новость! Как же быть? Муха-Вика решила ждать. Она уселась на оконное стекло и вертела глазами, стараясь разглядеть происходящее в комнате. Но там ничего не происходило: девушка-Цокотуха сидела на диване, подобрав под себя ноги и разглядывала иллюстрации в модном журнале.

Муха-Вика сидела-сидела на окне и, наконец, решила, что это скучно.

«Пойду, погуляю», - сказала сама себе, и, снявшись с насиженного места, опять отправилась в путь.

Лететь было легко, тёплые потоки воздуха сами несли муху вперёд. Муха почти не двигала крылышками, но летела и летела, пока не прилетела на городское кладбище, где были захоронены жертвы Второй Мировой войны. За высоким кирпичным забором росли высокие деревья, буки и березы. Им было больше семидесяти лет. Широкие лужайки двух братских могил окружали ряды пышно разросшихся кустарников. Ровные дорожки разделяли братские могилы с прямоугольниками тех счастливых, имена которых были спешно выбиты на однообразных небольших серых камнях, а простые смертные были сложены в общую могилу без имён. Чуть заросшие травой ступени вели к центру кладбища, где на постаменте возвышался четырехугольный столб - памятник погибшим. Величественный в своей простоте, он должен был напоминать живущим о ценности их жизней, а в действительности только страшил бесплодностью, бесполезностью преждевременной гибели молодых солдат и жителей города. « И зачем только ветер занес меня сюда? Оно мне надо? – подумала муха-Вика. - Это же очень печально: сидеть на каменных плитах с выбитыми скудными сведениями о погибших, тем более что на многих могилах, как я вижу, написано: «неизвестный солдат».

Но сидеть было удобно: поверхность камня шероховатая, теплая, золотое закатное солнце светит ласково в глаза. Красота! К тому же никого нет вокруг, только птицы щебечут-заливаются. Шум от дороги приглушен широкими кронами деревьев. Начало июня, май был дождливым - зелень такая пышная! Изумрудные широкие лужайки прямоугольниками лежат на солнышке, греются в лучах заката.

-Ой, думала, никого нет. Это кто тут?

Перед ней сидел коричневый кролик. А рядом ещё один. А вот ещё! Сколько же их тут?

Зайчишки выскочили на лужайку и весело запрыгали по зелёной траве, а один озорник впрыгнул на огромный покатый камень братской могилы. На камне выбиты слова: «Здесь покоятся солдаты и жители города, погибшие при бомбежке» Ну да, американские самолеты бомбили немецкие города в сорок четвертом и сорок пятом двадцатого века. Зайчик чуть посидел спокойно на надписи, и вдруг из-под его хвостика покатались маленькие шарики. Мухи тут же закружились вокруг.

-Ах, ты, безобразник! – возмущенно воскликнула муха-Вика. – Как тебе не стыдно! Это же могилы погибших!

-Ну и что ж! - ответил зайчик, – зато на них отлично прыгать! Много места! А вокруг нет простора - большие дома стоят. Дороги перекрыли все ходы-выходы, только здесь и живём да ещё в соседний двор поздно вечером выходим. Так что на этих могилах целыми днями играем и прыгаем. Никто не мешает. Изредка какой-нибудь прохожий полюбопытствует и заглянет сюда. Посидит на лавочке, пройдет по дорожкам, повздыхает и уйдет. А мы тут хозяйничаем, это - наша вотчина.

Муха-Вика осознала безнадежность спора с зайчиком. Кроме того, его жизненная позиция импонировала ей. А и что ж? Правильно! Всё проходит, и память покрывается сетью лет, словно пылью, остается только жалость к жертвам жестоких идей и поступков. Вот здесь на камнях высечены фамилии русских и украинцев, а также немцев. Все они похоронены вместе, рядом или друг на друге. Пока живые - были врагами, а сейчас? Выросли новые поколения, они не хотят старой вражды. Немцы не позволяют навешать на свеженьких людей старые грехи. Деды и прадеды приняли фашистскую идеологию, были врагами всему свету и славянам. Но история имеет проклятую

способность повторятся. Теперь украинцы с русскими становятся врагами. Как было бы обидно лежащим тут славянам, если бы они узнали современную правду об Украине и России! Братские народы в братской могиле! Надо бы все миллионы русских и украинцев на лавочку возле усадить: по одному по пять минут, пусть посмотрят, что получается, если убивать человека за идеи, за родину... Ведь у каждого-то жизнь одна. Одна жизнь тут на земле. Беречь ее надо! Свою жизнь беречь и чужие тоже. Будут ли люди когда-нибудь действительно жизни беречь? Это фантазия или несбыточная мечта? Более нереальная, нереализуемая, чем в муху превратиться?

-Муха, ты почему интересуешься историей людей? Зачем тебе это? – зайчик от любопытства даже встал на задние лапки, ушки высоко поднялись - он приготовился внимательно слушать.

-Понимаешь, это очень важно. Если люди будут сохранять и изучать историю прошедших поколений, то, возможно, они совершат меньше ошибок в своем движении вперед.

Зайчик закивал:

-Понимаю... Хотя нет, – он задумался на минутку, – разве ты уверена, что история идет вперед? А не скачет, как мы? Например, вбок?

-Уверена, что цивилизация движется от одного открытия к другому. А это уже кое-что...- Мудро отвечала муха-Вика, помятуя всех великих мировых философов с древности до наших дней.

К зайчику припрыгали его друзья и подружки:

-Идём играть! С кем ты разговариваешь тут?

Они не заметили маленькой умной мухи.

Зайчик убежал.

Так весело и легко прыгали зайцы по поляне, распевая песенку: «А нам все равно, а нам все равно, не боимся мы волка и сову...», что мухе-Вике стало завидно. Зайки прыгали по широким полянам с аккуратно подстриженной травой, прятались в ухоженном кустарнике, вприпрыжку одолевали чистую лестницу и отдыхали на постаменте, подставив пушистые животики навстречу солнышку.

-Хорошо вам! Я тоже так хочу, – закричала муха-Вика.

Знакомый зайчишка подбежал к ней.

-Меня зовут зайка-Попрыгайка. А тебя как?

-Меня Викой Флиге.

-Вика, ты хочешь попрыгать с моей родней? Я бы так хотел полетать по воздуху! Я никогда еще не летал, только несколько секунд в прыжке. А этого мало! Хорошо тебе, у тебя есть такие замечательные крылышки!

Новая мысль осенила муху-Викку.

-А зачем тебе летать? - спросила она, игриво поднимая глаза к небу.

-Да я бы слетал на крышу соседнего дома.

Зайка-Попрыгайка встал на задние лапки, вытянул тельце и посмотрел вверх, насколько это ему было возможно.

-Как хотелось бы посмотреть на свою полянку сверху, – повторил он свое желание.

Муха-Вика весь день просидела сиднем на потолке, и теперь ей хотелось движения, радости, единения, ей хотелось порезвиться и поиграть – она ведь была молоденькой.

-У меня есть тайна, - сказала муха-Вика, округлив и без того круглые глаза.

-Какая? - сразу же подхватился зайка. - Я очень люблю чужие тайны! Своей у меня нет, – глубоко вздохнул он.

-Я умею меняться телами! Если согласен, то я стану тобой, а ты мной. Конечно, я не птица, чтобы парить в высоте, я просто обыкновенная муха. Но на крышу ты сможешь подняться запросто и осуществить свою мечту. А что бывает дороже хорошей мечты? Да ничего! – убеждала муха-Вика.

Юркие глаза зайки-Попрыгайки блеснули озорством.

-Ура! Я смогу полететь! - закричал он - Давай скорей превращай меня в муху! – он от нетерпения резко затопал задними лапами.

-У меня есть одно условие, - не горячилась муха-Вика.- Через час ты должен возвратиться сюда, под этот кустик. Я буду тебя тут ждать, и мы снова поменяем телами. - Она внимательно посмотрела на радостного зайку. - Дело в том, что перед сном мне звонит Денис, мой друг, ну, жених. Он будет очень расстроен, если вместо меня на скайпе окажется Цокотуха и начнет трепать всякие фантастические истории. Он не любитель сказок, это точно! Он за «Боруссию» болеет, я в курсе. – Муха-Вика погладила себя средними лапками по зелёному брюшку.

-Ой, болеет! Бедняжка! Передай ему от меня пожелания здоровья. Пусть не кашляет! – посочувствовал зайка.

Зайка ничего не понял из мухиной сложной тирады, одно только было ему ясно: муха согласна. Она согласна прыгать вместо него по лужайке вместе с его братиками и сестричками, а он сможет летать! Единственный из всех заек на свете! Он один! Сам! На крышу дома!

-Давай вместе скажем волшебные слова: раз, два, три – душа в меня войди!

Зайка-Попрыгайка умел считать как раз до трёх. А больше ему и не надо было по жизни. Нет смысла зайчатам учить математику и другие высокие науки, с них ведь не спросится! Им необходимо знать ботанику и психологию. Ботанику, чтобы всегда быть сытым и не отравиться ядовитыми растениями, а психологию, чтобы всегда ладить с друзьями и многочисленной родней.

Заходящее солнышко золотило крылышки мухи-Вики и ярко играло на каждом волоске зайчика, делая шубку не просто нарядной, а царственно великолепной.

-Ну, давай! – и оба разом произнесли волшебную фразу.

И в ту же секунду души их поменяли тела. Оба от радости расхохотались.

-Прощай! Спасибо! – крикнул муха-Попрыгайчик.

-Не заблудись! Прилетай! - Напомнила улетающей мухе зайчик-Вика.

- 5 –

«А вдруг зайка-Попрыгайка не вернется к ночи?»- с опаской подумала Зайка-Вика.

Но дело сделано: как говорится, после драки кулаками не машут. Вернуть ничего нельзя, да и не хочется – вокруг так славно! И зайка-Вика погладила себя передними лапками по мягкому животу.

– Такое ощущение, что не хватает средних лапок - отметила она мимоходом-

Пузечко нежное, а лапки-то с когтями! Ха! Вот здорово! А слышно всё как! Шум от дороги ужасный!

Зайка-Вика подняла ушки, насторожилась. Она услышала, как муха села рядом на листок ежевики.

-Муха, ты что, уже назад прилетела? - оторопела зайка-Вика.

Но это оказалась совсем другая муха. Ей и дела не было до зайчика под кустом. Она не ответила, поползала по листку, передохнула и полетела дальше, куда глаза глядят. Впрочем, глаза её глядели в разные стороны, а улетела она направо. А как раз направо сидели зайчишки- сестрички и братишки.

-Иди к нам! – позвали они зайку-Вику.

Вика посмотрела внимательно вокруг, запомнила веточку, упавшую с берёзы. «Вот будет мне примета, где ждать муху-Попрыгайку», - подумала она и понеслась к своей новой родне.

Опустились сумерки, а потом настала ночь. Нужная муха не прилетала. Да и другие мухи давно улеглись спать. Крепко прижавшись бочком, рядом с зайкой-Викой спала пушистая коричневая сестрёнка. За любознательность её прозвали Любопыткой. Обе договорились, что будут спать поочередно - караулить муху. Первой бодрствовать вызвалась зайка-Вика. Любопытка опустила ушки и сладко заснула рядышком, беззаботно посапывая. У неё ведь других стрессов по жизни не было: только вовремя от людей прятаться, от собак, от городской, не голодной совы, дождь пережидать и холод. Сейчас сестрёнке было тепло, а вот зайку-Вику с непривычки била дрожь: всё-таки она никогда не ночевала под кустом. Земля у корня берёзки сырая, холодная. Зачем зайчики спят именно тут, а не в центре лужайки, где сухо и тепло? Все зайчики прятались подальше под кустарник, который ровной линией украшал узкие аллеи берёз, растущие по обеим сторонам кладбища.

С вечера зайка-Вика так напрыгалась с новыми знакомыми, набралась новых впечатлений, странных ощущений, что от волнения никак не могла вздремнуть.

Все успокоилось вокруг. Запоздавший муравей не пробежит по дорожке – все муравьи вовремя возвращаются домой, и сторожа плотно закрывают все входы-выходы в муравейнике до утра. Заблудившаяся пчёлка тоже не летит мимо: все пчёлы спят в ульях на своих местах. Птица не пролетит: спят, нахохлившись, пернатые в поздний час. Тишина вокруг. Дом за забором притушил огни. Дорога шумит, но она не интересуется зайчишек. Зайки родились под этот шум, он привычен им, как шум крови в животе матери. Городской зайчик не чета лесному. Городские, конечно, боятся человека, но не всерьёз. Кто же будет зайчат в городе обижать? Никто и никогда! Иначе большой штраф. А для ауслендеров - тех, кто недавно приехал и с непривычки вдруг вздумал с палками за зверюшками гоняться – высылка на родину, где животных не так любят. Высылка бесплатная, лететь можно без билета, зайчиком. Некоторые этим пользуются, кому домой охота. Но если на их родине животных не особенно ценят, то значит, и людей того, не очень, вообще. К тому же высылка сопровождается предупреждением вновь не посещать Германию. Так что желающих на бесплатный самолет практически нет.

Звёзды висят низко. Полночь. Иногда движущийся острый свет разноцветными точками мигает в тёмном небе – это пролетает самолет. Облака то закрывают мерцающий мир, то открывают его, как занавес в театре.

А мухи-Попрыгайки всё нет, как нет! Не прилетел ни на завтра, ни послезавтра, ни через неделю.

Зайка-Вика совершенно обжилась с зайчиками. Они дружные, с ними не соскучишься! Она научилась чистить шерстку, вытягивать задние лапки, прятаться при первом необычном звуке. Вся поляна была ей знакома и привычна. Однажды зайка-Вика издалека услышала странные шаги и не спряталась: очень уж было интересно, кто идет так идет: за громкими «шарп - шарп» каменная дорожка выговаривала «топ-топ».

-Прячься поскорее, опасность! - звала из-под кустика Любопытка.

Но нет! Зайка-Вика и не думала прятаться, она смотрела, как через ворота прошла интересная пара: парнишка в синих джинсах и кедах с большой лохматой собакой.

Огромный сенбернар воспитанно шел рядом с человеком. Он был очень красив: рыжие спина и бока, белый живот и лапы, а морда, как на картинке с выставки собак: маленькие глаза, обрамленные чёрным, белая середина морды и мокрый нос. Голова величественно покачиваясь при каждом шаге, плыла в непосредственной близости от ног хозяина. Увидев зайку посреди поляны, парнишка слегка присвистнул:

-Зайчишка-трусишка, ты что тут - главный, что ли? Лео, ну-ка, спугни хвастунишку!

Лео, грациозно перебирая огромными лапами, подбежал к зайцу.

-Разорву! - проревел пёс во всю свою слюнявую пасть.

-Не разорвешь! Ты на поводке, это я свободная. Куда захочу – туда и бегу! А ты должен следовать за хозяином и выполнять его приказы. - Вот такой смелый зайчик попался!

-Это точно! – сразу же согласился Лео. Он был очень добрым псом.

Лео наклонил свою огромную морду прямо к хвостику зайчика и принялся обнюхивать его.

-Попрошу уважать мою личность! Я порядочная! - заносчиво воскликнула зайка-Вика.

-Да, пожалуйста, мадам, как вам будет угодно, - Лео фамильярно улыбнулся.

-Я не мадам! – разозлилась зайка-Вика.

Собака покачала головой.

-Так кто же ты? Вот я сенбернар длинношёрстный,- над маленькими глазками собаки гордо приподнялись складки кожи.

-А я зайка, вернее муха. Нет – я человек! Да, именно! Я девушка. Меня зовут Виктория Флиге!

-Какой породы? - тут же сориентировался сенбернар.

Какой она была породы Вика не знала.

-Может быть, тебя интересует моя национальность? Я русская немка. В Германию приехала с родителями и папиной родней из Казахстана. Это было в конце девяностых годов, когда шёл спад эмигрантской волны русских немцев в связи с развалом СССР.

-Ах, зо-о-о...**** Теперь с тобой всё понятно. Вас въехало сюда примерно два с половиной миллиона, – удивил своей осведомленностью сенбернар.

Пока зайка-Вика и Лео мирно болтали о том, о сём, хозяин также непринужденно болтал по мобильному телефону с понравившейся недавно девушкой.

-Привет! Это я, Йоганес! Шац, ты самая классная девушка на свете! - говорил в мобилку паренек.- Что значит, не шац? Разрешите мне так называть себя, ведь ты для меня ювелир - бриллиант высшей пробы. – Похоже было, что

собеседница не очень одобряла нашего студента. - Что значит дурной вкус? У меня отличный вкус, если именно ты понравилась мне! Ну а то, что не все хотят на философском учиться может означать только одно: у нас, компьютерщиков, сто раз интереснее, и профессия в отличие от вашей полезная для людей и пользуется спросом. Мы, нэрдс, ***** везде нужны! Учиться у нас на факультете круто! – Парень взялся за мочку уха. В ухе была вдетая серьга с огромной дыркой. Видимо она беспокоила хозяина: он подергивал её время от времени.

Фразы, как звенья гирлянды, нанизывались одна за другой, преобразовывались и вытягивались в минуты. После получаса интенсивных бесед обе пары: зайчика и собаки, парня и девушки – пришли к важным заключениям: первая пара меняется телами, а вторая встречается через полчаса в ближайшем кафе.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вот Вика Флиге стала сенбернардом! Привыкнуть к постоянному помыканию, к вонючей мясной еде, к ремешку на шее было очень сложно. Вика не хотела сидеть часами под столом в кафешках, пока хозяин, квачил***** со своими знакомыми. Особенно противно было увидеть Бетину, она оказалась новой подружкой Йоханнеса. Бетина с аппетитом уплетала тортики, несмотря на то, что ей пора было сбросить килограмма четыре. А тортики, будучи человеком, сенбернар-Вика и сама любила. Приходилось довольствоваться сухим собачьи кормом Марэнго или разнообразным баночным меню. Батарейка банок с цветными картинками стояла в кладовке у Йоганнеса.

Йоганнес жил на первом этаже рядом с квартирой бабули.

-Квартиру я подарила внуку! Рядом со мной живет, заботится обо мне больше, чем о Лео! – хвасталась она соседям.

- 7 -

Бабуля была живая, бодрая, аккуратная, она не допускала собаку к дивану.

-Лежать! – громко командовала сенбернару-Вике, поправляя подстилку, которую стирала почти ежедневно. В обязанности бабули входило кормить и чесать Лео. Сенбернару-Вике приходилось подставлять свое тело под специальные расчески и наворачивать из железных мисок пищу. После еды бабуля вытирала его слюнявую морду белыми бумажными салфетками. Вес собаки был больше, чем раньше у девушки-Вики.

-Только не заболевай - такие деньги на тебя убухали! – приговаривала бабуля.

В принципе старушка Вику вполне устраивала, если бы не её вечные причитания:

-Я и раньше знала, что Лео умён, как профессор, но чтобы до такой степени! Самому листать книги и читать их! И не рвать страниц! Скажешь кому – не поверят!

Сама бабуля любила смотреть длиннющие, любовные сериалы по телевизору. Йоганес регулярно выводил своего пса на прогулки, тщательно собирая отходы в полиэтиленовые мешочки чёрного цвета и выбрасывая их в урну. Одно было плохо: как увидит сенбернар-Вика других собак на улице, побежит с ними знакомиться, так Йоганес сразу кричит противным голосом: «К ноге!» Ну, никакого удовольствия! Но что про удовольствие разговаривать, когда тут такое!.. Соседний доберман, такая

глупая собака, не понимает, что своего хозяина слушаться необходимо и лезет холодным носом под хвост сенбернару-Вике! Полное безобразие!

Долгие часы проводила сенбернар-Вика на полу у ног бабули. Иногда к ней приходили такие же чистенькие, подглуховатые старушки, как и она сама. Вместе они спорили о событиях в стране и мире, обсуждали события в семьях коронованных династий. Они разъезжали, лечились и путешествовали по разным странам и континентам. увлекались йогой и диетами. Лео они дружно восторгались.

Однажды в гости к бабуле пожаловал старичок в спортивном костюме. Он пространно разглагольствовал об упадке нравственности в обществе, о потере её ценностей. В это же время он активно пил кофе - три чашки подряд - и уплетал кухэн за обе щеки. Было заметно, что старичок холост. Как-то раз, пока бабуля варила новую порцию кофе, дед ткнул твердым ногтем в стоящую в шкафу шахматную доску.

-Кто это у вас в шахматы играет? Йоганес с друзьями? – крикнул он бабульке.

-Да, - отозвалась та.

-Жаль, мне поиграть не с кем. Мой напарник в прошлом месяце отдал Богу душу. Я вот уже месяц не играю, – печально вздохнул дед, – уже забыл, наверное, как фигуры двигаются.

Сенбернар-Вика заскулила. Она ведь, как известно, была русской немкой. Странное сочетание, не правда ли? Или русская, или немка, что-нибудь одно! Как это может совмещаться в одном человеке? Не правильно тут что-то! Может быть, российская немка? Опять же нет, ведь она родилась в Казахстане, туда сталинским указом сослали тысячи немецких семей из России. Как бы то ни было, она умела играть в шахматы, как и многие русские немцы. Такова традиция этноса, у которого есть не только набор собственных традиций, но и оригинальная история. В энциклопедии написано про это дело...

Итак, дед достал шахматную доску и расставил фигуры на поля.

-Поиграю сам с собой, - пробурчал он себе под нос и сделал первый ход белой пешкой Е-2: Е-4. Такой же точно, как Остап Бендер на шахматном турнире, увлекаясь шахматами, а не поиском двенадцати стульев. Дед Остапа не знал, он с ним никогда не встречался, а также и с родителями его, Ильфом и Петровым. Ну не знал он их! Зато точно знал, что каким бы умным не был пёс, партнером по шахматам ему не стать. Но тут дед ошибался, притом даже очень. Сенбернар-Вика осторожно лапой двинула чёрную пешку вперед так, чтобы не задеть другие фигуры на поле. Дед двинул вторую пешку на чёрный квадрат. Пёс заскулил, заёрзал. Потом раскрыл пасть и, осторожно взяв в зубы коня, перенес его через строй пешек вперед и вбок.

-Молодец, Лео! Я всегда говорил, что ты необычный пес! – похвалил дед его, выдвигая вперед офицера.

Так они играли, пока в комнату не вошла бабуля. Увидев, что партия в разгаре он воскликнула:

-Вот так гость! Сначала весь кофе выпил, а теперь характер у пёсика портит! Где ж это видано, чтобы собаки в шахматы играли!

Дед и ухом не повел. В тонких пальцах у него была зажата королева.

-Да, не зря мы растратились на Лео. Какая умная всё-таки порода! - удовлетворенно констатировала бабуля.

_ Да уж и не такая умная! Первую партию мне проиграла! – парировал дед.

-Как же не умная, - запереживала бабуля. – Сейчас Лео у тебя выиграет! Давай, мой дорогой пёсик!

Она вяла салфетку, вытерла слюни у сенбернара-Вики и ласково потрепала по загривку.

Ободренная поддержкой, Вика провела решительный эндшпиль и поставила мат противнику. Бабуля угостила Лео приятной искусственной косточкой, а шахматные фигуры вытерла тряпочкой после игры.

На следующий день бабуля уже с утра напекла пирог с творогом – кэээкухэн называется. С каким нетерпением бабуля ожидала гостя! Она хоть сама не умела играть в шахматы. Но болельщицей была заядлой. Крупный её недостаток в глазах сенбернара-Вики состоял в том, что она болела не за «Боруссию» Дортмунда, а за «Шальке-04» Гельзенкирхена. И с этим приходилось мириться! Вот такая подневольная жизнь была теперь у Вики!

После утренней пробежки, спортсмен сразу же направился к бабуле и Лео. Наигравшись в шахматы до головной боли, дед и сенбернар вместе усыпали на диване. Теперь, при перевесе в счёте, Лео разрешали спать на диване. Правда, собачий плед должен был предварительно постелен. Так шли дни за днями.

- 8 -

Между тем любовная история Йоганеса с Бетиной продвигалась вперед.

Однажды на прогулке, а дело было в выходной день, Бетина пригласила Йоганеса к себе домой. Не знаю, как Йоганес, а сенбернар-Вика давно ждала такого приглашения. Ей очень интересно было узнать, что произошло с мухой-Цокотухой за это время, как ей живется, научилась ли она управлять человеческим телом, и как объясняет в жилищном управлении, почему не платит денег за квартиру. А может, её уже давно выгнали за неуплату, может, она бросила университет, вернулась к родителям, которые определенно в полном трансе от её врак. Они, конечно, показывают свою любимую дочь различным врачам-психиатрам, но толку нет никакого.

Как только сенбернар-Вика услышала приглашение от Бетины, она в нетерпении замотала головой и слегка завывала.

-Послушай, шац, давай оставим твою ужасную собаку предкам, - с ухмылкой сказала Бетина, видя такое беспокойство.

«Ой, этого еще не хватало! Сейчас закинут меня бабуле, а сами будут утехами заниматься. Так и не узнаю я ничего о Цокотухе!» - испугалась Вика и подобоострастно полизала руку Бетины.

-Ах, ты хорошая собачка, хоть и воняет у тебя из пасти! – смилостивилась та. - Ну ладно, моей соседки нет дома. Гуляет, всё муху какую-то ищет, мозгами сдвинулась на этой почве как бы. И это вместо того, чтобы убирать в доме и мыть посуду.

«Кое-что узнала, – обрадовалась Вика – Хорошо бы посмотреть на всё своими глазами».

Как только приглашение было получено, Йоганес притянул поводок поближе и почти бегом припустил к студенческому общежитию, где проживала его новая подружка. Бетина легко шагала рядом.

Когда все трое зашли в подъезд, у сенбернара-Вики защемило сердце. «Дурные предчувствия, - опечалилась она – Что же я увижу там сейчас?»

Ничего особенного не заметила сразу. Мухи-Цокотухи, как и предполагалось, не было дома. В комнате у Бетины, царил полный раскардак. Нисколько не смущаясь, Бетина потянула парня на диван, они начали целоваться. Сенбернар-Вика со скучающим видом улеглась посреди комнаты.

Увешанные цветными картинками стены так пестрели нарядами модных музыкантов и певцов, что пёс не сразу усмотрел календарь. Глупая картинка – котёнок таращит глазки в пустоту, а внизу - календарь на месяц. На календаре квадратом было обозначено число – 25 июня. В памяти Вики ясно всплыла дата того дня, когда она в этой комнате спасалась от мухобойки. В её сердце как будто выстрелили: мухи живут только двадцать восемь дней! Ровно через три дня муха-Цокотуха умрет, и Викино тело похоронят! Бедная Вика! Она останется навсегда собакой! Красивой, умной, любимой, но собакой! Надо немедленно что-то предпринять! Довольно с неё мытья специализированным шампунем! Довольно бегать за сучками и ставить по углам метки! Скорее, скорее назад в своё тело!

Сенбернар-Вика громко залаяла и потянула Йоганеса за штанину. Но не тут-то было! Парень и не думал угождать своему любимцу.

-Заткнись ты, псина! – ткнул он Вике в морду кулак, когда та тащила его за ремень.

Сенбернар-Вика жалобно заскулила. Бетина чуть приподняла зажмуренные веки.

-Отчего это твоя образина развылась? Соседей по этажу беспокоит, – недовольно сказала девица влюблённому.

-Сам не знаю, не обращай внимания, - Йоганес стал шарить руками по телу Бетины. - Видимо, ревнует, - ласково проворковал он.

Видя, что все это надолго, сенбернар-Вика принялась грызть новые туфли марки «Томарис», стоящие в углу. С силой вгрызались клыки в кожу. Туфель треснул!

Пара замерла.

Тогда собака взялась ещё за вторую пару туфель. На этот раз в ход пошли танцевальные босоножки фирмы «Диамант».

-Ой, они две сотни евро стоят! – взвизгнула Бетина.

Она проворно прыгнула с колен парня, рванулась к сенбернару-Вике и вырвала из пасти замуслявленный кусок босоножки.

-Ты заплатишь мне за это! – взвизгнула красotka. – Говорила тебе, давай отведём эту тварь к твоей глухой бабке, так ты не захотел! Теперь будешь платить по полной, ухажёр долбаный! – слюни летели из её рта.

Ой, как не красиво повела себя девушка-студентка! Стала обнимать обувь, прижимать к своей упругой, круглой груди, потом вытолкнула бедного парня в дверь на лестничную площадку. Пёс выскочил, не дожидаясь пока его будут бить по морде ошметками обуви. Хозяин и собака со всех ног, опережая лифт, понеслись вниз с восьмого этажа. Они успокоились только на улице, где не слышны были визг и крики разъяренной босоногой девицы.

-Какая муха тебя укусила? – раздосадовано прохрипел Йоганес. - Был нормальный пёс, что с тобой случилось? Или действительно приревновал? Так ты мне всех подружек распугаешь! И надо же тебе было взяться за дорогие туфли! Дома бабуле старые тапки подносишь, а здесь разъярился!

Отдуваясь и отряхиваясь, крепко держа поводок, Йоганес заспешил домой. Проходя мимо городского братского кладбища, сенбернар-Вика резко потянула поводок к входу.

-Этого еще не хватало! Совсем испортился характер! Делает, что сам захочет! Пойдем домой!

Но сенбернар-Вика упорно тянулась к воротам.

Хозяин рассердился.

-Стоять!

Горло затянул так, что сенбернар-Вика захрипела: воздух практически не поступал в легкие. Голова закружилась, и она упала на передние лапы.

-Вот так! – злорадно ухмыльнулся хозяин и ослабил поводок.

«Разве я не сильнее его? Во мне восемьдесят килограммов, мне, по идее, три года и я в отличной спортивной форме»– подумала сенбернар-Вика.

Но скандалить не хотелось, да и поводок сильнее силы. Нужен был какой-то ход.

«У меня в запасе только три дня. Три дня! - думала Вика. - Жаль, конечно, что я больше не увижу бабулю, не поиграю с дедом в шахматы. Но времени нет. Промедление смерти подобно!» - размышляла Вика.

«Что бы такое придумать?»

Она легла на спину, поджала ноги и стала тихо скулить.

-Заболел, что ли? Этого мне только не хватало! - воскликнул, и без того расстроенный происшествием, Йоганес. Сколько он ни дергал поводок, сенбернар-Вика не вставала с тротуара. Прохожие стали останавливаться.

-К врачу надо бы собаку, – сочувственно качали они головами.

Скоро вокруг образовалась небольшая толпа.

-Какой красавец! Почем покупали? Чем кормите?– слышались вопросы.

-Какой у вас домашний врач-ветеринар? Я знаю прекрасного специалиста. Ну, очень знающий, и животных любит, – толковала полная пожилая дама в шляпе.

Лёжа пёс умудрялся, легонько виляя хвостом, потихоньку продвигаться к заветному входу.

Йоганес понимая, что опять влип, осознал необходимость сбавить обороты.

-Давай передохнем – сказал он, наступая на горло собственной песне, и двинулся к входу к кладбищу. Сенбернар-Вика замолотила хвостом как мельничьими жерновами, радостно заскулила и пошла к вождельным воротам. Пара медленно двинулась по каменной дорожке. Толпа стала редеть. Йоганес сел на лавочку, а сенбернар-Вика легла у его ног.

На кладбище было светло и тихо. Прошедший дождик намочил газон, и свежая зелень подстриженной травы упруго щетинилась. Звонко пели птицы. Хорошо!..

Зайчишек не видно, но они здесь, недалеко. Кто-кто, а уж сенбернар-Вика это знает.

Йоганес вынул мобильник и набрал номер Бетины.

-Шац, не обижайся, не сердись! Я выплачу тебе все расходы. Жди меня. Скоро я вернусь, только отведу Лео к бабуле, да разведу её на деньги. Сама понимаешь, хлопоты...- Заговорил он, и тихая надежда на новую, возможно, судьбоносную встречу, согрела его юношеский бас. - Где я? Да здесь, на братском кладбище. Лео что-то приболел, сама видела. Не в себе он... Лежит вот, скулит, видно, приступ у него был. - Йоган примиряюще потрепал друга за ухо. – Какой приступ? Да, я не знаю... Может, аппендицит или грыжа. (У собак тоже бывают приступы аппендицита и грыжи).

Влюбленные принялись болтать обо всем на свете.

А сенбернару-Вике только того и надо было.

Осторожно приподнявшись, потёршись о штанину хозяина и повилывая дружелюбно хвостом, пёс подался по лужайке к кустам. На длину поводка, естественно.

-Лео! Лео! – прогавкал сенбернар-Вика. – Где ты? Отзовись! – от надежды на счастье даже голос охрип.

И счастье тут как тут. Прыг! Вот он, зайчик -Лео. Выпрыгнул из-под кустика.

-Ты что так долго не приходил! Я тебя так ждал, - запищал зайка.

Если бы зайцы могли плакать, то заяц-Лео плакал бы горькими слезами. Сенбернар-Вика в нетерпении лапами рыла землю.

-Я соскучился очень по хозяину. Хорошо ли ты его охранял? Как бабуля себя чувствует? – забросал зайчик - Лео вопросами сенбернара-Вики. - Если бы ты знала, как мне надоело траву щипать! Сейчас бы банку мясной смеси для затравки!

Сенбернару-Вике стало очень стыдно.

-Извини брат, в шахматы заигралась. Такая азартная игра - всё на свете позабудешь! Ну, давай теперь не будем терять времени, Йоганес разговаривает со своей кадрой, давай перевоплотимся!

И пока Йоганес, сосредоточившись на предстоящих заботах, мучил свой мобильник, два зверя дружно воскликнули:

-Раз, два, три - душа назад войди!

И, как и положено в сказках, волшебство совершилось: две души поменялись телами.

-Гав! Гав! Гав! – громко залаял сенбернар -Лео. – Я снова я! - и потряхивая мощной головой, роняя вокруг себя волосы, радостно бросился к хозяину.

-А не видал ли ты тут какую-нибудь муху? – закричала вдогонку зайка-Вика. Но было уже поздно!

Сенбернар встал передними лапами на колени Йоганеса и стал лизать ему руки и морду, тьфу, лицо, разгоняя ветер хвостом.

-Тебя не поймешь Лео: то ты капризничаешь, то болеешь, то радуешься беспричинно - чисто как ребёнок! – говорил Йоганес, доставая салфетку и вытирая слюни с щек, губ и даже лба. - Ну, люблю тебя, тоже люблю – отвечал он на прыжки и ласковые заискивания Лео.

Парень поднялся со скамейки, и пара стала удаляться в сторону ворот. Через минуту на кладбище никого не было видно.

- 9 -

«Какой маленькой я стала, – подумала зайка-Вика, ощутив необычайную легкость в теле. - Как хорошо, что теперь нет противного ремешка на шее... Я свободна и бегу куда хочу!» - подумала она. Ей стало так весело, что она принялась прыгать и скакать. И так высоко она прыгала посреди полянки, что даже перевернулась через голову.

-Чудеса акробатики! - кричала она громким голосом, подражая артистам цирка. - Только один раз! Только у нас! – и делала сногшибательные пируэты.

Зайчишки со всей поляны сбегались посмотреть на удивительное выступление зайки-Вики. А она была в ударе: танцевала им ламбаду, подпевая себе так громко, насколько хватало сил. Длинные уши то вверх, то в стороны,

то назад! Лапки то к себе прижмет, то широко раскинет, будто хочет обнять весь мир! Тихий зелёный мир с крУгом коричневых маленьких зверюшек.

Зайчата сначала сидели вокруг Вики, а потом принялись повторять движения, и вскоре уже по всей поляне они танцевали ламбаду, энергично двигая лапами и попами. Вот это было зрелище! Небывалое и удивительное. А главное – всем было весело, и нет ни обиженных, ни обойденных – все дружно выражают свою радость движениями, все наслаждаются жизнью. А для чего же еще создал Бог все живое? Ведь не для того же, чтобы болеть, страдать или бояться?

Лучше всех отплясывала Любопытка. Ах, дорогая сестрёнка - какая молодец! Когда все устали и разбрелись по своим кустикам и норкам, Любопытка и зайка-Вика прижались друг к другу бочками под кустом.

-Дорогой братик! Почему ты раньше не научил меня танцевать? Это так здорово! – упрекнула сестра брата.

-Занят был очень, - искренне призналась зайка-Вика.

Наступал вечер. Один из прохладных июньских вечеров в Германии. Здесь никогда нельзя ориентироваться на календарь: в природе всегда примерно одна и та же погода – прохладно и сыро. Иногда чуть меньше, иногда чуть больше.

Зайка-Вика присмотрелась: где-то тут должна лежать небольшая ветка – именно возле нее расстались пару недель тому назад зайка-Вика с мухой-Попрыгайчиком. Ласково ткнув носом сестрёнку, заяц попрыгал вдоль берёзовой аллеи. Вскоре он наткнулся на знакомую веточку, она по-прежнему лежала недалеко от ряда кустов. Только листочки на ней совсем завяли. Кустарник еще не постригали, поэтому вокруг все выглядело так же, как и раньше. Зайка-Вика полакомилась молодой травкой и маленькими белыми цветочками, растянулась под кустом и задремала. Припрыгала Любопытка и расположилась рядом.

-Как тебе жилось в последнее время? – спросила зайка-Вика свою верную милую сестрёнку.

-Хорошо, ты же знаешь. Мы все время играли с тобой на поляне. Правда ты очень тосковал по какому-то Йоганесу и бабуле. Ты рассказывал мне поучительные истории и чудесные сказки из жизни людей и собак.

-Какие тебе особенно запомнились? - уточнила зайка-Вика.

-Например, про сенбернаров. Имя это собакам дали в честь святого Бернара, который основал монастырь в одиннадцатом веке в Швейцарских Альпах. Это был приют для путешественников, ведь перевал в горах опасен не только из-за холода и множества лавин в горах, но и из-за грабителей-любителей легкой наживы. – Хорошо, что у меня никто ничего не ворует! – сказала Любопытка и продолжила, - А с семнадцатого века монахи стали использовать сенбернаров для спасения людей. Собаки предчувствовали лавину и тем спасали путникам жизни. Знаменитый сенбернар Барри в девятнадцатом веке спас жизнь сорока путникам. Однажды пёс спас маленького мальчика на перевале. Он нёс малютку пять километров до монастыря по глубокому снегу. А разве бывает снег глубоким?

-Конечно! Ещё каким глубоким! А ты молодец - внимательно слушала!– ответила зайка-Вика.

Любопытка напыжилась.

- Я очень горжусь, что у меня такой умный брат. Все знаешь! Просто профессор наук! А теперь ещё и оказалось, что ты прекрасный танцор! Откуда

ты знаешь столько интересного о собаках? Почему не любишь кошек? Где научился так здорово танцевать? – с любопытством спрашивала сестрёнка.

-Ах, это очень долгая история, - задумчиво произнесла зайка-Вика. – И неправдоподобная... Скоро я расскажу тебе, как здорово летать...- Она горестно вздохнула. – Скажи-ка мне лучше, не встречала ли ты тут странную муху, которая назвала себя зайчиком -Попрыгайчиком? Ну, моим именем себя называла...

Любопытка удивилась забывчивости братишки.

-Как же не встречала? Даже очень встречала. Вчера вечером такая прилетала на это место. Все пищала какую-то ерунду, объясняла что-то... Ты же сам её прогнал! Сказал, чтобы отстала, а то съешь её. Мы, зайцы, такую дрянь, как мухи, не едим. Они же не съедобные. Но ты пригрозил ей, что слопаешь, если еще раз тут появится.

-Ах, зо-о-о-о... Как же, конечно, помню, - разочарованно протянула зайка-Вика.

Сон разом слетел с неё. Значит, муха -Попрыгайка не прилетит больше никогда. Обиделась, а может, напугалась. И останется Вика зайчишкой навсегда! Лучше уж было бы прожить оставшиеся годы в теле сенбернара - Лео. Можно было бы узнавать, что делается у людей, заодно еще и в шахматы играть! Кроме того, продолжительность жизни зайцев ограничивается в среднем пятью годами, а сенбернары при хорошем уходе живут восемь лет.

Так огорчилась зайка-Вика, что не сомкнула глаз до утра. Все переживала и переживала. Прислушивалась к шуму от дороги, к ветру, что трепал листья на ветках берез и кустарника, к шагам прохожих и разговорам во дворе дома напротив.

Жить на улице зимой и летом, выкопав себе небольшую норку в земле, не пользоваться компьютером и не читать книг, не знать студентов-друзей и профессоров, не видеть мамы и папы! Только вот эта полная белая луна! Да и то не всегда её увидишь – часто закрывают небо тёмные тучи. Вот так горевала зайка-Вика. Она посмотрела на луну внимательно – стояло полнолуние. Раньше Вика никогда не следила за долготой дня, за полнолуниями и солнечными затмениями. Похоже на то, что у неё теперь для этого будут все возможности...

Облако набежало и закрыло ясный лунный лик. Мрак. Мрак в душе. Мрак на всём свете...

Весь следующий день зайка-Вика упорно сидела под кустом, сколько бы её ни звали зайчишки сестрёнки и братишки. Они хотели танцевать, никаких забот не было в их маленьких головках. А зайка Вика тихо дремала, предаваясь тяжёлым мыслям, проклиная тот день и час, когда ей захотелось полетать.

Так прошел один день. Потом следующий... И опять наступил вечер. Последний вечер жизни мухи-Цокотухи на земле.

Холодный дождь мочил деревья и газоны. Крупные капли скатывались с листья кустарника прямо на замокшую шерстку зайки-Вики. Её пробирала дрожь.

«Что же это получается? Скоро июль – макушка лета, а тепла все нет, как нет. Зайчата дрогнут. Что же с ними происходит в январе? Конечно, тогда у них шубки утепляются», - но все равно зайка-Вика не завидовала зайчатам.

-Вика! – пропищал голосок где-то высоко. Зайчик-Вика подняла длинные уши, насторожилась.

«Показалось, наверное, очень уж хочется это услышать!» - подумала она тревожно.

-Вика, Вика! – уже более отчетливо различила она зов среди шума падающих капель.

-Я здесь! Сюда! – восторженно вскрикнула зайка-Вика. От радости она завертелась вокруг себя, стараясь догнать пушистый маленький хвостик.

И вот голос раздался прямо над головой у зайки-Вики.

-А ты не съешь меня?

-Нет, нет!

-Не прогонишь?

-Да нет же! Не тяни время! Давай скорее меняться - закричала вне себя зайка-Вика.

-Я так соскучился по своим братишкам и сестренкам, - запищала муха - Попрыгайка, - если бы ты только знала!

-Давай-давай, не разговаривай, - подгоняла зайка-Вика, - говори волшебные слова! Вместе!

-Раз, два, три – душа назад войди!

И тут же муха-Вика увидела сидящего перед собой зайца. Сама она крепко вцепилась шестью лапками в скользкий лист кустарника.

-Спасибо тебе, Муха-Вика, - радостно проговорил зайчик-Попрыгайчик. - Я летал на крышу дома и увидел так много интересного! Я долго и много летал, пережил и почувствовал столько, сколько не довелось узнать всем моим современникам - зайцам! Но что лучше всяких знаний и умений – это любовь своих близких. Когда я это понял, я вернулся, чтобы остаться с ними навсегда. Я буду рассказывать о своих приключениях до конца жизни родным и дорогим зайкам, своим будущим детям и внукам. - Зайчик опустил уши. - Тебе я желаю жить с дорогими особами в мире и согласии, – он многозначительно замолчал.

-Спасибо, Попрыгайка! Извини, мне не до тебя. Надо очень торопиться - ответила муха-Вика и, презирая трудности в виде дождя, полетела к родному студенческому общежитию. Она пролетела над соседним двором. Дождь измочил тротуар и деревья, а лавочки не замочил, потому что их нет. У немцев не принято ставить лавки перед подъездами. Считается, что жители не должны общаться между собою, мол, пусть смотрят телевизоры или бродят по сайтам и форумам, живут в виртуальном мире. Да, такова жизнь, она изменчива и многообразна.

- 10 -

Как бы там ни было и сколько бы не переживало маленькое мушиное сердечко, что балкон в позднее время, да ещё по дождливой погоде закрыт, всё же муха-Вика летела с надеждой, что жизнь её сейчас не прервется, и она сможет вернуться к человеческому образу и даже допишет доклад о теории Фуко.

Но точно! Балкон был закрыт. Закрыт! Бедная муха-Вика только хотела присесть на край перил, чтобы горько заплакать над своей неудавшейся судьбой, как вдруг увидела, что форточка в комнате Бетины открыта. Тотчас же муха радостно устремилась туда. Легко проникнув в комнату, стряхнув с крылышек воду, вытерев лапками свои большие глаза, муха-Вика оглянулась вокруг. После свежего воздуха ей показалось, что она задохнется от запахов

недоеденной пищи, двух разгоряченных тел на диване и огромной псины на коврик у порога.

Но какое дело сейчас было у мухи-Вики до Бетины, Йоганеса и Лео! Она стремительно понеслась в свою комнату. Хаос и вонь от разбросанных банок и пакетов, вывороченные вещи из шкафа поразили её, ко многому привыкшее в последнее время, воображение. Ничто здесь не напоминало уютного гнёздышка студентки-Вики, разве только книги на полках и на столе да раскрытая тетрадь с недописанным докладом о антипсихоанализе.

Муши-Цокотухи в комнате не было.

Зато в ванной комнате слышался плеск.

«Она принимает душ» - поняла муха-Вика. Внимательно обследование двери в душевую не дали результатов, никакой щёлки не было. Муха села на косяк двери и стала ждать. Долго ли, коротко ли, плеск прекратился.

-Ой, забыла свежее полотенце взять, - послышался голос, такой родной, знакомый.

Дверь распахнулась и на пороге возникла она – розовая от горячей воды, высокая, узкая в талии, с крепкими грудками и развитыми бедрами красавица. Рыжие волосы мокро облегли голову и липли к спине и плечам. Муха-Вика смотрела на это чудо во все глаза, состоящие из тысяч линз.

Влажно зачавкали подошвы ног, добрали до шкафа. Девушка взяла белое полотенце и вернулась в душевую. На полу в комнате остались мокрые пятна. Легкими движениями девушка принялась растирать прекрасное молодое тело. Небрежным проходным взглядом прошлась по зеркалу над раковиной, где сидела муха.

Вот тогда-то муха Вика и вскричала:

-Цокотуха! Я вернулась! Давай скорее меняться телами!

Девушка как будто давно ждала этой встречи. Она не побледнела и даже не удивилась. Просто хмыкнула:

-Ещё чего не хватало! Мне прекрасно живется! Я настоящий человек. Ещё не хватало мне менять полное соков большое гладкое тело на малюсенькое, покрытое волосками и щетинками серо-зелёное тело мухи. Ты муха, вот и живи мухой!

Муха-Вика от отчаяния чуть не впала в кому. Между тем, Цокотуха вглядывалась в зеркало и любовалась собой: большие зеленые глаза, тёмные дуги бровей, прямой нос, великолепные веснушки и яркие пухлые губы. Порода!

Муха-Вика снова хотела заплакать, но это значило бы, что она сдалась. А вот этого ей не хотелось ни за что на свете! Она стала лихорадочно вспоминать, почему собака и заяц захотели вернуться назад в свои тела. Они соскучились по своим близким и любимым! Надо попытаться вывести настоящую муху на эти мысли.

-Дорогая Цокотуха, – начала муха-Вика вкрадчиво, - Ты, конечно, привыкла быть человеком, но ведь ты, вероятно, не нашла себе столько друзей и подруг среди студентов, сколько у тебя было среди мух. Неужели тебе не хочется снова дружить с мушками и комариками, которых ты покинула?

Цокотуха прислушалась к аргументу.

-Не держи меня за дуру. Во-первых, мне все мухи и комары по барабану. А во-вторых, я многое узнала о жизни мух из энциклопедии. В частности, уточнила вопросы продолжительности жизни мух. Сегодня истекает последний день твоей жизни, вот ты и заявила меняться. Если я соглашусь на твою провокацию, то умру сейчас же и не увижу уже никаких мух и комаров. Просто крикну и все тут. Но это твоя судьба. Ты сейчас умрешь, а я буду жить до

восьмидесяти, или девяноста или даже до ста лет! А тебя, дохлую, противную муху, я смету тряпкой и выброшу в мусорное ведро.

Мысль о мусорном ведре так рассмешила Цокотуху, что она расхохоталась, широко раскрывая рот.

«Смеяться так, как я – красиво - она так и не научилась, -подумала муха-Вика – но что же делать? Что делать?»

Вечные вопросы: «что делать?» и «кто виноват?»

В полном расстройстве муха – Вика, жужжа, летала на Цокотухиной головой.

-Кружи, кружи, я тебя убивать не буду, как конкурентку, опасную для жизни. С тобой все равно уже покончено, а я только обрадуюсь, когда ты умрешь, - злорадно смеялась Цокотуха.

Она и не думала сочувствовать мухе-Вике. Она радовалась своему счастью, построенному на горе другого. Это вовсе не редкое явление среди людей! Стоит только внимательно присмотреться вокруг и можно угадать, сколько горя переживают те люди, за чей счет преуспевают другие в работе, в быту, в науке и искусстве.

«Наверное, я не успею умереть естественной смертью, у меня произойдет инфаркт от горя», - с горечью подумала муха-Вика.

-Да, кстати!. Хотела тебе сказать, - проговорила Цокотуха насмешливо, – что твой Денис очень даже ничего. Теперь он мой жених. Я назначила свадьбу на следующую неделю. Это должно произойти вскоре после твоей кончины. Тогда я испытаю все радости человеческого тела, а ты усохнешь на помойке. – Вдруг её озарила новая идея. - Нет! Твоё тело я положу в стеклянную банку, и всегда, когда мне будет особенно хорошо и весело, буду доставать её из тайного места на антресолях и радоваться еще больше, - глаза ее горели. – Выкинуть тебя? Нет, это было бы слишком просто!

Цокотуха говорила и говорила. Внезапно рот её pokrивился, она согнулась в дугу и стала медленно оседать на бетонный пол.

-Что-то мне плохо, - пролепетала Муха-Цокотуха..

Вика теперь испугалась за свое тело.

-Я умру, но пусть мое тело живет, - зажужжала она взволнованно. - Я хочу, чтобы за свою долгую жизнь ты успела сделать много хорошего: воспитать умных и добрых детей, любить Дениса, помогать всем, кто встречается на твоём пути, согревать душой всех, кто входит в твой круг, петь песни, сочинять стихи, смотреть разные страны и крепко любить Бога.

Пока она так говорила. Цокотуха медленно валилась вниз.

-Не волнуйся, - испуганно продолжала муха-Вика, – это только минутная слабость, сейчас все пройдет... - жужжала она.

Цокотуха закрыла глаза, и расслабленное тело брякнулось на пол.

Прозрачное светлое облачко вышло из груди слева и накрыло муху-Вику с головой.

Тихо. Но холодно. Особенно спине и попе. Очень неудобно лежать. Вика чуть пошевелилась. Она хотела погладить средними лапками свой толстенький животик, но ничего не получилось. Вместо этого её передние лапки наткнулись на гладкую поверхность, в середине животика находилось углубление, это был пупок. Вика открыла глаза. Как странно! Все в ванной комнате стоит на прежних местах, только абсолютно по другому смотрится, как бы почти плоское. Да, трехмерное изображение куда лучше.

Вика обвела глазами потолок. На нем сидело три мухи. Им не мешал душ, даже лучше: можно попить и искупаться. Вот зеркало. На полке рядом вверх тормашками лежит ещё одна муха. Что это за муха?

Вика вскочила. Это не лапки - это ее руки! А вот ноги! Это она - Вика! Живая и здоровая! А эта муха – именно та, в теле которой она была минуту назад.

Значит, и муха, и любое насекомое, и любое животное, может жить на свете ровно столько, сколько душе положено изначально. Бог так устроил, так и будет до скончания веков.

Вика быстро надела ночную сорочку, набросила халатик, вышла в комнату. Сколько мусора и грязи накопилось почти за месяц! Всё надо убрать! И надо срочно сдать готовый реферат профессору. Надо то, надо это...

Громко зазвонил телефон. Вика подняла трубку.

-Милая, ты не выходишь на скайп. Я не знаю, что и думать. У тебя все в порядке?

Денис! Милый Денис!

-Да, у меня все нормально, – зазвенел в ответ голос Вики. - Как ты?

-Я купил кольца к свадьбе. Жду - не дожусь дня, когда мы станем неразлучны, моя ненаглядная. Твое свадебное платье готово?

-Платье - не знаю, – чуть не заплакала от радости Вика. – А вот я готова!

Они разговаривали до полночи, и за полночь.

А потом была встреча с родителями. С друзьями и подругами. С профессором и другими преподавателями. А потом уж и свадьба большая студенческая. На неё пригласили и Бетину с Йоганесом. Да, вот такой был пир на весь мир!

И я там был, мед-пиво пил. По усам текло, да в рот не попало.

_____Сноски:_____

- квач - ерунда
- **менза - столовая
- *** шпас - удовольствие
- ****ах зо... - ах, так
- *****нэрд - любитель компьютера
- *****квачить - беседовать

17.06.14

М И Л О С Е Р Д И Е

Вагон слегка трянуло на стыках рельсов, в окно влетел ветер, растеребил газеты на столе. Мимо пролетали и исчезали дома, деревья, облака. Поезд только что отошел от станции и набирал ход.

В купе находились две женщины примерно одного возраста, девушка и мальчик лет десяти. Мальчик сосредоточенно играл в электронную игрушку, девушка лежала на верхней полке, укрывшись простыней. Одна из женщин громко ругалась. Она выглядела крепкой и румяной, пышные волосы падали на плечи, яркая майка не скрывала округлых загорелых плеч.

Волнение постепенно покидало ее, дыхание выравнивалось и, наконец, она сказала:

-Сама виновата, смотреть лучше надо было!

Другая, худосочная, в платочке и темной юбке, утешала попутчицу:

-Другой раз осторожней будете! Да и дочке вашей наука на будущее. А вас как зовут? Вместе едем уже почти час, а еще не познакомились. Меня зовут Ниной. А сыночка муж Сергеем назвал.

-А я Марина. – Женщина в упор смотрела на свою спокойную сероглазую спутницу. -Вы вот мне скажите, Нина, почему вы эту банду сразу не выставили из купе, раз вы такая умная?

-Не успела. Больно быстро все произошло, да и не слушали вы меня, когда я предупреждала. Интерес у вас уже загорелся.

А только что произошло следующее.

На небольшой южной станции в купе заглянула цыганка:

-Не дадите ли хлебушка бедным больным детям? Не откажите, Христа ради.

-Сейчас, сейчас, -засуетилась толстушка, -у меня бутербродики с колбасой, курица вареная, пирог с картошкой.

Она быстро достала сумку, стала распаковывать целлофановые пакеты.

-Не разговаривайте с ними, пусть проходят дальше... Закройте купе, - всполошилась Нина.

-Так ведь ради Христа просят, для детей, -отвечала Марина, роясь в сумке.

-Помолчи, вражий язык, -цыганка вошла в купе и загородила широким задом Нину.

Мальчик бросил игру и стал внимательно разглядывать колоритную особу, зашедшую в купе. Была цыганка красивой, как с картинки: высокая, смуглая, с черными, как смоль, волосами, в цветастой кофте и пестрых, в оборках, юбках. Живое лицо ее с большими навывкате глазами, прямой нос, властный рисунок губ выдавали натуру весьма незаурядную.

-Бог все видит, он тебя отблагодарит, касаточка, за твою доброту, -запричитала цыганка над Мариной. –Дай-ка волосок твой сорву, завернем его в бумажку. Я тебе всю правду скажу, ничего не сочиню. А живешь ты, касаточка, одна, суженый твой милуется с разлучницей молодой. Давай положим в волосок денежку. Тогда скажу, как воротить его от злодейки.

У толстушки округлились глаза.

-Все правда... Откуда ты знаешь?

Из тамбура слышалась возня, чужое многоголосие, поспешные шаги туда и обратно. Видимо, цыганки разошлись по всему вагону, ища себе заработок, принося людям ущерб и досаду.

В проеме купе появилась вторая цыганка, такая же темнокожая, с гордыми дугами бровей над хищными глазами. Она быстро осмотрелась. Взгляд ее упал на руку девушки: на тонком пальце блестел золотой перстенок.

-А ты, девушка, красавица, не хочешь – погадаю тебе на твоего друга? – Вновь пришедшая цыганка отодвинула товарку в сторону. Подошла к девушке, заговорила прямо ей в лицо:

-Тебя милый любит, только о тебе и мечтает. Смотри, завистливой подруге не верь! Да ты меня не бойся! Сними колеячко, я его у тебя забирать не стану. Назад тебе верну. Надо только, чтобы ты его сама в свою ладонь зажала. Не терзайся, я его не трону, сними и держи крепко. Вот молодец! Теперь встряхни три раза и дай мне посмотреть, как цвет камушка изменился. Если потемнел, значит, жди беды! –Она говорила не переставая, и при этом не спускала глаз со своей молоденькой жертвы.

Нина из угла махала руками, желая привлечь к себе внимание, делала знаки: «Нет, не соглашайся,» - все напрасно! Мама и дочь проявили столько интереса к своему будущему, что приоткрыв рты, слушали верещание цыганок.

Когда Марина снова достала купюру, чтобы обернуть сверточек уже с тремя волосками, ловкая цыганка вытащила из кошелька все деньги и тут же исчезла из купе.

-Стой, стой! – очнулась Марина и бросилась ей вдогонку. У порога она споткнулась о поставленную ей ногу маленькой цыганочки, взявшей неизвестно откуда. Ударившись о косяк, Марина хотела преследовать плутовку, утянувшую у нее деньги. Но не тут-то было!

-Я твоих денег не брала! – понзительно закричала чернушка, накрепко вцепившись в одежду Марины. – Что ты ко мне привязываешься?

Марина хотела стряхнуть ее с себя, но та вертелась когруг, как юла.

-Отпусти! – крикнула Нина, наблюдавшая за всеми событиями из своего угла.

-Люди добрые, я ее знать не знаю, я ее денег не трогала, – вопила маленькая цыганка, - чего она на меня налетела?

Пока суть да дело, пока Марина выбежала на перрон, цыганка с деньгами в пестрых юбках уже исчезла.

Марина вернулась в вагон. Ее дочка сидела на верхней полке зареванная, без золотого перстенька.

Поезд тронулся. На перроне осталась пестрая толпа цыганок и подвижных, как живчики, цыганят.

-Что было, то прошло, назад не вернешь, – подвела итог Марина. - Хорошо, что основные деньги в потаенном месте остались, а в кошельке только часть отпускных была. – Она ласково похлопала дочку по руке. – Не расстраивайся, родная, скоро обручальное колечко получишь. А перстенок, что на восемнадцать лет мы тебе подарили, останется в памяти, как наука. Больше мы к цыганкам на удочку не попадемся. Так ведь, дочка?

Та усиленно закивала, потом всхлипнула:

-Как же, мама, так получилось, что они нас обобрали, а тетю Нину не тронули? Даже не спросили ничего.

Нина сочувственно улыбнулась, поправила платочек на голове:

-Так цыганки же лучше всякого психолога понимают, какой человек перед ними. кто поддается обману, а кто – нет. Я по молодости тоже попадалась. Деньги от родителей на свою свадьбу несла. По дороге цыганка встретила, а я цыган с детства инстинктивно боюсь. Как получилось, что деньги отдала, и сама до сих пор не понимаю. Сильно переживала... Но с тех пор я для них, как меченая – ни одна близко не подходит.

-А как же свадьба состоялась? – с любопытством спросила девушка.

-Пришлось пригласить только самых близких. Родители меня никогда словом не попрекнули. А мне до сих пор обидно за свою ошибку.

-История покруче нашей будет, Марина присвистнула, закурила.

-Ничего, что я курю? Я в окошко... Проветрится ветерком.

За окном потянулись поля, едва прикрытые защитной полосой.

Сереза засунул игру под подушку, задремал под равномерное постукивание колес. Нина извлекла из чемодана Библию, открыла на закладке и склонилась над страницами.

-Вот вы человек верующий, - после пережитого волнения Марина не могла молчать, - в платочке ходите, Библию читаете, молитесь конечно. Вы

милосердие к людям для Бога оказывает. Подадите вы милостыню нищему, если у него глаза от водки заплыли, и вы точно знаете, что он пропьет ваши деньги? Или оставите стоять погибающего от пьянки и голода человека? Глаза Марины уставились на попутчицу. –Что насчет этого в Библии написано? И вообще, как быть с миллионами нищих в больших городах, которые в транспорте и на улицах побираются? Вы точно знаете, что они организованы в преступные группы, собранные деньги отдают главному бандиту. Это ни для кого не секрет. Так что ваши нежные чувства к калеке или ребенку ничего общего с реальной помощью не имеют. Подадите вы милостыню? Ведь и цыганка тоже не просто так начала – она хлеба для детей попросила! –Марина в сердцах бросила окурок в окно.

Нина, казалось, нисколько не удивилась вопросу. Она понимающе кивнула.

–Конечно, помогать надо обязательно. Только кому и как - вот в чем вопрос! Помогать своим сестрам и братьям по вере учит Библия. «Носите бремена друг друга,» -писал апостол Павел. И помогать бедным надо, вот в Псалмах говорится «Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь!» И еще: «Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить и не будет услышан». А вообще, помогать надо каждому, кто не стремится в царствие Божие, чтобы поняли, что без Бога они – нищие. Ведь и с богатством люди несчастны, если духовно слепы, и без денег люди богаты, если другом у них Иисус Христос. Только вот помогать пьянице все же я не стану, ведь деньги не помощь для него, а погибель. Если никто ему не подаст, то он, может быть, и не напьется, а по трезвой голове и придумает, как себе денег своим трудом заработать.

Но Марина не сдавалась:

–А если он калека, и заработать не может? От горя пьет. Не у всех калек характера хватает со своим убожеством смириться.

–Всегда есть какой-то выход. Христос не здоровых и довольных собой зовет, а больных и слабых. Вера превращает их в соль земли. Никогда не поздно придти к Христу, стать его дитем и вести жизнь праведную, а не грешную.

Марина кивнула. Потом чуть задумалась:

–Ваших христовых праведников возле церкви сколько! Помогла им праведная жизнь? Побираться им приходится, сами себя прокормить не могут, просят у других людей милостыню.

Девушка свесила голову вниз и боялась пропустить хоть слово в споре матери с попутчицей.

–Вопрос не простой. Проблема нищенства – извечная проблема. Еще в Старом Завете написано: «...Нищие всегда будут среди земли твоей». Святые тоже были зависимы материально. Уходили в пустыни, в пещеры, в одинокие места и молились там, а пропитание им носили другие люди. Лучше, я думаю, подать милостыню в чистые руки, туда, где действительно с благодарностью помощь примут и себе на пропитание используют.

–Мама, дай яблочко,- попросил с верхней полки мальчик, обращаясь к Нине

–Сейчас, Сереженька, -достала крупное зеленое яблоко мать. –

Может, тоже хотите? –улыбнулась она попутчицам. –Угощайтесь!

–Спокойный у вас ребенок,-заметила Марина одобрительно, откусывая сочный бочок яблочка. –Моя дочка мне тоже много хлопот не

доставляла, послушной росла, училась хорошо. Теперь вот работать пошла, самостоятельная стала, с парнем дружит, к свадьбе готовимся.

-У меня этот младшенький, еще трое сыновей дома с мужем остались. Мы ездили тетку мою проведать, больная она, одинокая. Часто приезжать нет возможности, а состояние ее плохое. Буду с мужем разговаривать, надо ее к себе забрать.- Забота легла на еще молодое лицо женщины.- С нами ей скучать некогда будет... И врачи у нас в городе хорошие есть. Не то, что у нее там – один врач на весь поселок. А самое главное, пойдет с нами в собрание, о душе своей задумается, Бог даст – покается.

Марина тут же отреагировала:

-Вы помогаете человеку только, чтобы Бог вас похвалил, наградил за это? Вот еще один человек верующим станет, так вам за это награда. Для этого стараетесь? Помогаете ради Бога, а не человека? А если ваша тетка не захочет вашей веры, то пусть она одна пропадает?

-Да что вы, Марина! – всплеснула руками Нина. –Конечно, мы заберем нашу тетю в любом случае. Другое дело, что она, видя пример верующей семьи, братьев и сестер, которые нас окружают, сможет скорее к Богу обратиться, душу свою спасти. Если нет, - так Бог ей судья, а мы ее в беде не бросим.

В купе постучали, дверь открыли. На погоре возник бритый человек неопределенного возраста. Что-то промычав, он положил на стол записку и дешевые рисованные иконки. Знаками показал, что, мол, смотрите пока, зайду позже. В записке значилось, что он глухонемой и просит помочь деньгами. «Вы живете в мире звуков, как это прекрасно! Вы можете слышать разговор, стук колес, свист поезда. Я лишен этой радости. Так во имя Бога подайте на пропитание мне, убогому», -громко прочитала Марина. Круглые ее глаза еще больше округлились.

-Вот вам еще один пример. Откуда мы знаем, что он действительно глухой. Может, он сейчас наш разговор слушает?

Они посмотрели в широкую спину глухонемого. Дверь за ним ухнула, все вздрогнули.

-Нужно вот такому подавать? –продолжила Марина, -Все они связаны в шайку так называемых глухих. Деньги несут главарю, живут общей жизнью, круговой порукой.

Пока Нина просматривала оставленные на столе бумажки, девушка легко соскочила с верхней полки, села рядом с матерью, и они вдвоем, такие похожие друг на друга, вопрошающе уставились на Нину, как будто та могла вынести свой вердикт на все нищенство на свете.

-Я тоже не знаю,- покачала головой Нина,- один Господь знает, сказал ли этот человек правду. А если это и ложь. То все равно он выбит из общества, жизнь его на колесах, полуголодная, в унижении. Он просит ради Бога, а Бога, может, и не знает.

-Вот видите, - подхватила Марина, - со всех сторон посмотреть, сомнительный человек, то ли глухой, то ли верующий, то ли вымогатель – работать не хочет. Если денег ему не дать, то он может, рассердится и пригрозит.

В купе замолчали, слышен был только стук колес да слегка посапывал спящий мальчик.

Дверь резко распахнулась, вернулся глухонемой. Медный крестик болтался на его волосатой груди, крупные руки с грязными ногтями прижимали

истертую сумку, выдавшую виды. Серые страдальческие глаза его вопросительно смотрели на пассажиров.

Нина быстро достала из кошелька небольшую купюру и подала мужчине. Марина, немного смутившись, взяла со стола пирог и протянула его. Мужчина благодарно закивал бритой головой, уложил пирог в сумку, забрал со стола свои бедные бумажки и вышел.

Марина задремала. А Нина углубилась в чтение Библии.

Такая уж душа у человека – помогать своему ближнему. Если только тот в ответ не бьет дубиной по голове. Добро заложено в нас всех Богом, добро движет человеческие души по пути спасения. Лучше где-то ошибиться, подать милостыню прохожему, чем не подать ее больному, нуждающемуся человеку, не находящему другого выхода из ситуации, пришедшему к крайнему пределу, протягивающему руку за подаянием в безысходной нужде.

А Господь всех рассудит. Он строго спросит с тех, кто пользуясь его именем, творит всякую неправду.

АНГЕЛ НЕБЕСНЫЙ

Ольга с дочерью стояла в очереди за билетом на прогулочный пароход. Очереди в Германии – дело небывалое. Но поскольку солнце расщедрилось, и был выходной день, то от желающих прокатиться по Рейну отбоя не было. Пестрая толпа фланировала по набережной.

Ольга радовалась солнцу и многолюдью, возможности отдохнуть после рабочей недели. Ей было хорошо рядом с дочерью, двенадцатилетней высокой девочкой: от той исходило тепло доверчивой и нежной души. Мать и дочь Катюша проводили выходные вместе, они привыкли читать по глазам желания друг друга и считаться с ними. Жили они в маленьком городке, расположенном недалеко от Дюссельдорфа и частенько выбирались сюда погулять. Сегодня Ольга одела праздничную блузку и широкую юбку, которая подчеркивала ее стройную фигуру, в руках она держала маленькую сумочку, легкие туфельки завершали ее наряд. Ольга разглядывала катившуюся навстречу разномастную толпу, поправляла волосы, но их тут же раздувал шальной июньский ветер.

-Смотри, мама, какая собачка, - обрадовалась дочка подошедшему рыжему песику.

-Славная мордашка, -похвалила собаку Ольга.

Она внимательно взглянула на интересную парочку: экстравагантного мужчину средних лет в белом костюме, соломенной шляпе и маленькую собачку породы ши-чу.

-Можно погладить, она не кусается, – улыбнулся немец.

Улыбка была открытой и доброй, глаза приветливо щурились. Нельзя было не улыбнуться в ответ, и Ольга, сама того не замечая, широко улыбалась, отвечая на простые вопросы мужчины. Они купили билеты, и уже вместе зашли на палубу белого парохода. Песик сразу понял, что ему достанется теперь изрядная доля ласки и, приветливо помахивая хвостиком, пристроился у Катюшиных ног. За столиком обсуждали достоинства собачьих пород. Что-то, а уж в этом вопросе Ольга была докой: в детстве родители держали терьера. Ольга с Катюшей заказали мороженое, а немец пил пиво.

-Давайте познакомимся, меня зовут Лотаром, -представился новый знакомый. Ольга с Катюшей ответили. Русские имена очень понравились Лотару.

Пароход, слегка покачиваясь, шел мимо величественных зданий набережной, потом вдоль зеленых берегов, проплыл под двумя мостами, развернулся и повторил путь в обратном порядке. Катюша с собакой ушла в конец палубы, там она наблюдала, как вода с брызгами и пеной вихрится за пароходом.

Между тем Ольга захотела узнать у Лотара о самом главном в жизненной позиции каждого - о его отношении к Богу. Пароход проплывал мимо высокого шпиля церкви. Ольга кивнула головой в ее сторону:

-Как вы относитесь к вере?

-К какой вере? – не сразу понял немец.

-Ходите ли вы в церковь? – прямо в глаза посмотрела Ольга. Почему-то ответ именно этого человека показался ей совершенно необходимым.

-Ходил, - не очень охотно отозвался тот. –В Рождество обязательно ходили с женой, мы же католики. – Он помрачнел.- Моя жена была католичкой.

-Почему она не с вами сейчас, что-нибудь случилось? –осторожно спросила Ольга.

-Да, она умерла полтора года тому назад. Рак.

Солнце зашло за тучку и сразу все стало серым: серая вода, серое небо и даже глаза Лотара и голубых превратились в серые.

Они помолчали.

-Господь забрал ее себе, ей хорошо на небе, –Ольга слегка коснулась рукой рукава Лотара.- Я хорошо понимаю, что вы чувствуете, у меня муж разбился на машине. Это было уже давно, но душа болит до сих пор.

-Сочувствую вам... Я не думаю, что жена на небе. Она не была религиозной. И правильно: Богу нет дела до нас, у него свои законы, а у нас – свои. Если бы Бог жалел людей, он оставил бы мне мою жену. Я не могу доверять такому Богу и не хожу больше в церковь.

За соседним столиком шумно разговаривали, смеялись, привлекая всеобщее внимание. Ольга сосредоточилась.

- И не надо ходить в церковь, чтобы понимать законы Бога, не надо иметь определенного условного места типа церкви, достаточно дать ему место в своей душе. Ну а о страданиях, которых так много в нашей жизни... Так ведь этим миром правит сатана, это его дела. А Христос сам принял страдания и смерть. Бог никому не обещал легкой жизни, избавления от болезней, непыльной работы или много денег. Бог говорит: верьте мне, и я приму вас к себе. А что касается вашей жены, так на действительно не у Бога, похоже она душой не обратилась к Творцу. – Ольга вздохнула. – Зато у вас есть возможность спасти свою душу, ведь Господь всех людей хочет спасти. Всех. И вас тоже.

-Так почему же я этого не чувствую? У меня идет своя жизнь, Бог не хочет меня знать, а раз так, то и я тоже. - Лотар сердито поджал губы.

-Нет, Бог заботиться о вас. Он зовет вас к себе.

-Я не слышу, - упорствовал Лотар.

-Бог посылает вам людей навстречу. Например, послал меня. Вот я и говорю: Бог любит вас и хочет, чтобы и вы любили его.-Глаза Ольги ясно светились.

Лотар развел руками:

-Какая вера! Вот бы мне такую!

Подошла Катюша, села рядом. Собака сладко зевнула далеко высунув красный язычок. Катюша посмотрела на нового знакомого, потом на мать, и что-то во взглядах и позах обоих очень понравилось ей.

-Оказывается мама твоя ангел, посланный с небес. Она приносит мне вести от Бога.- Обратился к Катюше Лотар.

-Раз мама говорит, значит, так и есть, – улыбнулась дочка. - А вы интересуетесь вестями с неба? В нашем собрании очень хорошо, приходите к нам в воскресенье!

-А мама против не будет? – В глазах Лотара мелькнула веселая искорка.

-Не будет, она хорошая, – заверила девочка.

-Правда, можно придти? – Лотар приподнял брови.

-Конечно, приходите. Не знаю только, захотите ли вы в наш городок приезжать, мы ведь не из Дюссельдорфа. Здесь тоже есть похожее собрание. Я могу адрес дать, - смутилась Ольга.

Лотар решительно затряс головой:

-Нет, нет! Только ваше собрание! В другом со мной ангел говорить не будет. Видимо, правда Бог послал мне вас.

Шумные соседи засобирались, час пролетел незаметно, пора было выходить на берег.

Стоя на асфальте, они оглянулись вокруг себя: толпа по-прежнему была плотной.

-Не хотите ли выпить чашечку кофе с пирогом? Я угощу вас. Ангелы ведь тоже пьют кофе? - спросил Лотар.

Ольге очень хотелось быть рядом с новым знакомым, посмотреть как меняется выражение его глаз, почувствовать его заинтересованность, но природная скромность не позволяла открыто выразить свою радость. Она только кивнула в ответ.

За столиком под открытым небом Лотар расспрашивал Катюшу о школе, о подругах. Ольга могла вернуться к собственным ощущениям.

«А ведь он очень понравился мне, – подумала она. - Как жаль, что он неверующий! Если я приведу его в наше собрание, то мои сестры и братья-христиане подумают, что я что-то имею с этим человеком. Этого нельзя делать! Он мне никто, я не могу бросать тень на свою репутацию, - четко оформилась мысль. - Надо встать и уйти от него. Верующему и неверующему нет необходимости проводить вместе время».

Она совершенно по-другому взглянула на Лотара. «Какой у него шикарный вид, сколько грехов может скрываться за приятной внешностью! Этот белый костюм, этот крикливый пестрый галстук! Как все чуждо мне!» Она исподволь разглядывала его: большой, немного грузный человек с широкой улыбкой добряка и прямым ясным взглядом... И вдруг ей стало жаль его, жаль, что он проводит свою жизнь в пустых занятиях, что он не знает спасительной силы Христа, что не светит ему свет вечной жизни, нет у него мечты увидеть великое божье царство.

«А может быть, я и действительно тот человек, которого Бог послал приобрести эту душу для неба? –Ольга механически отхлебнула глоток черного кофе из чашки.

-А Библию вы, Лотар, изучать будете? – перебила разговор Ольга.

-Только с вами. С вами буду. Да и то сказать, с детства слышу – Библия, Библия, а толком ни разу не читал ее.

-Хорошо, тогда приходите в это воскресенье в наше собрание. – На салфетке она стала рисовать дорогу.

-А нельзя ли меня на вокзале встретить? Я буду стоять на парковке возле белого «мерседеса», - улыбнулся Лотар.

-Ну да, конечно, как я сразу не подумала! - всплеснула руками Ольга.

Пока они обменивались телефонами, Катюша гладила песика по мягкой шерсти.

-Мама, я тоже такую же собачку хочу. Давай купим. Я сама буду за ней ухаживать, всегда вовремя на прогулку выводить.

-Нет, доченька. Это только сначала ты будешь заботливой хозяйкой, а потом мне и кормить, и гулять придется. Собака ведь живая, ей столько внимания надо, а у тебя всегда уроков полно!

Всю дорогу до электрички Катюша канючила собачку. На перроне, уже прощаясь, Лотар крикнул вслед:

-Не забудь меня, ангел мой!

К Рождеству Христову Лотар крестился взрослым крещением. К Новому году отметили помолвку Ольги с Лотаром, в холодный январский день сыграли свадьбу в собрании, а через девять месяцев у счастливой пары родился сын Давид.

СЕСТРЫ

Уютный такой городок, маленький, с булыжными площадями и высокими шпилями старых церквей. Жители его, добропорядочные бюргеры, рано встают и рано ложатся спать, не любят склок и скандалов. Жить в таком городке хорошо по многим причинам, главная из которых – осознание себя, как частицы единого целого. Это чувство дают примелькавшиеся лица людей, стабильность общества и привязанность к родному теперь месту.

Люда перевернула тонкую страницу, снова склонилась над Библией. В квартире тихо, чисто, дети в школе, в кухне на столе стоит готовый обед. Пришла с работы, есть полчаса – можно и почитать, приготовиться к вечернему собранию в церкви. Церковь небольшая, да своя, любимая: здесь душа возвышается в прикосновении к божественному, уходит от будней и суеты мирской, жизнь наполняется особым смыслом. Люда попала в эту церковь сразу же по приезде в Германию вроде бы случайно, но, конечно же, не случайно – Бог привел. Не бегала она по различным конфессиям, держалась одного берега, и Бог вознаграждал спокойной в духовном плане жизнью. А забот всегда хватало: ведь одна с двумя детьми, муж остался на старой Родине допивать недопитую водку и любить недолюбленных женщин. Спасибо, роспись свою поставил на разрешение детей увезти. Это ему недорого стоило: он, навряд ли до сих пор понял, что потерял, от чего отказался в своей непутевой жизни. Даже после свадьбы он не ценил усилий жены уберечь, удержать семью, а когда родились двойняшки, и вовсе завывал: то принеси, это подай, а денег от него Людмила не видывала, о любви да уважении и помышлять не смела. Шатко да валко время шло, считалась Людмила замужней бабой, а утешенье одно было – другие, мол, так же живут, а есть – и еще хуже.

Наступили в политике другие времена, поднялась Людмила родня в Германию ехать. Людмила тоже документы подала, мужа русского вписала – да не судьба, видно. Муж ехать наотрез отказался, Германию потоками грязных слов поливая. Замученная таким замужеством, женщина не сильно и уговаривала – все перегорело в душе. В награду за пережитые страдания жила неугасаемая радость в сердце Людмилы – нашла она дорогу к Богу, и веселые

глаза близняшек освещали материнским счастьем ее путь. Росли мальчишки крепкими, боевыми, мать свою любили любовью верною и безраздельною. Так и зажили ладком в Германии: мать на курсы – дети в детский садик, потом мать на работу – дети в школу, по воскресеньям все вместе на собрание в церковь. А в церкви всегда одно: как зайдешь, вдохнешь воздух, напоенный любовью сестер и братьев во Христе, так и забьется радостно сердце, отступает боль одиночества и накипь обид.

Садилась Людмила обычно на одно и то же место, слева в четвертом ряду, с Галей Грос рядышком. Галя никогда не пропускала собрания, разве только по большой необходимости. Приходили обе сестры заранее, делились пережитым за неделю, советовались как поступить, радовались успехам друг друга, печалились в неудачах, делились кухонными рецептами и хозяйскими секретами. А начнут братья службу – им обеим хорошо рядом сидеть на молитве, вместе в хоре петь хвалу Господу и чувствовать, как обе они дорожат верой, живущей в их душах. Крупные, рослые, они сошли бы за родных сестер, только волосы совсем различны: Людмила светловолосая, Галя же – жгучая брюнетка. Семья Галины, муж и двое детей, хорошо принимали Людмилу, несмотря на то, что муж был неверующим, и это служило причиной споров в семье. Старшая дочь Гросов была уже самостоятельной девушкой, а вот младший парнишка – ровесник близнецов, общие интересы тесно связывали ребят.

В очередное воскресенье Людмила пришла в церковь, как обычно, пораньше и стала поджидать подругу. Она посматривала на входные двери и прикидывала, что могло случиться, почему та не приходит. “Вчера вечером по телефону Галя ни о чем не предупредила меня. Дети здоровы, муж дома, гостей издалека не ожидалось... Может опять приступ, высокое давление? – думала она, глядя на пустующее рядом место. За окном моросил дождик, и на душе было беспокойно. Собрание наполнялось народом, атмосфера добра и взаимопонимания царила вокруг. Один брат во время службы особенно выделил слова из Писания о взаимопомощи между христианами: „Носите бремена друг друга“. После собрания, с этим напутствием в душе, направилась Людмила к своей христианской сестре узнать, не случилось ли чего непредвиденного. Мальчишки ее поторопились домой, ведь с вечера они договорились встретиться с сыном Гробов. „У них своих дел полно, поеду сама“, – решила Людмила и зашагала по улице к автобусной остановке.

Переступая через мелкие лужи, она обдумывала, что приготовить сегодня на ужин. Обед стоял на плите, мальчишки ее самостоятельные, если и придется задержаться – сами поесть возьмут. Она оглянулась вокруг: похоже было, что осень взялась отстаивать свои права: кроны деревьев пестрели разными красками, пожухлые листья падали в сентябрьскую сырость, холодный воздух пытался пробраться за ворот. Прохожие прятали лица за зонтиками, торопились по уютным домам и квартирам, и на остановке почти никого не было. Автобус проехал по длинной мокрой улице, застроенной серыми домами, засаженной молодыми липами. Людмила сошла на остановке с веселым названием „Sonnenschein“. „Выгляни, солнышко, где твои лучи? – улыбнулась она. Но солнышко пряталось за плотным слоем темных туч, и ничего не предвещало бабьего лета. Отсюда, с городской окраины, начинались улицы частных особняков. Ухоженные палисадники с разнообразными сортами деревьев, кипарисовые и ломберовые ограды, гладиолусы и георгины...

Людмила подошла к дому Гросов, поднялась по невысокому крыльцу, нажала на медный звонок. Дверь открыл Виктор:

– Проходи, я ждал тебя, – напряженно улыбнулся. – Знал, что ты обязательно придешь.

Людмила стряхнула воду с зонта на крыльцо, поставила его у порога, чуть прикрыла дверь, прошла в просторную чистую прихожую. В доме не пахло пирогами, хоть Галя любила печь.

– А где же хозяйка? – спросила обеспокоенная женщина.

– Ну вот! Сразу за хозяйку, а я тебе, что ли не человек? – пошутил Виктор и жестом пригласил Людмилу в большую комнату.

Невысокий и невидный из себя, Виктор был замечательным мастером на все руки. Этот огромный дом, он, считай, сам построил своими руками. За каждую работу брался с охотой, все выходило у него споро и качественно, на удивление всем людям. Белобрысый, со светло-голубыми глазами, он был незаметным рядом со своей черноглазой, чернобровой женой, но сейчас, в сумрачном свете осеннего дня, он показался Людмиле значительным, полным загадки, совершенно иным, чем обычно. Чтобы развеять это впечатление, она заговорила нарочито громко:

– Так, где же все-таки Галина, что случилось? И где дети? Почему ты один дома сидишь?

Виктор хмыкнул:

– Ночью Галя с давлением в больницу увез. Полежит несколько дней, отойдет. Старшая дочь у подружки, а младший к твоим пацанам поехал.

Людмила вздохнула.

– Ну ладно, тогда пойду. В больницу сегодня после обеда съезжу. Какая палата? – Она повернулась, чтобы выйти.

– А про меня не спросила? Как я? Может, мне чего-нибудь нужно? – отозвался Виктор тихо.

Людмила кинула на него смущенный взгляд.

– Не нравишься ты мне сегодня, Виктор. Смурной какой-то... Переживаешь, наверное, сильно. Поправится Галя, не первый раз такое с ней.

Людмила остановилась, поправила кофточку, почему-то пробежала по пуговицам застежки. Виктор подошел ближе, потом еще ближе. Осторожно, словно прикоснулся к испуганной птице, взял ее руки в свои...

В доме стояла напряженная тишина, только равномерно тикали часы на стене.

– Ты не бойся признаться, – прошелестел голос мужчины, – признаться, голубка моя ясноокая, что давно уже нравлюсь я тебе. Так ведь? – Людмила резко отдернула руки. Но не тут-то было! Шершавые от работы, мускулистые ладони крепко держали ее.

– Не пара я тебе. Да? Негодящий мужик? – в ожесточении крикнул Виктор. – Тебе красавца подавай! Ну, конечно, с твоими-то глазищами! То и сидишь одна столько лет, все ковыряешься, достойного ждешь... – Голос его стал визгливым. – А где он, достойный твой? Что-то не находится! А жизнь-то идет... Идет! – Он выругался и еще крепче ухватил руки сжавшейся в комок женщины.

– Ну что ты на меня выставилась, не ожидала? А когда я Гале в церковь перестал запрещать бегать, чтоб только ты к нам приходила почаще, это ты оценила? Когда молча возле тебя сидел, виду не подавал, чтоб не спугнуть тебя, это ты понимала? – сбивчиво перечислял он. – Думаешь, я не знал, что когда ты мой дом нахваливаешь, ты обо мне мечтаешь? Мечтаешь, чтобы тебе я такой же дом отгрохал и с тобой жил, а не с Галей!

У Людмилы, казалось, отнялся дар речи, она только протестующе затрясла головой.– И отгрохают, – продолжал горячо Виктор. – Отгрохают! Все брошу тут, ничего не надо, только будь со мной! – Он странно захлюпал носом, светлые глаза его увлажнились, и он повалился в ноги Людмиле...

„Да что же это делается, что же делается?! Какое безобразие! – повторяла Людмила про себя, не чувствуя в себе сил остановить напор чувств, перебороть ситуацию.

Вдруг мысли ее резко изменили направление: „А ведь действительно, я давно желала этого мига, – поняла она, и правда предстала перед ней во всей своей наготе. В оцепенении, боясь пошевелиться, слушала она, как бегут секунды, превращаясь в минуты. „Виновата... Ничего не совершив, виновата уже одними мыслями о нем, – испуганно билось в мозгу.

– Нет! Никогда я не буду с тобой! – решительно оттолкнула она Виктора, обнимающего ей колени. – Как же Галя, как же дети? – Она сжала пальцы до посинения. – Господи, спаси и сохрани от греха, от грешных действий и помыслов!

Виктор встрепенулся.

– Господа своего зовешь? Порушить любовь нашу хочешь? А разве Бог не радуется, если люди счастливы? Или он беды и искушения для людей готовит, а счастье только в служении ему признает? – запальчиво заговорил он, пытаясь обнять Людмилу еще крепче. – Разве Бог это не любовь? У вас же так учат, я все знаю про вашу веру! Бог милостив, он прощает людей и желает добра всем. За что же он будет к нам несправедлив? За то, что мы любим друг друга? – Виктор вопросительно всматривался в глаза дорогой ему женщины, желая всеми силами души склонить ее на свою сторону.

– Нет, нет, – сдавленно ответила Людмила, улавливая его страдания, но не признавая логики. Сердце ее колотилось в груди, и казалось, вырвется из горла криком. – Нельзя строить счастье на несчастьях других.– В спутанном сознании четко всплыли строчки из Писания.– Павел в Послании к евреям сказал: „Брак у всех да будет честен и ложе непорочно, блудников же и прелюбодеев судит Бог“.

Виктор закрыл ей рот рукой.

– Так то же евреям! А мы с тобой не евреи, ведь верно? – Людмила отрицательно качнула головой.– Вот видишь! А я со своей Галей всякие бредни слушал, но у нас с тобой так не будет! Станем свободными! Вырвемся из кабалы, суеты, будней! Как все это надоело! Нет, мы с тобой заживем радостно, свободно! Буду тебя любить, жалеть... Желанная моя...– Он крепко прижал к груди Людмилу.

Запах мужчины, бритый подбородок у ее щеки, крепкие руки в обхват... Голова у Людмилы закружилась, она едва не лишилась чувств.

Из глубины души поднялись две волны: радости и вины, одна накатила на другую и захлестнула ее. С усилием Людмила оттолкнула Виктора, вырвалась из цепких рук и, сломя голову, бросилась к входной двери. Дверь была не закрыта, и за одну секунду женщина оказалась на улице под морозящим дождем. Она соскользнула с крыльца и, не разбирая дороги, помчалась-полетела к автобусной остановке. Только когда поняла, что никто не догоняет ее, она оглянулась: Виктор стоял у ворот дома, бессильно опустив руки, фигура его согнулась и чуть наклонилась вперед. Людмилу пронзила мысль: „Как он состарился с тех пор, когда я впервые увидела его!“ Она отвернулась, чтобы сердце не щемило, и поторопилась вдоль домов по

широкой улице. Прохожих не было, только пышные пестрые цветы на газонах кивали Людмиле мокрыми головками.

На остановке пришлось подождать. Людмила со страхом смотрела на черный асфальт улицы по которой только что пробежала, боясь увидеть на ней знакомую фигуру... Ее все еще мелко трясло, холодные струи дождя стекали по лицу, заползали под одежду. Ноги совершенно промокли. Прошло не меньше четверти часа, пока она поняла, что по лицу катятся не только капли дождя, но и слезы.

„Что же делать, что делать?“ – билось в голове. Поочередно перед мысленным ее взором представляли то Галина, с ее веселыми черными глазами, то любопытные лица близняшек, то строгий взгляд давно умершей матери, то согнутая фигура Виктора на крыльце.

Домой она приехала усталой, разбитой. Быстро приняла душ, выпила ромашкового чаю и легла в постель. Ребята не мешали, занимались в своей комнате. Вечером Людмила собралась в больницу. Взяла сок, фрукты, христианские стихи, выписанные недавно по каталогу, новый зонтик – дождь не кончался, и вышла на улицу в уходящий день. Влажные серые сумерки охладили сердце.

Людмила спокойно вошла в больничную палату. На белой полушке расслабленно лежала Галина, глаза ее были прикрыты, она, казалось, дремала. Почувствовав взгляд, открыла глаза, чуть порозовела от радости. Они сердечно расцеловались.

– Как это тебя угораздило опять заболеть? – шутливо спросила Людмила.

– Да вот по больнице соскучилась, – в тон ей ответила Галя, взяв в ладони тонкие пальцы подруги.

– Ну, рассказывай, как здоровье, – Людмила ласково посмотрела на больную.

– Жалеть будешь? – хмыкнула та.

– Да уж буду, конечно, – улыбнулась подруга.

Они посмотрели в глаза друг другу. К соседке по палате пришел муж, взял стул, тихо придвинул его к кровати супруги.

– Сначала ты расскажи, что сегодня на собрании было, – попросила Галя.

– Будь по-твоему, – наклонила голову гостя.

Разговор побежал-заструился вокруг вопросов веры, потом вокруг ежедневных забот. И было им хорошо вдвоем сидеть вот так рядом и говорить - ненаговориться, словно родным сестрам.

В палату зашел дежурный врач с медсестрой: начался вечерний обход больных. Соседка стала жаловаться на боли, а Людмила засобиралась домой. Перед уходом она склонилась над Галиной.

– Знаешь, дорогая моя, ты только не волнуйся, я вот надумала переехать к дяде, к морю. Ты же помнишь, наверное, что они с женой давно меня звали к себе... – Голос ее дрогнул. – Да и море для здоровья полезно...

– Как переехать? – Черные брови Галины выгнулись дугой. – Ты что городишь? Какая родня? У тебя тут тетка! Какое море? Это ведь северное море, оно холодное, там ветра насквозь продувают, тебе это надо? – Она с недоверием воззрится на поникшую Людмилу. – Ты же сама говорила, что никогда к ним не поедешь, потому что у дядьки характер тяжелый. И собрания такого как у нас там нет!

– Господь усмотрит, куда буду там ходить. Найдется мне место, где служить ему. Ничего, с Божьей помощью справлюсь с переездом. А дяде помогать надо - он болеет.

Между ними повисла глубокая пауза. Людмила хмуро смотрела в окно, где вечер захватывал себе пространство дня, а начавшая желтеть липа роняла крупные листья на подоконник. Галина теребила конец пододеяльника.

– Подожди, не решай сплеча, – наконец заговорила Галя тихо. – Детей в другую школу переводить, новую квартиру получать – это же сплошной стресс... Как ты решаешься нас бросать? Ведь мы с Виктором тебе, как родные! Ребятишки наши настоящие друзья по детству! – Она помолчала. – Зачем тебе разрушать налаженный с таким трудом быт, обрывать связи с друзьями и знакомыми, с сестрами и братьями по вере? – Галя волновалась, на смуглых щеках выступил румянец.

Людмила ничего не отвечала, на лице ее читалась неумолимость, и внимательно всматриваясь в серые серьезные глаза подруги, Галя поняла, что решение принято бесповоротно.

– Вот, значит, как, – протяжно вздохнула она. Значит, уезжаешь... Ну что же, если на то Божье благословление есть...

На глазах Людмилы выступили слезы.

– Господа нельзя просить помочь в плохом деле – грех это. А пути наши Он знает, на верную дорогу всегда помогает выйти. Спасибо тебе, сестра, за доброту и дружбу.

Она отвернулась. Слезы брызнули из ее глаз, покатались по щекам, подбородку, западали на светлую ткань кофточки. Людмила поискала в сумочке платок, вытерла лицо. Галина приподнялась, обняла подругу, и они вместе заплакали.

– Мы с Виктором поможем тебе с переездом, ты не беспокойся, – хлюпала носом Галя. Виктор тебе мебель загрузит и перевезет... Будем в гости приезжать, да ведь это через всю Германию ехать... Может, передумаешь еще? – с надеждой заглянула она в глаза подруги. – Нет, не передумаю, – твердо ответила та. А тебе, дорогая сестренка, волноваться никак нельзя. Ну, зачем я тебе это сегодня сказала! Можно было и подождать с такой новостью.

Галя протестующе взмахнула рукой.

– Что ты! Конечно, мне первой и сразу! Правильно, что сказала! Кто тебя лучше меня поймет?

Людмила отвела глаза в сторону.

– Давай прощаться, тебе отдохнуть надо, думать только о приятном. – Она поцеловала больную, поправила ей подушку под головой.

Сердечность и искренность украсили их расставание. Людмила пошла к двери. В минуту, когда она взялась за железную ручку, ей подумалось: „Вот и все! Мы попрощались навсегда. Спасибо, Господь, что даешь мне разум и силы следовать твоей дорогой. Дай здоровья и счастья Гале, не оставь меня и моих детей в искушениях и испытаниях. Аминь“. Она вышла из палаты и закрыла за собой дверь.

БЫВАЕТ

Собака хрипло лаяла, металась под ногами, коровы истошно мычали. Мать пряталась за любимую Чернуху, стоявшую в глубине коровника, пригибала

голову за тяжелым коровьим боком. Отчим дурным голосом выкрикивал привычные ругательства и размахивал выломанной из забора доской. У Ирмантаса сердце подскочило к горлу, заклокотало в испуге, он тихонько попятился к проему дверей, чтобы быть ближе к матери в роковую минуту.

-Я тебя из-под земли достану, убью гадину, - ворвался отчим в коровник. Из теплой темноты влажно всхлипнуло.

-Ах, вот ты где, сволочь! - отчим размахивается доской с ржавыми гвоздями и с силой опускает ее бедной корове на хребет! Брызжет кровь... Обезумевшая от боли корова мычит и бьет ногами навозный пол, истошные крики матери нестерпимо рвут барабанные перепонки. Ирмантас, разбросав руки в стороны, бросается к матери, но не успевает прижаться к родному подолу... Отчим отдирает зацепившуюся за коровий костяк доску, и окровавленную, поднимает над головой и, вытаращив глаза, со всего маху бьет мальчишку по голове. Страшный удар потрясает все существо ребенка.

Ирмантас просыпается в холодном поту. Ну, ведь не было же! Не было... Увернулся же... И зачем этот страшный сон повторяется от разу к разу! Ирмантас встает - все равно теперь не уснуть - закуривает сигарету. Руки немного дрожат, но мысли уже принимают другое направление.

Дощатая постель жестко упирается в ребра, с раскладушки рядом раздается равномерный храп напарника. Холодный воздух кажется густым от запахов травы и грязи. Так... А что было вчера? Ага, работа. Работа - это хорошо! Ничего нет лучше работы! Только она дает деньги, а без денег, ясно, никуда. Ирмантас не ворует, он никогда воровать не будет. И думки опять по кругу. Это отчим тащит все, что плохо лежит, откуда угодно. Если не удастся ничего украсть, то просто приходит к соседям и отнимает у них мутную бормотуху, после чего сосед вытирает кровь из носа, поскольку драться он не умеет, чего ж тогда и лезть?

Вот тут на неметчине отчиму бы раздолье: сколько добра в магазинах без должного присмотра! Контроля порядочного нет. Видеокамеры обмануть, как два пальца... Народ, вообще доверчивый, вроде ручных голубей на голубятне. Но Ирмантасу мараться нельзя: его отец, его настоящий отец был строителем, а не вором, и сын не предаст этой памяти, даже если придется сдохнуть от голода. А ему горевать не приходится, вон какие руки крепкие, всегда горячие, без работы кровь в них застаивается, они млеют до плеч. Вчера с напарником кучу досок да кирпичей перебросали для хозяйской теплицы, и на душе хорошо стало, вроде важное что-то сделали. Заодно и слова новые немецкие выучил: "Schnel", "noch mal", "genug" - быстро, еще раз, довольно.

Ирмантас размышлял о своем житье здесь в Германии, но ему мешал храп украинца. Он приподнялся и легко хлопнул Романа по открытому плечу. Тот перевернулся на другой бок, натянул одеяло и задышал ровно, спокойно, золотые веснушки его, разбросанные по всему лицу, казалось, светились в темноте раннего утра.

И как Ирмантасу в Литве на дискотеке повезло с приезжим-то! А ведь чуть не разодрались поначалу! Дома давно уже тошно было, и вот случайная встреча как судьбу повернула! Узнал этот адресок и в дорогу, ведь он легкий на подъем. Мать жалко! Сколько раз говорил ей: гони ты отчима в шею, здоровье на него только гробишь, а она все - нет, жалко, пропадет совсем один. А разве уж отчим не пропал? Уехать Ирмантасу надо было обязательно, не ровен час, грохнет эту пьянь, заступаясь за мать, и сидеть ему тогда в тюрьме.

Ирмантас поднялся, прошлепал к столу, набрал из крана холодной воды, не спеша, выпил. Под ногами валялись пустые бутылки из-под вина и водки,

сколько их! Штук двести будет... Ирмантас пнул ближайшую, и она мягко покатила по земляному полу.

Завалюшка, в которой жили приезжие нелегалы, стояла в углу большого сада с экзотическими деревьями и кустами. Хозяин привозил черенки из отпусков со всех концов света, выписывал семена из специальных журналов по садоводству. Он вкладывал силы и душу в этот участок, превратив кусок земли в почти райский сад. Сам старался и работникам спуска не давал. Завалюшку, в которой жить можно было только в сезон, обещал снести в ближайшее время, чтобы не портила вида. Ему было жаль ветхого строения, так как на плоской крыше любили сидеть павлины. Павлины - особенное украшение сада! Как выйдут навстречу Ирмантасу, распушат яркие хвосты - он глаз отвести не может от такой красоты. У них в деревне павлинов не было. Только вот кричат эти паразиты громко! Страшно по ночам, когда внезапно за окном раздаются их гортанные звуки. Особенно поначалу Ирмантаса бросало в дрожь от резких криков павлинов. Их восемь в саду, самцы горделивые, а самочки скромные, почти ручные. Вот и сейчас в маленькое грязное окошко видно, как, покачиваясь на ветке, под дождем мокнет здоровая птица.

Ирмантас не задумывался, что с ним случится, если хозяин снесет их временное жилье, где тогда будут жить они с Романом, как смогут устроиться. Будь, что будет, нечего себе заранее голову ломать! Подвернется что-нибудь. Случайность правит миром! С Романом хорошо: деньги на водку делят пополам, по-честному, да и еду готовить он умеет - все что-то скворчит на сковородке. Роман крепкий, рыжеволосый, бывалый тридцатилетний мужик из западной Украины. Он почти десять лет на нелегаловке в Германии. Язык знает, всегда в курсе, где можно подработать, кто из хозяев не сдаст властям, а попользуется дешевой рабочей силой. Постоянное пьянство не мешает ему выполнять задания, пить - пей, а работу знай! Так что такой напарник, думал Ирмантас, можно сказать, ему Богом послан. Про Бога парень вспоминал иногда, ведь мать учила его молиться в раннем детстве, складывала ему ладошки и шептала с горячим придыханием: "Отче наш..."

-Буылки все пустые, да и продуктов почти не осталось! - про себя проговорил парень. Он небрежно сбросил раскрытые пластиковые упаковки с грязной клеенки на пол. - Сегодня моя очередь ехать в магазин покупать продукты.

Небольшой городок лежал вблизи - на велосипеде минут двадцать езды. Русский магазин снабжал работников всем необходимым, в нем продавались и продукты и промтовары. Ирмантас мечтательно улыбнулся. Лучше всего в магазине - кассирша Людочка. Когда он впервые увидел ее, у него даже дыхание перехватило. Такая миленькая, брови вразлет, глазки карие, как вишенки, самой на прикидку лет двадцать - ровесница, наверное. Ирмантас никогда ничего не говорил Людочке, только долго выбирал продукты, прислушивался к разговорам людей у кассы. Голосок у Людочки звонкий, чистый, хорошо слышно, как она спрашивает о жизни и здоровье постоянных покупателей, сердечно приглашает в свою церковь. Ирмантасу не нужны приглашения в церковь. А вот прогуляться с такой видной кралей он бы пошел! Да где ему, нелегалыщику, у него под ногтями грязь, а на ногах растоптанные ботинки, соревноваться с местными ребятами! У этой Людочки, верно, парень из церкви есть! А вдруг да и заговорит она с ним, Ирмантасом, сегодня? Ведь он видел, как заинтересованно она всегда смотрит на него своими вишенками, пока считает деньги. Надо бы для храбрости стаканчик водки хряпнуть перед поездкой, тогда можно и самому начать. Так запросто, мол, прекрасная погода! Не хотите ли посмотреть природу, птичек-павлинов да эквалиптов

натуральных! Конечно, в сторону завалюшки вести он ее не станет, а так по дорожкам, где из окон виллы хозяину не видно, станут прохаживаться. Там среди кустов ее понемножку и попрिжать! И чтобы солнце светило непременно и вместе радовалось, а не противный дождик, как он надоел!

Вечером после работы, наскоро перекусив вчерашними макаронами, помывшись и переодевшись, Ирмантас поспешил в русский магазин.

-Привет передавай кареглазенькой, - ехидно крикнул Роман вслед.

Ирмантас крутил педали так, что ветер свистел в ушах. Поставил велосипед у входа - и на кассу. А там сидит незнакомая пожилая женщина с жирным подбородком. Народу мало, никто не обратил на него внимания. Ирмантас растерялся, постоял немного, да и вышел. Свежий ветер обдувал небольшие лужицы на асфальте, апрельское закатное солнышко проглядывало из-за туч.

-Да что это я? Пойду, спрошу, куда делась Людочка, в нос за спрос не дадут, - поразмыслил парень.

Он подошел к кассе, вежливо задал вопрос:

-А где ваша старая кассирша?

Тетка так и ухнула со смеху:

-Это какая-токая старая? Это я старая, а Людочка у нас молоденькая совсем. Тебе ведь ее надо?

Ирмантасу показалось, что он покраснел с головы до пяток.

-Вон она, за полками, ценники на товар обновляет, - тетка указала вглубь магазина. - Люда! Тебя тут какой-то кавалер спрашивает.

Людочка выглянула из-за стеллажей, взглянула Ирмантасу прямо в глаза.

Парень стусевался, ноги как будто прилипли к полу.

-Идите сюда! - раздался знакомый голосок.

Ирмантас прошел мимо полок, заполненных продуктами, остановился рядом с девушкой. Они долго, изучающе, смотрели друг на друга. Наконец, Людочка улыбнулась и продолжила наклеивать ценники на товары.

-У меня работа, вы же понимаете, что это такое, сами работаете, - доверительно и просто сказала она.

-Да, да, конечно, я не буду мешать, - Ирмантас зашептал.

-Нет, я не к тому. Поговорим чуточку, - она замолчала, как будто что-то обдумывая. - Приходите в воскресенье в десять в нашу церковь. У нас хорошо: все друг друга знают, а главное, знают Божью милость. Придете? Наша церковь расположена сразу за евангелической церковью, там увидите объявление.

-Приду, - кивнул Ирмантас.

-Только не пейте водки перед этим. Вы всегда приходите к нам в магазин выпивши, вот и сегодня...- она, недоговорив, с укором посмотрела на него.

-Простите, сегодня я для храбрости. А всегда? - Он помолчал. - Так ведь скучно, - покачал головой. - А вам? Тоже всегда скучно?

-Со мной Господь, мне хорошо, - карие глаза смотрели в самую душу. - Ну, до свидания. Продуктов не забудьте купить, - усмехнулась Людочка.

-Ага, не забуду, - огорчился расставанию Ирмантас.

Он быстро купил все необходимое и еще раз подошел к девушке. Теперь уже с совершенно другим чувством, как к знакомой, ведь предстояла встреча с ней.

-А откуда ты родом, Людочка? - Ирмантас назвал ее так, как привык называть в мечтах.

-Я из Казахстана. У нас хорошая деревня была, большая. Сейчас многие оттуда уехали. Переехали жить в Германию. Запустение в деревне такое... А ты откуда? Выговор у тебя интересный.

"На "ты" говорит, признала", - отметил Ирмантас.

-Я из Литвы, поселковый. Школу даже не закончил, работать пришлось пойти. Я на газике да на тракторе. Механизатором вообще.

-Хорошая профессия для мужчины, - улыбнулась Людочка.- До встречи. В воскресенье жду.

-Приду обязательно!

Ирмантас вышел из магазина, нет, вылетел на крыльях! И так летел прямо до дома. По глубокому синему небу плыли редкие облака, сплетаясь в легкие удивительные рисунки.

Роман лежал на постели в рабочих сапогах. Увидев Ирмантаса, обрадовался:

-Принес бутылки?

-Тебя только это интересует? Совсем мы одичали тут в стороне от людей! - Ирмантас с досадой бросил сумку на стол.

В глазах Романа заиграли лукавые искорки, он присвистнул:

-Ну, все... Приехали... Заматереешь теперь в Германии, станешь местным. Смотри только, как твоя зазноба тебя в постель потащит, без штампа не ложись! Тебе зацепку надо тут, а кассирша твоя и есть наилучшая зацепка. Пару лет с ней прокантуешься, сливки слижешь, а там ты - вольная птица, не чета нам, простым нелегалам! Летай тогда куда захочешь, все права на руках, все бумажки в порядке. Молодец, парень, не теряешься! Молодой, да ранний!

Ирмантасу вдруг стало противно все: грязная постель, разбросанные по убогому жилищу скомканные вещи, бутылки на полу, но гаже всего показался напарник с его сальными глазками, давно не мытыми рыжими космами и пересыпанной матами речью. Парень вышел на воздух, прошелся по знакомым тропинкам сада.

Весна давно вступила в свои права: светло-зеленые листочки пробовали на вкус лучики солнца, подрезанный кустарник олицетворял порядок, высокие стволы деревьев тянулись к синему небу, вилла в вечернем свете догорающего дня казалась белым кораблем. В саду пели птицы, и душа Ирмантаса пела. Он чувствовал, как что-то живое, трепетное появилось у него под ребрами и стучало вместе с сердцем. "Людочка" шептали губы, а дальше ничего, только белый туман мечты.

В церкви оказалось много народу. Ирмантас и представить себе не мог, что в их маленьком городке живет столько верующих русаков. В просторном зале впереди стояла трибуна, весь зал заставлен рядами стульев. На стене он прочел надпись "Бог есть любовь". Вот, оказывается, что такое любовь! Это Бог! А Ирмантас думал, что любовь - это Людочка. Как может быть далекий Бог на ее месте? Но поразмышлять не пришлось - к нему подошли две женщины и высокий пожилой мужчина. Они поприветствовали Ирмантаса так, как будто давно ждали его, стали спрашивать о семье, жизни и работе. Ирмантасу совсем не хотелось рассказывать о своем незавидном житье, но и молчать он тоже не мог. Он путался и краснел, искал глазами Людочку. Наконец, он увидел ее среди подруг и облегченно вздохнул:

-Я вот к ней, - указал он на девушку и направился ей навстречу.

Глаза Людочки засветились, она протянула руку, тепло пожала его крепкую ладонь.

-Как хорошо, что ты действительно пришел! Видишь, у стойки с книгами разговаривают мои родители? - Ирмантас посмотрел на приятную пару. - А там, у окна, стоят мои брат с сестрой.

- "Еще в школе учатся", - подумал Ирмантас. - Скоро начнется проповедь, тебе нужно сидеть с мужчинами, - Людочка кивнула направо, - а я буду с женщинами, вот здесь, - повела рукой налево.

Ирмантас разочарованно протянул:

-Это зачем еще? Я здесь не знаю никого, давай сидеть вместе!

-Ты сам поймешь, так лучше! Ты не будешь отвлекаться, сможешь внимательно слушать, что говорят братья. Мы все тут братья и сестры, все духовно близкие люди, все равны.

Ирмантасу все это показалось странным, но он сел на указанное место, подумав: "В чужой монастырь со своим указом не суйся!"

Ирмантас стал наблюдать за людьми: все приветливо улыбались, жали руки, некоторые обнимались как родные. Детей много, так и кишат под ногами у взрослых, но не капризничают, не кричат.

Все собрание затихло. Запели песню. Ирмантас тоже открыл лежащий перед ним песенник и запел негромко, не вникая в смысл слов, но пытаясь правильно вести мелодию. Сосед поощрительно улыбнулся ему. К трибуне вышел уже знакомый Ирмантасу высокий мужчина и стал говорить. Парень смотрел через головы людей на дорожную головку. Людочка внимательно слушала проповедника.

Постепенно Ирмантас успокоился. До него дошли слова:

-Пророк Амос говорит: "Пойдут ли двое вместе, не сговорившись между собою?" Первое, что необходимо для двоих, желающих ходить вместе, это согласие.

"Ага, это уж точно! - отметил Ирмантас. - сговоримся мы по-хорошему. Будем ходить с Людочкой всегда и везде вместе, и только в согласии"

Проповедник продолжал:

-Человек, не примирившийся с Богом, не может иметь с ним общения. А примирение с Богом возможно только через веру в сына его Иисуса Христа, ибо "угодно было Отцу, чтобы посредством его примирить с собою все, умиротворив через него кровью креста его земное и небесное", говорит Павел в письме к колоссянам.

"Да, запутанно как-то. Но Людочка уж точно примирилась с Богом, это ее убеждения. Да ведь и я ничего против Бога не имею! Только очень уж он далеко где-то, но вот для этих людей и для Людочки - он близко, у них земное и небесное рядом. Но странно мужик этот говорит все за кровь: причем тут кровь сына? Сами такие милые, улыбаются, а вот кровь им обязательно нужна зачем-то. Кровожадные что ли? Неужели вся эта приветливость напускная, а на самом деле крови хотят, смерти сына им надо, радуются, что другой за них на мучение пошел, хоть они сами заслужили. - Ирмантас стал внимательно слушать дальше. - Оказывается грешники они ужасные, а я думал, что они меня лучше, что это я грешник, работаю по-черному, водку пью. А они, вишь, какие грешники, а с виду порядочные люди!"

Ирмантас опять посмотрел на милую головку среди разноцветных платков.

"Да разве Людочка грешница? Нет, нет, душа у нее чистая, она не знает порока. Ага, значит, возможно, и у других тут душа чистая. Так в чем же фишка? "

Проповедник говорил, а Ирмантас силился понять смысл услышанного:

-Господу было угодно поразить его, и он предал его мучению, когда же душа его принесет жертву... он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою его... Он праведник, раб мой, оправдает многих и грехи их на себе понесет".

"Какие старинные слова! Что-то о потомстве... Будут у нас с Людочкой дети, будет потомство долговечное. А вот как наши дети посмотрят на мою сегодняшнюю жизнь? Оправдают ли они меня, поймут ли - у меня не было счастливого детства. Какое воспитание я получил? Что я мог? А теперь разве я могу не пить с Романом, он хочет со мной пить, а ведь это он привез меня в Германию. Я ему обязан тем, что вытащил меня из выгребной ямы. Куда вытащил? Из одной ямы я в другую попал. Кто меня из этой ямы вытащит? Бог так далеко, народу всякого на земле полно, забот у него куча. Разве ему есть дело до меня? До моей жизни, до моих проблем?"

Проповедник между тем говорил, что грехи прощаются и новое существо нарождается.

"Значит, этим людям, что собрались сегодня в этот зал, грехи прощены, вот они и радуются. Да, это действительно радость, отдать свои грехи, не чувствовать себя изгоем, а быть любимым. Если Бог полюбит меня, то и Людочка полюбит, ведь она всем сердцем любит Бога".

Мужчина за кафедрой протянул руку к залу и воскликнул:

-Как хочется сказать душе, живущей пока еще сиротой: "Не пройди мимо, двери и для тебя открыты!"

Сердце Ирмантаса вздрогнуло "И для меня, и для меня двери открыты! Я зайду в мир любви и веры, не буду больше проводить свои дни только в тяжелой работе, пьянке и грязных разговорах. Раз двери спасения открыты, войду в них и буду жить так радостно, как эти люди. Они оставили свои грехи, и я оставляю. - У Ирмантаса все существо трепетало. - Я сирота, рос без отца. Тут говорят, что Бог - отец, он ждет меня. Он пожалеет, как пожалел других. У них спокойные лица, их не мучат кошмары ночами, и меня небесный отец освободит от страхов и ненависти к отчиму. Тогда я смогу жить с Людочкой, не буду пугать ее своим ночным бредом. Я не буду больше пить водку, Бог возьмет все! - Он обрадовался. - Христос, возьми все мое плохое, ничего из прежнего мне не надо, найди для меня место у себя, там покой и чистота! Я хочу быть твоим сыном!"

Ирмантас открыл глаза: в собрании было тихо, люди во все глаза смотрели на него. Оказывается, это он вслух говорил! Большой, сильный парень боролся со слезами. Он не стыдился, что позвал Христа, ему было неловко, что помешал проповеднику, привлек к себе всеобщее внимание.

-Ну вот, еще одна душа покаялась. Мы стали богаче еще одним братом! - с улыбкой сказал мужчина за трибуной.

Все заулыбались, а Людочка слегка помахала ему рукой. - Брат, зайди после собрания в комнату внизу. Я буду тебя там ждать, мы сможем побеседовать. Я никуда не спешу, надеюсь, ты тоже.

Ирмантас кивнул. Теперь он не мог сказать ни слова. Сосед молча пожал ему руку.

После собрания Ирмантас с Людочкой спустились вниз, в небольшую комнату для бесед. Ирмантасу было так легко и хорошо с проповедником, да еще рядом он чувствовал тепло Людочки! Он рассказывал о матери, об отчине, о том, чего не знал никто, даже Роман. Потом вместе читали отрывки из Библии, говорили о случаях спасения людей из опасных ситуаций. Давно пора было обедать, но Ирмантасу странно было думать, что он снова должен вернуться в завалюшку, увидеть напарника и провести с ним вечер. Они с Людочкой перекусили в кафе и гуляли по улицам города.

С этого дня Ирмантас с Людочкой стали встречаться по вечерам. Парень вывез и сдал все пустые бутылки, к спиртному не притрагивался, купил себе новую одежду. Роман ругал его всякими словами, даже лез в драку, но Ирмантас оставался спокойным. Он стал спокойным и по ночам, кошмары оставили его.

Искать слова для молитвы было для Ирмантаса не сложно, его простая душа находила выход в слове. Он так горячо благодарил Христа, так много приводил примеров, где и в чем он видит руку Божью, что однажды Людочка привела его в свой домашний библейский кружок. Ирмантас не стусевался, он чувствовал сильную поддержку, ведь так много хорошего уже пережил с Богом, что начал открыто говорить о своей любви к нему. Чистая, новая вера сильна! Ирмантас читал до поздней ночи книги, которые приносила ему Людочка из библиотеки собрания и из дома. Она понимала его с полуслова, помогала расти в вере. Они много говорили о Спасителе и о своей будущей жизни. Людочку не пугало его прошлое, она видела перед собой верующую душу и полностью доверяла Богу. Ведь если он послал ей навстречу Ирмантаса, он дал ей в сердце любовь к нему, то значит, это навсегда.

10.06.12

ВЕСНОЙ

Жара стояла уже три дня, по-летнему палило солнце, хотелось только к озеру-смотреть на зеленые блики от воды, на уток у ее кромки, на облака, неподвижно стоящие в высоком небе. А вместо этого - работа, ребенку - учеба, напряженный ритм трудового дня.

Валентина к работе привыкла, ведь выросла в небольшом уральском поселке. Она с детства знала, что такое ежедневный, домашний труд, а когда окончила десятилетку, пошла работать на завод. Хлеб Валентине никогда легко не доставался. В Германию приехали, тоже отдыхать не довелось: на курсы немецкого языка не пошла - дома говорили на швабском диалекте, подумав, она записалась на курсы медсестер. Три года пролетели незаметно, сдала экзамен и стала работать в доме старости - за старыми людьми ухаживать. Работа, конечно, нелегкая, но особенно выбирать не приходилось, многие приезжие женщины выбирали этот путь. От трудностей спрятаться за широкую спину мужа не могла: сама себе хозяйка, супруга след простыл после рождения сына. Место работы Валентине досталось там же, где она проходила практику: сильно понравилась начальству худенькая, разворотливая, скромная женщина - все у нее в порядке, да еще время находила старого человека успокоить, слово о Божьем спасении сказать. В коллективе ее любили, и дома хорошо: сын, Мишка, хоть и шустрым рос, зато учился прилежно и рос послушным. Так и жили они вдвоем: работа да школа, по вечерам - телевизор или компьютер, а по выходным к родне ходили. Жизнь устоялась, текла в своих берегах, отражая в водах все, что могло отразиться.

Этой весной Валентина чувствовала какое-то нарастающее беспокойство. Вроде причин для волнения не было, а что-то сердце тревожит, не спится ночами. Вечером помолятся с сыном, спать лягут, но сон не идет, хоть с утра на работу надо свежей и здоровой появляться, не с тусклыми глазами и тяжелыми веками от бессонницы. Валентина старалась уснуть, но думки так и кружились: "Правильно ли я живу? Годы летят, сынок подрастает, молодость давно ушла,

красота осыпалась, как цвет весенний... Когда же Господь пошлет человека навстречу, чтобы мой был, чтобы сыну отец, а мне заступа? Вместе будем Христу служить, на собрания ходить..." Так полночи промечтает о желанном, не встреченном, а утром голова от подушки не отрывается, весь день от недосыпа болит.

Солнце жарит, как сумасшедшее, уже неделю: только апрель, но деревья зазеленели, газоны цветами покрылись, яблони в белом цвету как невесты стоят, сакура в богатом розовом наряде красуется. Когда еще такая ранняя весна была - не вспомнить! В родном Валюшином поселке в апреле только почки набухают.

А понедельник утром Валентина встретила напарницу Урсулу в раздевалке, лицо ее страдальчески морщилось.

-Что с тобой? - участливо спросила Валентина.

-Зуб болит, вот проклятье! - пожаловалась та. - Таблетки обезболивающие пью, после смены ко врачу побегу.

-Как же ты смену продержишься?

-Сама не представляю! - ответила Урсула и прижала руку к щеке, на глазах ее появились слезы.

Вдвоем вышли в широкий коридор.

Чередой пошли приветствия, умывания и одевания старых немощных людей: работа привычная, хлопотная и по-своему интересная. Валентине здоровья, слава Богу, хватает, все у нее спорится, терпения ей не занимать, для каждого пациента доброе слово и улыбка находится. Лежачих они вдвоем с Урсулой приподнимали и мыли, но таких в отделении немного, обычно люди сами по мере сил помогали.

После четырех часов работы медсестры обычно поочередно уходили отдыхать на полчаса. Урсула запила таблетку водой, обратилась к Валентине:

- Я на паузу. Ты за Беккером присмотри особенно, он сегодня что-то совсем слабый.

-Не переживай, - кивнула Валентина. - Как же ты сегодня без завтрака?

-Какая тут еда? Аппетита вовсе нет!

Валентина сочувственно покачала головой.

Урсула ушла, а Валентина на минутку присела у окна, чтобы было видно улицу внизу - отделение располагалось на втором этаже. Недалеко от входа в дом престарелых находилась автобусная остановка. Люди в ожидании переминались с ноги на ногу, курили, разговаривали. Мимо остановки проносились машины разных марок и расцветок, на газонах пышно цвели тюльпаны. Японская вишня широко раскинула ветки, покрытые нежным розовым цветом.

"Да, посмотрю-ка, что там с Беккером.", - подумала Валентина. Быстро поднялась, бросила последний взгляд через окно и поторопилась к пациенту.

Грузный старик с крупными чертами лица и все понимающим взглядом пытался встать, усиленно отталкиваясь от края кровати. Обычно это ему удавалось, но сегодня усилия ни к чему не приводили. Большой живот его колыхался, грудь часто вздымалась, лицо побагровело.

-Сейчас помогу, - подбежала Валентина.

Вообще-то, они с Урсулой поднимали стокилограммового Беккера при необходимости вдвоем, но сейчас Валентине некогда было подумать, что может произойти, навалился старик на нее всем своим грузным телом. Конечно, надо было позвать коллегу из соседнего отделения, и уж обязательно с осторожностью подойти к человеку. А ей - скорее помочь!.. Вот и случилось!

Маленькая, проворная, она только и успела, что подбежать к Беккеру, как он же сразу ухватился за нее, приподнялся к кровати, не удержал равновесия и мощно ухнул на бедную медсестричку. Упасть ему она не дала, удержала, но острая боль в пояснице пронзила ее насквозь. Беккер откинулся на спину, округлив глаза, залопотал:

-Нечаянно получилось, простите старика. Надеюсь, с вами все в порядке? Принесите мне утку, похоже, сегодня я не могу дойти до туалета.

-Да уж конечно! Зачем же пытались сами встать? - кусая губы от боли, спросила Валентина. Она еще подала утку, потом унесла ее, успокоила старика и дошла до комнаты медицинского персонала. Коллеги вызвали ей скорую помощь. По дороге в больницу сестричка не стонала, только крепко сжимала пальцы.

Высокий худой врач покачал головой, разглядывая рентгеновский снимок:

-Выбит позвонок. Тяжелой работой заниматься нельзя. Назначим противовоспалительную блокаду уколами. Принимайте таблетки. Нагрузки исключить полностью. Если поднимете тяжелое – то сядете в инвалидное кресло.

Дома на Валентину навалилась тишина.

Как прожила бы она это трудное время без веры, Валентина не знает. Но Господь помогал всегда, помог и на этот раз. Валентина стала много читать. С утра отправит сына в школу и сядет за Библию. Разбирает главы неспешно, к ним обязательно комментарии из библейской энциклопедии найдет, а то кассеты из собрания поставит. Делает что-то по дому, песни поет, которые еще в Казахстане верующие пели. Сына встретит из школы, вместе пообедают, и она идет на прогулку. Всю округу обходила, даже палки специальные купила и костюм спортивный, ходит часа по два ежедневно, не расслабляется, не дает себе под бедой прогнуться. Иногда Урсула к ней в гости заходит, рассказывает последние новости с работы, жалеет, что Валентина домохозяйкой стала.

-Что делать, где найти такую работу, чтобы тяжелого не поднимать? - обращается к подруге Валентина. - Продавцом в супермаркете тоже не просто, надо ведь товары по полкам раскладывать. Уборщицей по домам - тоже ведра и пылесосы по этажам таскать придется. А в бюро не возьмут меня, не хватает знаний компьютера.

-Ну, так иди на курсы компьютерные, выучишь новые программы, сможешь в какую-нибудь фирму устроиться, - советует Урсула. - Ставь планку повыше, не ошибешься!

Размеренность будней успокаивала. Валентина поправилась, глаза ее ясно блестели, разговор стал неспешным.

Однажды в очереди к врачу в комнате ожидания Валентина обратила внимание на высокого мужчину с гипсовой повязкой на руке. Он потянулся за иллюстрированным журналом, взял его здоровой рукой, пристроил на коленях, но цветная мелованная бумага заскользила по штанине и сползла на пол. Валентина сидела рядом. Она быстро наклонилась и, подняв журнал, подала его мужчине. Глаза их встретились, и что-то встrepенулось в душах.

-Спасибо, - улыбнулся незнакомец широкой доброй улыбкой. - Вот совсем калекой стал - руку правую сломал, а левой тяжело управляться, - начал он разговор.

-Нужно чтобы кто-нибудь помогал, как же в такой ситуации одному? - удивилась Валентина.

-Конечно, нужно, один-то совсем замотался, - опять улыбнулся мужчина. Светлый серый пиджак его, рубашка в крапинку, подстриженные прямые волосы производили приятное впечатление ухоженности.

"Местный немец, - отметила про себя Валентина. - Во мне видит русачку, он знает, что наши люди всегда на выручку приходят".

-А у вас что болит? - поинтересовался немец.

-Спину лечу, - не стала вдаваться в подробности Валентина.

Они помолчали. Из приемной вызвали к врачу сидящую напротив старушку. Та тяжело поднялась и поковыляла в кабинет.

-Вот и меня сейчас вызовут, и не увидимся больше, - с некоторым недоумением проговорил немец. - А кто же мне поможет по хозяйству? Я ведь ни белье в стиральную машину положить не могу, ни бутерброда намазать. Третий день с рукой маюсь!

Сердце Валентины часто застучало, но она подавила в себе возглас, едва не сорвавшийся с уст: "Как я рада, что вы сломали себе руку!". Она даже несколько насупилась и строго спросила:

-А кто же раньше помогал, пока рука целая была? Или тогда сами по хозяйству управлялись?

Немец с напряженным интересом посмотрел на Валентину.

-Ну почему же сам? Домработница была из Польши, сейчас на родину погостить поехала, а тут у меня как раз и приключилось! Вы поможете мне? - расценив молчание Валентины по-своему, он серьезно добавил, - Я хорошо заплачу.

Валентина улыбнулась и кивнула.

-Сколько смогу, конечно! Я ведь сама больная сейчас. Время есть, а сил нет, с работы пришлось уйти.

-Ничего, поправитесь, Бог все видит, он поможет, - немец протянул визитную карточку.

"Ральф" - прочитала Валентина. "Имя у него красивое и подходит к нему, - скользнула мысль. - И создал же Господь такую улыбку! Наверное, чтобы людям на свете легче жилось!"

Она вложила визитку в кошелек, глубоко вздохнула. "А что он упомянул о Боге? Может, верующий? Нет, это было бы уж слишком хорошо!"

Предчувствие радостных перемен окрасило ее лицо легким румянцем.

Сидящая справа белокурая немка понимающе посмотрела на нее и улыбнулась

Ральфа вызвали к врачу.

Дома у Валентины все горело в руках. Она сбегала в магазин, нажарила котлет, потушила овощи, встретила сына из школы, и только когда помыла посуду после обеда, набрала заветный номер телефона.

Ральф откликнулся сразу, как будто сидел около аппарата.

-Как Вас зовут? Я так боялся, что Вы не позвоните! Я ведь не взял Вашего номера телефона! - Взволнованно заговорил новый знакомый. - Так можно и потеряться!

-Нет, теперь уж не потеряемся! - уверенно засмеялась Валентина. Они поговорили несколько минут, и Валентина стала собираться в дорогу.

"Господь услышал мои молитвы, - думала женщина, - дал мне посильную работу, - и, совсем осторожно, - а может, не только работу..."

Дом Ральфа стоял в ряду кирпичных частных домов на тихой улице недалеко от центра их небольшого старого городка. Небольшая клумба перед входом пестрела анютиными глазками, высокая вишня была осыпана белым цветом.

"Весна, все цветет, - и я как совсем молодая", - подумала Валентина и решительно нажала на кнопку звонка.

Вот оно и сбылось! Радостное приятие друг друга со всем непростым прошлым и неясным будущим! А и было всего-то - посмотрели в глаза друг другу!

Валентина прошла в комнату - брошенные на кресло вещи, разложенные газеты - беспорядок был наносным, временным. Вазы в шкафу, со вкусом подобранные шторы на окнах, картины на стенах - все говорило об основательности и порядке.

"Уютный дом, порядочный, как сам хозяин", - решила Валентина и взялась за работу.

-Сначала - поесть, - попросил Ральф.

"Ну, ясно же, что не обедал! - Валентина заглянула в холодильник. - Пусто! Как хорошо, что захватила котлетки с овощами! Так и знала, что у него ничего приготовленного нет!"

Валентина достала из дозы пахнущие чесноком зажаренные котлеты, разогрела, накрыла на стол. Ральф наблюдал за приготовлениями все с тем же напряженным вниманием, с которым он смотрел на нее в комнате ожидания у врача. Одобрение и вопрос стояли в его светлых серых глазах. Валентина пригласила его к столу.

-Очень вкусно! - попробовал угощение Ральф. Неловко тыча вилкой в котлету, он принялся с аппетитом есть.

Валентина убрала в доме. На полках, на плинтусах и лампе не было следов пыли - заметно, что недавно в доме убирали. В книжном шкафу на полке стояла Библия канонического перевода, рядом теснились книги христианской тематики: энциклопедия религии, комментарии Макдонольда, Вильям Буш и другие, не читанные Валентиной авторы.

"Эта встреча произошла по Божьей воле, не случайно, " - подумала она. Валентина открыла первую попавшуюся страницу в Библии и перевела на русский: "Знаем, что любящим Бога, призванным по его изволению, все содействует ко благу". Женщина глубоко вздохнула: "Значит, Господь считает эту встречу благом" - она привыкла со всем советоваться с Богом через молитву и Библию.

Ральф отложил книгу, подошел сзади, заглянул через плечо. "Я тоже всегда с удовольствием перечитываю псалмы. А вы Валентина, веруете?"

И полилась тихая беседа о Боге, и о дорогах, которыми ведет Господь людей друг к другу. В мире много зла, подстерегают беды, болезни, но верующих в него не оставляет Господь одних, дает поддержку и силы, устраивает чудесно их дни, учит беречь хорошее, дает надежду на радостное будущее в его царствии небесном. Там встретятся все, кто нашел веру в этой непростой жизни на земле, кто душой узнал Бога и уже не изменил ему до конца. И если два чистых сердца откликнулись на его зов, Господь не оставит их.

Время все расставило по своим местам. Зажила рука у Ральфа, перестала болеть спина у Валентины, сын Миша окончил школу, пошел учиться на механика. Все трое понимают друг друга, поддерживают, сопереживают, вместе ходят на собрания, как и водится в христианских семьях. И хоть свадьбу не справляли, обошлись регистрацией и скромным вечером, но чувства двух

молодых еще людей не иссякают. Их свел Господь на дороге жизни, в это оба твердо верят и этим дорожат.